

Л.В. Строева

ГОСУДАРСТВО ИСМАИЛИТОВ В ИРАНЕ В XI-XIII вв.

М. 1978.

Людмила Владимировна Строева

ГОСУДАРСТВО ИСМАИЛИТОВ В ИРАНЕ В XI—XIII вв.

Редактор *Л. М. Козлова*, Младший редактор *Л. А. Добродеева* Художник *Л. Г. Кобрин*
Художественный редактор *И. Р. Бескин* Технический редактор *В. П. Стуковнина* Корректоры
Г. П. Каткова и В. М. Кочеткова

ИБ № 13391

Сдано в набор 19/VIII 1977 г. Подписано к печати 27/II 1978 г. А-02427 Формат 60X90¹/₁₆.

Бумага № 1 Печ. л. 17.25

Уч.-изд. л. 19.23. Тираж 2400. Изд. № 4201

Зак. № 586 Цена 1 р. 90 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»

Москва К-45, ул. Жданова. 12/1

3-я типография издательства «Наука»

Москва Б-143. Открытое шоссе, 28

Г л а в а 1 ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ИРАНЕ в XI—XII вв.

В первой половине XI в. на Ближнем Востоке появились турки-сельджуки. Они завоевали огромную территорию, охватывавшую Среднюю Азию, Иран, Ирак, Закавказье, Сирию и Малую Азию. Под власть кочевников попали государства с древней оседлой земледельческой культурой и густонаселенными городами — центрами ремесла и торговли. Общества Ближнего Востока в этот период уже достигли уровня развитого **Феодализма**. Сельджукское завоевание не только не приостановило процесса **развития** феодальных отношений, но даже способствовало его ускорению. История завоевания сельджуками Ирана и общественные отношения, установившиеся в государстве «Великих Сельджуков», с достаточной полнотой изучены и освещены в отечественной [47; 48] и зарубежной [223] литературе. Это дает возможность кратко изложить те процессы, которые породили исмаилитское движение.

В 1038 г., еще до окончательного военного разгрома Махмуда Газневи, знать Нишапура без боя сдала город сельджукам, рассчитывая сохранить жизнь людей и имущество. Тогрул-бек сразу же определил основную линию будущей сельджукской внутренней политики. Это была ставка на союз с феодальной земельной аристократией, «особенно той ее частью, которая была связана с городской жизнью, имела недвижимое имущество в городах, принимала активное участие в караванной и базарной торговле и занимала важные чиновничьи посты в государстве Газневидов» [78, с. 110], а также с ортодоксальным мусульманским духовенством и дервишескими шейхами. Подобная политика кочевников при завоевании **ими** территорий с **оседлым** земледельческим населением объясняется целым рядом причин. Желание приобрести союзников в рядах местной знати, потребность в опытных управляющих, стремление закрепить в сознании народа «незыблемость» своей власти при поддержке мусульманского духовенства и дервишеских шейхов, возможность участия в выгодных операциях крупного купечества — все это обусловило политику Сельджуков в Иране. Для перечисленных выше социальных групп Ирана союз с Сельджу-

3

ками был также выгоден. Поэтому господствующий класс сельджукского государства не являлся монолитным; он состоял из нескольких групп феодалов. Ведущую роль в нем играла тюркская кочевая знать. К этой группе относились члены дома Сельджука, военачальники, эмиры, приближенные и т. д. Тюркская знать занимала командные посты в армии, важные должности при дворе. Политическая и экономическая мощь этой группы феодалов основывалась на условном владении землей, т. е. на держании икта.

Другой группой господствующего класса сельджукского государства была персидская бюрократия. Самым ярким представителем этой знати являлся знаменитый Низам ал-Мульк (1017—1092), занимавший должность вазира при Алп-Арслане и Мелик-шахе свыше 30 лет.

Деятельность Низам ал-Мулька была всесторонне изучена многими исследователями. Он был не только вазиром, т. е. главою административно-хозяйственного управления сельджукского государства, но также «теоретиком» и проводником определенной политики. Низам ал-Мульк настойчиво стремился к созданию централизованной феодальной монархии, всячески препятствовал переходу икта в наследственное владение, поскольку это ослабляло централизаторские стремления власти, настоятельно требовал содержания многочисленной боеспособной армии, опираясь на которую можно было вести завоевательную политику и подавлять сепаратистские мятежи феодалов и народные движения. Низам ал-Мульк беспощадно боролся с исмаилитами (78, с. 112—113). Свои идеи он изложил в знаменитом «Сийассат-наме».

К господствующему классу сельджукского общества относилось также мусульманское суннитское духовенство и наиболее популярные шейхи. Известно, что Чагры-бек и Тогрул-бек имели дружественные связи с дервишеским шейхом ортодоксального шафиитского толка Лбу Сайидом Мейхенейским [48, с. 206]. При Мелик-шахе и его преемниках высшее мусульманское духовенство играло важную роль в жизни

государства, а также столицы. В его руках находились вакфные земли, и сидящие на них крестьяне подвергались не меньшей эксплуатации, чем на землях тюркских феодалов. В руках мусульманского духовенства находился суд, основанный на Коране и шариате.

К господствующему классу сельджукского общества относилась еще одна группа — старинная, часто доисламская, иранская земельная аристократия. Порой ее представители являлись потомками небольших местных династий, не были близки ко двору сельджукских султанов и не играли какой-либо политической роли в государстве. Большой частью они пребывали в своих владениях, обычно расположенных на периферии сельджукского государства. Не сумев или не захотев приспособить-

4

ся к завоевателям — Сельджукам (а также Газневидам), они относились враждебно к неродовитым тюркам.

В состав господствующего класса входили или тесно примыкали к нему представители крупнейшего купечества, которые активно участвовали в торговле с другими странами, занимались оптовой торговлей в городах и являлись кредиторами тюркских феодалов и персидской бюрократии, а подчас и самих сельджукских султанов.

Политические и экономические интересы этих групп господствующего класса были различны.

Основная политическая борьба шла между сторонниками политики централизации, проводимой сельджукскими султанами, персидской бюрократией, высшим мусульманским духовенством, с одной стороны, и тюркскими кочевыми феодалами, стремившимися к децентрализации, — с другой. Однако представители всех групп господствующего класса жаждали обогащения. Противоречивость их интересов, тайная и явная вражда, постоянное соперничество ослабляли сельджукское государство на рубеже XI—XII вв. Для лучшего понимания положения отдельных групп феодалов необходимо рассмотреть экономическую основу их могущества, т. е. различные формы феодального землевладения.

Категории феодального землевладений

Из всех форм феодального землевладения (земли государственные, мульковые, вакфные и др.) наибольшее распространение при Сельджуках получило условное земельное пожалование — икта (от араб, *ката* — «отрезать, отнимать»). Исследованию икта посвящена обширная литература. О ней писали советские ученые А. Ю. Якубовский [213; 212; 208], Б. Н. Заходер [125], В. А. Гордлевский [119], А. А. Али-заде [79; 82], А. М. Беленицкий [102], И. П. Пструшевский [155; 148; 143] и зарубежные исследователи К. Х. Беккер [216], Кл. Казн [221], А. К. С. Лэмбтон [259, 260], Ф. Локкегард [269], Р. Леви [263]. А. Поляк [283]. Рассмотрение эволюции икта, а также анализ и критика всех точек зрения, высказанных по вопросу икта всеми исследователями, не входят в нашу задачу. Нас интересует икта, ее распространение и то значение, которое она приобрела в конце XI в., т. е. в период, непосредственно предшествовавший выступлению исмаилитов.

В конце XI в. получение икта обязывало ее владельца нести поенную службу государству. Государство, со своей стороны, передавало иктадару право на взыскание налогов с крестьян, следовательно, на их эксплуатацию, а также на управление землями. Распространение икта было обусловлено двумя причинами. Во-первых, владение икта являлось наиболее удобной

5

формой, дававшей сельджукскому феодалу возможность без затрат собственной энергии и труда, без изменения кочевого образа жизни быстрее использовать результаты завоевания оседлого населения (78, с. 112). Во-вторых, военной политикой Сельджуков. Если в начале завоеваний сельджукского войско оставалось главным образом родоплеменным ополчением, то с переходом к завоеваниям огромного масштаба оно уже не могло отвечать новым требованиям. Новые задачи породили необходимость создания регулярного войска, хорошо вооруженного и дисциплинированного. Военная реформа, начатая Тогрул-беком, была закончена при Мелик-шахе. Войско состояло теперь из следующих четырех подразделений: 1. Личное войско султана — ядро военной организации — наиболее надежная опора трона; 2. Муфриды — дворцовые гвардейцы — личная охрана султана; 3. Отряды вассалов, членов сельджукской династии и родоплеменное ополчение — вспомогательное войско; 4. Наемное войско (у Мелик-шаха

служило 7 тыс. армянских воинов) [120, с. 132]. Отныне каждый воин, занесенный в реестры военного дивана, получал икта, т. е. материальное обеспечение. Этой мерой государство в значительной мере снимало с себя заботы по содержанию войска, снабжению его оружием, продовольствием и т. д. При Мелик-шахе раздача икта воинам получила массовый характер. По словам Равенди, султан роздал икта всем воинам, занесенным в реестры военного дивана, которых насчитывалось 46 тыс. человек [60, с. 261]. Однако «основная часть доходов (сельджукского государства.— Л. С.) тратилась на содержание регулярной армии и военные походы» [260, с. 254].

Помимо раздачи икта воинам, занесенным в эти реестры, пожалование икта тюркской знати широко практиковалось и в индивидуальном порядке. Даулот-шах сообщает, что в один и тот же день султан роздал дипломы на владение икта 75 чело-векам [19, с. 133; см. 143, с. 262]. А сколько могло быть дней, в течение которых появилось 75 новых феодалов-тюрок, за время двадцатилетнего правления Мелик-шаха?

Тюрки хорошо понимали выгоды и ценили доходы, которые приносило владение икта. Они старались получить их от Мелик-шаха любым способом, не останавливаясь перед прямыми угрозами, изменой и шантажом. Так, вскоре после вступления Мелик-шаха на престол его дядя Кавурд поднял мятеж. Произошла битва. Воины Мелик-шаха одержали победу и захватили богатые трофеи. Они подняли шум и стали кричать: «Мы одержали такую победу, разбили войска, хотим увеличения куска хлеба! Если икта, кусок хлеба и джамаги¹ увеличены не будут, то „Да здравствует Кавурд!“» [60, с. 127]. Эта была угроза открытой измены и перехода в лагерь врага. Не только

¹ Джамаги — содержание на одежду, расходы по одеянию [127, с. 133].

6

простые воины, но и их предводители, а также тюркская феодальная знать жаждали получения икта.

Сельджукские султаны давали икта также и представителям персидской бюрократии, работавшим в государственном и финансовом аппарате и не связанным с несением военной службы. Так, Низам ал-Мульк получил от Мелик-шаха многочисленные икта, и в их числе в своем родном городе Тусе [24, т. X, с. 54]. Несмотря на то что Низам ал-Мульк был принципиальным противником раздачи икта, пользуясь своим высоким положением, он дал икта каждому из своих 12 сыновей.

По своим размерам икта бывали различны: они могли включать одну-две деревни или целые провинции. Икта раздавались по всей территории государства. Источники упоминают о распространении икта в Фарсе и Кермане, в Сирии [60, с. 129— 130], Дейлеме, Кухистане и Табаристане [55, с. 93], в Хорезме. Она проникла даже в самые отдаленные районы. Так, окрестности Аламута находились в икта Юрюн-Таша, одного из эмиров Мелик-шаха [61, с. 108]. Существенным изменением икта в рассматриваемое время явилось превращение ее из временного владения в наследственное [143, с. 261; 78, с. 112].

Таким образом, раздача икта получила необычайно широкий, можно сказать, массовый характер и стала наиболее распространенной формой землевладения при Сельджуках. Это имело исключительно важные последствия. Увеличивалась численность класса феодалов в целом, в основном за счет представителей тюркской кочевой знати. Устанавливалось господство знати тюркских кочевников-завоевателей над оседлым иранским земледельческим населением. Создавались условия, которые способствовали политике децентрализации тюркских кочевых феодалов, ведущей к ослаблению центральной власти. Передача права на сбор налогов с крестьян приводила к сокращению доходов государственной казны сельджукского государства. Для крестьян это означало, что уже не государственный чиновник, ограниченный установленным порядком и обычаями, а слуга феодала взимал с крестьян налоги и вынуждал к выполнению повинностей. Это открывало путь помимо злоупотреблений и насилий и к установлению феодальной зависимости крестьянина от иктадара.

Распространение икта привело к сокращению фонда государственных земель и падению доходов сельджукского государства, лишавшегося значительной части хараджных поступлений. Указать конкретно, какие земли в Иране и других областях оставались собственностью сельджукского государства, затруднительно (этот вопрос совершенно не изучен). Об их существовании свидетельствует то, что расходы на содержание огромного двора, армии и государственного аппарата шли из хараджных поступлений (раздача икта воинам и чиновникам значительно сократила эти расходы, но не ликвидировала пол-

ностью). Мелик-шах ежегодно тратил на войско из казны 600 тыс. динаров [120, с. 138]. Колоссальные суммы поглощало содержание двора, особенно после перенесения столицы в Исфахан.

Еще одной категорией земель, которая претерпела существенные изменения при Сельджуках, были мульковые. С юридической точки зрения это недвижимая собственность, свободно передаваемая по наследству и отчуждаемая, не связанная со службой государству [143, с. 251]. В XI—XII вв. встречались вновь приобретенные и наследственные мульки. Примером покупателя мулька является знатный и богатый перс раис Музаффар, занимавший должность мустауфи у Мелик-шаха (позднее союзник исмаилитов). Ему пришлось бежать из Исфахана и в Кумисе, Мазендеране, Ираке и Хорасане он купил орудия и землю [асбаб ва амлак] и там [в Дамгане] поселился [61, с. 117]. В источниках сообщения о покупке или продаже земли не часты.

Гораздо важнее те изменения, которые в XI—XII вв. претерпели наследственные мульки. Мульки бывали большие и малые. Под термином «мульк» Низам ал-Мульк упоминает как мульк Алп-Тегина, у которого «в Хорасане и Мавераннахре было имение [мульк] с пятью сотнями деревень» [55, с. 101], так и мульк — «кусочек наследственной земли», обеспечивавший ее владельцу лишь скудное пропитание.

Низам ал-Мульк приводит очень яркий пример того, как крупные феодалы захватывали мульки мелких собственников, пользуясь своей безнаказанностью и их беззащитностью. Некий эмир, правитель Иранского Азербайджана, один из богатейших людей государства, возымел желание построить в окрестностях города, где он пребывал, дворец и сад. А в том месте оказался у одной старухи кусок земли, столь малый, что доходы с него после уплаты хараджа государству и доли издольщику, который его обрабатывал, обеспечивали ей лишь четыре хлеба ежедневно; эмир предложил ей этот кусок земли ему продать. Старуха отказалась: «Не продам, он мне самой нужнее, у меня во всем свете только и есть что эта земля. Она — мое пропитание, никто не продает свое пропитание». Предложение об обмене участка на другой старуха также отклонила, говоря: «Земля — мое достояние, я обладаю ею по наследству от отца и матери; и питьевая вода рядом, и соседи подходящие, относятся ко мне с уважением. На той же земле, что ты мне предлагаешь, всего этого не будет. Убери руки от моей земли». Эмир не послушал старухи, захватил землю несправедливостью, силой, устроил на ней стену сада. Старуха очутилась в тяжком положении, впала в нужду; теперь она соглашалась, чтобы он заплатил за землю или обменял [участок], но эмир на ее просьбы даже не обратил внимания» (55, с. 30—31).

Совсем другое содержание приобретает термин «мульк»,

если подойти к нему с точки зрения социального положения его обладателя.

Как установил И. П. Петрушевский, мульк — это мелкая крестьянская собственность или земля сельской общины, а также феодальное имение, обладатель которого не обязан нести службу государству и может свободно продавать и завещать свою землю вместе с находящимися на пей крестьянскими хозяйствами [143, с. 252].

Вытеснение мулькадаров с их земли имело место, например, в Фарсе уже при Аббасидах. А. Е. Бертельс обнаружил у Ибн ал-Балхи очень характерное описание этого процесса. «Владельцы мульков [тогда] ушли со [своих] мульков, большей частью от насилия и той [тяжкой] судьбы, которая их постигла. И с тех времен появилась икта, так что владельцы мульков оставили (свои земли), и если бы не это (т. е. уход владельцев мульков.—Л. Б.), то теперь все [земли], как и раньше, были бы мульк» [26, с. 171, 172; см. 107, 117]. В этой провинции в начале X в. большая часть земель была мульками. Только при Буидах эти земли перешли в земли икта [143, с. 252]. Нет сомнения, что не только в Фарсе, но и в других провинциях Ирана происходило то же самое. Тщетно крупные мулькадары, часто возводившие свой род еще ко времени Сасанидов, пытались сохранить свои мульки, апеллируя к новой власти, просили «милости», доказывали свое «право» и т. д. Однако весь процесс феодализации был направлен против них.

Общая тенденция развития феодального землевладения в XI—XII вв. была направлена на сокращение удельного веса мульков, поглощение их государством (т. е. превращение в государственные земли) и феодалами (т. е. превращение в икта).

Как уже говорилось выше, под термином «мульк» подразумевается как земля феодалов, находящаяся в их безусловной собственности, так и земля свободных

крестьян, владеющих обычно небольшими наделами.

В источниках свободные крестьяне, генеалогия которых уходила в домусульманские времена, обозначаются в XI в. терминами «кешаварз», «кадхуда», «дехкан» [127, с. 127].

О том, как вел хозяйство на своей земле такой крестьянин-собственник, рассказывается в «Кабус-наме». Автор его, рассказывая сыну о жизни и деятельности крестьянина, говорит следующее: «Если ты будешь дихканом, то будь знающим время дихканской работы. Что бы ты ни задумал посеять, не пропускай положенное на это время. Если посеешь на десять дней раньше времени, то это лучше, чем посеять на два дня после срока. Держи наготове орудия сева и упряжку волов. Волон покупай хороших, и [пусть] они имеют хорошее сено. И нужно, чтобы у тебя в стаде всегда была запасная хорошая упряжка волов, чтобы не сорвалась у тебя работа и не прошел срок твоего посева, если у вола приключится какой-нибудь недуг.

9

Когда настанет время жатвы и посева, ты неустанно перепахивай землю но посева будущего года заботься в этом году. Сей всегда на такой земле, которая себя саму одевает, тогда она и тебя оденет. А такая земля, которая себя не одевает, не оденет и тебя. Действуй так, чтобы всегда заниматься устройством хозяйства, тогда от дехканства получишь прибыль» [138, с. 193].

Это поучение, бесспорно, исходит из уст человека, хорошо знающего крестьянское хозяйство и крестьянский труд. Оно даст возможность сделать ряд выводов, в частности о том, что работал на этой земле сам крестьянин, не прибегавший к посторонней помощи и не сдававший свою землю в аренду. Для обработки участка ему нужна была лишь одна пара волов. Запасная упряжка волов нужна не для работы, а на случай внезапной болезни рабочего вола.

Известно, что единицей измерения земельного участка являлся джуфт, т. е. та площадь, которую может обработать одна упряжка волов (около 0,5 га). Следовательно, у данного крестьянина участок небольшой. Для успешного ведения хозяйства на таком участке необходим его неустанный труд и знание сельскохозяйственного производства. Тогда от дехканства можно получить «прибыль».

«К XI в. таких мелких наделов свободного крестьянства становилось все меньше и меньше, — отмечает Б. Н. Заходер. — Тем не менее в отдельных районах мы еще в XI в. наблюдаем наличие собственности на землю у некоторой части свободного крестьянского населения» [125, с. 76].

Таким образом, «крестьянские мульки, так же как земли свободных сельских общин, самым процессом развития феодального общества обречены были на исчезновение» [143, с. 278]. Кроме того, мельковые земли, принадлежавшие иранским феодалам, в результате развития того же процесса или поглощались сельджукским государством и затем могли переходить в категорию икта, или же, насильно захваченные тюркскими феодалами, также становились их икта. Сохранить свои мульки удавалось немногим.

Под категорией земель сельских общин И. П. Петрушевский подразумевает «земли тех сельских общин, которые сохранили право собственности на свои земли и сами не подвергались феодальной эксплуатации со стороны государства или отдельных землевладельцев» [143, с. 276]. Земли свободных крестьян-общинников были преобладающими во время первых правителей Сасанидской династии.

Рассматривая категории земельной собственности IX—XI вв., Б. Н. Заходер упоминает «земли, принадлежащие крестьянской общине, как-то: пастбища, земли под кладбищами и т. д.» [125, с. 76], однако своих источников он не сообщает. Эти земли были непригодны для сельского хозяйства и налогами не обла-

10

гались. Память о свободе и обладании землей прочно жила в сознании крестьян Ирана. Она звучала в лозунгах народных восстаний и творчестве поэтов. Еще В. В. Бартольд отметил восстание IX в. в Табаристане и Дейлеме, руководимое Хасаном ибн Зейдом Алидом, направленное против попытки Тахиридов захватить общинные земли и обложить их податью [88, с. 156].

В источниках имеются не конкретные сведения о наличии общинных земель, а лишь косвенные данные, свидетельствующие об остатках дофеодальных отношений в тех

районах, где успешно вели пропаганду, а затем обосновались многие исмаилиты. Развитие феодальных отношений вело к тому, что, во-первых, общинные земли отнимались и переходили в собственность государства и феодалов (с X в. в качестве икта) и, во-вторых, свободная крестьянская община (если она сохранялась) превращалась в феодально-зависимую.

Еще одну категорию феодального землевладения составляли вакфы. Вакфами именовалось движимое и недвижимое имущество (обработанные земли, мельницы, каналы, а в городах — ремесленные мастерские, лавки, караван-сарай), завещанное государем или другими лицами в пользу религиозных учреждений — мечетей, медресе, дервишеских обителей, гробниц святых и государей, госпиталей, странноприимных домов и др. Вакфное имущество не могло быть продано, заложено, подарено или передано частному лицу. Юридически не собственниками, а лишь распорядителями этого имущества являлись их попечители (казни, мусульманское духовенство или дервишеские шейхи) [143, с. 247—248]. Практически же при наследовании духовных должностей распоряжение вакфом превращалось в наследственное владение.

И. П. Петрушевский считает, что «вакф следует рассматривать как условную форму феодальной земельной собственности». Доходы с вакфного имущества шли не столько на религиозные и благотворительные цели, сколько их распорядителям [143, с. 248].

Сельджуки-сунниты не покушались на имущество вакфов, существовавших до завоевания ими Ирана. В источниках XI—XII вв. в качестве учредителей новых вакфов встречаются имена Низам ал-Мулька [48, с. 234], кравчего султана Санджара и одного из его слуг [77, т. IV, с. 510]. Вакфом были земельное владение, одна деревня и две библиотеки (24, т. XI, с. 179; 77, т. IV, с. 510).

Таким образом, в XI—XII вв. вакф как форма феодального землевладения имел место. Однако его удельный вес был еще незначительным. Каких-либо существенных изменений в сторону увеличения или уменьшения вакфа, по-видимому, не было.

Положение крестьян

Известно, что основными антагонистическими классами феодального общества являлись феодалы и крестьяне. Так и в Иране XI—XII вв. господствующему классу, различные группировки которого рассмотрены выше, противостояло многомиллионное крестьянство. Общий процесс развития феодальных отношений был направлен, во-первых, к тому, чтобы лишить крестьян основного источника их существования — земли (сокращение общинных земель и мелких мульков), во-вторых, на усиление эксплуатации крестьян Ирана. Развиваясь неуклонно в X—XI вв., этот процесс сделал особенно резкий скачок на протяжении жизни одного поколения, в 70—90-х годах XI в.

В первое время после завоевания сохранялись традиционные налоги — харадж и джизийя. Ибн ал-Асир, восхваляя султана Алп-Арслана, говорит: «Он довольствовался от подданных основным хараджем, который взимался облегченно для них, два раза в год» [24, т. X, с. 51]. Однако такое облегчение сохранялось недолго. Положение крестьян коренным образом изменилось, когда сельджукские султаны, начиная с Мелик-шаха, стали широко практиковать раздачу икта. Она очень быстро превратилась в наследственное владение, что принесло неисчислимые бедствия иранскому крестьянству.

Известно, что раздача икта разным группам господствующего класса означала полную или частичную передачу иктадарам права взимания с крестьян тех налогов, которые последние должны были платить государству. А это привело к тому, что не государственный чиновник, сборщик государственных налогов, ограниченный обычаем и традицией, а уполномоченный феодала совершенно бесконтрольно и произвольно взимал налоги с крестьян в пользу феодала. В отношении феодала и крестьянина государство не вмешивалось. Зависимость крестьянина от феодала все больше возрастала.

Была ли у крестьянина возможность уйти? Имел ли он на это право? Было ли иранское крестьянство на рубеже XI—XII вв. прикреплено к земле?

Советские медиевисты (В. В. Бартольд, А. 10. Якубовский, В. А. Гордлевский, Б. Н. Заходер, А. М. Беленицкий, А. А. Али-Заде, И. П. Петрушевский, Л. И. Надирадзе)

высказывали противоречивые мнения по этому вопросу. В своем капитальном труде, посвященном земледелию в Иране XIII—XIV вв., И. П. Петрушевский критически пересмотрел разные точки зрения этих ученых и пришел к выводу, что «в мусульманских государствах Передней и Средней Азии до XIII в. крепостное состояние (крестьян.—Л. С.) юридически не признавалось. Податное сословие (араб, ра'ийат, мн. ч. раайа) — горожане и крестьяне формально признавались людьми лично свободными»

12

[143. с. 321—327]. Мы принимаем точку зрения И. П. Петрушевского.

Однако, несмотря на юридически свободное положение, безземельному крестьянину практически уходить было некуда. «При отсутствии крупного барщинного собственного хозяйства феодалов, в условиях оазисного орошаемого земледелия, с мелкими, часто карликовыми земельными участками, при относительном малоземелье и в то же время при густом населении страны в деревне не было недостатка в рабочих руках и в издольщиках» (143, с. 327).

Безземельному крестьянину приходилось крепко держаться за обрабатываемый им клочок земли и выполнять все обязательства, налагаемые на него государством и феодалом.

Вопрос о налогах, которые должны были платить крестьяне в сельджукском государстве в конце XI в., изучен далеко не полностью. А. Лембтон налоги при Сельджуках разделяет на канонические (т. е. предусмотренные мусульманским правом или обычные) и неканонические (т. е. экстраординарные). К обычным налогам отнесены: харадж (земельный налог), марай (налог с пастбищ, точнее, со скота) и джизийя (налог с немусульман) [260, с. 249]. Крестьяне, сидевшие на государственных землях, платили харадж. А. Лембтон отмечает три его формы: мисаха (в заранее определенном количестве продуктов), мука-сама (в доле урожая) и мукатаа (в фиксированном количестве натуре и денег). Первые два вида хараджа выявлены еще А. Ю. Якубовским [208, с. 41]. Однако центральной фигурой в сельском хозяйстве продолжал оставаться издольщик, арендовавший землю иктадаров, распорядителей вакфов, а также крупных мульткадаров. Доля крестьянина-издольщика колебалась от 7г до 77 урожая.

Если уже упоминавшаяся нами бедная старуха, которую следует рассматривать как мелкого мульткадара, после отдачи государевой части (хараджа) и доли издольщика имела лишь четыре хлеба в день, то сколько мог получать издольщик? Его доля была еще меньше. К экстраординарным налогам, падавшим на крестьян, относятся различные надбавки на существовавшие налоги, а также суммы, взимаемые на содержание должностных лиц, и т. д. В тех случаях, когда налог подлежал выплате в денежной форме, крестьянину приходилось платить разницу между официальной стоимостью динара и находившимися в обращении неполноценными, испорченными монетами. Тяжкими для крестьян были злоупотребления сборщиков налогов и взимание налогов авансом, до сбора урожая.

Налоги и поборы, взимаемые с крестьян, повинности, которые они должны были выполнять как в отношении иктадара, так и государства, были многочисленными, и их количество все больше возрастало. Так, крестьяне, сидевшие на государственных землях и землях иктадаров, должны были поставлять фу-

13

раж и продовольствие во все места, куда ехал султан [55, с. 91]. При постоянных усобицах, а также широко практиковавшихся охотах передвижение султана и его свиты происходило постоянно и по всей территории государства. Следовательно, поставки фуража и продовольствия государству можно считать постоянной обязанностью крестьян.

Не менее тяжелой для крестьян была необходимость участвовать в царской охоте. Как пишет Равенди, Мелик-шах в каждом месте охоты приказал построить минареты из копыт газелей и онагров [60, с. 132]. Он охотился в Иране (в Хузестане, Хорасане, Исфахане), Мавераннахре, в Сирии, т. е. по всей территории своего государства. Тяжкой для крестьян была строительная повинность, которая на долгий срок отрывала его от своего хозяйства. А сельджукские султаны, персидская и тюркская знать строили много. «Квартирные повинности, подводные военные поставки — все это было вконец обременительно и разоряло крестьян» (119, с. 951).

Общей для всех крестьян повинностью был хашар. Под этим термином Б. Н. Заходер подразумевает как принудительно набираемое в завоеванной стране крестьянское ополчение, так и крестьянское население, занятое обработкой государственной или помещичьей барщины, например при благоустройстве парка, постройках

дворцов, расчистке дорог и т. д. [127, с. 127—128].

Кроме того, в XI—XII вв. появился целый ряд новых, специфических феодальных повинностей и податей. «Обязательные подношения крестьян по случаю рождения сына, свадьбы, разные сборы, связанные с выполнением владельцем икта своих вассальных обязанностей, например поборы на подковы лошадей, которые производились, когда владелец икта должен был принять участие в походе» [165, с. 155]. Упомянем еще личную повинность крестьянина по доставке корреспонденции чиновников [127, с. 127]. Вероятно, различных налогов и податей было еще больше, но они еще мало изучены.

Самым тяжелым для крестьянских масс помимо произвола в области налогового обложения было отношение к ним со стороны иктадаров и их уполномоченных. Оскорбления и издевательства и даже убийства, насилия над женщинами, грабеж имущества были обычными явлениями.

Тщетно пытался Низам ал-Мульк оградить крестьян от насилий и злоупотреблений со стороны феодалов. «Мукта (иктадар. — *Л. С*), у которых икта, пусть знают, что по отношению к народу им не приказано ничего, кроме как собирать добрым образом законную подать, что им препоручена; когда они это собрали, пусть будут у народа безопасны тело, имущество, жены и дети, пусть будут безопасны их вещи и владения, пусть не будет у мукта к ним никакого пути» [55, с. 28].

14

Икта проникала всюду, во все провинции государства, центральные и окраинные, оазисные и высокогорные. Мы уже упоминали о быстром росте численности класса феодалов за счет тюркской кочевой знати. Иранский крестьянин-издольщик всюду сталкивался с иноплеменником-феодалом, и нигде не мог найти защиты от его притеснений. В народе зрели недовольство, возмущение, протест.

Помимо издольщиков, являвшихся самой многочисленной группой крестьян, имела еще одна группа крестьян, живших главным образом в горных районах, в Дейлеме, Табаристане, Кухистане, Систане и обрабатывавших мульковые земли, принадлежавшие феодалам иранского, часто доисламского, происхождения. В источниках нет сведений о наличии в этих районах в XI—XII вв. общинных земель, годных для сельского хозяйства. Однако в них содержится ряд фактов, свидетельствующих о сохранении пережитков, характерных для общинно-родового строя и доисламских традиций. Крестьяне этих районов, например, имели оружие и отлично им владели. Автор «Худуд ал-алем» сообщает о воинственности жителей Дейлема, Гургана, Дамгана, Кумиса, Пиррима [74, л. 296—30а]. Репутация отличных воинов издавна установилась за дейлемитами; их использовали в своих войсках Сасаниды и Аббасиды; они составляли основные силы Буидов. Дейлемиты являлись постоянным контингентом среди гулямов Мелик-шаха [55, с. 94—95].

Хотя крупные мулькадары и в этих районах являлись феодалами, эксплуатация ими крестьян носила завуалированный, более патриархальный характер. Мулькадары жили одной жизнью с крестьянами, были близки им по языку, верованиям и обычаям. Появление в этих районах новых икта, принадлежавших тюркским феодалам, резко изменяло и ухудшало положение крестьян.

Вольнолюбивые вооруженные горцы, хранившие в памяти воспоминания о своей свободе и сопротивлении феодалам, готовы были откликнуться на любой призыв к борьбе.

Города Ирана

При всей индивидуальной неповторимости каждого средневекового города Ирана и Средней Азии ² у них были характер-

² Города Ближнего Востока периода развитого феодализма изучены далеко не одинаково. Те из них, которые оказались на территории СССР, являлись объектом изучения, часто и археологических раскопок: см. В. А. Жуковский [123], А. Ю. Якубовский [206], [210] и [211], С. П. Толстое [198] и [199], О. А. Сухарева (197), С. Б. Ашурбейлн [84]. Подробную библиографию см. [84]. Города, находящиеся на территории Ирана и застроенные в более поздние времена, всестороннему изучению не подвергались. Сведения о городах Ирана X—XII вв. имеются в работах В. В. Бартольда [88], Ле Стрэнджа [262], Л. Массиньона [272], А. Меца [137].

15

ные и общие черты. Независимо от конкретного плана имелось несколько (по словам Л. Массиньона) «фиксированных точек» или комплексов зданий определенного назначения [272, с. 367].

Центр мусульманского города — главный базар. В середине его при пересечении

главных улиц находилось крытое здание с куполом, называемом чарсу (арабский синоним—мураббаа). Поблизости располагались караван-сарай, в которых имелись склады товаров, а также гостиницы для приезжих [165, с. 139].

Другой обязательной принадлежностью восточного города являлись мечети. Около соборной мечети (в городе их могло быть несколько) [137, с. 322—323] находились дома высшего духовенства, а также медресе, средние и высшие. Последние служили не только местом обучения студентов, но и центрами научной деятельности ученых.

В каждом городе были дома и усадьбы феодальной знати, а в столице — дворец султана, дома придворных и правительственные учреждения. И, «наконец, кварталы ремесленников с их корпорациями и второстепенные базары с мелкой розничной торговлей» [165, с. 140], на которых продавалось все необходимое продовольствие — хлеб, мясо, овощи, фрукты [272, с. 367].

В X—XII вв. города Ирана являлись центрами ремесла и торговли. Наиболее крупные города, с сотнями тысяч жителей, лежали на путях караванной и морской торговли, связывавших страны Средиземного моря, Закавказья и Восточной Европы со Средней Азией, Аравией, Индией и Китаем. Самыми крупными и экономически наиболее важными городами Ирана в то время были Нишапур, Рей, Исфахан, Шираз, Мерв, Хамадан, Казерун, Ахваз, Кум, Туе и др. [165, с. 138]. Иранские города славилась разнообразной продукцией, отличавшейся высоким качеством. Ремесленники в X—XII вв. изготавливали все виды предметов потребления. Л. Массиньон привел очень интересную классификацию ремесел, содержащуюся в одном из посланий «Ихван-ас-сафа» (X в.) [272, с. 374—375]. В основу ее положены сырой продукт, место его обработки и продажи. Потребности людей сведены к рубрикам: пища, одежда и жилище. К первой рубрике отнесена продукция земледелия (зерно, овощи) и животноводства. Эти продукты, прежде чем дойти до потребителя, проходили обработку мукомолов, булочников, кондитеров, мясников, поваров и т. д. Пряжи, ткачи, красильщики, вышивальщики изготавливали ткань, портные — одежду, сапожники — обувь. Для строительства и украшения жилищ нужны специалисты по добыче и обработке камня, дерева, металла. К этой же группе ремесленников должны быть отнесены пильщики леса, штукатуры, плотники, столяры, ковроткачи. Эта классификация может быть дополнена оружейниками, шорниками, седельниками, ювелирами, парфюмерами и т. д.

16

Приведенная классификация, данная, можно сказать, в плане теоретическом, соответствует разнообразию ремесел, распространенных в городах Ирана в X—XII вв.

Ведущую роль в ремесле играло изготовление тканей, а также изделий из металла и фаянса. Особенно разнообразной была продукция иранских ткачей. Мерв славился изготовлением превосходных плащей [31, т. V, с. 254], шелковых (74, л. 20а) и льняных (34, т. I, с. 282), хлопчатобумажных тканей, одежд и покрывал [44, т. III, с. 324, 326]. Нишапур был известен великолепными и разнообразными шелковыми и шерстяными тканями и, по словам Макдиси [44, т. III, с. 202], парчой и вышивками. Парча изготавливалась также в Исфахане и Тустере. Шираз был одним из центров по производству полосатых плащей и шерстяных тканей, а также прекрасных шерстяных и шелковых ковров. Последние изготавливались также и в других городах Фарса, Хузестана и Хорасана. Казерун, по сообщению Ибн ал-Балхи [26, с. 337], славился льняным полотном.

В Исфахане, Рейе, Нишапуре производились хлопчатобумажные ткани всех сортов, от грубых до самых тонких.

Из других ремесел высокого уровня достигло изготовление оружия, сосудов из серебра, бронзы и меди, ювелирных украшений, которыми славилась почти все города Ирана. Железными изделиями был известен Шираз и другие города Фарса.

В XI—XII вв. процветало керамическое производство, главными центрами которого были Кашан и Рей. Иран славился своей парфюмерией; ароматические масла изготавливались из фиалок, нарциссов, лилий, жасмина [44, т. III, с. 443]. Розовая вода Шираза была известна далеко за пределами страны.

Различные районы страны специализировались на поставках продукции земледелия и животноводства. Так, из окрестностей Мерва поступали вьючные и верховые верблюды, изюм, хлопок [31, т. V, с. 254], зерно, фрукты и овощи [45, с. 262—263], сыр, кунжутное масло, сладкие корни [44, т. III, с. 324, 326].

Не ставя своей задачей изучение жизни городов Ирана XI—XII вв., «почти не изученной» [165, с. 155], отметим следующее.

Арабские географы заметили резкую разницу между кварталами одного и того же города. Исключительный интерес представляет описание Нишапура, данное Макдиси. На

первый взгляд оно кажется слишком противоречивым. Однако это легко объяснимо: Макдиси описывает разные части города, населенные разными классами и социальными группами. В городе «много вкусных фруктов, отличное и дешевое мясо, хорошие и выгодные заработки, рынки, большие дома, драгоценные поместья, сады, доставляющие удовольствие... тонкость в природе [людей]... Прекрасные медресе... нет факиха без учтивости,

17

•справедливого без вознаграждения, дня без собрания [ученых]...» [44, т. III, с. 314—315].

Для обладателей прекрасных имений здесь «дешевое мясо», для крупных купцов — «хорошие и выгодные заработки», учтивость характера — для факихов. Богатые люди обитают в той части города, где «большие площади», «прекрасные медресе» и т. д.

Но Макдиси увидел и другие кварталы Нишапура: скученные, невзрачные, населенные мелкими торговцами, ремесленниками, городской беднотой. Жители этих кварталов вызвали антипатию Макдиси и резкое осуждение. «Но [при этом]... в людях его грубость... в головах их легкомыслие; у них нет учтивости и элегантности и нет красивых мечетей. Улицы [в нем] грязные, ханы [караван-сарай] в беспорядке, бани нечистые, лавки скверные и стены неровные. Ему постоянно сопутствуют беды, и с ним водит дружбу дороговизна. В нем мало зелени для еды и дров, тяжелые заработки и средства к жизни... Смуты их [жителей] ослепляют сердце, вражда среди них ранит грудь. Факихи вместе с ними в бедствии и пороке. Когда там нет эмира, он [Нишапур] приходит в расстроенное состояние... знай, что это знаменитая столица, но ты не увидишь в ней хорошего рынка и красивого хана, кроме того, простой народ, когда крикнет кто-нибудь, следует за ним; там дикие групповые распри и нехорошие обычаи» (44, т. III, с. 315).

Это другой Нишапур, для тех, кто живет на узких, грязных улицах.

При Сельджуках во многих городах Ирана социальные противоречия резко обострились. Представители различных групп феодалов сочетали владение икта, вакфом или мультком с обладанием недвижимой собственностью в городе. Они были собственниками караван-сарая, складских помещений, лавок, бань, жилых домов, мастерских, в которых работали ремесленники, а также участвовали в торговых операциях. (Собственником подобной недвижимости являлось и государство.) Б. Н. Захер подобную феодальную знать называет городским «патрициатом» [127, с. 130], а И. П. Петрушевский — «земско-городской знатью» [141, с. 108].

Представители старинных иранских фамилий обычно наследственно являлись гражданами чиновниками, улемами, дервишескими шейхами и др. Однако помимо них в ряды земско-городской знати стали проникать купцы, чиновники, зажиточные горожане и, конечно, тюркские феодалы. В «Сийасет-наме» приводятся многочисленные примеры того, как тюркские феодалы-иктадары обзавелись в городах значительной недвижимой собственностью и получали от этого «доходные статьи» [55, с. 34].

Упомянем знаменитого тюрка Алп-Тегина, владевшего 500 деревнями в Хорасане и Мавераннахре, а в каждом горо-

18

де — дворцом, садом, караван-сараям, баней, складами зерна [55, с. 101—102].

Можно сделать вывод, что, подобно тому как в землевладении значительно возрос удельный вес тюркских феодалов, в городах Ирана, хотя и в значительно меньшей степени, увеличилось количество тюркской знати, сочетавшей владение икта с недвижимым имуществом.

Таким образом, одни и те же феодальные группы (иранская бюрократия, высшее духовенство, крупнейшее купечество и тюркские феодалы) стояли во главе города и сельской округи. Все это имело огромное значение для народных масс. Если бы крестьянин пытался бежать в город от притеснений иктадара, он неминуемо столкнулся бы и здесь с его властью. В то же время «городское торгово-ремесленное население так и не смогло, несмотря на успехи городской жизни, выйти из-под всеобъемлющей опеки ленщика-феодала» [125, с. 106].

В отличие от средневековой Западной Европы крупное купечество здесь не противопоставляло себя феодалам и не боролось с ними, а, наоборот, совместно с феодалами боролось против движений ремесленников и городской бедноты [165, с. 1381].

Острота социальных противоречий ярко выявляется на примере Исфахана, который Мелик-шах сделал своей столицей. «Он велел построить много зданий в городе, а за городом — кешки (павильоны, беседки. — Л. С.), и крепость города и крепость Дежкх (Шах-диз.—Л. С.) он построил и держал там свою казну» [60, с. 132].

Простота в быту, одежде, общении с подданными, характерная для первых сельджукских султанов, ушла в прошлое. Со времени Мелик-шаха при дворе было сосредоточено огромное количество людей. Это были придворные различных рангов, воины и гулямы [55, с. 93—94], заложники, взятые у вассалов (55, с. 93], многочисленная мужская и женская челядь, рабы. Многолюдным было население гарема, включавшее жен султана и их детей, родственниц, воспитанниц, «придворных женщин, евнухов, служанок» [55, с. 156], кормилиц. При дворе был большой штат кравчих, оруженосцев, хранителей одежд, ночной стражи, привратников. Много разных людей обслуживало царскую охоту, кухню, пиршества.

Со времени правления Мелик-шаха сельджукские султаны обзавелись гулямами, купленными на рынке рабами, из которых стала комплектоваться гвардия³. Гулямы превратились в крупную военную силу и важный элемент в жизни дворца.

Постоянные обитатели дворца получали в нем полное содержание и соответственно занимаемому положению жало

³ Как известно, гвардия гулямов впервые была создана в Аббасидском халифате в первой половине IX в.

2*

19

ванье, награды, подарки, а также земельные пожалования — икта. Кроме них ко двору ежедневно являлось много разных лиц. Большим почетом пользовалось высшее мусульманское суннитское духовенство.

Огромное количество продуктов сельского хозяйства и животноводства — результат труда крестьян и кочевников — потреблялось обитателями дворца. При дворе царили роскошь и богатство: прекрасное оружие, дорогие ткани, ковры, ювелирные изделия, золотая и серебряная посуда вошли в быт тюркской знати. Разнообразные изделия умельцев Исфахана и ремесленников других городов находили спрос при дворе. Караваны издалика привозили разные диковинные и заморские товары.

Жизнь двора со всей его праздностью, роскошью и богатством, придворными интригами, борьбой за выгодные должности, пожалования и влияние через дворцовую челядь, различных поставщиков продуктов и товаров, а также многочисленных челобитчиков быстро становилась известна населению столицы. На базарах, в караван-сараях, в кварталах ремесленников, домах горожан с ненавистью говорили о султанах, его придворных, чиновниках, скупщиках-купцах, лихоимцах-ростовщиках — всех тех, кто делал тяжелой и невыносимой жизнь простых людей.

Всех их называли «нечестивцами». К ним относили «тюрок, воров, угнетателей и тех, кто занимается лихоимством и берет взятки». Угнетатели были трех видов — «правители, султаны и турки» [115, с. 99]. Трудовое население городов являлось самой активной силой в борьбе с феодалами и тюрками.

В городах борьба велась в основном между классом феодалов в целом и многоликим, разнообразным, пестрым городским населением. Ведущую роль среди эксплуатируемого населения города по своей численности, организованности, а также высоким моральным качествам играли ремесленники.

В XI—XII вв. ремесленники были людьми лично свободными [143, с. 321, 327]. Однако они подвергались сильнейшей эксплуатации со стороны как феодалов, так и государства. Формы эксплуатации были разнообразны. Б. Н. Заходер считает, что рядового ремесленника следует рассматривать как издольщика, но действовавшего не на поле, а в различных ремесленных мастерских и в рудниках добывающей промышленности (127, с. 1301).

Живя в доме феодала, торгуя в принадлежащей ему лавке, снимая мастерскую в его доме, ремесленник был обязан отдавать феодалу значительную часть своей продукции. Лишь после расчета с государством или феодалом ремесленник мог продавать оставшуюся ему долю продукции потребителю. Однако здесь его подстерегал еще один враг — скупщик-оптовик. Ремесленнику необходимо было платить различные регулярные или экстраординарные налоги феодалу или государству. Так,

20

Махмуд Газневи возложил на жителей Балха расходы по содержанию великолепного сада [100, т. I, с. 350]. Нуждаясь в деньгах для очередного грабительского похода в Индию, он велел в два дня собрать с населения Газни огромную сумму. Деньги собрали, но жители были «ободраны, как бараны» (100, т. I, с. 349). Нет сомнения, что все эти поборы падали и на ремесленников.

При Сельджуках ремесленники должны были поставлять ткани для одежд и других

нужд двора и армии, выполнять в виде повинностей различные "работы для двора и двана или вносить часть налога в денежной форме [260, с. 254].

Положение ремесленников было неодинаковым. Существовала эксплуатация и внутри ремесленной мастерской. Мастер (улад), владелец несложных орудий производства, эксплуатировал труд подмастерья и ученика, платил им грошовую плату или впроголодь кормил их. Последние две группы ремесленников упоминаются в источниках под терминами «ахл ал-амал» («люди дела, работы») и «муздар» [получающий музд (плату) за работу] [127, с. 130].

Мастер являлся высококвалифицированным умельцем. В «Сийасат-наме» упомянут «штопальщик пожилого возраста, у него в таком-то месте лавка, имя его Ахмед, большой мастер в штопальном деле, все штопальщики в этом городе его ученики» (55, с. 78).

Еще есть рассказ о старике-портном, занимавшемся своим ремеслом 30 лет, «который сидит в лавке, одетый в заплатанное, и портняжничает. Перед ним сидят два мальчика и тоже кое-что шьют» (55, с. 48).

Известно, что Иакуб ибн Лейс, основатель династии Саффаридов, в молодости работал у медника и получал 15 дирхемов в месяц [100, т. I, с. 274]. О себе Иакуб говорил: «Я — сын медника, от отца обучился делу медника; моей нишей были ячменный хлеб, рыба, зелень и лук» [55, с. 14].

Ремесленники представляли собой замкнутую группу. Они старались сохранить ремесленные навыки, передавая их из рода в род, от отца к сыну [119, с. 102]. Подобно крестьянам в деревне, они не были гарантированы от насилий и притеснений феодалов, особенно тюркских. Обоснование Мелик-шаха в Исфахане и сосредоточение при его дворе многочисленной тюркской (и иранской) знати имели важные последствия. Тюркские феодалы стали все больше ценить роскошь. Дорогое оружие, богатые ткани, утварь, ювелирные украшения прочно вошли в их быт. С целью получения возможно большего количества этих изделий тюркские феодалы резко усилили эксплуатацию зависимых от них ремесленников. Кроме того, тюркские феодалы в большей мере, чем «свои», иранские, творили насилия над жителями, избивали мужчин, бесчестили женщин. Так, в «Сийасет-наме» рассказывается об одном эмире-

21

тюрке, который, ухватив за чадру молодую женщину, силком тащил ее в свой дворец. «Она рыдала, а никто не спешил ей на помощь, ибо этот тюрк был очень силен». Когда же старый портной и старики квартала попытались ее выручить, эмир и его гулямы переломали им руки и ноги (55, с. 51, 52). Подобных примеров можно привести немало. Естественно, что в народе все больше росла ненависть к феодалам, особенно тюркским.

Что же могли противопоставить ремесленники феодальному гнету? С давних пор они были организованы в цехи и корпорации. О наличии цеховых организаций во времена Сасанидов сообщали Н. В. Пигулевская [157, с. 221—228; 158, с. 222, 229] и К. В. Тревер [202]. Уже тогда каждое ремесло имело свою отдельную организацию (158, с. 223). Ремесленники, обязанные умело и добросовестно работать, имели право требовать справедливую плату за свой труд [202, с. 159].

Арабы запретили разрешенное Сасанидами существование ремесленных корпораций. По словам Л. Массиньона, «примитивный арабский ислам... не предвидел статута для ремесленников, которых завоевание городов заставило войти в зависимость от Корана. Ряд профессий рассматривались как нечистые и были запрещены правоверным. Чтобы отстоять свое право на кусок хлеба, эти выброшенные из элиты ислама элементы становятся все более активной оппозицией, они объединяются в посвятительские товарищества, имеют свою точку зрения о чести, свою футувву. От арабского слова *фата* (мн. чл. *фить'ян*), что означает „юноша, в переносном смысле «рыцарь», «благородный человек», образуется абстрактное понятие футувва - «рыцарство». Термин «футувва» восходит к доисламской Аравии [272, с. 296]. Их персидские эквиваленты — «джаванмард» и «джаванмарди». Под термином «футувва» следует понимать корпорации ремесленников, торговцев, разных слоев городской бедноты, а также иногда феодальную **знать**. (Как всякое широкое понятие, футувва приобретала раз-' личный характер в разной социальной среде.) Л. Массиньон указывает на существование самых различных по своему составу корпораций: обычных ремесленных профессий и таких, как срезальщики кошельков (т. е., воры), могильщики, танцоры, нищие; мужских и женских; имеющие шиитскую окраску и т. д. Вступление в корпорацию часто сопровождалось определенной обрядностью и обязательствами. Посвящение в футувву создавало братскую связь, подчиненную корпоративной

справедливости. «Братья» могли убивать своих «сестер» в случае нарушения законов посвящения. В X — первой половине XI в. в Нишапуре существовали корпорации шапочников, веревочников, торговцев шелком-сырцом и торговцев шелковыми тканями [165, с. 138].

Цехи часто находились под влиянием дервишеских братств.

22

Особое воздействие на ремесленников оказывало братство ахив⁴ (араб. *ахи* — «брат мой»), скрывавшие под религиозной оболочкой оппозицию политике Феодалных верхов. Ахии допускали убийство тиранов. Много внимания они уделяли взаимопомощи, устраивали братские трапезы [165, с. 155—156]. По свидетельству Ибн-Баттуты, «ахи у них — это человек, который собирает людей своей и иных профессий из юношей, холостяков и одиноких, а приходят они также и сами, а это также называется футувва» [27, т. II, с. 61; 110. с. 68—691].

Для нас особенно важно выявить сообщение источников о футувва-джаванмарди, относящихся к XI—XII вв. Большую "ценность" представляет «Кабус-наме». Ее автор утверждает: «Основа джаванмарди — три вещи: первое — что говоришь, то и делай; второе — не поступай против правды; третье — будь терпелив, ибо всякое свойство, имеющее отношение к джаванмарди, покоится на этих трех вещах» (38, с. 142). Важно отметить, что, согласно «Кабус-наме», проявление джаванмарди резко отлично у людей разного общественного положения. Так, «пристрастие к женщинам, себялюбие, готовность служить и заносчивость у воинов, — добродетель, а у айара — порок» [38, с. 143].

Термин «айар», по словам Ё. Э. Бертельса. «первоначально, означавший сметливый", «ловкий», «подвижный», а впоследствии приобретший значение „плут", „мошенник", „ловкий жулик", несомненно, прилагался лишь к городской бедноте... айар обычно наделен благородными чертами; он своего рода рыцарь, это вполне отвечает термину «джаванмард'» [109, с. 522].

Автор «Кабус-наме» подробно перечисляет свойства айара: «...он смел и мужествен, терпелив во всяком деле, держит обещания, целомудрен, чистосердечен, никому не причиняет вреда, допускает вред себе ради выгоды друзей своих, на пленников не посягает, нищих одаряет, злых удерживает от злых дел, говорит правду, правдивое слушает, воздаст должное, за тем столом, где ел хлеб, зла не творит, за добро злом не отплачивает, ведет добрые речи, в беде видит благо» [38, с. 138—1391].

Чрезвычайно важно отметить, что между айарами разных областей и городов имели место общение и контакты. Тот же источник рассказывает, что к айарам Кухистана пришел гонец от айаров Мерва с целью разрешения этического вопроса. При удовлетворяющем мервских айаров ответе они признают старшинство кухистанцев. В противном случае старшинство будет признано за мервцами. Этический вопрос заключался в том, как должен поступить айар: солгать или помочь убийце

⁴ Об ахи существует значительная литература: В. А. Гордлевский {119, с. Ю5—112 Там же указание на источники и исследования об ахи}, А. Крымский [[132, с. 78-80]: А. К. Боровков [112, с. 87-89; 113, с. 32-391. С. Ашур-бейли [84, с. 103—104].

23

настичь жертву. Ложь и донос для айара недопустимы. Ответ предполагал маленькую хитрость: айар должен сдвинуться на один шаг в сторону с того места, где он сидел, когда видел прохожего, и ответить его преследователю: «С тех пор как я здесь сижу, никто не проходил» [38, с. 142—143].

Автор «Кабус-наме» подробно останавливается на том, какими должны быть поведение и «моральный кодекс» ремесленника.

Ремесленнику рекомендуется работать быстро и тщательно, довольствоваться незначительной прибылью, быть любезным с покупателем, остерегаться скупости, но соблюдать выгоду, весы и гири иметь правильные. Автор подробно останавливается на том, каких этических правил поведения должен придерживаться ремесленник: «С царем будь честен, но не стремись к нему на службу. С военными не общайся. Избегай брать проценты и не будь слишком жестоким в сделках»⁵. «С семьей не будь двоедушным... товарищей не обманывай. Ложных клятв не давай... Не упускай случай дать в долг. У "ремесленников всякого ремесла" в их работе есть путь джаванмарди» [38, с. 1381].

Можно считать, что в конце XI в. в понятие «джаванмарди», относящееся к ремесленникам, включалось резкое осуждение представителей господствующего класса. «Не служить царю», «злых удерживать от злых дел» (что у ахиев развертывается в борьбу с тиранами, включающую убийство последних), бесспорно, относится к главе феодального государства. «Не общаться с военными» имеет непосредственное отношение к тюркам и их эмирам. «Не брать процентов и не быть жестоким в сделках» включает протест против жесточайшей эксплуатации ростовщиков.

Мы не ошибемся, если скажем, что понятие «джаванмарди» в значительной мере определяло идеологию и деятельность ремесленников. Целый ряд рассказов и источников свидетельствуют об этом. Ненависть к тюркам, борьба с их злом заставили стариков броситься выручать женщину из лап эмира [55, с. 51—52]. Для того чтобы добиться наказания эмира, портной-муаззин пошел на хитрость. Он нарочно не вовремя провозгласил призыв к молитве, чем привлек внимание халифа, был к нему вызван и разоблачил насильника. Тот же портной помог мелкому базарному торговцу получить свои 600 динаров, приобретенных в течение долгого времени, которые у него взял в долг и не хотел отдавать тюркский эмир [55, с. 45—50]. Когда этот торговец, вернувший свое золото, хотел дать портному 100 динаров, тот категорически отказался и сказал: «Когда кто-либо из мусульман обретает спокойствие благодаря моим.

⁵ Эти три фразы есть в переводе Е. Э. Бсртельса [39, с. 194]. В тексте, изданном Р. Леви, они отсутствуют.

словам, освобождается от горя, я тоже чувствую себя удовлетворенным. Если бы я позволил себе взять хоть одну крупницу из этого золота, я бы действовал по отношению к тебе еще более несправедливо, чем этот тюрк» [55, с. 50].

А. Ю. Якубовский писал о напряженной классовой борьбе в городах Ирана в X в.: «Ремесленники, организованные уже в эту эпоху в ремесленные организации, находились в непрерывной борьбе с феодальной властью и главами господствующего мусульманского духовенства» [78, с. 89].

Именно ремесленное население городов было тем «горючим материалом», который могла зажечь искра. Этой искрой и стала исмаилитская пропаганда.

В городах Ирана помимо ремесленников было много разного люда, бедного, голодного, подвергавшегося жестокой эксплуатации. Среди них были мелкие базарные торговцы вразнос, весь товар которых стоил гроши и умещался на одном лотке. В поисках покупателей они порой уходили в соседние деревни (подобно русским коробейникам). Напомним, что отец Бабека, вождя народного восстания IX в., ходил по деревням Иранского Азербайджана, торгуя растительным маслом [200, с. 33].

Фрукты и ароматические травы продавал на мервском базаре Азиз аз-Зенджани, ставший позднее кравчим султана Санджара [77, т. IV, с. 510]. Водоносы сновали по базарам. Немало было людей, живущих случайным заработком, всегда готовых поднести тяжести, оказать любую услугу, при случае украсть что-либо съестное. На базарах было много чтецов Корана, предсказывавших судьбу человека. Они же объясняли и толковали Коран, привлекая к себе внимание зевак. Этот прием широко применяли исмаилитские (фатимидские) пропагандисты. Много на городских базарах было дервишей, собиравшихся подаяние, и просто нищих. «Существовали корпорации нищих. В городах было "много деклассированных элементов из разорившихся крестьян, бедствовавших и перебивавшихся случайным заработком» [165, с. 140]. Эти безработные всегда были готовы присоединиться к любому "мятежу, поддержать любое восстание, направленное против феодалов и ненавистных тюрков.

Среди городского населения необходимо упомянуть «интеллигенцию» того времени — различных адибов (граммотеев), писцов, поэтов, литераторов. Они могли состоять на службе у государства или у духовного или светского феодала. Равнодушное отношение сельджукской знати, обычно неграмотной, к персидской поэзии и литературе, незнание ими персидского языка делали положение образованных людей трудным и униженным. Так, состоявший в должности мустауфи при одной из султанш поэт Абу Тахир Хатуни писал: «Поистине сан собаки в наш век нечто почтенное по сравнению с нашим положением. Не становится теперь обладатель калама (т. е. гра-

мотный. — Л. С.) счастливым, ибо успех {достается только} барабану да бубну» [109, с. 500].

Все городские новости моментально становились известны в ремесленных кварталах и на базарах. Они вызвали живейшее обсуждение, а часто протест и возмущение против угнетателей.

В X—XII вв. социальные противоречия в городах Ирана резко обострились. Они проявлялись в открытой борьбе между феодалами и купечеством, с одной стороны, ремесленниками и крестьянами окрестных деревень — с другой. Кроме того, что характерно для феодализма, классовые и групповые противоречия облекались в религиозную оболочку борьбы между различными толками ислама, и особенно между суннитами и шиитами.

В городах шла острая борьба между кварталами знати и ремесленными кварталами. Страсти были настолько накалены, что в борьбу бывал немедленно втянут даже каждый вновь прибывающий в город человек. «Я слышал. — повествует Макдиси, — что никто не выпьет воды его [Абверда] без того, чтобы не вступить во вражду на стороне одной из партий. А в Балхе вражда не из-за толка, и также в Самарканде, и мало городов, в которых нет распрей» [44, с. 335].

Сельджукские султаны способствовали распространению толка Абу'Ханифы [89, т. II, ч. I, с. 223; 136, с. 92] и сами к нему принадлежали. Можно думать, что этот же толк исповедовали и тюркские феодалы. Что касается персидской бюрократии, которая пошла на службу к Сельджукам, то в ее рядах встречались сторонники как шафиитов, так и ханифитов. Известно, что шафиитом был Низам ал-Мульк, который во многих крупных городах выстроил медресе для учащихся-шафиитов. В то же время другой знатный перс, мустауфи Мелик-шаха Шараф ал-Мульк ал-Хорезми, был ханифитом и истратил 100 тыс. динаров на постройку в Мерве ханифитского медресе. У каждого из названных толков были свои медресе и мечети.

Во многих городах Ирана бывали столкновения между представителями обоих толков, несмотря на то что существенных различий между ними не было ни в обрядах, ни тем более в догматике. «В Серахсе (распря) между арусийцами, сторонниками толка Абу'Ханифы, и ахлийцами, сторонниками толка Шафии» [44, с. 336]. Так, в 1161 г. в Нишапуре во время жестокой смуты, охватившей город, было разрушено 8 ханифитских и 17 шафиитских медресе [24, т. XI, с. 179].

Известно, что шиизм своим культом мучеников и учением о приходе махди, который принесет угнетенному народу мир и облегчение, был особенно близок народным массам. Большая часть народных движений на Ближнем Востоке проходила под лозунгами шиизма. В источниках много сообщений о вражде между шиитами и суннитами. Так, в Шахристане, главном городе Джурджана, повествует Макдиси, «как бы сери, кото

рый жнет жителей. Видишь их [жителей], как они в день заклания (жертвенного животного. — Л. С.) двумя группами [ссорятся] из-за головы верблюда — израненные, избитые, расстроенные. Не покидают их избиения, убийства и два войска — одно из Дейлема, другое — турки Саманидов. Там дикая междоусобица между двумя партиями и крайнее шиитство с признанием сотворенности Корана» (44, с. 358).

Если поводом к столкновению являлось обладание головой жертвенного животного, то причина столкновения была совершенно иная. Дейлемиты лишь в X в. приняли ислам в шиитской форме. Уровень развития феодальных отношений в Дейлеме был ниже, чем в других районах Ирана, и вольнолюбивые дейлемиты особенно упорно сопротивлялись установлению феодальной эксплуатации.

Их противниками названы «турки Саманидов», т. е. тюркская гвардия саманидского государства, которые, как и саманидские эмиры, были ханифитами. Кроме того, «власть в области Джурджан, — пишет тот же автор, — принадлежит дейлемитам, и из-за Джурджана происходят войны между ними и владетелем Хорасана (т. с. саманидским эмиром. — Л. С.)». Это объясняет присутствие в Шахристане обеих армий. Таким образом, за ссорой, возникшей по незначительному поводу, выявляется целый клубок противоречий: религиозных (между суннитами и шиитами), этнических (между дейлемитами и тюрками), социальных (сопротивление дейлемитов феодальным порядкам, устанавливаемым Саманидами) и политических (борьба за власть в Джурджане между дейлемитами и Саманидами). Наличие в Шахристане обеих армий (дейлемитской и саманидской) усиливало борьбу, придавало ей кровавый характер. Под «двумя партиями» следует понимать сторонников Саманидов — ханифитов и их врагов — дейлемитов-шиитов, к которым примыкали крайние шииты и мутазилиты,

В 1154 г. Нишапур подвергся опустошительному нашествию гузов, разоривших город. Но даже это бедствие, обрушившееся на всех горожан, не прекратило борьбы

между ними. «Гузы шли, — пишет Равенди. — Между жителями города по причине различия в религиозных толках еще со старинных времен пыла взаимная вражда. Каждую ночь какая-нибудь партия созывала из какого-нибудь квартала ополчение [хашар], поджигала кварталы противников, и то, что оставалось еще от гузов, уничтожалось». Голод и эпидемии доконали жителей. Уцелевшие строительные материалы были растащены. «В Нишапуре, где были собрания друзей, медресе наук и местопребывание лучших людей,— заканчивает свой рассказ Равенди,— паслись стада, рыскали дикие звери и ползали гады» (60, с. 182). Так внутренние распри и нашествие гузов явились причиной запустения Нишапура.

Кроме перечисленных религиозных течений и толков среди

27

городского населения были сторонники ханбалитов, вольнодумцев-мутазилитов, особенно многочисленных в Систане хариджитов и др.

Формы борьбы между сторонниками различных толков были разнообразны: соперничество в великолепии при строительстве мечетей и медресе, возводимых адептами разных толков; разрушение и сожжение этих зданий противниками; драки на улицах, сопровождавшиеся избиениями, увечьями и убийствами; настоящие уличные бои с возведением баррикад. В этих усобицах принимало активное участие население целых кварталов и частей города, что придавало им массовый характер. В результате разрушались и сжигались городские районы и даже города, гибли материальные и культурные ценности и, конечно, множество людей. Мерв, Рей, Нишапур, Исфахан, Балх, Самарканд, Неса, Абиверд и другие города постоянно являлись ареной борьбы.

Приведенные материалы свидетельствуют об острейших противоречиях, раздиравших сельджукское общество. Однако ни одно учение, ни один толк не выдвигали лозунгов, которые могли бы поднять народные массы на борьбу с угнетателями. Конкретные призывы к антисельджукской и антифеодальной борьбе были выдвинуты в конце XI в. только исмаилитами.

Положение рабов

Анализ общественных отношений сельджукского общества-XI в. был бы неполным без рассмотрения вопроса о роли рабовладельческого уклада и положении рабов.

Вопрос о рабстве на Ближнем Востоке, привлекавший многих исследователей, разработан для разных исторических периодов неодинаково. Если о рабовладельческом укладе в саса-нидском Иране писала Н. В. Пигулевская (158; 159; 161 — 164], в странах халифата до X в.—А. Мюллер [138], Т. Нельдеке[280], О. И. Смирнова [175], И. П. Петрушевский [156], Е. А. Беляев [104], в период монгольских завоеваний и монгольских государств—И. П. Петрушевский [149; 150; 154], А. А. Али-заде [80— 82], то интересующий нас период исследован значительно меньше. О нем писал лишь В. А. Гордлевский [119].

Известно, что после подавления восстания чернокожих рабов-зинджей, вывезенных с о-ва Занзибар (869—883), которое потрясло халифат, аббасидские власти, боясь новых выступлений рабов, стали воздерживаться от концентрации их в одном месте.

Уже для X в. характерны интенсивное развитие производительных сил, рост техники в ремесле и ирригации, развитие горного дела, появление новых, очень трудоемких сельскохозяйственных культур [165, с. 130—135]. Все это требовало от непо-

28

средственного производителя большого умения, сознательного отношения к труду, заинтересованности в его производительности. Лишенный этих черт, труд раба уже не удовлетворял возросшим требованиям. Сфера применения рабского труда значительно сократилась.

Однако рабовладение и работорговля сохранялись. Рабовладельцами оставались представители господствующего класса. Для работорговцев рабы и рабыни являлись ходким и выгодным товаром, спрос на который никогда не прекращался.

В качестве рабов продавались люди, захваченные в плен во время военных действий или набегов кочевников на оседлые территории. Так, при завоевании Сельджуками Малой Азии «население завоеванных городов и областей (в большинстве христиане) обращалось в рабство и толпами перегонялось внутрь страны» [119, с. 91].

Рабов поставляли на рынок купцы. Рабы поступали из Средней Азии и южного побережья Каспия, из кипчакских степей и Средиземноморья. Приток рабов шел непрерывно. Цены на них колебались. Рабы являлись предметом транзитной торговли, и лишь меньшая часть их оседала в Иране.

В число дорогих вещей, которыми одаривали, включались рабы и рабыни. Так, в награду за поэму «Хосров и Ширин» Низами «сулили китайские шелка, коней с царственным убором, десять рабов и пять рабынь» [110, с. 132J].

Анализируя сообщения источников X—XII вв. о рабах, необходимо особо выделить придворную гвардию гулямов. Хорошо известно, что эта гвардия, получившая широчайшее распространение в странах Востока — у Аббасидов, Саманидов, Газневидов, Омейядов Испании, Фатимидов, Сельджуков и т. д., комплектовалась из юношей, купленных на рынках рабов. Однако близость к персоне государя, высокое положение при дворе, занятие крупных придворных должностей — все это резко* отличало придворных гвардейцев от рабов, принадлежавших частным лицам.

Ценнейшим источником для изучения вопроса о применении рабского труда является «Кабус-наме». В поучении Кей-Кавуса своему юному сыну подробно перечислены разные группы рабов, указаны те внешние признаки, по которым можно судить об их характере и способностях, даны советы, как следует обращаться с ними. «О сын, — говорит Кей-Кавус, — если покупаешь раба, будь внимателен, ибо покупать людей — наука трудная... Покупка рабов и наука об этом относятся к философии... Познать человека можно только наукой проницательности («элм-и ферасат», т. е. «физиогномика». — Л. С.) и опытом» [38, с. 631].

Только очень долгий опыт купли-продажи рабов мог выработать умение по внешнему облику раба безошибочно судить о его способностях и качествах. Первыми в «Кабус-наме» назва-

ны рабы, пригодные «для уединения и общения», т. е. для личного обслуживания рабовладельца и сожительства. Рабыни использовались в качестве наложниц.

Среди рабов встречались одаренные и даже талантливые люди. Работоторговцам и рабовладельцам было выгодно обучать дельных рабов и развивать их способности. Это повышало продажную цену раба, а его владельца обеспечивало высококвалифицированным бесплатным работником. Раб умный и удачливый, повествует Кей-Кавус, годится для обучения наукам и выполнения работ по хозяйству, таких, как переписка, работы по казне, и во всяком деле он — человек верный [38, с. 63].

Непременным украшением пиров являлись певцы и музыканты, которые бывали как свободными, так и рабами. Основываясь на физических данных, Кей-Кавус определяет раба, «годного для музыки». Рабам малоспособным находили применение в неквалифицированной работе: по уходу за охотничьими собаками и лошадьми, в качестве поваров, фаррашей (привратников, дворников и т. д.). Старые рабы и евнухи охраняли гаремы.

Все перечисленные рабы могут быть отнесены к категории домашних рабов.

Вероятно, труд рабов находил применение и в скотоводстве, и в подсобных работах на строительстве. Рабы «работали в рудниках и копали могилы (это считалось позорным делом)» [119, с. 92].

Среди рабов можно было встретить представителей самых различных народов и племен: индийцев, нубийцев, абиссинцев, саклабов, русов, аланов, румийцев, армян, кипчаков, гузов, хотанцев, халлухов, тибетцев, чигильцев, татар, ягма. **Интересно отметить, что среди фидаев (исполнителей террористических актов) Рашид ад-дин упомянул одного «гулам-и руси» [61, с. 135].** Кей-Кавус говорит об особенностях различных рабов. По его мнению, татары, ягма и аланы отличаются храбростью; румийцы вежливы, хозяйственны, удачливы, обладают хорошим характером, сдержанны на язык; армяне враждебны хозяину и склонны к побегам. Рабовладельцы страшно боялись установления контакта между рабами и, в еще большей степени, возможности их восстания. Кей-Кавус поучает: «Не позволяй, чтобы в [твоем] доме рабы братались друг с другом, а рабыни называли себя их сестрами, от этого происходят большие беды». Он становится еще более откровенным, когда заявляет: «Рабу подобает перерезать горло, если он стремится к власти» [38, с. 64].

В XI в. при преобладании домашнего рабства, размещении рабов по разным домам, где их было относительно немного, уменьшались возможности чисто рабских восстаний. Но не исключалось участие рабов в любых восстаниях, направленных против их хозяев — рабовладельцев и работоторговцев.

Рассмотренная выше историческая обстановка была тем фоном, на котором развернулось движение исмаилитов. 70—90-е годы XI в. явились скачком в развитии феодализма, временем необычайного обострения всех противоречий: классовых, политических, этнических, религиозных. Икта наступала по всей стране — в центре и на окраинах; ее влияние ощущалось в столице и в самой отсталой горной деревне. Для получения столь желанной икта люди шли на обман, предательство, преступление. Именно в это 20-летие класс феодалов в целом укрепился, усилился, возрос численно. Ведущую роль в нем стали играть турки. Завоеватели, они и вели себя, как в завоеванной стране. Местные обычаи, традиции, мораль ими попирались. Чуждые по языку, привычкам, образу жизни, они вызывали глубокую ненависть в народе Ирана. Иранские феодалы, а также высшее духовенство, крупнейшие чиновники, богатые купцы, которые пошли на службу к завоевателям, старались не отставать от них в ограблении народа. Ремесленники — наиболее организованная часть трудящихся, сохранившая высокие моральные устои, — боролись как могли и умели с классом феодалов. Но их усилия не были объединены, у них не было ни вождя, ни конкретной цели, ни определенного пути. Нужно было поднять народ на борьбу во имя конкретной пели, выдвинуть призыв, который нашел бы широкий отклик. Это сделали исмаилиты, возглавленные Хасаном ибн Саббахом.

Глава II

ПОДГОТОВКА ВОССТАНИЯ

Восстанию исмаилитов предшествовало распространение в Иране исмаилизма — одного из ответвлений шиизма. В середине VII в. сторонники Али (шииты) стали утверждать, что только он и его прямые потомки имеют право на политическую власть в халифате. Это аргументировалось тем, что только Али является обладателем сокровенного знания, открытого ему Мухаммедом, а следовательно, имамом — религиозным руководителем мусульманской общины. Имамат стал наследственным среди прямых потомков Али.

В дальнейшем вопрос о личности имама, как писал И. Гольдциер, являлся формальной причиной расколов среди шиитов [118, с. 177]. В VIII в. раскол был вызван тем, что шестой шиитский имам Джафар ас-Садик лишил имамата своего старшего сына — Исмаила. Он умер раньше своего отца, так и не успев стать имамом. Та часть шиитов, которая признала имамом его сына Мухаммеда ибн Исмаила, стала называться исмаилитами. Преследования аббасидских властей заставили исмаилитских имамов скрываться. Возникла теория о «скрытых» имамах и о появлении на земле (раньше или позже) «скрытого» имама Махди, который принесет миру социальную справедливость. На рубеже VIII—IX вв. среди исмаилитов произошел новый раскол [145, гл. X, XI]. Ожидаемым имамом из потомков Али и Фатимы (дочери пророка) объявил себя Убейдулла, ставший основателем Фатимидского халифата (909—1171).

Официальным вероучением в Фатимидском халифате был исмаилизм. Он состоял из двух частей: захира, или шариата (внешней, экзотерической части), и батин (внутренней, эзотерической части). Захир являлся очень консервативной формой ислама, включая фихх, хадисы, ахбарды, иснад, Коран и его филологическое толкование, знание разных сект и т. д. Батин, в свою очередь, состоял из двух частей: тавил (истолкование) включал аллегорическую интерпретацию Корана, хадисов и религиозных предписаний, имевших целью доказать божественное происхождение имамов и исключительное право Фатимидов на имамат. В хакаик (мн. ч. от *хакикат*—«истина») включались космогония, физика, все отрасли естественной истории, рели-

гия, логика, параллелизм между вселенной и человеческим организмом, философия эманации, проблемы духовной жизни, религиозная философия и т. д. Этот раздел предназначался для приведения в соответствие науки и философии с религией; для этого использовались откровения, истолкования и объяснения религиозной системы ислама [248; 249]. Когда в 70-х годах XI в. молодой Хасан ибн Саббах обратился в исмаилизм, он познакомился именно с этим учением.

До середины XI в. Фатимидский халифат переживал экономический подъем и рост политического могущества. Фатимиды имели отлично организованный пропагандистский аппарат, и их даи осуществляли свою деятельность далеко за пределами государства. Около 1035 г. даи Абу Наср ибн Имран (прозванный Муайяд фи-д-дин) получил поддержку у буидского правителя Абу Калинджара, его придворных и гвардии. В 1059 г. начальник буидской гвардии Басасири, захвативший Багдад, приказал читать хутбу (здравную молитву) во имя Фатимидского халифата. Знаменитый Насир-и Хосров с 1052 г. до начала 60-х годов XI в. проповедовал исмаилитское (фатимидское) учение в Балхе, Нишапуре, Мазендеране, Систане и Хутталяне [107].

Проповедниками исмаилизма являлись как египтяне, так и персы, но все они назначались Фатимидами и действовали в их интересах. Исмаилитская пропаганда не предусматривала ни военных действий" против независимых суннитских владений, ни тем более изменения существовавших в них социальных порядков. Она имела своей целью призыв к признанию законности власти фатимидских халифов-имамов и повиновению им по линии религиозной. Исмаилитское вероучение преподносилось как единственная «истинная» вера, гарантировавшая «спасение» души. Вместе с тем она подрывала изнутри веру в «истинность» суннитского ислама и законность власти суннитских правителей.

Все сторонники Фатимидов обращали свои призывы к феодальным кругам и были далеки от народных масс и их стремлений.

В Иране резко отличной была роль другого фатимидского даи — Абд ал-Мелик ибн Атташа, который вел активную пропаганду в 70—80-е годы XI в. среди ремесленного населения. Даты его рождения и смерти неизвестны; биографические сведения о нем отрывочны. Где и когда он стал исмаилитом, бывал ли в Каире — не выяснено. В 464/1071/72 г., будучи уже фатимидским даи Ирака, он появился в Рейе [60, с. 155—159]. При том большом внимании, которое уделяло фатимидское правительство исмаилитской пропаганде за пределами своей страны, только хорошо подготовленный и проверенный человек мог быть назначен Каиром на должность даи Ирака. К этому времени в Рейе, большом торговом городе, среди его ремеслен-

³ Зап. 586

ного населения росла тяга к исмаилизму. Абд ал-Мелик ибн Атташ ее активизировал. Он дал диплом даи некоему Мумину, поощрял вербовку новых сторонников исмаилизма. Здесь же, в Рейе, произошло его знакомство с Хасаном ибн Саббахом, незадолго до этого ставшим исмаилитом.

В 1075 г. Абд ал-Мелик ибн Атташ уже жил в сельджукской столице. О его жизни в Исфахане рассказывает Равенди: «В Исфахане был один адиб, его звали Абд ал-Мелик [ибн] Атташ; сперва он сам относил себя к шиитству, потом был обвинен в этом, и имамы Исфахана разыскивали его и хотели оказать ему противодействие. Он бежал, очутился в Рейе, а оттуда присоединился к Хасан-и Саббаху. Потом нашли одну книгу, написанную его почерком, с обращением на память к другу: „Серого сокола (Хасана ибн Саббаха. — Л. С.) я достиг, и его из всего мира избрал, и сердце оторвал от того, что оставил“. Почерк его известен, и в Исфахане есть много книг, написанных его рукой» [60, с. 155—159]. Абд ал-Мелик ибн Атташ мог присоединиться к Хасану ибн Саббаху не ранее 1090 г. (дата захвата Аламута и создания исмаилитского государства), так как до этого года Хасан ибн Саббах был вынужден скрываться от сельджукских властей. На этом след Абд ал Мелик ибн Атташа теряется. Следовательно, около 20 лет он вел устную и письменную пропаганду исмаилизма в Рейе, Исфахане и, возможно, в других городах и подготовил почву для исмаилитского движения конца XI в.

«40—80-е годы XI в., — отмечает А. Е. Бертельс, — можно охарактеризовать как период накопления сил исмаилитов, период медленного распространения ереси по всей территории государства Сельджукидов» [107, с. 133]. В мирную пропаганду нужно было вдохнуть боевой призыв. Обострение политических и социальных противоречий в сельджукском государстве в 70—90-х годах XI в. явилось причиной коренного изменения характера исмаилитской пропаганды в Иране. Появилось новое поколение

пропагандистов, тесно связанных с этой страной и ее народом. Ведущая роль среди них принадлежала Хасану ибн Саббаху.

Молодые годы Хасана ибн Саббаха

История исмаилитского восстания в Иране неразрывно связана с именем Хасана ибн Саббаха — вождя, организатора и идеолога всех исмаилитских выступлений в этой стране, а также в Сирии, создателя независимого исмаилитского государства с центром в Аламуте. Однако о начальном периоде его жизни и даже о времени и месте его рождения сведения источников противоречивы.

Ибн ал-Асир сообщает, что Хасану ибн Саббаху «во время

34

захвата крепости Аламут было около 26 лет». Аламут был взят исмаилитами 6 раджаба 483 г. (4 сентября 1090), следовательно, Хасан ибн Саббах родился в 457/1065 г. Однако в «Саргузашт-и Саййид-на» — автобиографии Хасана ибн Саббаха. он сам пишет, что до 17 лет он исповедовал веру своих отцов, затем обратился в исмаилизм и в рамазане 464 г. х. (май, июнь 1072) встретился с Абд ал-Мелик ибн Атташем. Следовательно, он родился в 446/1054/55 г. Все исследователи принимают только эту дату. Дата смерти Хасана ибн Саббаха — 6 раби II 518 г. (23 мая 1124) — разногласий не вызывает.

Сведения о происхождении Хасана ибн Саббаха приводят Джувейни и Рашид ад-дин, а также Ибн ал-Асир. Несмотря на то что первые два автора основываются на «Саргузашт-и Саййид-на», родословная и место рождения Хасана ибн Саббаха указываются ими различно.

По Джувейни: «Он вел свое происхождение от племени хамйаритов. Его отец приехал из Йемена в Куфу, а из Куфы в Кум, а из Кума в Рей. Здесь он поселился и здесь родился Хасан-и-Саббах. Его имя — аль-Хасан ибн Али ибн Мухаммед ибн Джафар ибн ал-Хусейн ибн Мухаммед [ибн] ас-Саббах ал-Хамйари» [20, с. 187—188].

По Рашид ад-дину: «Он — аль-Хасан ибн Али ибн Мухаммед ибн Джафар ибн ал-Хусейн ибн Мухаммед ибн ас-Саббах Хамйари Йемени. Родословная его от племени хамйаритов, которые были падишахами Йемена» [61, с. 97].

По Ибн ал-Асиру, он — аль-Хасан ибн ас-Саббах ал-Йемени ар-Рази [24, т. X, с. 369].

Джувейни и Рашид ад-дин сообщают, что в «Саргузашт-и Саййид-на» рассказано следующее. Когда последователи Хасана ибн Саббаха написали и принесли ему эту родословную, то он не согласился с ней и смысл этот текст водой [20, с. 188; 61, с. 97].

Итак, Кум или Рей — место рождения Хасана ибн Саббаха? Чем вызваны противоречия в сведениях Ибн ал-Асира и обоих историков (а затем и современных исследователей), которые ссылаются на одно и то же произведение, написанное от лица самого Хасана ибн Саббаха?

В. А. Иванов считает невозможным, чтобы «Саргузашт-и Саййид-на» существовала в одном-единственном списке. Следовательно, оба историка могли пользоваться списками разными. Кроме того, Рашид ад-дин помимо этого сочинения привлек ряд других исмаилитских источников, а также использовал устную традицию. Допуская версию о происхождении Хасана ибн Саббаха из южноарабского племени, В. А. Иванов считает, что его предки поселились в Куме, который являлся со времени арабского завоевания местом расселения этих шиитских племен. Позднее его семья переселилась в Рей, где и родился Хасан ибн Саббах [244, с. 19, примеч.].

35

Хаджсон ставит под сомнение слова Джувейни и возможность переселения отца Хасана ибн Саббаха из Йемена в Кум и Рей. «Эта соблазнительная карьера имеет не большую правдоподобность, чем рассказ Мирхонда о рождении Хасана ибн Саббаха в деревне около Туса» (добавим: как и рассказ Ибн ал-Джаузи о его рождении в Мерве). Хаджсон считает, что Хасан ибн Саббах родился в Куме [239, с. 43Q].

На наш взгляд, тот факт, что и Джувейни и Рашид ад-дин знакомство совсем юного Хасана ибн Саббаха с ремесленниками-исмаилитами относят к Рейю, дает основание считать, что в этом городе он и родился. Так же считают В. А. Иванов, Э. Броун, К. Кешаварз и др. И. П. Петрушевский и Хаджсон местом рождения Хасана ибн Саббаха называют г. Кум. Иначе необъяснимыми являются пребывание Хасана ибн Саббаха в этом городе и время переселения в Рей его отца.

Первоначально Хасан ибн Саббах исповедовал веру своих отцов шиитов-дюжинников, но затем оказался под влиянием и воздействием исмаилитов Рейя. Молодые годы Хасана ибн Саббаха, когда формировался его характер и вырабатывались религиозные и политические взгляды, связаны с Рейем. Политическая обстановка, сложившаяся в конце 60-х — начале 70-х годов XI в. в этом городе, и религиозно-философские идеи того круга, к которому принадлежал Хасан ибн Саббах, естественно, оказали влияние на его формирование.

Рей, большой торговый город с многочисленными базарами и значительным ремесленным населением, издавна был одним из крупных центров исмаилизма. В конце 20-х годов, XI в. Рей был охвачен длившимися ряд лет волнениями, проходившими под батинитскими (исмаилитскими) лозунгами. В этих волнениях активную роль играли дейлемиты-гвардейцы, крестьяне соседних с Рейем сельских районов и дихкане, боровшиеся против централизаторской политики буйдского правителя Фахр ад-доуле (976—997). Источник, содержащий ценные сведения об этих событиях, — «Муджмал ат-таварих» — сообщает, что дейлемиты «объявили рафизитскую и батинитскую веру и философию, а ислам потерял в их глазах всякую цену» [50, с. 403—404; 107, с. 111]. В 1029 г. Махмуд Газневи завоевал Рей и истребил всех еретиков без разбору. «И пятьдесят харваров книг рафизитов, батинитов и философов вынес он из их домов и под деревьями, (на которых висели) повешенные, приказал сжечь», — сообщает тот же источник.

Именно среди ремесленников, мелких торговцев и городской бедноты, являвшихся угнетенной частью общества, исмаилитские идеи находили отклик. Разгром Махмудом Газневи исмаилитов в Рейе (как и других городах Ирана) на несколько десятилетий снизил их активность. Но исмаилитские идеи продолжали жить в умах, чтобы при благоприятной обстановке вспыхнуть с новой силой.

36

Вторжение Сельджуков в Иран и общее усиление феодальной эксплуатации обострили классовые противоречия и вызвали активизацию исмаилитов во многих районах, в том числе и в Рейе.

О сближении Хасана ибн Саббаха с исмаилитами Рейя подробно рассказано от его лица в «Саргузашт-и Саййид-на». Так как наиболее подробное изложение жизнеописания Хасана ибн Саббаха дает Рашид ад-дин, мы приведем его полностью.

«С дней детства и времени семилетия у меня была любовь к разным знаниям; я хотел стать богословом и до семнадцати лет был ищущим [знания] и бегущим за ним, и веру своих отцов иснаашаритов (шиитов-дюжинников. — Л. С.) исповедовал. Однажды (у Джувейни в Рейе. — Л. С.) я встретил из рафиков одного человека, по имени Амирэ Зарраб (чеканщик. — Л. С.), исповедующего веру халифов Египта. Иногда он объяснял ее пользу. А до него [это делал] Насир-и Хосров, художат Хорасана, хотя у него не было большого успеха. А во времена султана Махмуда Абу Али Симджури и большая группа людей пошла по этому пути. И Наср ибн Ахмед Самани с некоторым количеством великих людей священной Бухары приняли эту веру. Я сказал: „У меня сомнения и неуверенности в мусульманстве никогда не было; в том, что есть бог, живой, сущий, могущественный, слышащий, видящий, и Пророк, и имам, дозволенное и запрещенное, рай и ад, приказ и запрет“. И я подумал, что вера и религия [суть] такие, какие [их] имеют простой народ, особенно шииты. И я никогда не подозревал, что истину следует искать за пределами мусульманства. А мазхаб (религиозное учение или толк. — Л. С.) исмаилитов есть философия, и ученые Египта — это философы [философствующие]. Амирэ Зарраб был человеком хороших качеств. Когда он впервые стал со мной разговаривать, он сказал: „Исмаилиты так говорят“. — „Друг мой, — сказал я, — не приводи их слов, которые за пределами дозволенного [вне кругозора] и противоречат вере“. В наших беседах мы обменивались мыслями и аргументами, и он опровергал и уменьшал мою веру. Я не уступал, но те слова оказывали свое действие на мою душу. Во время обмена мыслями я сказал: „О каждом, кто умрет на этом пути (в этой вере), скажут: этот покойник — еретик; на таких народ, как известно, проливает много лжи и напраслины“. Я видел некую группу низаритов¹, богобоязненную, набожную, воздержанную, но занимающуюся питьем [вина], а я боялся пить, ибо известно, что „[вино] — собрание мерзости и мать преступления“. Амирэ сказал мне: „Ночью, как только во сне подумаешь,

¹ Хаджсон считает это место о низаритах поздней вставкой (239, с. 44). Рашид ад-дин не только здесь, но на протяжении всей части своего труда, посвященной исмаилитам, обычно называет их низаритами. Это историческая неточность. До 1094 г. низаритов не могло быть.

знай, то, что я тебе говорю, тебе полезно". На этом мы с ним расстались. В их книгах я нашел много аргументов об имамате Исмаила; затем я подошел [к вопросу] о скрытом имаме. Я зашел в тупик и сказал: „Этот имамат зависит от 'нас'а'² и (его) принадлежности, а я не знаю, что это такое".

В это время меня постигла сильная и опасная болезнь. Господь захотел, чтобы мое тело и кожа измелились. „Бог изменил его тело в [нечто] лучшее, чем его тело, и его кровь в [нечто] лучшее, чем его кровь". Я подумал: „Несомненно, этот мазхаб истинный, из страха я не признавал этого". Я сказал: „Указанное время пришло, я погибну, не достигнув истины". Наконец, я поправился от той тяжелой болезни.

Я нашел еще одного из исмаилитов, по имени Бу Наджм Саррадж (седельник, шорник.— Л. С). Я расспрашивал его об этом мазхабе. Он разъяснил с комментариями и подробностями, так что я узнал [получил осведомленность] о ее непонятных положениях и полной истинности.

И был еще один человек, по имени Мумин, которому шейх Абд ал-Мелик [ибн] Атташ разрешил проповедь. Ему я хотел дать обязательство и присягу в верности. Он сказал: „Ты, который есть Хасан [хороший, прекрасный], имеешь более высокую степень, чем я, который есть Мумин [верующий]. Как я возьму с тебя присягу и получу от тебя клятву верности имаму?" После настойчивых просьб он принял от меня присягу» [61, с. 97—99].

Таким образом, первым пропагандистом исмаилизма, которого встретил на своем пути юный Хасан ибн Саббах, был ремесленник-чеканщик. Сначала Хасан ибн Саббах крепко стоял на позициях шиитов-дюжинников и старался отклонить все «соблазны», которые выдвигал перед ним Амирэ Зарраб. Последний все более настойчиво опровергал и убивал в Хасане ибн Саббахе веру его отцов. Свое дело он сделал. Сомнение уже закралось в молодую душу. Возможно, он дал Хасану ибн Саббаху какие-то исмаилитские книги, в которых обосновывалась справедливость претензий Исмаила на имамат, а также излагались учение о «скрытом» имаме и исмаилитская догматика.

Вскоре опасная болезнь, которая поразила юношу, обострила его религиозные искания. Он стал добиваться помощи и руководства. Отметим, что эти поиски он вел все в той же близкой ему ремесленной среде.

Его вторым наставником стал шорник Бу Наджм, который сумел дать ответ на все, даже наиболее трудные для понимания вопросы Хасана ибн Саббаха. Третьим его наставником был Мумин. Хотя его общественное лицо неизвестно, он занимал в исмаилитских кругах более высокое положение, чем Амирэ Зарраб и Бу Наджм. Ведение им проповеди санкциони-

² На с — обязательность передачи имамата от отца к старшему сыну:

ровал Абд ал-Мелик ибн Атташ. Вскоре Хасан ибн Саббах заявил о своем стремлении принять исмаилизм.

Ответ Мумина, основанный на сопоставлении им имен Хасан и Мумин в их смысловом значении («хороший, прекрасный» и «верующий»), оставался исследователями без комментариев. Поскольку Хасан ибн Саббах исмаилитом еще не был, ответ Мумина мог иметь целью оттянуть время, проверить твердость решения Хасана ибн Саббаха и еще больше разжечь его желание стать исмаилитом. Настойчивые просьбы юноши убедили Мумина, и он принял присягу Хасана ибн Саббаха, чем и было оформлено вступление последнего в ряды исмаилитов. После этого — не установлено, через сколько времени, — произошла встреча Хасана ибн Саббаха с фатимидским даи Абд ал-Мелик ибн Атташем. «В рамазане 464 г. (май, июнь 1072. — Л. С), — продолжает свой рассказ Хасан ибн Саббах, — Абд ал-Мелик [ибн] Атташ, который в то время был даи Ирака, прибыл в Рей. [Он] одобрил меня и приказал мне заместительство по проповеди [сделал меня своим заместителем по проповеди] и сказал: „Тебе следует отправиться к его величеству халифу". А халифом в то время был Мустансир би-л-лах. Затем шейх в 467/1074/75 г. из Рейя отправился в богохранимый Исфahan» [61, с. 99]. На этом Рашид ад-дин заканчивает изложение рассказа от лица Хасана ибн Саббаха.

Мумин, чеканщик Амирэ Зарраб и шорник Бу Наджм были не единственными исмаилитами в Рейе, а только известными Хасану ибн Саббаху „среди исмаилитов" [61, с. 99].

Уместно поставить вопрос: к какому социальному кругу принадлежал Хасан ибн

Саббах, какое положение смог занять в Рейе его отец шиит-дюжинник? Прямого ответа источники не дают. Если бы Али ибн Мухаммед, переселившийся в Рей, проник в ряды рейской знати или крупного купечества, были бы невозможны встречи его сына с простыми ремесленниками— чеканщиком, шорником. Напрашивается другое предположение: Али ибн Мухаммед только в Рейе сумел скрыться от преследования за свою принадлежность к шиизму и затеряться в городских низах, занявшись каким-либо ремеслом или мелкой базарной торговлей. В среде простых горожан вырос Хасан ибн Саббах, и тогда становится понятной его дружба с ремесленниками, к которым, возможно, принадлежал он сам. (Забегая вперед, отметим, что во время своей поездки в Египет «он выдавал себя за плотника» [220, с. 316].) Именно среда ремесленников Рейя, в которой не умирали идеи исмаилизма, оказала решающее влияние на молодого Хасана ибн Саббаха. «Судя по людям, с которыми Хасан ибн ас-Саббах имел контакт, — отмечает В. А. Иванов, — он принадлежал к тем, кого можно назвать нижние средние классы: ремесленники, мелкие торговцы» [244, с. 18].

В 469/1076/77 г. после своего назначения заместителем Абд-

39

ал-Мелик ибн Атташа Хасан ибн Саббах принял твердое решение отправиться в Египет [61, с. 94]. В. А. Иванов считает, что Абд ал-Мелик ибн Атташ посылал Хасана ибн Саббаха в Египет, «вероятно, с целью завершения образования или знакомства с наиболее авторитетными исмаилитами» [41, с. XIX]. «В 469/1076/77 г. я прибыл в Исфахан на моем пути в Египет», — продолжает Джувейни рассказ от имени Хасана ибн Саббаха [20, с. 189].

Из Исфахана, проехав через Азербайджан, он добрался до Мийяфарикина, откуда был изгнан по приказу местного казиза за организацию религиозного диспута. Затем через Мосул и Ра-хабу он прибыл в Гуту Дамасскую. Но на его кратчайшем пути в Египет встал тюрк Оксыз, от которого Хасану ибн Саббаху пришлось спасаться бегством. Он сделал большой крюк и через приморские города Сирии — Бейрут, Сайду (Сур), Акку — прибыл в Кейсарию. Решив добраться до Египта морем, он в Мине сел на корабль. Море было бурным. Через семь дней он достиг г. Тинниса, а затем г. Мемфиса, лежащего у границы Каира (61, с. 99—100). Здесь ему якобы была оказана торжественная встреча. Рашид ад-дин даже называет тех, кто его встречал. Это были Бу Дауд —глава проповеди и Шариф Тахир Казвини — из числа известных лиц столицы. В. А. Иванов считает совершенно невероятной эту торжественную встречу. Хасан ибн Саббах «был молодой практикант, вероятно мало кому известный, и официальные лица едва ли побеспокоились почтить его помпезной церемонией» [244, с. 19].

18 сафара 471 г. х. (30 августа 1078) Хасан ибн Саббах прибыл в Каир (20, с. 190; 61, с. 101)³. Следовательно, его путь из Исфахана в Каир занял около полутора лет. О том, что происходило в это время при дворе Мустансира, источники сообщают противоречивые сведения, и столь же противоречивы мнения исследователей.

Мустансир соответственно исмаилитской традиции объявил своим преемником по халифату и имамату своего старшего сына — Абу Мансура Низара. Затем (год не указан) он отменил свое первоначальное решение и объявил преемником младшего сына — Абу л-Касима Ахмеда, дав ему титул Мустали би-л-лах (231, т. III, с. 767]. Такая замена объяснима борьбой придворных группировок, которые поддерживали одного или другого царевича. При дворе Мустансира с 1074 г. [231, т. III, с. 787] огромную роль стал играть амир ал-джуйуш (главнокомандующий) армянин Бадр ал-Джамали, бывший врагом Низара и сторонником Мустали. После смерти Бадра ал-Джамали, которая произошла за месяц до смерти Мустансира (1094 г.), его сын ал-Афзаль Шахиншах продолжал политику

³ Издатели текста Рашид ад-дина отмечают, что оба историка указывают одну и ту же дату, которую следует считать правильной (61. с. 101).

40

своею оша. Когда умер Мустансир, ему без особого труда удалось посадить на престол Мустали.

Когда произошло назначение Мустали и обострилась борьба придворных группировок, точно установить трудно. Решение Мустансира в пользу младшего сына вызвало недовольство среди исмаилитов. Был нарушен теоретически незыблемый принцип о переходе имамата от отца только к старшему сыну.

У фатимидских исмаилитов раскол на низаритов (признавших имамат Низара) и

мусталитов (признавших имамат Мустали) произошел, по свидетельству всех источников, только после смерти Мустансира. Джувейни совершенно четко пишет: «После смерти Мустансира эмиры и дан ереси (фатимидские исмаилиты. — Л. С.) разделились на две партии: одни (из них] поддержали имамат Низара, на том основании, что только первое назначение было действительным. Исмаилиты, т. е. еретики Ирака, Сирии, Кумиса и Хорасана, были этой партии, и их называли низариты; другая партия поддержала имамат Мустали. Это исмаилиты Египта и тех областей, и их называли мусталиты» (20, с. 179—180).

Пока Мустансир был жив, он являлся единственным имамом для всех исмаилитов. На его имя читалась хутба, от его имени чеканилась монета, его именем велась вся дават⁴ исмаилизма. Никакого другого вероучения, кроме фатимидского официального исмаилизма, в это время не было. Ведение пропаганды во имя царевича Низара совершенно исключалось. Можно было быть сторонником Низара или Мустали, но не больше. Так как вес историки писали позже 1094 г. (года, с которого начался раскол), то они, обращаясь часто к далекому уже прошлому, нередко искажают события, которые произошли уже после раскола, и переносят их в период, ему предшествующий. Поэтому сведения источников о жизни и деятельности Хасана ибн Саббаха в Египте крайне противоречивы. Они сосредоточены на двух взаимосвязанных вопросах.

Первый из них заключается в следующем: состоялась или не состоялась личная встреча Хасана ибн Саббаха и халифа-имамом Мустансира и какой ответ дал последний на вопрос Хасана ибн Саббаха о том, кто из сыновей Мустансира будет после него имамом?

Различные источники приводят противоречивые ответы. Арабоязычные авторы без указания на источник их информации подтверждают факт встречи и решительное заявление Мустансира о том, что его преемником будет Низар. Ибн ал-Асир дважды говорит об этой встрече: «В 479/1086/87 г. к ал-Мустансиру-би-ллахи прибыл в одежде купца ал-Хасан ибн ас-Саббах и обратился к нему в его резиденции с просьбой вести пропа-

⁴ Дават — доел, «призыв, приглашение» (араб.); часто переводится как «пропаганда, проповедь» или дается без перевода.

ганду [дават! за него в Хорасане и стране аджамов. Он разрешил ему это, и он возвратился и начал тайно вести за него пропаганду. Он спросил у ал-Мустансира: „Кто будет моим имамом после тебя?“ Тот ответил: „Сын мой Низар“, и исмаилиты верят в имамат Низара» [24, т. IX, с. 186; т. X, с. 98, 131]. То же пишут Лбу л-Феда, Закария ал-Казвини и Ибн ал-Джаузи. Рашид ад-дин в разделе своего труда, посвященном Фатимидам, также подтверждает эти сообщения и заканчивает их так: «По этой причине исмаилиты признают имамат Низара и Сеййидна [Хасан ибн Саббах] выбрал крепости Кухистана, как мы потом об этом расскажем» [61, с. 77].

Совершенно иначе излагают события Джувейни и Рашид ад-дин (его второй рассказ см. ниже), когда они основываются на подлинных исмаилитских источниках. Джувейни передает прямую речь Хасана ибн Саббаха, взятую из «Саргузашт-и Саййидна»: «Я пробыл там (в Каире.—Л. С.) около полутора лет, и в течение моего пребывания, хотя я не достиг (не получил доступа) Мустансира, он знал обо мне и несколько раз обо мне спрашивал» [20, с. 190]. Так, по утверждению самого Хасана ибн Саббаха, встреча не состоялась.

Во втором рассказе, посвященном исмаилитам Аламута и основанном на исмаилитских источниках, Рашид ад-дин сообщает: «Он [Хасан ибн Саббах] в течение полутора лет пребывал там (в Каире) и во время [этого] пребывания хотя Мустансира не достиг, но Мустансир о положении его слышал и был осведомлен и неоднократно его хвалил, [говоря]: „Более, чем он, красноречивых среди той группы [?] нет“, и о действиях [влиянии] его был извещен [и говорил]: „Великие дела от рук его случатся и произойдут, и нам от него помощь кончится, а низаритам будет много славы“» [61, с. 101].

Противоречия в двух рассказах Рашид ад-дина можно объяснить тем, что в первом он упоминает о Хасане ибн Саббахе мельком, обещая подробный рассказ дать позднее. Он допускает неточность, связав начало деятельности Хасана ибн Саббаха не с Аламутом, а с Кухистаном; он называет его «купцом». Первоначальное назначение Низара наследником Мустансира считает причиной признания его исмаилитами, не упоминая ни о расколе, ни о Мустали. Сведения о встрече Хасана ибн Саббаха с Мустансиром, содержании их беседы и назначении Низара в качестве преемника имамом Рашид ад-дин, видимо, почерпнул из неисмаилитских источников.

Во втором рассказе, написанном позднее, Рашид ад-дин, как он сам об этом пишет, использовал исмаилитские (низаритские) источники. Здесь встреча Хасана ибн Саббаха с Мустансиром отрицается. Однако в уста Мустансира вкладывается славословие в адрес Хасана ибн Саббаха. Отметим, что в обоих рассказах Рашид ад-дин упоминает факты («Исмаилиты признают имамат Низара» и «Низариты будут иметь много

42

славы»), которые могли иметь место только после смерти Мустансира. Противоречивость источников дала основание Хаджсону, которому известны многие из приведенных выше версий, сказать следующее: «Рассказ, имеющийся у Рашид ад-дина (второй рассказ.— **Л. С**), очевидно взятый из позднейших низаритских источников, гораздо более подробный, но совершенно ясно, тоже легендарный» [239, с. 50].

Уже сама пестрота ответов свидетельствует о недостаточной достоверности фактов. Конечно, вопрос не может решаться «большинством голосов» источников. Приведя противоречивые сведения источников, исследователь может выбрать ту версию, которую считает наиболее достоверной, и аргументировать свой выбор. На наш взгляд, доверия заслуживают Джувейни и Рашид ад-дин (во втором рассказе). Встречи Хасана ибн Саббаха и Мустансира не было. Наш первый аргумент: оба историка основываются на «Саргузашт-и Саййид-на». Если бы встреча состоялась, Хасан ибн Саббах заявил бы об этом прямо, так как это, бесспорно, содействовало бы его авторитету. (Видел самого имама и выяснил у него лично важнейшие религиозно-политические вопросы.) Наш второй аргумент: трудно допустить, чтобы приехавший из Ирана 25-лстний плотник, человек без средств, положения и связей в Каире, мог добиться тайной встречи с самим фатимидским халифом — имамом — да еще прямо задал бы волновавший всех исмаилитов вопрос о наследнике. Наконец, наш третий аргумент: напомним о Насир-и Хосрове, который почти за 30 лет до Хасана ибн Саббаха был в Каире и упорно добивался встречи с тем же халифом Мустансиром. А. Е. Бертельс нашел изложение содержания не дошедшей до нас части «Сафар-наме» о пребывании Насир-и Хосрова в Каире [107, с. 163—164]. Насир-и Хосров, приехав в Каир, очень хотел повидать имама Мустансира. Это ему не удавалось, пока ему не помог один дай. Им, вероятно, был знаменитый исмаилитский философ и богослов Абу Наср ибн Имран, прозванный Муайяд фи-д-дин, занимавший с 1049 г. важные посты при Фатимидах. Дай сказал, что на еженедельный дарбар халифа Насир-и Хосрову вряд ли удастся попасть, но раз в году, в дни ноуруза, халиф выезжает в сады, разбитые его предком Хакимом, и там устраивает празднество. В эти дни раздают милостыню беднякам и устраивают торжественные приемы [107, с. 179]. Далее в тексте, по словам А. Е. Бертельса, изложение идет от имени Насир-и Хосрова. «Насир говорит, что он ждал в Каире два месяца, пока не наступили дни ноуруза. В один из этих дней он стоял на дороге, по которой должен был проехать Мустансир. Халиф, очевидно предупрежденный упомянутым дай, проезжая мимо Насира, приказал одному из приближенных позаботиться о нем. После этого Насир жил несколько дней в доме приближенного халифа. Когда халиф ехал обратно по окончании праздника, Насир снова стоял

43

на дороге, и на этот раз Мустансир позвал его к себе для беседы. Некоторое время Насир состоял на службе халифа и пользовался его милостями. Затем он был послан в качестве хужжата в Хорасан, в Балх, причем ему велели ехать с караваном паломников через Мекку и Басру». Все же А. Е. Бертельс ставит под сомнение возможность встречи: «Это сообщение... не может служить абсолютно надежным источником». «Видел Насир в Египте самого имама или нет, остается не совсем ясным» [107, с. 179—180]. Если сомнительна даже уличная встреча с имамом Насир-и Хосрова, человека уже не молодого, не бедного, имевшего большой стаж службы при дворах Газневидов и Сельджуков, друга Муайяд фи-д-дин, то какие шансы могли быть у неизвестного плотника Хасана ибн Саббаха? Возможность его аудиенции у имама исключается.

Второй круг вопросов, связанных с жизнью Хасана ибн Саббаха в Каире, касается его отношений с Мустансиром. Бадром ал-Джамали и Мустали. Для их решения необходимо установление времени рождения Мустали и, следовательно, его возраста ко времени пребывания Хасана ибн Саббаха в Каире.

Противоречивость исторических сведений привела к тому, что год рождения Мустали долгое время не считался точно установленным. Гибб называет 20 мухаррама

467 г. (16 сентября 1074) и считает, что «около этого времени» Мустали заменил своего брата Низара (последний родился в 437/1045/46 г. (231, т. III, с. 767]). Издатели исмаилитской части труда Рашид ад-дина, рассмотрев все имеющиеся в источниках даты, установили, что Мустали родился в 468/1075/76 г. [61, с. 78, примеч.]. Следовательно, дата Гибба почти верна — во время жизни Хасана ибн Саббаха в Каире (471/1078/79-472/1079/80) Мустали было 3—4 года.

Джувейни рассказ Хасана ибн Саббаха о его пребывании в Египте передал от первого лица. В то время «Амир ал-Джуй-уш (т. е. вазир Бадр ал-Джамали. — Л. С.), его [Мустансира] главнокомандующий, был полный и всевластный правитель и был тестем его (Мустансира) младшего сына Мустали, которого [Мустансир] вторичным [своим] утверждением сделал своим наследником. Я согласно принципам своего учения вел пропаганду [дават] в пользу Низара. По этой причине Амир ал-Джуй-уш был враждебен ко мне, подвязал пояс [злого] умысла на меня, вплоть до того, что принудили отправить меня вместе с группой франков на корабле, шедшем в Магриб» [20, с. 190-191].

Этот же рассказ, ведущийся в третьем лице, Рашид ад-дин передает со многими подробностями. Во время пребывания Хасана ибн Саббаха в Египте «Мустансир столько говорил о нем похвал, восхвалений и одобрений, что группа приближенных его высочества [Мустансира] и избранных вельмож двора Саййид-на стала завидовать и от места и звания его [занимае-

44

мого им] стала чувствовать, как бы из-за него месту и званию их перед Мустансиром не получился какой-либо изъян, вред и порок. А Саййид-на согласно принципам своего учения вел проповедь в пользу Низара. По этой причине Амир ал-Джуйуш Бадр был к нему крайне враждебен, с [плохой] целью к нему подбирался и хотел его из страны Мисра [Египта] послать на остров под видом [назначения] правителем, чтобы [он там] остался в тюрьме навечно.

Дейлемиты сказали Саййид-на: „Если прикажешь, мы Бад-ра отразим [изгоним]“. Мустали би-л-лах сказал: „Благое дело в том, что мы пошлем его в Димийат (Дамьетту. — Л. С.)“. Мустансир на то согласия не дал. Во время этих событий на той [же] неделе возвышавшаяся над водой башня крепости Димийат рухнула и разрушилась. Великие люди двора [придворные] случайное сочли удивительным и отнесли к ослаблению Мустансира и чуду Саййид-на. Тогда ему [Хасану ибн Саббаху] проявили уважение [по другой рукописи: принуждение.—Л. С.) и с группой великих (людей или франков) на корабле морем отправили в сторону Магриба» [61, с. 102].

Проанализируем эти сообщения. Хасан ибн Саббах, обращенный в исмаилизм фатимидским дай Абд ал-Мелик ибн Атташем и по его настоянию приехавший в Каир, в котором единственным имамом был Мустансир и раскола еще не было, ведет «согласно принципам своего учения» пропаганду в пользу Низара. Никакого «своего» учения в это время у Хасана ибн Саббаха еще не было и не могло быть. Его учение «Дават-и джадид» появляется позднее. Но и в нем Мустансир до своей смерти (в 1094 г.) выступает единственным имамом. Сообщение источников о «дават в пользу Низара» является первым историческим несоответствием. Мустали, будучи трех-четырёх лет от роду, не мог вмешиваться в политические дела, не мог быть зятем Бадра ал-Джамали. Это второе историческое несоответствие.

У Хасана ибн Саббаха появляются в Каире неожиданные союзники — дейлемиты, готовые по его сигналу стать на его защиту и противодействовать Бадру ал-Джамали. Их предложение Хасан ибн Саббах оставил без ответа. Это сообщение также не может быть принято за достоверное. Связи Хасана ибн Саббаха с Дейлемом и дейлемитами устанавливаются много позднее, в конце 80-х годов, в Иране. Трудно поверить, чтобы молодой иностранец, вышедший из ремесленных кругов Рейя, за полтора года жизни в Каире смог добиться таких «мест и рангов», что вызвал ревность, зависть, опасение за собственное положение придворных Мустансира, и в их числе самого главнокомандующего Бадра ал-Джамали. Нам известны «карьереры» многих правителей. Они требуют знаний, опыта в государственных делах и придворных интригах, но прежде всего длительного времени. К тому же Хасан ибн Саббах даже

45

не встретился с самим Мустансиром. Совершенно неправдоподобной легендой выглядит рассказ о том, что случайное событие — падение и разрушение крепостной башни в Дамьетте — решило дальнейшую судьбу Хасана ибн Саббаха. И именно в это время шли

споры о его судьбе. Бадр ал-Джамали предлагал заточить его навечно; Мустали хотел сослать в Дамьетту. Мустансир не соглашался с предложением сына. Хасана ибн Саббаха спасло чудо: вместо заточения и ссылки его только высылают из страны.

Из этих противоречивых и недостаточно достоверных сообщений совершенно явственно выступает тот факт, что они были написаны гораздо позднее смерти Мустансира и раскола и с пронизаритских позиций. Эти рассказы имеют целью постфактум доказать следующее. Хасан ибн Саббах уже в Каире в 1078/79 г. был сторонником Низара и вел пропаганду в его пользу. Уже тогда его поддерживали дейлемиты. Имам Мустансир (хотя и не видел лично Хасана ибн Саббаха) одобрял его деятельность, хвалил и выдвигал его. Уже тогда совсем молодой Хасан ибн Саббах достиг при дворе Фатимидов такого положения, что сам временщик Бадр ал-Джамали ему завидовал и видел в нем своего соперника. Чудо спасло Хасана ибн Саббаха от рук врагов.

Что же следует принять за достоверное?

Мнения исследователей расходятся. В. Л. Иванов, отрицая возможность выдвижения уже в это время Мустали, считает, что отношения Хасана ибн Саббаха и Бадр ал-Джамали испортились «после некоторых осложнений, истинная причина которых обречена остаться для нас тайной» [244, с. 19]. Хаджсон считает легендой рассказ о пребывании Хасана ибн Саббаха при дворе Мустансира. «Мы даже не можем быть уверены, что он был в оппозиции к правящей клике этого времени» [239, с. 49—50]. По нашему мнению, если принять утверждение Гибба, что назначение Мустали состоялось очень скоро после его рождения и появления на политической арене Бадр ал-Джамали, то это назначение, нарушающее традиции исмаилизма, должно было получить широкий резонанс в фатимидском государстве. Формального раскола еще быть не могло, но сторонники обоих царевичей были не только при дворе, где этот вопрос непосредственно решался. Нарушение важнейшей религиозной и правовой традиции волновало всех: дворец и базары, знать и простых людей, Каир и все фатимидское государство. В эту борьбу страстей оказался втянутым и чужеземец, но уже обращенный в исмаилизм, — Хасан ибн Саббах. Рассказы о его высоком положении при дворе, встречах с имамом и т. д. рассматриваются нами как легенды, возникшие, бесспорно, уже после раскола. Был ли враждебен Бадр ал-Джамали к Хасану ибн Саббаху? Возможно. Но не за «проповедь во имя Низара», которой еще не могло быть, а за поддержку Низара, неспра-

ведливо обойденного имамом из-за происков Бадр ал-Джамали.

Что же дала Хасану ибн Саббаху поездка в Египет и жизнь в Каире в течение полутора лет? «Его пребывание в Каире, видимо, не имело большого успеха», — пишет В. А. Иванов [244, с. 19]. Он считает, что эта поездка имела целью завершение Хасаном ибн Саббахом образования или знакомство с исмаилитскими авторитетами.

С нашей точки зрения, пребывание в Каире дало Хасану ибн Саббаху очень многое. Если ему и не удалось пробиться в правящие круги фатимидского государства, то познакомиться с Каиром и политической обстановкой в столице он имел полную возможность. Он мог посетить знаменитые мечети аль-Азхар, Хакима, Ахмеда ибн Тулуна и Амра ибн ал-Аса, упоминаемые Насир-и Хосровом. Может быть, в этом центре исмаилитской религии, науки и философии ему довелось послушать ученых в мечети Амра ибн ал-Аса, которая «является местом собрания жителей этого большого города и где бывает не менее пяти тысяч человек учащихся, приезжих и писцов» [51, с. 94]. Может быть, ему бросился в глаза разительный контраст между богатым Каиром с его 6-, 8-, 12-, 14-этажными домами, о которых сообщал Насир-и Хосров [51, с. 94], и его родным Рейем с его глинобитными домишками ремесленных кварталов.

Но сомнений не вызывает то, что Хасан ибн Саббах узнал о прогрессирующем падении мощи Фатимидского халифата. Уже были потеряны Алжир и Тунис, Сицилия была захвачена норманнами, Сирия и часть Палестины — Сельджуками. При дворе шли склоки в среде военщины; Бадр ал-Джамали фактически захватил власть в свои руки. Самым главным для Хасана ибн Саббаха была возможность убедиться в том, что исмаилитам Ирана не придется рассчитывать на помощь Фатимидского халифата, и, наконец, борьба группировок при дворе Мустансира, поддерживавших Мустали или Низара, предопределила позднее, после раскола 1094 г., признание Хасаном ибн Саббахом имамата Низара.

Итак, из Каира (принудительно или с почетом) Хасан ибн Саббах на судне был отправлен в Магриб. Он «в раджабе [4]72 г. (28 декабря 1079 — 27 января 1080) прибыл в Искандерийе (Александрию). Неожиданно ветер переменился и повредил судно. Оно попало в Джабиле, который был христианским городом. Его казн проявил по отношению к

Саййид-на заботу и гостеприимство. Так как море было бурным, а судно неуправляемым, то оно прибыло к берегам Сирии. И Саййид-на на корабле [другом?] отправился в Саудию, а оттуда — в город Халеб [Алеппо]. И он 17 месяцев был в блистательной Кахире [Каире] и 17 месяцев в Искандерийе и в море блуждал. И из Халеба по дорогам Багдада и Хузестана прибыл в Исфахан в

47

конце месяца зу-л-хиджа 473 г. х. (13 мая — 11 июня 1081)» [61, с. 102—103]. Посещение сирийских городов явилось причиной того, что через десять лет Хасан ибн Саббах послал в Сирию своих дай, которые стали руководить борьбой местных исмаилитов против мусульманских феодалов и христианских феодалов-крестоносцев.

Учение Хасана ибн Саббаха «Дават-и джадид»

С 1081 г. после возвращения Хасана ибн Саббаха из Египта начинается новый период его деятельности. Ему было уже около 27 лет. Свыше десятилетия он был связан с исмаилитами, побывал в Сирии и Египте, тысячи километров проехал по суше, плавал по Средиземному морю, полтора года прожил в фатимидской столице. Кончился период накопления политических и религиозных знаний. Начиналась пора активной политической и пропагандистской деятельности.

Уже в это время о его деятельности и связях с исмаилитами было известно сельджукским властям, и они его разыскивали. В Исфахане, куда он отправился после возвращения из Египта, Хасану ибн Саббаху пришлось скрываться. Он нашел убежище в доме раиса Абу л-Фазла, своего тайного сторонника. Однажды, жалуюсь на судьбу и рассуждая о фанатизме султана Мелик-шаха и его министров, Хасан ибн Саббах вздохнул и сказал: «О горе! Если бы (хоть) два человека были со мной единомышленны, то я бы это царство перевернул вверх дном» (20, с. 205)⁵. Раис Абу л-Фазл принял слова Хасана ибн Саббаха за бред сумасшедшего и даже стал подмешивать ему в пищу лекарства.

Политическая цель Хасана ибн Саббаха была сформулирована им очень четко: уничтожить политическую власть Сельджуков, «перевернуть вверх дном» все государство, освободить от их господства население Ирана и его территорию. Такова была первоочередная задача исмаилитов. Конечно, уже в это время Хасан ибн Саббах не был одинок и имел единомышленников. *

Социальные идеи исмаилитов Ирана столь определенно и четко нигде и никогда сформулированы не были. О них можно судить по косвенным сообщениям источников, конкретным фактам из истории исмаилитского государства, а также путем обращения к социальным идеалам других народных движений близких исторических периодов. Кроме того, политические и социальные лозунги выявляются и из религиозного учения Хасана ибн Саббаха, которое позднее получило название «Дават-и джадид», отличное от «Дават-и кадим» (старого учения) фатимидских исмаилитов.

⁵ У Рашид ад-дина этого высказывания нет.

48

В. А. Иванов отмечал, что средневековые авторы (Шахрастани, Джувейни, Рашид ад-дин и др.) «ощущали разницу между тем, что они называли „Дават-и кадим“, или старой фатимидской пропагандой, и новой религией „Дават-и джадид“ — реформированным учением» (41, с. XXVIII]. В подлинных исмаилитских источниках эти термины никогда не появлялись (41, с. XXVIII, примеч. 2]. В. А. Иванов указывает на отсутствие исмаилитских источников, относящихся к XI—XII вв. По его мнению, основанному на цитатах из работ Хасана ибн Саббаха, «кажется, что его (Хасана ибн Саббаха.— Л. С.) идеи едва ли сильно отличались от фатимидских догм» (250, с. 101 — 102]. «Сомнительно, чтобы часть реформ могла бы полностью быть приписана Хасану ибн ас-Саббаху» [41, с. XXVIII].

Таким образом, отсутствие исмаилитских источников, относящихся к концу XI — началу XII в. и более позднему периоду, употребление термина «Дават-и джадид» только одним ересиологом XII в., Шахрастани, и историками XIII—XIV вв., а также тот факт, что ни один из современных авторов не занимался этой проблемой, затрудняют ответ на вопрос: что такое «Дават-и джадид»?

Когда в 70-х годах XI в. Хасан ибн Саббах принял исмаилизм, он познакомился с учением фатимидских исмаилитов. 14а-кие же изменения внес в него Хасан ибн Саббах?

Мы располагаем небольшим количеством источников, которые, дополняя друг друга (а порой почти повторяя), дают возможность выявить важнейшие религиозно-философские положения «Дават-и джадид».

Шахрастани использовал не дошедшее до нас сочинение самого Хасана ибн Саббаха на персидском языке и состоявшее из семи частей. Он писал, что его целью был лишь перевод на арабский язык труда Хасана ибн Саббаха.

Джувейни излагает основные положения учения Хасана ибн Саббаха и полемизирует с ним, сопровождая свое повествование всяческим поношением исмаилитов. Рашид ад-дин гораздо более краток и, как всегда, объективен. От критики он воздерживается. Во многих местах сообщения обоих историков почти совпадают. Последовательность в изложении основных положений учения Хасана ибн Саббаха у них' одинакова. Только Рашид ад-дин приводит содержание двух диспутов исмаилитов Аламута с суннитами.

В поздних исмаилитских трактатах [67; 43] встречается около полутора десятка цитат из не дошедших до нас сочинений Хасана ибн Саббаха. Они фрагментарны, несистематичны, касаются различных философских и догматических вопросов.

В учении Хасана ибн Саббаха полностью сохранилось положение ислама о творце всевышнем (боге) как создателе всего существующего: «Только бог имеет абсолютное бытие; всякая вещь, которая есть, существует благодаря ему; всякая

4 Зак. 686

49

вещь, которая отделяется от существования бога, падает в абсолютное небытие. Физический мир, который управляем [законами] от высших небесных сфер до центра земли, существует только через существование бога, т. е. держится только некоей силой, которая является одной из форм могущества бога и которая делает его [физический мир] существующим. Небеса подобны отцу, свет подобен слову, и их сыновьями являются неорганическая природа, растения и животные» (41, с. 89)⁶. (Последнюю фразу следует понимать в том смысле, что неорганическая природа, растения и животные являются порождением слова бога «будь», а весь подлунный мир является детищем небес.) Можно утверждать, что основное положение ислама о боге (как творце мира), его единстве и всеведении Хасан ибн Саббах принимал полностью. Шахрастани писал: «Со своими последователями в теологии он не шел дальше того, что говорил: наш бог — это бог Мухаммед» (76, с. 152).

В учение Хасана ибн Саббаха включались вера в пророческую миссию Мухаммеда, уважение к Корану, сунне⁷ и шариату. Он называет Мухаммеда «избранным среди всех пророков, который собрал законы шариата от всех законодателей» [41, с. 79]. Во фрагментах его трудов, сохранившихся в исмаилитских источниках, цитаты из Корана встречаются часто. Многие из них относятся к Али и восхвалению его Мухаммедом. Например: «Как сказал Пророк: „Я и Али были оба светом перед господом всевышним за 40 000 лет до сотворения Адама“» [41, с. 79]. Мухаммед сказал, что он [сам] — «жилище мудрости, а Али — его врата» и т. д. Подобное восхваление Али характерно для всех шиитов, обоснованием его служат изречения из Корана.

В. А. Иванов пишет, что Хасан ибн Саббах строго соблюдал правила шариата. Доказательством того, как он считает, являются сообщения Джувейни и Рашид ад-дина о том, что за питье вина, не дозволенное исламом и шариатом, он убил своего сына [41, с. XXIX].

В трудах Хасана ибн Саббаха термин, «батин» не встречается вовсе, а термин «захир» употреблен всего один раз. Рассказывая от первого лица о своем давнем желании написать комментарий к книге под названием «Khutbatu'l bayan», или, что то же, «Khutba'i anabat («Клятва утверждения заместителя — преемника», написанная Али ибн Аби Талибом), он говорит: «Как могут эти священные слова быть анализированы и синтезированы таким путем, чтобы не появилось конфликта с буквой религии [захир] и не было возражения правоверных» [41, с. 80]. Следовательно, желая написать свой ком-

⁶ В. А. Иванов отметил, что этот отрывок совпадает с текстом (см. 67, с. 25).

⁷ Сунна суннитов и сунна шиитов различны.

ментарий, Хасан ибн Саббах не хотел переступить границы захира и вызывать нарекания.

Для людей того времени религия (или отдельные ее толки) должна была прежде всего показать правильный путь к познанию бога. Познание бога подразумевало познание истины и путь к спасению. Поэтому первый и основной вопрос, который в своем учении ставил Хасан ибн Саббах, был вопрос о пути познания бога. Он говорил: «Познание бога разумом и размышлением невозможно, [оно возможно] только поучением имама» [61, с. 106]. Это утверждение являлось краеугольным камнем всего учения Хасана ибн Саббаха в области религии. Это очень точно уловил Джувейни, который писал: «Хасан ибн Саббах не допускал ничего другого, помимо поучения [имама] и изучения [его поучения]» [20, с. 196]. Все его дальнейшие положения развивают именно этот тезис и одновременно опровергают возражения возможных противников.

Содержание первой главы сочинения Хасана ибн Саббаха Шахрастани передает так. Хасан ибн Саббах сказал: «Тот, кто высказывает суждение о творце, всевышнем, должен сказать одно из двух. Или он должен сказать: „Я познаю творца всевышнего только разумом и размышлением, без необходимости в поучении учителя“. Или он должен сказать: „Нет пути к познанию только разумом и размышлением, а есть исключительно через поучение истинного учителя“» [76, с. 152]. Таким образом, слушающий «Дават-и джадид» Хасана ибн Саббаха ставился перед необходимостью решить вопрос о пути познания бога без помощи или с помощью имама. Против первого положения Хасан ибн Саббах выдвигал следующее возражение: «Тот, кто утверждает первое [положение], не может отрицать [что бы то ни было] разум и размышление, ибо отрицание [есть] поучение» [76, с. 152].

Развитие этой мысли Хасана ибн Саббаха находим у Джувейни: «Большинство людей обладают разумом, и каждый имеет свой взгляд [точку зрения] на пути веры. Если бы для познания бога (высшей истины) было бы достаточным применение одного только разума, члены никакой секты не могли бы выдвинуть возражений против других сект и все были бы одинаковы» (20, с. 195). Но у людей есть возможность отрицания и возражения, подражания и выбора. Отсюда Хасан ибн Саббах делал категорический вывод, что разум для познания бога недостаточен и в каждую эпоху необходим имам, чтобы люди при помощи его поучения стали обученными и овладели религией через его поучение.

Таким образом, разнообразие человеческих суждений о боге, невозможность опровержения противников, стоящих на позиции познания бога только путем разума, но приходящих к разным выводам, ибо опровержение их уже являлось бы поучением, выдвигались Хасаном ибн Саббахом как доказательство

51

второго положения —необходимости в получениях имама. «Эта первая глава, — говорит Шахрастани, — опровергает сторонников [познания бога путем] размышления и разума» [76, с. 150].

Однако учение Хасана ибн Саббаха отнюдь не отвергало и не снижало роли человеческого разума. Он подчеркивал: «Почтение [имама] с разумом вместе обязательно, а [учение] мазхаб врагов в том, что поучение [имама] с разумом вместе не обязательно» [20, с. 196; 61, с. 106]. Эту мысль Хасан ибн Саббах развивал так: «Если поучение имама не обязательно то оно может быть дозволенным или недозволенным. Если поучение [имама] дозволено, оно будет содействовать функции разума. Если же поучение имама не будет дозволено, то для познания бога будет применен один только разум, но тогда (как он говорил выше. — Л. С.) познание бога плодотворным не будет». По словам Джувейни, в качестве примера необходимости поучения людей (в данном примере Мухаммедом) Хасан ибн Саббах приводил следующий стих Корана:

«Я был послан, чтобы сражаться с людьми, пока они не скажут: „Нет бога, кроме Аллаха“, следовательно, „Нет бога, кроме Аллаха“ стало известно людям в качестве поучения» [20, с. 198].

Во второй главе труда Хасана ибн Саббаха после установления необходимости в учителе, ставился вопрос: является ли приемлемым абсолютно любой учитель или необходим только истинный, заслуживающий доверия? Первое положение отвергается на основании того, что тогда ни один учитель не имеет права опровергать другого, враждебного ему, а отрицание любого учителя тем самым предполагает необходимость только в учителе истинном, заслуживающем доверия [76, с. 150]. Так доказывалось положение о необходимости одного истинного учителя, т. е. имама. «Это опровергает сторонников хадисов (суннитов)», — отмечает Шахрастани [76, с. 150—151]. Как известно, в ортодоксальном исламе существует много толков, школ и направлений, во

многим противоречащих друг другу, что, с точки зрения Хасана ибн Саббаха, легко объяснить деятельностью неистинных, не заслуживающих доверия учителей.

В третьей главе Хасанова труда говорится о том, что если установлена необходимость в истинном учителе, то встает вопрос: необходимо или нет знать учителя, увериться в нем и затем учиться у него или же учение дозволено от каждого учителя, независимо от его личности и доказательства его истинности? «Второе приводит к первому. Тому, кому невозможно следовать пути без учителя и товарища, нужен „сперва товарищ, а потом путь"» [76, с. 151]. Здесь, ссылаясь на Коран, Хасан ибн Саббах утверждает, что поучение ограничено одним лицом — имамом, т. е. давать поучения людям может только имам. Но «он не приводит свидетельств [доказательств] для указания имама», — подчеркивает Джувейни [20, с. 197]. Иными

52

словами, конкретно имя имама Хасан ибн Саббах не называет.

В четвертой главе Хасан ибн Саббах отмечает, что человечество делится на две группы. Одна считает, что для познания творца всевышнего необходим заслуживающий доверия учитель, который должен быть выделен и отличен (от всех других учителей) и от которого должно учиться. Вторая принимает на каждой nive знания и того, кто является, и того, кто не является учителем. Истина с первой группой. Ее глава — глава истинный. Вторая группа в заблуждении, ее главы — главы заблуждения [76, с. 151]. Отметим, что последнее положение направлено против всех инакомыслящих, их глав, вождей и руководителей.

Содержание остальных трех глав труда Хасана ибн Саббаха Шахрастани перечисляет очень бегло и неполно. Среди них была глава о «малом» и «великом», об «истине» и «заблуждении». Хасан ибн Саббах подчеркивал, что символом истины является единство, а символом заблуждения — множественность. Единство людей приходит к ним с поучением имама и ведет к общности, которая возглавляется имамом; множественность — следствие размышлений, что приводит к существованию разных сект, которые возглавляются разными предводителями [76]. Шахрастани подчеркивает, что «в каждой доктрине, в каждой речи он (Хасан ибн Саббах) возвращался к утверждению [о необходимости] учителя (т. е. имама.— Л. С.)» [76].

Интересные сведения, дополняющие наше представление об учении Хасана ибн Саббаха, мы находим только у Рашид ад-дина, который приводит тексты двух диспутов между Хасаном ибн Саббахом и его последователями, с одной стороны, и посланными Сельджуков, суннитами, — с другой. В 500/1106/07 г., в пору вооруженной борьбы исмаилитов с сельджукским султаном Мухаммедом (1105—1118), по инициативе последнего в Аламут был послан данишменд (ученый) по имени Абу л-Аб-бас Арджани для личной встречи с Хасаном ибн Саббахом. Между ними состоялся следующий разговор. Данишменд сказал: «Много на земле есть исмаилитов, которые мусульман не убивают; значительная группа [людей] исповедует ваш мазхаб и того не делает, что вы делаете» [61, с. 127].

Этот упрек в убийстве мусульман Хасан ибн Саббах оставил без ответа. Он перевел разговор на чисто религиозные темы и поставил вопрос о путях познания бога и спасения людей от ада. «Сайид-на сказал: „Люди книгой бога (Кораном.—Л. С.) и сунной посланника его будут спасены, а по мнению врагов, [мы] разумом и мыслью божественность познаем. Познающий бога сам в ад не пойдет". А [мы] говорим: „[Познание бога] —книгой и сунной". А они [враги] говорят: „Познание [бога] — разумом, размышлением, мнением, аналогией, взором, рвением и разными, разными выражениями". Данишменд спросил: „Коран сотворен или нет?" Сайид-на

53

сказал: „Господь всевышний в Коране преславном слова свои прочел, что если кто-нибудь из многобожников просит у тебя убежище, то приюти его, пока он не услышит слова Аллаха. Кадариты и другие еретики говорят: „сотворенный" Все ереси — заблуждение и всем заблуждающимся — дорога в ад. Во всем мире друзей хадисов, кроме нас, нет. А все другие являются последователями размышления"» [61, с. 127].

На основании этого диалога можно сказать следующее. В разговоре со своим политическим и религиозным врагом — суннитом — Хасан ибн Саббах заявил, что путь к познанию и спасению определяется только Кораном и сунной, т. е. он высказывал положение суннитского ислама. Вопрос данишменда о сотворенности или несотворенности Корана имел целью выяснить на каких позициях стоит Хасан ибн Саббах

в одном из важнейших положений ислама. Ортодоксальный ислам утверждает вечность и несотворенность Корана. Сложившаяся еще до 700 г. н. э. школа кадаритов (учение которых позднее было обосновано и развито мутазилитами) считала, что Коран не вечен и сотворен богом [145, с. 201, 206—207]. Из ответа Хасана ибн Саббаха явствовало, что, подобно последователям ортодоксального ислама, он и его последователи признают Коран вечным и несотворенным, от ересей отмежевываются и убеждены, что все инакововерующие заблуждаются и попадут в ад.

В этом диспуте Хасан ибн Саббах не упомянул ни о роли имама для спасения людей, ни о необходимости аллегорического истолкования Корана, которое принимают как шииты, так и сунниты. Позиция, занятая Хасаном ибн Саббахом, является ярким примером такийа (обязанность шиита по мере надобности скрывать свои истинные взгляды от врагов).

Через сорок дней к исмаилитам в Аламут прибыл второй данишменд, по прозвищу Абу-Наср, из числа слуг султана Мухаммеда. Он сказал: «Что это такое, что вы со стен крепости голос подаете? „Нет бога, кроме Аллаха" должно говорить, а если нет [не будете говорить], Пророк вас по шеям побьет. Мы все говорим, и какой [это] будет мусульманин, который не говорит? А вы разум отвергаете, а человек, не имеющий разума,—сумасшедший» [61, с. 128]. Отвечать ему стал Кийа Бузург Умид (будущий преемник Хасана ибн Саббаха), он сказал: «Верования наши от врагов не следует слушать. Основа нашего мазхаба в том, что у людей должен быть разум и [с разумом] Пророк, да благословит его Аллах и да приветствует! А кто без разума, тот сумасшедший, а тот, кто слов Пророка не слышал, тот кафир. Аналогия этому такова: [человеку] глаза нужны, а глазам — свет, ибо, если глаза имеет, а светильника нет, в темноте ничего не увидит. И наоборот, если светильник есть, а глаз нет, [также ничего не увидит]. А мнение (исмаилитов. — Л. С.) таково: людям нужно иметь веру [ту],

54

которую всевышний бог языком Пророка в великом Коране повелел. И в истинном и абсурдном, дозволенном и запретном так должно поступать, как приказано языком Пророка, чтобы неверующим не стать».

Абу-Наср сказал: «Бога нельзя [было бы] понять разумом, если бы он не послал Пророка. Людям было необходимо познать бога; теперь все мусульманские народы станут неверными».

Дай сказал: «Мусульмане по слову Пророка являются мусульманами. Если для познания бога в Пророке необходимости не будет, с чем мусульмане [останутся]? А если без Пророка, люди со своим разумом [разве] мусульмане будут? Кто в мире неверные? Иудеи, гебры, христиане, язычники — все [они] люди разумные. Пророк сказал: „Разделится народ мой на 73 секты, и одна спасется, а остальные погибнут". Спросили его о спасшейся секте, он сказал: „[Это] люди сунны и общины". Его спросили о людях сунны и общины, и он сказал: „Сегодня я и мои сподвижники с ними". Данишменд сказал: „Теперь спасаемая секта — это мы". Дай сказал: „Спасение из правильного места придет, так как мы обращаемся к правильному корню. Как сказал Пророк: „Говорите: нет бога, кроме Аллаха, Мухаммед — посланник Аллаха", и эти слова являются исповеданием мусульманской веры; каждый, кто их скажет, станет мусульманином и спасшимся, а немусульмане — [это] те, кто бога разумом и размышлением познают"» [61, с. 128—129].

Таково содержание второго диспута. В нем исмаилиты отстаивают три положения. Первое: познание бога и спасение возможны только для тех, кто руководствуется Кораном и словом посланника (т. е. его поучением). На этом стоят исмаилиты, они считают себя единственной спасшейся сектой. Второе: гебры, христиане, иудеи — все люди разумные, но им не спастись, так как они не знают слова Пророка. Третье: противники исмаилитов (сунниты) хотя и знают формулу веры, но в познании бога и истины опираются только на собственный разум. Они — неверные, они принадлежат к сектам заблуждающихся, им уготован ад.

Хотя имам и его роль в этом диспуте не упомянуты, но в нем явственно звучит четвертое положение учения Хасана ибн Саббаха — о разделении людей на две группы. Необходимо отметить, что Хасан ибн Саббах, Кийа Бузург Умид и дай высказывают одни и те же положения. Их единодушие можно считать претворением в жизнь тезиса о том, что «с имамом — единство». Последнее находит свое проявление в идеологической, политической и социальной областях. Применяя все тот же прием такийа, исмаилиты ни словом не упомянули об имаме, но со своих позиций они не сходят. В диспуте с врагами функция имама переносится на Пророка.

«В каждой доктрине, в каждой речи, — подчеркивает Шахрастани, — он (Хасан ибн Саббах] возвращался к утверждению (о необходимости] учителя (т. с. имама. — Л. С.)». "В проповеди Хасана ибн Саббаха самым важным являлось положение об имаме. Сложнейших вопросов исмаилитского хакаика (о мировом разуме, мировой душе, материи, времени, пространстве, пророках, натиках и т. д.) он не касался. Более того, по словам Шахрастани, «он препятствовал простым людям в углублении в знания, подобно тому как людям знатым — в постижении старых книг, кроме тех (людей знатных], которые знали обстоятельства каждой книги и место авторов в каждой области (сфере]» [76, с. 152]. Следовательно, Хасан ибн Саббах старался отвлечь своих сподвижников от знакомства со старым фатимидским учением «Дават-и кадим».

Из отдельных высказываний Хасана ибн Саббаха, упоминаемых в исмаилитских трактатах, приведем три. Он говорил: «Высшее знание, Пророк и имам составляют фитрат; и рай, из которого пал Адам, также фитрат» [43, с. 66]. (Фитрат — врожденное религиозное чувство или понятие.)

Хасан ибн Саббах приводил следующие слова пророка: «Я принадлежу к арабскому народу, но [все] арабы не принадлежат мне, так как в деле религии народность не важна и верующий может быть завербован из любой народности» (41, с. 114].

Баба Сайид-на говорит: «Тюрки не из детей Адамовых происходят; и некоторые называют тюрок джиннами или пери. До [появления] пророка Адама пери, т. е. тюрки, в этом мире были» [43, с. 291].

Это высказывание Хасана ибн Саббаха представляет огромный интерес: «тюрки», т. е. сельджукские султаны и эмиры, против которых исмаилиты вели упорную борьбу, не считаются ими за людей («детей Адамовых»), они джинны, пери — силы зла. Конечно, такая оценка «тюрок» воодушевляла исмаилитов в борьбе с ними.

Таковы сведения об учении Хасана ибн Саббаха, которые можно было выявить в источниках.

Коренное различие между фатимидской «Дават-и кадим» и учением Хасана ибн Саббаха заключается в том, что эти учения получили распространение в разные эпохи, имели различные политические, социально-экономические и религиозные цели, нашли отклик в разной социальной среде.

После образования фатимидского государства и установления политической и религиозной власти фатимидских халифов-имамов основная цель «Дават-и кадим», можно сказать, была выполнена. В дальнейшем официальное вероучение Фатимидского халифата имело целью закрепить в сознании его населения законность и незыблемость власти «воплотившихся» имамов — Фатимидов. Хотя в течение X—XI вв. хорошо организо-

ванная пропаганда фатимидского исмаилизма велась в Средней Азии и Иране, она уже не имела целью ни подготовки к завоеваниям новых территорий, ни приобретения новых подданных фатимидским халифам.

Конец XI — начало XII в. были для Хасана ибн Саббаха и исмаилитов Ирана временем ожесточенной вооруженной борьбы с Сельджуками, многочисленных антисельджукских выступлений, имевших целью уничтожение их политической власти и создание независимого исмаилитского государства. Этим новым целям должно было соответствовать и новое идеологическое учение, которое в условиях феодализма неминуемо могло иметь только религиозную оболочку. Таким учением и явилось «Дават-и джадид» Хасана ибн Саббаха.

Как известно, фатимидский халиф Мустансир до своей смерти был единственным «явным» имамом исмаилитов. По совпадающим рассказам Джувейни и Рашид ад-дина, в 1092 г., в трудное время обороны Аламута, Хасан ибн Саббах, чтобы поддержать дух защитников крепости, сообщил, что он получил письмо от халифа-имам Мустансира. Это был единственный случай, когда Хасан ибн Саббах упомянул имя «явного» фатимидского имама.

Известно, что преемником Мустансира стал его младший сын — Мустали. Такое нарушение порядка наследования имамата вызвало раскол среди исмаилитов. Исмаилиты Ирана вместе с Хасаном ибн Саббахом признали имамат Низара и его потомков. Хасан ибн Саббах в своей пропаганде имени Мустали, т. е. «явного»

фатимидского имама, больше нигде и никогда не упоминал. Это свидетельствует о том, что правящие фатимидские халифы уже не считались им за имамов. Место «явного» имама в учении Хасана ибн Саббаха занял имам, находящийся в «скрытом» состоянии (сатр). Тайна, окружавшая местопребывание имама и само его имя, объясняется необходимостью конспирации, вызванной зверским убийством Низара и преследованием его потомков со стороны Фатимидов. Именно поэтому, как отмечал Джувейни, «он никогда не называл имени имама». Таким образом, замена «явного» фатимидского халифа-имамом «скрытым», лишенным политической власти, принужденным скрываться, является первой характерной чертой, отличающей «Дават-и джадид» от старого фатимидского учения.

Учение Хасана ибн Саббаха каких-либо новых религиозных положений не содержало и реформой фатимидского исмаилизма не являлось. В «Дават-и джадид» нет и намек на батин и ее важнейшую часть — хакаик, включавшую космогонию, философию эманации, сопоставление макро- и микрокосма, пророческие циклы и т. д. Сам Хасан ибн Саббах не мог не знать фатимидского учения во всей его полноте. В исмаилитских источниках как раннефатимидского периода, так и позднеала-

57

мутского (написаны ли они человеком ученым для людей образованных или лицом, не имевшим большого навыка в писании книг), предназначенных для первоначального ознакомления вновь обращенных, излагаются как захир, так и батин. Хасан ибн Саббах, как подчеркивал Шахрастани, запрещал простому народу читать книги, в которых излагается «Дават-и кадим». (К этой литературе получили доступ немногие, которые могли отнестись критически к ее содержанию и авторам.) Второе отличие «Дават-и джадид» от старого фатимидского исмаилизма состоит в том, что из этого (сложнейшего в своей философской части) учения Хасан ибн Саббах взял только учение об имаме, простое по своей сущности, вполне доступное любому неподготовленному слушателю и стороннику.

В той ожесточенной вооруженной борьбе, которую вели исмаилиты в Иране, помощи от Фатимидов они не ждали и не искали. Фатимиды, со своей стороны, в борьбу в Иране не вмешивались. К тому же «при Мустали [учение] „Дават-и“ (кадим.— Л. С), которое до этого имело сильную поддержку в лице фатимидского правительства, разбилось на несколько частей... оппозиционная низаритская ветвь (т. е. „Дават-и джадид“ Хасана ибн Саббаха.— Л. С.) потеряла свое влияние в Египте и других странах» [235, с. 127].

Захват Аламута (1090) положил начало существованию в Иране самостоятельного государства, не подчиненного ни Сельджукам, ни Фатимидам. Назначаемые Хасаном ибн Саббахом дай приняли «Дават-и джадид» и пропагандировали его, а не старое фатимидское учение. Полный разрыв с Фатимидами по линии политической, организационной и религиозной явился третьей характерной особенностью «Дават-и джадид». Приведенная Хасаном ибн Саббахом цитата из Корана о том, что «в деле религии народность не важна и верующий может быть завербован из любой народности», дает основание считать, что он старался привлечь в число своих последователей людей любой народности. Действительно, «Дават-и джадид» охватывало и жителей Дейлема, и персидское население Исфохана, и арабов Шейзара, Халеба и других районов Сирии. Фатимидская же пропаганда в Иране обращалась главным образом к представителям класса феодалов и отдельным ученым. Ставка на разные классы и группы феодального общества является еще одним (четвертым) различием между старым и новым учением.

Учение Хасана ибн Саббаха включало исламское монотеистическое понятие о боге едином, творце всего сущего («наш бог — бог Мухаммеда»); веру в Мухаммеда и его пророческую миссию; уважение к Корану (извечному и несотворенному). сунне и шариату; признание того, что истинный смысл Корана Мухаммед открыл только Али, и это знание сохраняется за его потомками (имамами). (Эти положения приемлемы даже для

58

суннита.) Как отмечено выше, учение об имаме, используемое различными политическими деятелями, приводило к разным социально-политическим результатам. В «Дават-и джадид» учение об имаме было теснейшим образом связано с конкретной исторической обстановкой в Иране и приобретало очень важное практическое значение. Оно имело несколько аспектов. Первый — религиозный: Хасан ибн Саббах указывал путь к познанию бога и, следовательно, спасению. Оно возможно только поучением имама.

Людям необходимо знать истинного учителя, но таковым является уже не фатимидский имам-халиф, а «скрытый» имам. Учение о «скрытом» имаме получало второй аспект — социальный. Положение Хасана ибн Саббаха о «скрытом» имаме логически должно было развернуться в учении о его возвращении и воплощении. Подтверждением этого являются рассказы историков о том, что перед смертью Хасан ибн Саббах завещал Аламутское государство своим преемникам «до того времени, когда имам возглавит свое государство» [20, с. 215; 61, с. 133].

Это учение было давно известно и близко народным массам, так как приход имама ассоциировался ими с установлением социальной справедливости. В учении Хасана ибн Саббаха четкие формулировки, призывающие к борьбе с феодализмом, не обнаружены. Однако антисельджукская борьба исмаилитов Ирана была неотделима от борьбы антифеодальной. В исмаилитском государстве были ликвидированы многие феодальные порядки, господствовавшие в сельджукском государстве. По словам Хамадани, Хасан ибн Саббах и его последователи не признали Мустали, создали отдельную ветвь исмаилизма, сделали попытку изменить исмаилитскую доктрину в раннее революционное учение карматов [235, с. 127].

Фатимидская «Дават-и кадим» никогда не содержала призывов к изменению социального строя. Учение Хасана ибн Саббаха отвечало социальным чаяниям народных масс Ирана и с воплотившимися фатимидскими халифами-имамами уже не связывалось. Это еще одно отличие учения Хасана ибн Саббаха от «Дават-и кадим».

Учение об имаме имело еще третий аспект — политический. Оно являлось теоретическим основанием для осуждения всех «заблуждающихся» и их ложных учителей, что на практике вооружало последователей Хасана ибн Саббаха в борьбе с врагами религиозными, политическими и классовыми. Положение о том, что вера в имама создает «общность» среди его последователей, конечно, способствовало укреплению единства среди сподвижников Хасана ибн Саббаха. Убежденность в том, что только исмаилиты идут правильным путем, внушала им уверенность в своем превосходстве над врагом. А это придавало им мужество, смелость в вооруженной борьбе с войсками Сельджуков и феодалов.

59

Фатимидская пропаганда в Иране на грани XI—XII вв. такого боевого, практического характера не имела. И это является еще одним отличием «Дават-и джадид» от «Дават-и кадим».

Таким образом, учение Хасана ибн Саббаха, не содержащее новых положений в области религиозной, являлось учением, обращенным к народным массам в форме, для них доступной, звало к антисельджукской и антифеодальной борьбе, имело боевой, практический характер. Все это и дало основание современникам назвать его «Дават-и джадид» и отличать от фатимидской «Дават-и кадим». Остается добавить, что это учение разрабатывалось Хасаном ибн Саббахом в течение всего периода его активной деятельности. Его основные положения легли в основу той пропаганды, которую Хасан ибн Саббах и его дай развернули в Иране в 80-х годах XI в.

60

Глава III

ВОССТАНИЕ ИСМАИЛИТОВ. ОБРАЗОВАНИЕ ИСМАИЛИТСКОГО ГОСУДАРСТВА (1090 г.— 20-е годы XII в.)

С 1081 по 1090 г. Хасан ибн Саббах и его сторонники, число которых быстро росло, развернули в Иране кипучую деятельность. После своего возвращения из Египта в месяце зу-л-хиджж 473 г. х. (май—июнь 1081) Хасан ибн Саббах приехал в Исфахан (20, с. 191; 61, с. 103J.

«Из Исфахана, — рассказывает Хасан ибн Саббах, — я отправился в Керман и йезд и вел там проповедь некоторое время. Затем я возвратился в Исфахан и во второй раз отправился в Хузистан, а оттуда по дороге пустыни в Фарим¹ и Шах-рияр-кух²» [20, с.

191]. Рашид ад-дин добавляет, что он четыре месяца оставался в Фариме и Шахрияркухе и три месяца в Хузестане, откуда через пустыню добрался до Дамгана [61, с. 103]. Источники не сообщают, где именно в Хузестане дважды был Хасан ибн Саббах. Напомним, что в этом районе в 869—883 гг. происходило мощное восстание рабов-зинджей, которое потрясло Аббасидский халифат (см. Нельдеке [280], А. Мюллер [138, т. II, с. 278—286], Е. А. Беляев [104, с. 258—268], А. Ю. Якубовский [165, с. 117—118]), а на грани IX—X вв. — восстание карматов (см. И. П. Петрушевский [145, с. 260 и сл.], А. Е. Бертельс [107, с. 80—81]). Каков был результат деятельности Хасана ибн Саббаха в этом районе, источники не сообщают. Позднее исмаилиты завладели здесь крепостью Надир. Затем Хасан ибн Саббах перебрался в Прикаспийские области, где в течение трех лет вместе со своими сподвижниками осуществлял активную деятельность. «Я оставался три года в Дамгане, — продолжает свой рассказ Хасан ибн Саббах, — откуда я направил группу дай в Андиж-руд и другие районы Аламута для обращения жителей. Я отправился в Джурджан, Тарз³, Сархад⁴ и Чинашк⁵ и возвратился оттуда» [20, с. 192]. Рашид ад-дин поименно перечисляет семерых

¹ Фарим находился в горах Восточного Мазендерана, к югу от г. Сари.

² Шахрияр-кух — ныне горная гряда Хазар-Джериб.

³ Тарз — деревня в районе Бейхака.

⁴ Сархад — вероятно, местность в районе Астрабада.

⁵ Чинашк — близ Кухсара, в районе Астрабада.

61

дай, посланных в Аламут. Это были: «Хаска Касрани, Хаджа Али Халдан Казвини, Хаджа Исмаил Казвинн, Мухаммед Джамал Рази, Кийа Бу л-Касим Ларджани, Али Намадгир Демавенди и Подшо Алави Рази» [61, с. 103]. [Не имея возможности установить общественное положение этих лиц, отметим, что двое из них были уроженцами (или жителями) Рейя, двое — Казвина и один — из Демавенда. Пятеро из семи стали сподвижниками Хасана ибн Саббаха в трудное для него время.]

Деятельность Хасана ибн Саббаха и его дай, продолжавшаяся в Иране уже около десятилетия, вызывала страх и ненависть сельджукских властей. Отношение господствующего класса к исмаилитам с предельной ясностью выражено в «Сийасет-наме». в главе «О выявлении дел еретиков, являющихся врагами шаха и ислама»: «Нет ни одного разряда людей более зловещего, более плохоговерного, более преступного, чем этот люд (исмаилиты. — Л. С). Пусть знает государь, что исподтишка они злоумышляют на это государство, ищут порчи для веры; они прислушиваются к каждому звуку, приглядываются к каждому миганию глаза. Если, упаси боже, эту победительную державу — да укрепит ее всевышний! — постигнет какое-либо несчастье или появится — да отвратит это господь! — бунт, эти псы выйдут из тайных убежищ, восстанут на эту державу, призовут к расколу, а сила их главным образом будет из рафизитов и хорремдинцев, произойдет все, что может произойти, как-то: разруха, споры, ересь. Они ничего не оставят. Нет хуже, чем они, противника для царства владыки мира. Люди, которые сейчас при этой державе не обладают никакой силой и призывают к шиизму, принадлежат к этому разряду. Они втайне творят их дело, поддерживают, проповедуют, настраивают владыку мира на то, чтобы он уничтожил дом сыновей Аббаса. Если бы сей раб (Низам ал-Мульк.— Л. С.) приподнял крышку с этого котла, о, какой смрад вышел бы оттуда! Когда меня не будет, станут видны разруха и их козни» [55. с. 164—165; 56, с. 188—189]. Отметим, как справедливо Низам ал-Мульк усматривал в исмаилитах политических врагов, готовых восстать против державы Сельджуков.

Низам ал-Мульк приказал изловить Хасана ибн Саббаха. По этому поводу Хасан ибн Саббах писал: «Низам ал-Мульк послал Бу Муслима Рази захватить меня, и он тщательно меня разыскивал. Поэтому я не мог ехать в Рей и хотел отправиться в Дейлеман, куда я послал группу дан. Я направился в Сари, а оттуда через Дунбаванд⁶ и Хувар-и Рей⁷ добрался до Казвина, воздерживаясь проходить через Рей» [20, с. 193; 61).

⁶ Дунбаванд — старая форма слова сДемавенд».

⁷ Хувар-и Рей — район близ Рейя.

62

с. 103]. Можно предположить, что именно в это время Хасан ибн Саббах установил связи

с казвинцами, которые через два года оказали ему помощь людьми и оружием.

«Из Казвина я вторично послал одного дай в крепость Аламут, которой алид, по имени Махди, владел в качестве икта, полученной от Мелик-шаха. Из Казвина я отправился в Дейлеман, затем в район Ашкевара, затем в Андиж-руд, смежный с Аламутом, и здесь оставался некоторое время» (20, с. 193]. Рашид ад-дин дополняет этот рассказ рядом интересных деталей. Посланный Низам ал-Мульком Абу Муслим Рази усиленно старался захватить Хасана ибн Саббаха. Узнав об этом, Хасан ибн Саббах скрылся. Он прибыл в Сари и хотел пройти по демавендской дороге. В это время пал его мул. Хасан ибн Саббах и его спутники обошли эту дорогу и заночевали у ворот какого-то селения. Утром они добрались до Демавенда. Там им сказали, что в ту ночь Абу Муслим Рази случайно был в дороге (следовательно, Хасан ибн Саббах чуть-чуть не столкнулся с ним). Из Демавенда Хасан ибн Саббах добрался до Хувар-и Рейя, а оттуда в Казвин, где остановился на несколько дней. Группу людей, которая была с ним, он отправил в Аламут, сказав, что также придет туда [61, с. 103].

Таким образом, по свидетельствам обоих источников, Хасану ибн Саббаху угрожала серьезная опасность быть схваченным сельджукскими властями. Настойчивые стремления Низам ал-Мулька поймать его свидетельствуют о том, что вазир совершенно правильно видел в нем вождя исмаилитов Ирана.

К этому времени Хасан ибн Саббах побывал во многих городах Ирана, и в некоторых из них он жил подолгу. Одни из этих городов издавна являлись центрами исмаилизма (Рей, Исфахан), в других Хасан ибн Саббах распространял исмаилизм (Керман, Йсзд, Дамган, Сари, Фарим, Казвин). Кроме городов он посетил ряд провинций (Иранский Азербайджан, Хузестан, Мазендеран, Джурджан, Астрабад, Дейлем) и сельских местностей страны (Шахрияр-кух, Тарз, Сархад, Чинашк, Дунбаванд, Хувар-и Рей, Аскавар и Андиж-руд). Размах его деятельности поистине колоссален. В. А. Иванов справедливо говорит, что «это был человек экстраординарной энергии и таланта, прирожденный вождь, который преуспел в совершении невероятного — он превратил мирное и подчиненное персидское крестьянство в удивительно упорных воинов» (246, с. 17}.

К 1090 г. перед Хасаном ибн Саббахом, вождем движения, руководителем всей сети дан в Иране, который в это время был принужден скрываться от преследований сельджукских властей, со всей остротой встала необходимость найти такое место, где он и его сподвижники были бы недосыгаемы и откуда они могли бы направлять деятельность всех исмаилитов Ирана. Хасан ибн Саббах, отлично знавший Иран, остановил свой выбор на горной стране Дейлам и неприступной крепости Аламут.

63

По словам Джувейни, Аламут был построен в 246/860/61 г. одним из правителей Дейлема [20, с. 271].

В конце 20-х годов XX в. ряд зарубежных ученых посетили и описали долины р. Шах-руд и ее притока — р. Аламут. По свидетельству этих авторов, путь к расположенной между горами долине Аламута исключительно труден. С запада и востока она защищена утесами, на вершинах которых сохранились остатки исмаилитских крепостей. С горных вершин далеко просматриваются окрестности. В средней части долины, на изолированно стоящем утесе, на высоте около 200 м над уровнем моря, расположена крепость Аламут. Вершина утеса по своей форме напоминает палубу корабля, и ее центральная часть возвышается метров на пятнадцать над остальной поверхностью. На утесе имеются водохранилища, в которых вода не высыхает даже в жаркую летнюю пору. При военной технике того времени отвесные стены утеса делали Аламут неприступным для вражеских атак. Долина Аламута расположена на пути между побережьем Каспийского моря и Персидским нагорьем. Этот район пригоден для ведения сельского хозяйства. Посетившие его **ученые** сообщают о том, что там произрастают просо, пшеница, ячмень, рис (на окраинах долины), тутовые и ореховые деревья, **розы** и виноград. По мнению В. А. Иванова, на вершине холма могло разместиться едва ли более сотни человек, способных вынести длительную осаду [243]. В противоположность ему Локкарт считает, что здесь находилось довольно большое селение [268].

Установить количество деревень в долине Аламута в XI в. невозможно. В наши дни в дехестане Аламут, который входит в состав Центрального остана, насчитывается 57 деревень [176. с. 587]. Последнее по времени описание Аламута принадлежит В. А. Иванову, посетившему развалины крепости в 1957 и 1958 гг. После монгольского нашествия мало что сохранилось на вершине аламутского утеса. Это остатки ворот, квадратная башня с закругленными углами, часть комнаты с очень толстой стеной. Это место называется гидами «комнатой Хасана ибн Саббаха». К ней примыкает висящий над

пропастью естественный выступ, с которого открывается вид на всю долину [244 с. 42—44].

В. А. Иванов считает, что Хасан ибн Саббах мог бы выбрать лучшее место для своей «штаб-квартиры», так как вся долина вокруг крепости с ее садами и пашнями совершенно не защищена от врагов. Это его замечание относительно «уязвимости» окрестностей Аламута, конечно, правильно. Однако В. А. Иванов не учел главной причины, которая обусловила выбор Хасаном ибн Саббахом **Аламута**. В. В. Бартольд первым выявил в источниках ценнейшие сведения о классовой борьбе, которую в IX—X вв. вели жители **Дейлема**, Гиляна и Табаристана против феодалов, наступавших на общину и права об-

64

шинников [88, с. 156]. Ислам был распространен в этих областях только в его шиитской форме, и шиитские имамы возглавляли классовую борьбу народа против феодального угнетения. Поэтому помимо выгодного стратегического и географического положения и богатых природных условий Аламута первостепенное значение для Хасана ибн Саббаха имела социально-политическая обстановка в Дейлеме.

От Аламута было близко и до Казвина, на помощь ремесленного населения которого мог рассчитывать Хасан ибн Саббах. Все это говорит о том, сколь правильным был выбор Аламута как первой «штаб-квартиры» исмаилитов.

Захват Аламута

Захватить Аламут силой у Хасана ибн Саббаха и его сподвижников возможностей не было. Они применили хитрость. В конце XI в. поставленный сельджукскими властями на управление Аламутом Алави Махди, из приближенных Мелик-шаха, должен был охранять порядок в этом районе [20, с. 194; 61, с. 104]. Аламут являлся икта эмира Юрюн-Таша. Привлечь на свою сторону население Аламута исмаилитам не представило большого труда. Даже в этом окраинном районе его население уже было под властью тюркского феодала. В Аламут был послан Хусейн Капни. «Жители Аламута его проповедь приняли, и Алави также сказал: „Я принимаю“. Но душа его с языком едины не были. Он хотел в отношении людей, принявших проповедь, совершить предательство. Он отправил рафиков (исмаилитов.— Л. С.) вниз из крепости, а остальных, находящихся в ней, связал и заявил: „Эта [крепость] — собственность султана“. После долгих переговоров он впустил исмаилитов в крепость, но уже никто не подчинялся его слову» [61, с. 104]. Сам Хасан ибн Саббах в месяце раджаб 483 г. х. (30 августа — 29 сентября 1090) прибыл из Казвина в Дейлем, а оттуда в смежный с Аламутом Андеж-руд и некоторое время там оставался. «Большая группа людей, [видя] его аскетизм и благочестие, стала его добычей и приняла его призыв. В среду 6 раджаба 483 г. х. (4 сентября 1090) он пришел к воротам Аламута и, открыв свое имя, **до этого он** приписывал себе [прозвище] деххода, там, [в Аламуте], воссел» [61, с. 104]. По словам Джувейни, Хасан ибн Саббах был тайно введен в Аламут 6 раджаба 483 г. и прожил там некоторое время, заставляя называть себя деххода [20, с. 194]. Алави Махди, потерявшему власть над Аламутом, исмаилиты позволили уйти из крепости. За Аламут Хасан ибн Саббах выписал ему берат **на** три тысячи золотых динаров на имя хакима Гирд-куха и Дамгана раиса Музаффара **Му-стоуфи**, который тайно принял его **учение**⁸. Алави **Махди** взял

⁸ Далее Рашид ад-дин отмечает, что этот раис был обращен в исмаилизм еще Абд ал-Мелик ибн Атташем.
5 Зак. 586

65

берат, но подумал: «Раис Музаффар — человек знатный, каиб Амирдада Хабаши ибн Алтунтака по записке этого простого [низкого] человека каким образом что-либо мне даст?» (61, с. 104). Однако много позднее, будучи в Дамгане, Алави Махди предъявил раису Музаффару этот берат. Раис Музаффар его поцеловал и немедленно выплатил всю сумму. Отметим, что для сельджукского эмира Хасан ибн Саббах являлся «простым [низким] человеком» («мард-и хамел»).

Всеми источниками отмечено, что числовое обозначение букв арабского алфавита в слове «Аламут» соответствует году захвата Аламута Хасаном ибн Саббахом (483 г.). 483=1 (алеф) + + 30(лам)+5 (хе-йе хавваз) + 1 (алеф) +40 (мим) +6 (вав) + 400 (те). Однако это соответствует написанию *алух амут*, а не общепринятому *аламут*.

Захват Аламута положил начало созданию исмаилитского государства. С этого

времени Хасан ибн Саббах и его сторонники из тайных, бродячих проповедников исмаилитского учения превратились в обладателей неприступной крепости, на которую уже не распространялась власть Сельджуков. Именно с этого времени начинается новый важный этап в деятельности исмаилитов Ирана. От тайной пропаганды исмаилизма они перешли к активным действиям, выразившимся в восстаниях против Сельджуков, вооруженной борьбе с ними, захвате крепостей во многих районах страны и распространении их власти на окружающие территории, установлении в них специфических социально-экономических порядков и терроре против феодальной знати.

К сожалению, источники не дают возможности со всеми желательными подробностями установить последовательность захвата исмаилитами старых крепостей и строительства новых.

«Завладев Аламут, Хасан напряг все силы, чтобы захватить округа, смежные с Аламут, или места, близкие к нему. Он овладевал ими путем обмана своей проповедью. Что до тех мест, где не были обмануты его речами, он завладевал [ими] убийствами, оскорблениями, войной и кровопролитием. Он захватил те крепости, которые смог. Везде, где он находил утес, годный для постройки укрепления, он закладывал фундамент крепости» [20, с. 199]. Это сообщение резко враждебно исмаилитам Джувейни показывает тактику исмаилитов. Сперва даи призывали население принять призыв Хасана ибн Саббаха и присоединиться к восстанию. Если же оно сопротивлялось, исмаилиты переходили к насильственным мерам. Хасан ибн Саббах торопился укрепиться в округе Аламута, предвидя, неизбежность борьбы с феодалами.

Первым начал вооруженную борьбу с исмаилитами один из эмиров Мелик-шаха — по имени Юрюн-Таш. Выступление исмаилитов в долине Аламута непосредственно задевало его интересы. Юрюн-Таш стал производить набеги на долину, про-

двигаясь до самого подножия Аламута, и предавал огню и разрушению все деревни, где приняли учение Хасана ибн Саббаха или подчинились ему.

Так как в Аламуте еще не было запасов продовольствия, жители его, ослабевшие и доведенные до крайности, уже склонны были сдать крепость и уйти в другое место. Тогда Хасан ибн Саббах сообщил исмаилитам, что он получил послание от самого имама, т. е. Мустансира, призывавшего не сдавать Аламут. Это подняло дух осажденных, и они удержали крепость в своих руках [20, с. 200]. (До своей смерти в 1094 г. халиф Мустансир являлся имамом для всех исмаилитов.)

Успехи исмаилитов, которые в это время завладели Кухистаном, вызвали беспокойство сельджукских властей. В особенности был встревожен давний враг исмаилитов — Низам ал-Мульк.

В начале 485 г. х. (февраль—март 1092) Мелик-шах послал своего эмира Арслан-Таша уничтожить Хасана ибн Саббаха и его сподвижников. Исмаилитам предстояла борьба уже не с отрядами местного феодала, а с правительственными войсками. В месяце джумада I 485 г. (июнь—июль 1092) Арслан-Таш осадил Аламут. «В то время с Хасан-и-Саббахом в Аламуте было не более 60—70 человек, у которых было мало продовольствия. Они ели, только чтобы не умереть с голоду, и бились с осаждающими» [20, с. 201]. Вскоре положение исмаилитов стало критическим. Хасан ибн Саббах запросил помощи у своих сторонников в Казвине. «Один даи Хасана, по имени дих-дар Бу Али из Зувары и Ардистана, пребывал в Казвине, и группа жителей Казвина согласилась с его проповедью; также в вилайетах Талекан и Кух-и Бара⁹ и в вилайете Рей много людей поверило в Саббахову проповедь, и они все обращались [за помощью] к человеку, пребывавшему в Казвине (т. е. к Бу Али Ардистани.— Л. С.)» [20, с. 201]. Хасан ибн Саббах попросил помощи Бу Али Ардистани. Его призыв получил немедленный отклик.

«Бу Али Ардистани вызвал ему на помощь жителей Кух-и Бары и Талекана и послал ему из Казвина оружие и военное снаряжение. 300 человек из этих людей пошли на помощь Хасану ибн Саббаху. Они бросились в Аламут и при помощи обитателей Аламута и поддержке группы из людей Рудбара, которые вне крепости были в союзе с ними, однажды ночью, в конце шабана того же года (сентябрь—октябрь 1092 г.— Л. С), произвели внезапную атаку на войско Арслан-Таша. По божественному предопределению" войско Арслан-Таша было обращено в бегство и, покинув Аламут, вернулось к Мелик-шаху» [20, с. 202]. Рашид ад-дин добавляет: «Низариты

⁹ Кух-и Бара — ныне Менджиль у слияния рек Шах-руд и Сефид-руд.

нашли много трофеев: оружия, пшеницы, тканей, пищи, напитков, и в крепости наступило облегчение» (61, с. 109).

Эта осада Аламута правительственными войсками длилась свыше трех месяцев. В боевых действиях на стороне исмаилитов, по словам Джувейни, участвовало не менее 370 человек. Это были кроме аламутцев крестьяне Рудбара, жители Казвина, Талекана, Кух-и Бары. Только широкое распространение исмаилизма в этих городах дало возможность за очень короткий срок собрать и вооружить отряд в 300 человек, по тем временам значительный.

Неожиданная смерть султана Мелик-шаха (в 1092 г.) и начавшиеся в государстве Сельджуков феодальные усобицы (см. ниже) на долгое время отсрочили новые военные походы против Аламута. Аламут устоял дважды. Он стал тем центром, откуда Хасан ибн Саббах и его сподвижники руководили исмаилитскими восстаниями во многих районах Ирана.

Захват Аламута явился первой победой исмаилитов. После этого в течение первых трех десятилетий своей истории они вели упорную, не на жизнь, а на смерть, борьбу с феодалами. Им нужно было устоять перед натиском феодалов, сохранить независимость в своих владениях и вместе с тем продолжать восстание, захватывать новые территории, вербовать сторонников, расширять свою экономическую базу. К концу этих лет феодалы были вынуждены смириться с фактом существования независимого исмаилитского государства, столь отличного по своей религии и политическому строю от обычных феодальных владений. В это время исмаилиты организовывали восстания и вооруженные выступления, применяли хитрости и использовали подкуп. Порой они добивались успеха, а порой терпели поражения. Масштабы их деятельности все увеличивались.

Борьба за Кухистан

На следующий год после захвата Аламута, в 484/1091/92 г., исмаилиты подняли восстание в Кухистане, закончившееся их победой. Известно, что соседняя с Кухистаном провинция Си-стан в первые века ислама была убежищем хариджитов, откуда они совершали набеги на хорасанские города (88, с. 48). (Напомним, что основными требованиями хариджитов являлись избираемость халифа и протест против наследственной власти последнего.) Здесь же в конце IX в. на гребне народного недовольства Аббасидами выдвинулась династия Саффаридов, которая, по словам В. В. Бартольда, «оставила по себе глубокий след в памяти населения» (88, с. 49).

Таким образом, в Систане память народная хранила и демократические идеалы хариджитов, и опыт борьбы с Аббасидами.

В 70—90-х годах XI в. среди территорий, розданных в икта. Низам ал-Мульк упоминает и Кухистан (55, с. 93). «В 484 г. х. (1091/92) Хасан ибн Саббах послал Хусейна Капни, одного из своих дай, в Кухистан для ведения там проповеди» (20, с. 200). Рашид ад-дин называет его «Казн Каини, одним из великих дай, посланным в Кухистан и пределы Хорасана», и добавляет: «В прежние времена главою проповеди был Ходжа адиб Мухаммед ибн Тахир Саджизи; после него в году 412 (1021/22) — Мухаммед ибн Абд ар-Рахман, и он раиса Хасана ибн Ахмеда сделал своим наибом по договору с султаном Мелик-шахом» [61, с. 107]. Таким образом, давняя пропаганда, которую вели здесь исмаилиты, а также распространение икта и власти Сельджуков явились причинами отклика кухистанцев на призыв Хасана ибн Саббаха. «Часть населения [Кухистана] была обращена [Хусейном Капни], и они [исмаилиты] утвердились в одной части этой области» (20, с. 201). Хусейн **Каини** был назначен хакимом области. Подобно тому как Хасан ибн Саббах а округе Аламута, исмаилиты в Кухистане начали распространять свою пропаганду, освобождать соседние округа и захватывать крепости [20, с. 201; 61, с. 108].

Мелик-шах, встревоженный успехами исмаилитов, «одному из своих гулямов, по имени Кзыл Саруг, дал Кухистан в икта и с войсками с границ Хорасана послал туда [в Кухистан] для отражения низарийцев. А у них в то время, кроме крепости Дары ¹⁰, смежной с Систаном и зависящей от Муминабада другого тайного места не было» [20, с. 202—203; 61, с. 108]. Кзыл Саруг начал осаду и военные действия. Смерть Мелик-шаха вызвала прекращение этого похода. Исмаилиты удержали Дару. У нас нет точных сведений, когда именно и в какой последовательности исмаилиты подчинили своей

власти важнейшие города Кухистана. По словам Иакута, Кухистан «в настоящее время подчинен власти Мелакхеде (еретиков, т. е. исмаилитов. — Л. С.) семьи Хасана ибн Саббаха» [77, т. IV, с. 206]. Исмаилиты владели городами: Каин, Тун, Туршиз, Зау-зан, Табас, Хур, Хусп и др.

И здесь поставленный Хасаном ибн Саббахом хаким заменил сельджукскую администрацию. Только при поддержке народа— оседлого, кочевого и городского населения — исмаилиты смогли освободить Кухистан от власти Сельджуков. Эта провинция, лежащая на караванных путях и включавшая города, имела гораздо большее экономическое значение, чем горный Дейлем. Так, в 1091/92 г., почти одновременно с захватом долины р. Аламут, исмаилиты подчинили провинцию Кухистан.

Борьба с правительственными войсками одновременно в

¹⁰ Дара расположена к югу от Табаса.

¹¹ Муминабад находится к востоку от Бнрджана.

69

районе Аламута и в Кухистане была для исмаилитов очень трудной. Хасан ибн Саббах и его сподвижники отлично понимали, что вдохновителем всей борьбы с ними, требующим их полного уничтожения, был Низам ал-Мульк. Именно он начал жесточайшие преследования исмаилитов.

Однажды в г. Савэ собралась группа в 18 исмаилитов. Затем они попытались обратить в свою веру одного муаззина, уроженца этого города, проживавшего в Исфахане, но он отказался. Боясь разоблачения, исмаилиты его убили. Низам ал-Мульк приказал казнить главного виновника — плотника по имени Тахир. Ибн ал-Асир считает, что это было первое убийство, совершенное исмаилитами, что первым исмаилитом, казненным властями, был Тахир [24, т. X, с. 213].

Низам ал-Мульк дважды пытался схватить Хасана ибн Саббаха — после его возвращения из Египта и накануне захвата Аламута. Рашид ад-дин очень точно передает отношение Низам ал-Мулька к исмаилитам: «Низам ал-Мульк. вазир Мелик-шаха с пронизательным взглядом и правильным суждением, увидел в свойствах Саййидны, его последователей и приверженцев признак различных мятежей и приметы ущерба; [он] настаивал на запрещении мятежа и неутомимости [в борьбе с исмаилитами]; [он] проявил усердие в снаряжении и подготовке войска для [их] покорения и уничтожения» (61, с. 109).

Считая Низам ал-Мулька своим главным и опаснейшим врагом, Хасан ибн Саббах решил его уничтожить физически. Сообщение о том, что Хасан ибн Саббах действовал из личной мести, будучи обижен Низам ал-Мульком, который якобы помешал ему в придворной карьере, основано на легенде о «трех товарищах» (Хасане ибн Саббахе, Низам ал-Мульке и Омаре Хайаме), историческую недостоверность которой разоблачил еще Эдвард Броун [220, с. 190—193].

Однажды Хасан ибн Саббах обратился к своим сподвижникам с вопросом: «Кто есть из вас, кто прекратит в этом государстве вред Низам ал-Мулька Туси?» Человек по имени Бу Тахир Аррани «руку согласия положил на грудь (т. е. указал на себя.— Л. С.)». В пятницу 12 рамазана 485 г. х. (16 октября 1092) около Нихавенда (Хамадана) человек в обличье суфия подошел к паланкину Низам ал-Мулька, который направлялся из дворца в шатер своего гарема, и ударил его ножом. От этой раны Низам ал-Мульк умер. Первым человеком, которого убили фидаи, был Низам ал-Мульк. **Саййид-на** сказал: «Убийство этого человека — первое счастье» [61, с. 110]. Ибн ал-Асир убийство Низам ал-Мулька датирует 10 рамазана (14 октября). Он говорит следующее: «Здесь [близ Нихавенда], после того как он закончил ифтар [розговенье], [он] отправился в своем паланкине в шатер своих жен. В это время подошел к нему дейлемский юноша из батинийцев в виде просителя поддержки и помощи, ударил его ножом, который был у него с собой, покон-

70

чил с ним и бежал, но споткнулся о веревку шатра; его настигли и убили» (24, т. X, с. 137]. Через 20 дней скорострительно скончался султан Мелик-шах. Не исключено, что он был отравлен. Его смерть положила начало долгим феодальным усобицам в государстве Сельджуков.

Для нас ясна историческая бесперспективность индивидуального террора, не способного изменить социальный и политический строй, но нельзя не признать, что

политический эффект от **убийства** исмаилитами одной из крупнейших фигур государства должен был быть очень значительным.

Неожиданная смерть султана Мелик-шаха вызвала резкое изменение политической обстановки в государстве Сельджуков. Началась острая борьба за престол между его сыновьями и братьями.

В течение правления султана Баркйарука (1093—1105) феодальные усобицы охватили всю страну. Мятежи тюркских феодалов или военные действия между их войсками и войсками султана происходили в районах Исфохана, Хамадана, Рейя, Себзева, Мерва, Нишапура, Серахса, Шахрастаны, Балха, а также в Хорезме и Джурджане [60, с. 140—143; 24, т. X, с. 178—181]. В столице и во всей стране отсутствовала твердая власть. Все внимание султана Баркйарука было направлено на подавление мятежей. Его вазирь, боровшийся между собой за власть и влияние, часто сменялись. При дворе, не стесняясь в средствах, интриговали тюркская и персидская знать. Даже в армии султана вспыхивали мятежи (60, с. 145—148) и имело место неповиновение. Следствием феодальных усобиц явились разрушение городов и гибель городского населения (24, т. X, с. 179—180). Необходимость создания большой армии вызвала мобилизацию крестьян. Передвижения войск и их битвы приносили опустошения и разорение крестьянских полей.

Длительная борьба феодалов еще больше ухудшила положение народных масс и, естественно, вызвала их протест и недовольство. Вместе с тем в течение этих 12 лет создались благоприятные условия для укрепления исмаилитов в уже занятых ими районах, освобождения от власти Сельджуков новых областей и широкого распространения исмаилитской пропаганды.

Захват исмаилитами крепости Ламасар ¹² и долины реки Рудбар

В Рудбаре исмаилиты захватили крепость Ламасар. По описанию посетившего ее в 1957 и 1958 гг. В. А. Иванова, она расположена в месте, где р. Нин-руд выходит из ущелья, в 25 ми-

¹² В. А. Иванов перечисляет все варианты названия крепости — Ламасар, Ламбасар, Лумбесар, Ламиасар, Ламьясар. Он считает суффикс -сар обычным для каспийских географических названий, а Лама — словом из древних автохтонных языков [244, с. 60].

нутах ходьбы от деревни Мансур-Баг. «Ламасар играл роль щита с тыла. Стоящий близ гряды, отделяющей эти долины от Мазендерана, непроходимой для войск, Ламасар угрожал двум направлениям: западной дороге по ложу р. Шах-руд и проходам, ведущим к Казвину. Силы, находящиеся в Ламасаре, могли всегда легко оседлать Дуруванский проход и перекрыть коммуникации с главной базой атакующих — Казенном» [244, с. 631].

Ламасар гораздо вместительнее Аламута. Он расположен уступами, террасами на утесе крутизной около 17°, высота которого достигает 970—1070 м над уровнем моря.

В 486 г. х. (1093) ряд знатных лиц Рудбара — Расамудж, Лам-салар, Кальджадха и Бу л-Касим — со смирением и повиновением явились к Хасану ибн Саббаху. Это можно объяснить тем, что соседство с Аламутом вызывало страх у знати. «Тот, кто боялся за свою личную безопасность, спасался около него [Хасана ибн Саббаха!]

 [20, с. 206]. Хасан ибн Саббах проявлял к ним милость и одаривал халатами. Однако со стороны знати покорность была лишь маневром.

«Через три года они подняли мятеж [против Хасана ибн Саббаха] и захотели сдать крепость Нуш-Тегину (военачальнику Сельджуков). Сайид-на дал согласие на то, что Расамудж возьмет у него запасы [для] крепости, а на себя возьмет ее охрану. Расамудж не согласился. Сайид-на послал Кийю Бузург Умида, Кийю Джафара, Кийю Бу Али и Кийю Каршасфа, чтобы ночью 20 зу-л-када 489 г. (10 ноября 1096) они захватили крепость. Расамудж и Кальджадха с оружием вышли навстречу. Оба они были убиты руками Кийя Бузург Умида. Без того, чтобы хоть одна стрела настигла кого-либо из рафиков, Ламасар пал»¹³ [61, с. 114—115]. Крепость была отдана под управление Кийя Бузург Умида, который прожил в ней 20 лет, до смерти Хасана ибн Саббаха и своего прихода к власти.

«Жители области Ламасар покорными не были и часто поднимали мятежи, но Хасан ибн Саббах всех привел к послушанию и полностью завоевал все деревни области» [61, с. 116]. Видимо, с целью усмирения жителей, а также для развития сельского хозяйства всей долины Аламута Хасан ибн Саббах провел большие работы по благоустройству. Крепость Ламасар, расположенная на вершине горы, была лишена воды и состояла из нескольких разрушенных домов. Хасан ибн Саббах велел провести воду,

построить внутри крепости здания, мельницы, толчеи для риса, ледники, сады. У подножия горы посадили сады и огороды, и «крепость стала одной из лучших в мире»

¹³ Джувейни относит взятие Ламасара к 24 зу-л-када 495 г. х. (10 сентября 1102). Он говорит лишь о захвате крепости Кийа Бузург Умидом и убийстве ее жителей, не принимавших учения Хасана ибн Саббаха [20. с. 209].

[61, с. 116]. Так вся долина Аламута оказалась под властью исмаилитов.

Укрепление исмаилитов в Кумисе

В 493/1099/100 г. исмаилиты без боя овладели крепостью Гирд-кух, расположенной близ г. Дамгана.

Рашид ад-дин более полно, чем Джувейни, сообщает о рапсе Муайад ад-дине Музаффаре Мустоуфи, помощь которого способствовала укреплению исмаилитов на севере Ирана. При Мелик-шахе он жил в Исфахане и занимал важную должность начальника хараджа. Перс с богатой родословной, он имел такую силу и могущество, что порой даже сельджукские эмиры искали его покровительства. Среди обласканных им был Амир-дад Хабаши ибн Алтунтак. Однако у раиса Музаффара при дворе было много врагов и мало доброжелателей; каждый проявлял алчность в отношении его икта и имений (амлак) [61, с. 116]. Мы уже говорили о борьбе, соперничестве и взятничестве, которые царили при сельджукском дворе. «От шейха Абд ал-Мслика [ибн] Атташа (бывшего главою исмаилитской пропаганды в 70—80-е годы XI в. — Л. С.) он принял низаритскую¹⁴ проповедь. Военные люди (тюркская знать. — Л. С.) узнали о его убеждениях, и от поношения его ереси, которую высказывали знатные и простые (хасс ва амм"], он бежал в г. Дамган. В Кумисе, Мазендеране, Ираке и Хорасане он купил орудия и землю и там (в Дамгане. — Л. С.) поселился» [61, с. 116—117]. С начала исмаилитского восстания раис Музаффар встал на сторону исмаилитов. Располагая большими средствами, он по просьбе Хасана ибн Саббаха выплатил сумму в 3 тыс. динаров золотом бывшему сельджукскому правителю Аламута — Алави Махди. Видимо, поэтому Рашид ад-дин и Джувейни уже в 1090 г. называют его «хакимом Гирд-куха и Дамгана». Рашид ад-дин обстоятельно повествует, как и когда бежавший из Исфахана раис Музаффар стал правителем этих мест.

Рассказ Рашид ад-дина показывает, какими методами тюркская знать добывала себе пожалования. При Мелик-шахе один из его надимов, по имени Хурдак, сумел получить полуразрушенную крепость Гирд-кух и поставил в ней своего кутвала. С приходом к власти султана Баркйарука в гору пошел Амир-дад Халбаши ибн Алтунтак, который стал просить у султана эту же крепость. Он, применив грубую силу, добился написания приказа, передающего Гирд-кух ему, а также направил гнев

¹⁴ Издатели текста Рашид ад-дина правильно отмечают, что имеется в виду не низаритская, а исмаилитская проповедь, так как в то время разделения на низаритов и исмаилитов еще не было.

султана Баркйарука на Хурдака. Султан собственными руками зарубил Хурдака.

Только после трех месяцев вооруженной борьбы с кутвалом Хурдака, который не хотел сдавать крепость, в шабана 489 г. х. (июль—август 1096) Амирдад Хабаши добился передачи ему Гирд-куха. Вскоре он завладел и Дамганом. Доходы с этого города он велел тратить на строительство и благоустройство Гирд-куха.

Помня оказанные ему ранее раисом Музаффаром услуги, Амирдад Хабаши назначил его от своего имени правителем Гирд-куха (61, с. 118). Раис перенес в крепость всю казну Амир-дада Хабаши. Но все расходы по благоустройству крепости производил из своих личных средств.

Через три года, в 493/1099/100 г. Амирдад Хабаши был убит, и Гирд-кух остался во власти раиса Музаффара. Он, «как только стал владельцем крепости, отдал Гирд-кух низаритам» (исмаилитам) [61, с. 119]. Помимо того ранее Музаффар оказал исмаилитам огромную материальную помощь. Из собственной казны «раис кроме имущества, орудий [запасов], редкостей и предметов роскоши, которые были посланы в Аламут, 36 тыс. динаров израсходовал на низаритскую пропаганду, 12 тыс. динаров наличными деньгами послал в Аламут, 12 тыс. динаров израсходовал на дворец начальствования, 12 тыс.

потратил на прорытие двух колодцев в Гирд-кухе помимо цены за Аламут (3 тыс. динаров. — *Л. С.*), которые он дал [Алиду Махди]» [61. с. 118].

Что же заставило раиса Музаффара принять исмаилитское учение, когда Абд ал-Мелик ибн Атташ еще только развешивал свою пропаганду, а затем поддержать восстание исмаилитов, руководимое Хасаном ибн Саббахом? Ведь значительные средства и обладание горной крепостью делали раиса Музаффара неуязвимым как для Сельджуков, так и для исмаилитов.

Раис Музаффар, богатый и знатный перс, отлично зная обстановку при сельджукском дворе, враждебность, алчность, зависть тюркской знати, понимал шаткость собственного положения крупного чиновника, который после смерти покровителя-султана легко мог потерять все, даже жизнь. Он сперва откликнулся на учение исмаилитов, признав в нем «истину», противостоящую официальному суннитскому исламу, который укреплял и освящал власть Сельджуков. Затем раис Музаффар поддержал восстание исмаилитов, разделяя, видимо, его антисельджукскую направленность.

Так, в 493/1099/100 г. исмаилиты без борьбы получили Гирд-кух, господствовавший над Дамганом и проходившими через него караванными путями. Султан Баркйарук, занятый в это время борьбой со своим братом Мухаммедом, не предпринял военных действий против исмаилитов в этом районе.

Выступления исмаилитов в Исфахане в 1101—1107 гг.

Утверждение исмаилитов в Рудбаре, Кухистане и Дамгане и продолжавшиеся феодальные усобицы среди сыновей Мелик-шаха явились причиной активизации исмаилитов в столице. Почва для этого была подготовлена многолетней пропагандистской деятельностью Абд ал-Мелик ибн Атташа и самим фактом существования исмаилитского государства с центром в Аламуте. В начале XII в. исмаилиты предприняли попытку захватить Исфахан.

«Во время изнурительной борьбы, которая была между султанами Мухаммедом и Баркйаруком, — сообщает Равенди, — дело еретиков усилилось, и по всем городам были рассеяны их дай» [60, с. 155]. Деятельностью исмаилитов в столице в это время руководил сын Абд ал-Мелик [ибн] Атташа — Ахмед. «У этого Абд ал-Мелик [ибн] Атташа был сын, по имени Ахмед. Во времена своего отца (т. е. пребывания последнего в Исфахане.—*Л. С.*) он занимался торговлей холстом. Он заявлял, что мазхаб и веру отца отрицает и от него отрекается. Когда его отец бежал (из Исфахана в Аламут из-за преследования исфаханского духовенства.— *Л. С.*), его по этой причине не разыскивали» [60, с. 156]. Это яркий пример применения приема такийя — обязательность для шиитов (а также исмаилитов) в случае опасности скрывать свои истинные убеждения и открыто от них отмежевываться.

Ахмед ибн Абдал ал-Мелик ибн Атташ для сохранения в тайне своих целей тщательно скрывал свои связи с исмаилитами. Это помогло ему остаться вне подозрений со стороны властей и, скрываясь под личиной торговца, при благоприятных обстоятельствах возглавить и развернуть активную деятельность.

Отречение Ахмеда ибн Абд ал-Мелик ибн Атташа от отца и его учения можно рассматривать также и как отказ от деятельности в интересах Фатимидов и, следовательно, принятие учения Хасана ибн Саббаха и его призывов к антисельджукской и антифеодальной борьбе. По словам Ибн ал-Асира, первой крепостью, которой завладел Ахмед ибн Абд ал-Мелик ибн Атташ, была крепость Хан-Ланджан, или Халанджан, или Хуланджан, расположенная в 5 или 7 фарсах (около 35 км) от Исфахана. Произошло это при следующих обстоятельствах. Эта крепость была мульком Муайад ал-Мулька ибн Низам ал-Мулька, а от него перешла к одному из сельджукских эмиров, по имени Джавали Сакау. Так как он часто из-за службы сельджукским султанам бывал в путешествиях, то назначил в крепость одного тюрка. От батинитов к нему на службу пришел плотник (наджар), преподнес ему подарок и такую дружбу и единомыслие с ним установил, что тюрк ему вручил ключ

от крепости. Однажды молодой плотник пригласил в гости тюрка и его товарищей и напоил их вином. Тайно он известил об этом Ахмеда ибн Абд ал-Мелик ибн Атташа. Когда гости крепко напились, Ахмед ибн Абд ал-Мелик ибн Атташ и его товарищи вошли в

крепость и кроме тюрка, который раньше убежал, всех перебили мечами, и крепость перешла во власть Ахмеда ибн Абд ал-Мелик ибн Атташа и его друзей, и, таким образом, сила и мощь батинитов увеличились [24, т. X, с. 217].

Исмаилиты задумали завладеть крепостью, имевшей большее значение, чем Хан-Ланджан. Около Исфахана находилась «крепость Деж-кух, которую приказал построить султан Мелик-шах и назвал Шахдиз. Во время борьбы обоих султанов (Баркйарука и Мухаммеда. — Л. С.) казна, арсенал, мелкие слуги и дворцовые девушки были там. Отряд из дейлемитов был охраной [стражей] крепости. Этот Ахмед-и Абд ал-Мелик (ибн Атташ) с ведома слуг обосновался в крепости. Он постоянно приходил в город (Исфахан. — Л. С.) и покупал для девушек [крепости] одежду, чадры и женский товар. И с теми дейлемитами тайно совещался и дружил. Они сами к делу (исмаилизма. — Л. С.) были близки и на все призывы (исмаилитской проповеди. — Л. С.) соглашались. Тогда он стал хакимом крепости, и все ему покорились, согласно [арабской поговорке]: „Счастье достается порочным, [а] огорчения — праведным“. После этого у ворот города [Исфахана], поблизости от степи Дашт-е Гур, он устроил дом проповеди [дават-хане]. И каждую ночь туда приходило сборище людей, принимали его учение и обязывались, каждый в своем квартале, склонять к этой ереси [других] людей и потом приводить в дом проповеди, так что тридцать тысяч человек приняли это учение; и они похищали и убивали мусульман» [60, с. 156—157; 220, т. II, с. 314—315].

Этот рассказ Равенди освещает тактику исмаилитов. Их главной задачей был захват крепости Шахдиз, расположенной в непосредственной близости от Исфахана, в которой находились казна и арсенал. Вооруженных сил у исмаилитов в Исфахане не было, и захватить хорошо укрепленную крепость ни штурмом, ни осадой было для них невозможно. Им оставалось действовать хитростью и хранить в тайне свои планы.

Ахмед ибн Абд ал-Мелик ибн Атташ под личиной купца легко проник в крепость и скоро стал в ней своим человеком. Он нашел доступ во дворец и подружился с охраной крепости. Среди разноплеменной гвардии гулямов сельджукских султанов часто встречались уроженцы Дейлема, района, в котором с 1090 г. укрепились исмаилиты. Видимо, с помощью дейлемитов, сочувствовавших исмаилизму, и удалось Ахмеду ибн Абд ал-Мелик ибн Атташу завладеть крепостью и стать ее хакимом. Подробностей наш источник не сообщает.

Захватив крепость Шахдиз, Ахмед ибн Абд ал-Мелик ибн Атташ развернул широкую пропагандистскую деятельность. За

76

пределами городских стен, около городских ворот он построил специальный дом проповеди, в котором по ночам, следовательно, втайне собирались жители столицы и слушали учение. Им был дан строгий наказ возможно шире распространять учение исмаилитов и вербовать новых сторонников «в своих кварталах». Упоминание о «своих кварталах» дает основание сделать вывод, что пропаганда Ахмеда ибн Абд ал-Мелик ибн Атташа была обращена к трудовому населению столицы. Об исмаилитских домах проповеди говорят и другие источники, так, например, автор XIV в. Абу Фирас сообщает, что в Сирии султан Салах ад-дин, который не препятствовал деятельности сирийских исмаилитов, приказал, «чтобы во всех городах — Каире, Дамаске. Химсе, Химате, Халебе и др.—построили дома проповеди для исмаилитов, и они называются так до наших дней» [232, с. 466]. Создание домов проповеди давало возможность исмаилитам вести широкую, можно сказать, «массовую» пропаганду и вербовать большое число сторонников.

Можно ли верить Равенди, что количество завербованных исмаилитами достигло в Исфахане 30 тыс. человек? Далее Равенди сообщает, что вышедшие навстречу Ахмеду ибн Абд ал-Мелик ибн Атташу, плененному властями, жители столицы — мужчины, женщины и дети — составляли более 100 тыс. Реальны ли эти цифры и их соотношения?

Достоверных сведений о численности населения городов средневекового Ирана очень мало. В. В. Бартольд приводит для населения Самарканда начала XIII в. цифру в 100 тыс. семей, т. е. не менее 500 тыс. человек [89, с. 249]. И. П. Петрушевский считает, что в Балхе того же времени, «городе не из самых больших», насчитывалось 200 тыс. человек, во второстепенном городе Аррагане — 40 тыс. и в совсем маленьком городе Пенджхире — 20 тыс. человек [165, с. 140].

В свете этих данных приведенные Равенди цифры представляются вполне реальными. Очень возможно, что исмаилитам удалось завербовать для активной деятельности или привлечь в качестве своих сторонников многих ремесленников и бедноту столицы.

После того как исмаилиты завладели крепостью Шахдиз и увеличили число своих

сторонников, они еще больше активизировали свою деятельность в столице. По словам Равенди, их целью было «уничтожение мусульман». «В то время, — рассказывает этот историк, — появился (в Исфахане. — Л. С.) один слепой, звали его Алави Мадани. В конце дня он стоял на своей улице с палкой в руках и умолял: „Да помилует бог того, кто этого слепого возьмет за руки и доведет до дверей дома на этой улице“, а улица была длинная и темная, и дом слепого [был] в конце ее. В проходе, [ведущем от ворот во двор] дома, был колодец. Когда [кто-нибудь] приводил Алави к двери его дома, какие-то люди втаскивали того человека в дом и, опро-

77

кинув, бросали в колодец. А из того колодца были выходы в сардабы ¹⁵. Прошло 4—5 месяцев, и много народу из юношей города исчезло, никто из них не появлялся, и о них среди живых и мертвых никаких вестей не находили.

Однажды нищенка, просившая подаяние у этого дома, услышала стон и сказала: „Дай бог здоровья больному“. Люди того дома подумали, что она все поняла, и захотели под предлогом подачи милостыни затащить ее в дом. Женщина испугалась и убежала. На улице она рассказала: „У такого-то дома я слышала стоны, и какие-то люди хотели меня схватить“. Это было большое дело и великое происшествие, и сами люди разыскивали отсутствующих; поднялись вопли. Люди (с которыми говорила нищенка. — Л. С.) собрались у дверей дома, без предупреждения вошли в него и обыскали все углы и закоулки, ход к сардабам нашли и более 400—500 человек там увидели: одни были убиты, другие четырем гвоздями прибиты к стене [распять], а 2—3 человека были оставлены умирающими. Слух об этом разнесся по городу. Каждый человек нашел (среди убитых. — Л. С.) друга или родственника. Слезы и вопли поднялись в Исфахане, подобных которым никто не мог указать. Алави Мадани и жену его схватили и помощников его разыскали. Его и жену его воины на базаре сожгли» [60, с. 157—1581.

Можно ли верить этому рассказу? Является ли он просто клеветой на «проклятых еретиков» или содержит хоть долю истины?

Бесспорно, совершенно неправдоподобным является указанное число жертв. Кроме двух-трех из них, найденных умирающими, все остальные были распяты по стенам или брошены в сардабы. Нельзя поверить и рассказу о тайном хранении трупов (быстро разлагающихся в южных широтах), да еще в течение 4—5 месяцев, в находившихся под домами хранилищах питьевой воды. Трупы отравили бы питьевую воду, а их запах разнесся бы по всему кварталу, привлек бы внимание, и тайна была бы раскрыта.

Улица, на которой были совершены эти убийства, «была длинной и темной», следовательно, могла быть не в районах расселения знати, а только в ремесленных кварталах.

Вряд ли достоверно и то, что исмаилиты хватали первого встречного, проходящего вечером по «длинной и темной улице» ремесленного квартала. Такой прохожий мог жить только где-нибудь поблизости, в том же или соседнем квартале, заселенном ремесленниками. Если же ремесленное население Исфахана сочувствовало исмаилитам, то убивать своих же сторонников, совершенно очевидно, не имело смысла. В какой-то

¹⁵ Сардаб — подземное хранилище питьевой воды, обычно находящееся под жилым домом.

78

мере достоверным в этом рассказе может быть только то, что в Исфахане исмаилиты применяли против своих классовых врагов — сельджукской династии, тюркских феодалов и персидской бюрократии — метод тайных убийств, при осуществлении которых их организаторы и исполнители оставались безнаказанными. Исмаилиты Аламутского государства, недоступные властям в своих крепостях, подготавливали убийства втайне, а осуществляли их всегда публично, терроризируя этими убийствами феодальную знать. В Исфахане же исмаилиты, действовавшие в подполье, осуществляли убийства тайно, избегая преследований властей. Из приведенного сообщения явствует, что только два человека — Алави Мадани и его жена — были казнены. Убивали исмаилиты не всех правоверных мусульман и «юношей города», а лишь своих классовых врагов — феодальную знать.

Рассказ Равенди отражает тот панический страх и ту лютую ненависть, которые вызывали исмаилиты у господствующего класса Ирана. Отсюда в его рассказе и огромное количество жертв, и их мучительная смерть, и устрашающие подробности их

заманивания.

Интересно отметить, что рассказ Равенди, который должен был еще больше разжечь ненависть к исмаилитам со стороны «правоверных» мусульман, повторяется всеми средневековыми авторами. Издатель труда Равенди Мухаммед Икбаль указывает, что «этот рассказ об Алави Мадани в таком же изложении и с теми же подробностями является традиционным во всех персидских исторических сочинениях, упоминающих историю правления султана Мухаммеда ибн Мелик-шаха» [60, с. 158, примеч. 2].

Подобный рассказ содержится не только у Равенди, но и у более поздних персидских авторов. О нем сообщают и арабо-язычные Ибн ал-Асир и Ибн ал-Джаузи. Мог ли Ибн ал-Асир знать о труде Равенди, неизвестно. Его источники для событий X—XIII вв. не выявлены [103, с. 39]. Очень важно, что только Ибн ал-Асир дает датировку начала исмаилитской активности в Исфахане, относя ее к 495/1101/02 г.; персидские источники даты не указывают.

«После отъезда [султана] Баркйарука в 495/1101/02 г.,— сообщает Ибн ал-Асир,— выступили открыто исмаилиты в Исфахане. Они разделились по кварталам, собирались толпами и начинали хватать всех своих противников, к каким могли подступиться: как только кто-нибудь проходил по улицам, на которых они жили, они его хватали, уносили его в какое-либо домовладение, убивали его и бросали в близлежащий колодец. У выхода одной из этих улиц стоял слепой, который, когда кто-нибудь проходил мимо, просил провести его несколько шагов по улице к началу улицы. Когда тот исполнял его желание и вступал на улицу, его хватали и убивали» [24, т. X, с. 130].

79

Этот рассказ разительно похож на сообщение Равенди. Только в нем нет страшных подробностей об убитых, распятых и умирающих. Приводя этот же рассказ, Ибн ал-Джаузи пишет, что в доме на циновке сидела женщина, а под циновкой был колодец, в котором нашли 40 человек убитых. Ибн ал-Асир подчеркнул здесь другое: открытое выступление исмаилитов, их многочисленность и «массовое» применение террора. Но он не поспешил и на страшные, «душераздирающие» подробности: «Обстоятельства были столь дурны, что как только кто-нибудь не возвращался домой в обычный час, то [его родичи] бывали уверены, что он убит, и принимали выражения соболезнования. Один муаззин, неожиданно схваченный своим соседом, принадлежавшим к исмаилитам, должен был с террасы на кровле быть свидетелем, как семья его в смертном страхе призывала его, а он не смел отозваться на их крики. Только когда один человек пришел туда в поисках одного знакомого и увидел множество чужих [похищенных] одежд и позвал людей, удалось установить и убрать убийц. Злодеи были сожжены в ямах» [24, т. X, с. 130].

Рассказ Ибн ал-Асира отражает тот смертельный страх, который вызывали исмаилиты у феодальной знати. Последняя применяла невероятную жестокость, когда исмаилит попадал в ее руки.

После смерти султана Баркйарука на престол вступил его брат — султан Мухаммед ибн Мелик-шах (1105—1118). Ему было около 25 лет. Даже по словам Равенди, этот султан «имел большую склонность к собиранию имущества» [60, с. 162]. Он легко шел на обман и предательство своих же придворных. Вероломство и хитрость были его отличительными чертами. Первые два года своего царствования султан Мухаммед был в Багдаде, где воевал с Садике и Айязом, которые были вассалами его племянника. Только после победы над ними он возвратился в Исфахан [60, с. 154].

За эти годы «дело этих проклятых (исмаилитов. — Л. С.) усилилось, и много запасов и оружия без счета они доставили в крепость» (60, с. 154). Султан Мухаммед немедленно начал осаду Шахдиза. Вскоре положение осажденных в крепости исмаилитов стало критическим, и Ахмед ибн Абд ал-Мелик ибн Атташ известил об этом своих тайных сторонников в Исфахане. Среди них был вазир султана Мухаммеда — Сад ал-Мульк Аби.

«Сад ал-Мулька Аби, который был вазиром, группа знатных и имамов Исфахана, как, например, Казий Казиев Убейд Аб-даллах Хатиби и Садр ад-дин Худжанди, подозревала (в злых умыслах. — Л. С.) и несколько раз о нем докладывала султану. Но он не верил им и был к нему полон доверия. А у Сад ал-Мулька был хаджиб, который знал его тайны и от которого ничто не было скрыто. Ахмед ибн Абд ал-Мелик ибн Атташ

послал к Сад ал-Мульку человека [со словами]: „У меня запасы кончились, люди от сражений устали, мы сдадим крепость". Сад ал-Мульк ответил: „Подождите неделю, крепость из рук не отдавайте, пока мы эту собаку с ног собьем, то есть султана". А султан был очень горячего темперамента и каждый месяц делал себе кровопускание. Сад ал-Мульк договорился с брадобреем, дал ему 1000 динаров и отравленный ланцет, чтобы он султану тем ланцетом сделал кровопускание. Об этом умысле вазира, послании к нему Ахмеда ибн Абд ал-Мелик ибн Атташа и ответе вазира узнал его хаджиб. А у хаджиба была красавица-жена, и от нее ничто скрыто не было, и эту тайну она также знала. Эта жена имела любовника. В ночь свидания между общением и разговорами она это дело ему рассказала. У любовника был друг по имени Камиль, из векилей Шараф ал-Ислама [Садр ад-дин Худжанди], который это дело со всеми подробностями ему доложил (Шараф ал-Исламу. — Л. С). Шараф ал-Ислам без промедления в ту же ночь пришел во дворец и султану все рассказал. На другой день султан нарочно себя поранил и позвал брадобрея. Когда он руку султана перевязал и достал ланцет, то цвет его показался подозрительным. Султан приказал, чтобы тем же самым ланцетом брадобрею вскрыли вены. Он сразу почернел и отдал душу. У султана в ереси Сад ал-Мулька сомнения не оставалось. На другой день схватили его и Абу л-Ала Муфазала и повесили» [60, с. 158—160]. Это было в шаввале 500 г. х. (май—июнь 1107).

Достоверность этого рассказа, в котором приведены имена и даты, вполне вероятна. Подготовка убийства султана Мухаммеда, проводимая втайне, с расчетом на то, что организаторы его не будут обнаружены, соответствует тактике исмаилитов Исфахана. Покушение на султана, тонко и хитро задуманное, провалилось по чистой случайности.

Рассказ Равенди из ремесленных кварталов столицы переносит события во дворец и дает возможность определить отношение к исмаилитам ряда придворных группировок.

Главным действующим лицом заговора выступает перс — вазир Сад ал-Мульк. Когда установились его связи с исмаилитами,— неизвестно. Общей с исмаилитами у него была ненависть к Сельджукам. Для него сельджукский султан — ненавистная «собака». С целью непосредственной помощи удерживающим Шахдиз исмаилитам, у которых истощились запасы продовольствия и ослабели силы, он наметил дерзкий замысел— убийство султана. Смерть последнего неминуемо вызвала бы борьбу претендентов на престол и придворных группировок, что отвлекло бы феодальную знать от борьбы с исмаилитами.

Вторая фигура в этом заговоре — придворный брадобрей, который согласился стать исполнителем убийства **или** из сочувствия исмаилитам, **или** прельстившись тысячью динаров.

6 Ззк 586

Третий — это образованный, грамотный перс — хаджиб вазира Сад ал-Мулька. Он знал о подготовляемом покушении и не выдал его, следовательно, сочувствовал ему. Его болтливость — желание поделиться тайной с женой — привела к провалу заговора. Поплатился жизнью и Абу л-Ала Муфазаль, принадлежавший к домочадцам вазира. Можно сделать вывод, что в начале XII в. в самой столице к исмаилитскому движению примыкала некоторая часть придворной персидской знати и ее челяди. Именно антисельджукская направленность исмаилитского движения привлекала к нему эти слои.

Высшее мусульманское духовенство, подобно Шараф ал-Исламу (Садр ад-дин Худжанди) и его вакилю Камилю, беспощадно боролось против исмаилитов и сохраняло верность сельджукскому султану. Только, по словам Равенди, после неудавшегося покушения на султана исмаилиты, удерживавшие Шахдиз, потеряв последнюю надежду на помощь из Исфахана, оказались в безвыходном положении. «После этого через 2 дня крепость сдали. Ахмеда [ибн] Абд ал-Мелик ибн Атташа вывели (из крепости.— Л. С.) силой и, связав ему руки, посадили на верблюда и отвезли в Исфахан. Его постигло бесчестие и наказание, и он увидел возмездие тем грехам и поступкам. Более ста тысяч мужчин, женщин и детей вышли (из Исфахана). Они бросали [в него] разный мусор, навоз, помет и золу. А муханнасан ¹⁶, делающие хараре ¹⁷, [шли] впереди с барабанами, тамбуринами и бубнами и говорили хараре: „Атташ высокопоставленный, душа моя, Атташ высокопоставленный, в новолуние какие у тебя дела были в Дизе?" И его с таким величием и великолепием привели в город, (он был распят) и в течение семи дней висел, и из него сделали мишень для стрелков и наконец сожгли. Один человек, [увидя] его в таком положении, у него спросил: „Ты, претендующий на знание учения о звездах, в своем гороскопе этот день не находил?" Он ответил: „В своем гороскопе видел, что с

таким величием и великолепием в Исфахан вхожу, что ни один падишах подобного им не видел, но что в таком качестве — не знал" Султан ту крепость приказал разрушить и бога возблагодарил и с божьей помощью и победой над той крепостью силу тех еретиков разбил» [60, с. 161]. Так заканчивает свой рассказ Равенди. Однако, по свидетельствам Ибн ал-Асира и Рашид ад-дина, борьба за Шахдиз и после неудавшегося покушения на султана Мухаммеда длилась еще долго. Ахмед ибн Абд ал-Мелик ибн Атташ оставался в крепости.

По словам Ибн ал-Асира, 6 шабана 500 г. х. (2 апреля 1107) султан Мухаммед вышел из Исфахана для осады Шахдиза. Свою ставку он устроил на вершине одной горы, расположен-

¹⁶ Муханнасан — «изнеженные юноши» (араб.).

¹⁷ Хараре — род импровизированного шутовского действия возбужденной толпы ради осмеяния осужденного и пленного врага.

82

ной с западной стороны крепости Шахдиз. Когда к нему присоединились войска, пришедшие из дальних и близких окрестностей Исфахана, он начал осаду горы, на которой находилась крепость Шахдиз. Каждый день поочередно одного из своих эмиров он назначал для разрушения крепости. Кольцо осады сужалось, положение осажденных ухудшалось с каждым днем. В крепости стали ощущать нехватку продовольствия. Тогда исмаилиты попросили, чтобы великие люди веры и факихи дали в отношении их свою фетву и подтвердили, что исмаилиты веруют в бога великого, и книгу (Коран), и посланника, и Судный день, и в то, что Мухаммед принес, и это считают правом и правдой, а пункт противоречия их с большинством имеется только в отношении имама [24, т. X, с. 300]. Исмаилиты предлагали провести диспут и заключить мир.

Среди факихов не было единого мнения в отношении исмаилитов. Одни из них еще раньше дали фетву, не разрешавшую султану убивать исмаилитов. Другие колебались. Тогда они собрались для прений и обсуждений. Среди них был Абу л-Хасан Али ибн Абд ар-Рахман Саманджани из числа шафиитских шейхов, который в присутствии большого числа людей согласился на убийство исмаилитов и сказал: «Несмотря на признание ими всех основ и столпов веры, они имама признают в пределах своего имамата, а то, что шариат запретил, они дозволяют, а дозволенное шариатом делают недозволенным, поэтому убийство их необходимо» [24, т. X, с. 301]. Так как спор улемов затянулся и результатов не имел, исмаилиты попросили султана Мухаммеда прислать в крепость для диспута кого-либо из факихов. К ним прибыл ханифитский шейх и казн Исфахана Абу л-Ала Сайд ибн Иахия. Однако диспут с ним оказался безрезультатным. Султан возобновил осаду. Исмаилиты прислали к нему человека с таким предложением: они сдадут Шахдиз, но вместо него получат расположенную в 7 фарсах от Исфахана крепость Хан-Ланджан (или Халан-джан) ¹⁸. Свое желание иметь крепость исмаилиты объясняли так: «Мы за свои души и имущество жителей Исфахана боимся, и нам нужно тайное убежище, чтобы от зла людей оберегаться»¹⁸, т. X, с. 301].

Султан, который также устал от долгой осады Шахдиза, согласился. Исмаилиты просили свое переселение в Хан-Ланджан отсрочить до наступления нового года. Они предлагали сдать Шахдиз при условии, что в будущем султан не будет слушать наветов на них, а если кто-либо из исмаилитов попадет в плен, то будет освобожден. Султан на все согласился. Было решено, что продукты питания в нужном количестве ежедневно будут доставляться исмаилитам в Шахдиз. Всеми эти-

¹⁸ По словам Ибн ал-Асира, эта крепость была давно хитростью захвачена исмаилитами. Видимо, они хотели получить от султана признание законности обладания Хан-Ланджаном.

Б*

83

ми переговорами, условиями и решениями исмаилиты затягивали время (24, т. X, с. 301].

Вину за возобновление военных действий Ибн ал-Асир перекладывает на исмаилитов. Они, имея целью убить, тяжело ранили одного из сардаров султана, который ранее упорно с ними боролся. Тогда султан Мухаммед велел разрушить крепость Хан-Ланджан и возобновил осаду Шахдиза. Исмаилиты снова послали к султану человека со следующим предложением: пусть султан разрешит исмаилитам переселиться в крепость Надир, расположенную близ Бехбахана. С покидающими Шахдиз исмаилитами пойдет человек, чтобы одних из них отвести в крепость Надир, а других — в крепость Табас. Остальные исмаилиты останутся в одном из укреплений Шахдиза до прихода вестей от обеих групп. После этого и они выйдут и под охранной грамотой султана уйдут в Аламут

под защиту Хасана ибн Саббаха. Султан и на это согласился. После ухода обе их групп опустевший Шахдиз султан взял и разрушил [24, т. X, с. 301]. Так, согласно Ибн ал-Асиру, исмаилиты, претерпев все трудности осады Шахдиза правительственными войсками, благополучно покинули Шахдиз, выговорив для себя право свободного переселения в Табас (в Кухистане) и в крепость Надир (в Хузестане).

По словам Рашида ад-дина, крепость Шахдиз пала в результате предательства со стороны султана Мухаммеда и обмана им исмаилитов.

Рашид ад-дин гораздо лаконичнее, чем Равенди и Ибн ал-Асир, говорит о восстании исмаилитов в Исфахане, но приводит ряд интересных подробностей. Исмаилиты, захватившие под руководством Ахмеда ибн Абд ал-Мелик ибн Атташа крепость Шахдиз, «имуществу и имению людей наносили удары». Султан Мухаммед в течение всех лет своего правления видел в исмаилитах своих самых заклятых врагов. До самой смерти он не только вел с ними вооруженную борьбу, но не останавливался даже перед предательством и клятвопреступлением.

В борьбе за Шахдиз «султан усилил осаду, но знал, что от войны пользы не будет, и взамен крепости (Шахдиз) дал им крепость Хан-Ланджан, и голубя за пазуху опустил, и руку сверху положил, и клятву торжественную произнес: „Пока душа в этом теле остается (имея в виду находящегося у него за пазухой голубя. — Л. С), [она] обязательству верность сохраняет“. Как только с этими обязательством и клятвой исмаилиты из крепости спустились, султан приказал, чтобы они отправились в Аламут к Саййид-на [Хасану ибн Саббаху], а крепость разрушил. Ахмеда [ибн] Абд ал-Мелик ибн Атташа с позором и бесчестием посадили на верблюда и вокруг города провезли и наконец кожу с него содрали и соломой набили, а он и не охнул. Сына его также убили, а головы их в Багдад послали, и жену его (султан) погубил. Она бросилась с верши-

ны крепости. Время пребывания [Ахмеда ибн Абд ал-Мелик ибн Атташа] в крепости было 12 лет. Султан Мухаммед своего вазира Сад ал-Мулька Абу л-Махасина по подозрению в дружбе с еретиками на воротах Исфахана распял и Ахмеда ибн Низам ал-Мулька вместо него назначил» [61, с. 121 —122].

Так, по словам Рашид ад-дина, исмаилиты добровольно оставили крепость Шахдиз, поверив ложной клятве султана Мухаммеда, и получили возможность уйти в Аламут к Хасану ибн Саббаху. Каким образом Ахмед ибн Атташ попал в руки султана, этот автор не говорит. Он отмечает его выдержку и терпение во время мучительной казни и мужество жены Ахмеда ибн Абд ал-Мелик ибн Атташа, которая предпочла смерть унижению плена. Сад ал-Мульк, который, по свидетельству Равенди являлся душой придворного заговора, был казнен по обвинению или подозрению «в дружбе с еретиками».

Ценные сведения об обстоятельствах пленения Ахмеда ибн Абд ал-Мелик ибн Атташа сообщает Ибн ал-Асир. Уже после ухода большинства исмаилитов из крепости Шахдиз Ахмед ибн Абд ал-Мелик ибн Атташ остался в одном из укреплений Шахдиза. не спускался вниз и крепости не сдавал вплоть до 2 зу-л-када 500 г. х. (25 июня 1107), когда никакой надежды уже не было. «Великое терпение и храбрость, рожденная мужеством, была в нем видна». Один из исмаилитов крепости, попросивший у султана Мухаммеда защиты, захотел добиться его прощения и сказал: «Я вам покажу путь в горный проход, который доходит до этой крепости и охраны не имеет». И он показал воинам султана путь, который до того времени был скрыт, к одному из зубцов крепости, чтобы они оттуда поднялись наверх и завладели крепостью. Ему возразили: «Исмаилиты этот проход захватили и укрепили и охраняют людьми, знающими военное дело». Он ответил: «Эту видимость воинов вы за воинов не принимайте: они все не вооружены, одеты в касараганд¹⁹ и за воинов только выдаются, а других у них не осталось, и всех воинов только 80 человек полуживых находятся в той крепости». Воины султана по указанному этим человеком пути через трудный горный проход поднялись наверх, а защитников крепости сбросили вниз и завладели крепостью. «Большинство батинитов испили напиток гибели» (24, т. X, с. 301j. из небольшой группы, которая завязала бой с воинами и вышла из крепости, никто спасения не нашел. Судьба же Ахмеда ибн Абд ал-Мелика ибн Атташа оказалась трагичной. Он живым попал в плен, и после недельного пребывания в тюрьме с него содрали кожу и набили ее соломой. А он все мучения сносил терпеливо, пока не умер. Сын его также вместе с ним был убит, и головы их отвезли в Багдад. Жена

¹⁹ Касараганд, гасараганд — одежда на шелковой вате или шелке-сырце, часто простроченная. Одевалась под кольчугу [275. с. 74, примеч. 1].

его, которая вместе с ним была в крепости, еще прежде проявила смелость и бросилась с вершины крепости вниз, не желая попасть пленницей в руки тюрок. Господство Ахмеда ибн Абд ал-Мелик ибн Атташа над окрестностями Исфохана и крепостью Шахдиз длилось 12 лет [24, т. X, с. 302].

Датировка событий дается источниками различно. Рашид ад-дин сообщает: «Время пребывания [Ахмеда ибн Абд ал-Мелик] ибн Атташа в крепости было 12 лет». По словам Ибн ал-Асира, «господство Ахмеда [ибн Абд ал-Мелик] ибн Атташа над окрестностями Исфохана и крепостью Шахдиз длилось 12 лет». Однако тот же автор начало активной деятельности исмаилитов в Исфохане относит к 495/1101/02 г. Провал заговора с целью убийства султана Мухаммеда Равенди указывает в шаввале 500г.х. (май—июнь 1107). Начало осады Шахдиза, по Ибн ал-Асиру, — 6 шабана 500 г. (2 апреля 1107), а дата его сдачи — 2 зу-л-када 500 г. (25 июня 1107). Поэтому следует считать наиболее достоверным, что активные действия исмаилитов в самой столице и борьба с правительственными войсками за Шахдиз происходили в 495/1101/02 — 500/1107 гг. Возможно, что в предшествующие 5—6 лет авторы источников включают проникновение исмаилитов в крепости Хан-Ланджан и Шахдиз.

Итак, исмаилиты создали дом проповеди, завербовали свыше 30 тыс. сторонников среди городских низов Исфохана, убивали феодальную знать, захватили крепость Шахдиз, задумали покушение на султана Мухаммеда, которое сорвалось по чистой случайности. Лишь после долгой борьбы султану Мухаммеду удалось взять крепость Шахдиз, захватить живым Ахмеда ибн Абд ал-Мелик ибн Атташа и предать его мучительной казни. Об этих событиях сообщают историки Равенди, Рашид ад-дин и др.

Только у Ибн ал-Асира есть рассказ о трудной, 73-дневной осаде крепости Шахдиз сельджукскими войсками, длительных переговорах и религиозных диспутах с исмаилитами, согласии султана Мухаммеда на обмен крепости Шахдиз на близрасположенную крепость Хан-Ланджан, отмене этого соглашения и, наконец, разрешении султана на свободный выход исмаилитов из Шахдиза и их переселении в крепость Табас в Кухистане и крепость Назир, близ Бехбахана. Только после ухода исмаилитов из Шахдиза и их благополучного прибытия в названные крепости в результате предательства Ахмед ибн Атташ попал в руки своего заклятого врага — султана — и был им казнен.

Итак, две версии: полный разгром исмаилитов или их свободный выход из крепости Шахдиз. Которую из версий следует принять за достоверную? Этот вопрос может быть решен путем привлечения памятников материальной культуры.

Что представляла собой крепость Шахдиз? Давно известно было только то, что ее построил султан Мелик-шах близ Ис-

фохана. Вопрос о местоположении исмаилитских крепостей упоминаемых в источниках, и в наши дни далек от разрешения. Даже знаменитый Аламут долгое время не был точно локализован, так как за него принимали близко расположенную и большую по площади крепость Ламасар.

В 1965 г. в Исфохане вышла книга М. Мехреяра [275]. Ее автор, основываясь на сообщениях Ибн ал-Асира, Равенди, Ибн Баттуты и др., лично обследовал остатки многочисленных крепостей, расположенных недалеко от Исфохана. К сожалению, он не «привязал» их к карте, не сделал планов и замеров и не производил раскопок. Однако опубликованные им 21 фотографии крепостей и его описания являются ценным свидетельством.

К югу от Исфохана, на расстоянии 2—3 км, протянулся с запада на восток горный хребет. В просторечье его называют Кух-и соффэ. Эта гряда лишена растительности, подъем на нее труден, жилья на ней нет. На ее вершинах, а также на склонах М. Мехреяр обнаружил развалины крепостей, которые называются по-разному и с исмаилитами не связываются. На гребне хребта расположен целый ряд укреплений. М. Мехреяр описывает их в такой последовательности: крепости Калэ-йе див № 1, 2 и 3, мощные сторожевые башни, крепость Тахт-е Рустам и другие развалины крепостей, разместившиеся ниже, по склонам хребта. Определить, какая из крепостей была Шахдиз, было нелегко. Сопоставляя свои наблюдения с сообщениями источников, М. Мехреяр пришел к выводу, что Шахдиз - это Калэ-йе див № 2.

Она расположена на самой высокой скале хребта Кух-и Соффэ. На фотографии снята ее мощная длинная стена, сложенная из плохо обтесанного камня. Хорошо видны

40—50 рядов кладки. Две другие крепости того же названия (Калэ-йе див № 1, 3), по словам М. Мехреяра, являются дополнительными укреплениями Шахдиза. Все крепости расположены так, что из них отлично видны другие крепости. Все крепости связаны между собой при помощи тайных проходов. В случае осады одной из них ей могла быть оказана помощь защитниками всех других укреплений.

Вне крепости, большей частью между двумя скалами, находятся мощные сторожевые башни, построенные из камня и обожженного кирпича. Они защищают входы в тайные проходы, которые ведут к крепостям. В тех немногих местах, где в почти отвесных склонах горного хребта имеются промоины, расщелины или следы оползней, по которым враги могли бы подняться к крепости, сохранились ряды каменной кладки, закрывающей эти естественные проходы. Все укрепления возведены из камня или обожженного кирпича и скреплены известковым (алебастровым) раствором. В горах есть несколько источников воды. Кроме того, на одной из фотографий снят

87

огромный открытый резервуар, построенный из тех же материалов, для сбора и хранения дождевой воды [275, фото 7].

Заслугой М. Мехреяра является то, что он впервые определил местоположение крепости Шахдиз и доказал, что вместе с другими крепостями она образует целый комплекс мощных укреплений. По его утверждению, каждая из них являлась совершенно неприступной для врага.

Таким образом, исмаилиты находились в Шахдизе, отлично укрепленном, связанном с целым рядом столь же неприступных крепостей и сторожевых башен. Они располагали запасами воды и доставленного Ахмедом ибн Абд ал-Мелик ибн Атта-шем оружия. Взять их штурмом или осадой было невозможно. Все это убеждает в истинности версии Ибн ал-Асира. После безрезультатной 73-дневной осады султан Мухаммед не смог взять Шахдиз и был вынужден согласиться на свободный выход исмаилитов из этой крепости.

Перед нами нередкий в истории пример, когда памятники материальной культуры, подтверждающая одно из сообщений нарративных источников и опровергая другое, помогают выявить истинный ход исторических событий.

Таким образом, исмаилитам не удалось захватить Исфахан, но, несмотря на поражение и гибель Ахмеда ибн Абд ал-Мелик ибн Атташа, большая их часть благополучно добралась до исмаилитских крепостей, расположенных в других районах Ирана.

Источники не упоминают о том, поддерживали ли исмаилиты Исфахана связь с Аламутским государством и Хасаном ибн Саббахом. Рашид ад-дин лаконично говорит, что после сдачи Шахдиза его защитники ушли в Аламут под защиту Хасана ибн Саббаха. Ибн ал-Асир упоминает, что после ухода исмаилитов в крепости Надир и Табас предполагалось, что последние защитники крепости, а их было 80 человек, уйдут в Аламут.

Следует отметить, что Ахмед ибн Атташ «во времена своего отца» жил в Исфахане. В этом городе еще до захвата Аламута дважды бывал Хасан ибн Саббах. Была ли установлена между ними какая-либо связь? Утверждать это или отрицать не представляется возможным. Источники молчат. Тем не менее выступление исмаилитов Исфахана следует рассматривать как одно из звеньев цепи исмаилитских восстаний в Иране и Сирии.

Политическая обстановка в Сирии на рубеже XI—XII вв.

Политическая история Сирии в XI—XIII вв. и анализ социально-экономических отношений этого времени не являются предметом нашего изучения. Эти вопросы заслуживают того, чтобы стать темой специальной монографии.

88

Вместе с тем в данной главе нельзя не остановиться на деятельности и вооруженных выступлениях исмаилитов в Сирии в начале XII в.

Первыми вдохновителями и организаторами исмаилитских выступлений в этой стране были персы, посланные из Аламута Хасаном ибн Саббахом. Это они вели пропаганду исмаилизма, создавали дома проповеди, руководили вооруженными высту-

плениями. Во-вторых, выступления исмаилитов в Сирии являются составной и неотъемлемой частью антисельджукского и антифеодального движения в Иране. Поэтому без их учета будут искажены масштаб, размах и сила исмаилитского движения в Иране.

Необходимо отметить, что, несмотря на большое число источников — на арабском, армянском, латинском и старофранцузском языках, — посвященных периоду первых крестовых походов, конкретных сведений о деятельности исмаилитов в Сирии в начале XII в. очень мало. Однако даже при скудости сообщений источников выявляется много интересного об исмаилитских выступлениях в Сирии. Этот вопрос в исследовательской литературе освещен далеко не полно.

Что представляла собой Сирия в конце XI в.?

Ограничимся кратким пересказом общеизвестных фактов. В X в. Сирия была под властью Фатимидов. В 70-х годах XI в. ее завоевали турки-сельджуки. С этого времени турецкие феодалы, вассалы «Великих Сельджуков», стали играть в этой стране ведущую роль. К концу XI в. в Сирии было два сельджукских султаната: один — с центром в Халебе, находившийся под властью Сельджукида Ридвана ибн Тутуша (1095—1113); второй — с центром в Дамаске, где правил его брат Дукак (1095—1104). В Антиохии утвердился Иаги-Сийан. Хомс, Мо-сул (Верхняя Месопотамия) и другие города были в руках различных турецких феодалов. Ряд небольших территорий находились во владении местной, сирийской (арабской) знати, как, например, Шейзар, принадлежавший Мункизидам. Южная часть Сирии и Палестины с Иерусалимом была под властью Фатимидов. Для Сирии этого времени характерна политическая децентрализация. Здесь часто происходили мятежи и междоусобицы военно-феодальной знати.

Формы феодальной земельной собственности и феодальной зависимости были такими же, как и в других странах Передней и Средней Азии. Феодальная рента взималась с крестьян в смешанной форме — продуктами и отчасти деньгами. Применение денежной формы было вызвано развитой торговлей и стремлением феодалов пользоваться не только предметами труда своих крестьян и ремесленников. Их привлекали и дорогие заморские товары, которые привозили купеческие корабли и караваны из Индии, Юго-Восточной Азии и с Дальнего Востока.

89

Города Сирии были центрами ремесла и торговли — местной и транзитной. В источниках встречаются сообщения об обострении классовой борьбы между феодально-купеческими верхами и городскими низами. Вторжение крестоносцев (1096) резко изменило всю политическую обстановку на восточном побережье Средиземного моря.

История первого крестового похода общеизвестна (285, там же обзор источников и литературы). Об истреблении крестоносцами населения или угоне в рабство ярко свидетельствуют и мусульманские и христианские авторы; так, при взятии Антиохии было убито более 30 тыс. человек (46, с. 18; 14, с. 4). После взятия Иерусалима (7 июля 1099 г.), города, священного для христиан, мусульман и иудеев, завоеватели особенно бесчинствовали. Армянин Матвей Эдесский пишет: «Он (Готфрид — вождь франков. В средневековых источниках под франками подразумевались все народы Западной Европы. — Л. С.) убил 65 000 человек в храме, не считая тех, кого погубил в других местах города» [46, с. 19]. «Целую неделю они убивали мусульман, находившихся в городе, и они убили 7000 в мечети Ал-Акса. Среди них было много имамов, ученых, людей веры» [14, с. 4], — добавляет араб Абу л-Феда. «Поведение крестоносцев в Иерусалиме, — отмечает К. Маркс, — привело в ярость все магометанское население Востока и т. д.» [8, с. 125].

Однако мусульманские феодалы вскоре стали заключать с франкскими феодалами союзы с целью сохранения своих владений, жизни, свободы и борьбы со своими личными врагами. Местные турецкие феодалы неоднократно обращались за военной помощью к своим сюзеренам — сельджукским султанам Ирана. При приближении же султанских войск они, боясь того, что султан может лишиться их владений, изменяли своим и переходили в стан франков.

Вся тяжесть вторжения европейцев, их бесконечные войны с местными феодалами, постоянные междоусобицы последних всей своей тяжестью падали на народные массы. При длительных осадах городов в их обороне принимали участие ремесленники и городская беднота. Они в первую очередь страдали от голода и жажды, когда в осажденном городе возникала нехватка продовольствия. При падении города, не имея средств заплатить выкуп, простой народ был обречен на смерть или рабство у франков [46, с. 16]. Не менее горожан страдали крестьяне. Франки вытапывали поля, вырубали сады, убивали мирных жителей, но «свои» феодалы были не лучше. Так, Ри-

дван, боясь вторжения франков, «велел отнять урожай у части своих подданных. Страна стала добычей голода, и земля осталась без посевов» [42, с. 590]. Все это увеличивало ненависть народа к чужим и своим феодалам и создавало благоприятную почву для успеха исмаилитской пропаганды и активных выступлений исмаилитов.

Выступления исмаилитов в Сирии (конец XI в.— 1113 г.)

Вскоре после захвата Аламута Хасан ибн Саббах направил своих даи в Сирию. Он стремился к расширению исмаилитской пропаганды и увеличению размаха восстания. Выбор этой страны не был случайным. Как известно, за 12 лет до этого сам Хасан ибн Саббах по пути в Египет и при возвращении в Иран посетил многие города Сирии (Халеб, Бейрут, Дамаск, Тир, Сидон). Он не мог не знать, что уже тогда в Сирии соперничали друг с другом сельджукские феодалы и широкое распространение получил шиизм (в результате длительного господства Фатимидов). Значительным было ремесленное население городов, на которое в первую очередь он мог опереться.

В арабоязычных источниках содержатся сведения о первых исмаилитских даи и называются их имена. Ибн ал-Джаузи упоминает о враче-астрономе (хаким-мунаджим), который был первым, кто провозгласил в Сирии учение батинитов [28, с. 530]. Он был убит или умер в Халебе в 1102 г. Одновременно с ним действовал присланный из Ирана перс Абу Тахир, ювелир, который с 1102 по 1113 г. был одним из видных деятелей исмаилитов, организатором и вдохновителем всех выступлений исмаилитов в Сирии. Назван также брат врача-астронома — Исмаил, убитый во время резни исмаилитов в 1113 г. Камал ад-дин упоминает еще Хасана ад-дина ибн Димладжа, приехавшего в Халеб из Ирана, авторитет которого признавали все исмаилиты. Он назначил действовать от своего имени в крепости Калэ-йе-ях, около Балэ, перса Ибрахима, который позднее бежал в Шейзар. Сам ибн Димладж после 1113 г. ушел в Ракку, где и умер.

Дефремери относит начало деятельности исмаилитов в Сирии к 90-м годам XI в.: «Исмаилиты устроились в Сирии вскоре после захвата Аламута (1090). В последние годы XI в. они обосновались в Халебе при Ридване» [227, с. 374]. Ту же мысль высказал Ст. Гюйяр: «Вскоре после захвата Хасаном ибн Саббахом Аламута крестоносцы вошли в Иерусалим. Момент был подходящий, чтобы попытаться обосноваться в Сирии. Хасан использовал возможность, которая открылась перед ним» [232, с. 3471].

Как и в Иране, первоочередной задачей исмаилитских даи была вербовка сторонников, предшествовавшая открытым вооруженным выступлениям. Наличие в Сирии значительных армий (франков и местных феодалов), одинаково враждебных исмаилитам, заставляло последних быть осторожными, бдительными и умело использовать любые благоприятные для них возможности.

Деятельность исмаилитов началась в Халебе. Это объясняется тем, что, во-первых, исмаилиты могли рассчитывать на под-

держку ремесленного населения города; во-вторых, владетель Халеба Сельджукид Ридван ибн Тутуш ибн Алп-Арслан в противоположность всем другим тюркским феодалам открыто покровительствовал и помогал исмаилитам.

Большинство источников характеризуют Ридвана резко отрицательно, приписывают ему невероятную жестокость, называют человеком, лишенным чести и совести. Как справедливо отметил Хаджсон, «скверная репутация этого покровителя исмаилитов отражалась на его „протеже“, но, вероятно, сама репутация основывалась на его связях с исмаилитами» [239, с. 89]. Этот же исследователь подчеркивает, что арабский историк XIII в. Ибн ал-Каланиси, который жил в Дамаске и был далек от халебских усобиц, изображает Ридвана гораздо лучше. Иногда эмиры предпочитали его другим правителям.

«Смерть Ридвана потрясла жителей Алеппо, и многие его военачальники его жалели» [239, с. 89].

По-разному объясняют исследователи причины контактов Ридвана с исмаилитами. Гюйяр писал: «Ридван, предвидя преимущества от союза с асассинами, благоприветствовал их обоснованию в Халебе» [232, с. 348]. Соважэ объясняет этот союз страхом перед исмаилитами и целью Ридвана умиротворить их [290, с. 93]. Еще высказывалось мнение, что, желая иметь силу более надежную, чем заносчивые турки,

Ридван стремился заключить сделку с исмаилитами. «Не следует, — подчеркивает Хаджсон, — усматривать причину этого союза в личном увлечении Ридвана исмаилизмом, в который его обратил один из первых алеппских дай — Хаким-Мунаджим» [239, с. 90—91]. Причину союза Ридвана с исмаилитами следует видеть в следующем.

Ридван был смертельным врагом своего брата Дукака, владельца Дамаска. В 490/1096/97 г. Ридван в союзе с Йаги-Сийаном (владевшим тогда Антиохией) задумал захватить Дамаск. Йаги-Сийан изменил Ридвану и подбил Дукака к попытке захватить Халеб. В битве между Ридваном и Дукаком последний был разбит [14, с. 3]. С Атабеком Туктегином, фактически владевшим Дамаском, Ридван находился во враждебных отношениях. Видимо, из мести Йаги-Сийану Ридван не принял участия в помощи осажденной Антиохии в 1098 г. Другим врагом Ридвана был владелец Химса Джанах ад-доуле. В 1100 г. он разграбил лагерь Ридвана в Сермине, обратил его в бегство, пленил его воинов [42, с. 500].

В 1101 г. франки безрезультатно осаждали Халеб. Они захватили часть территории халебского владения и уничтожили все посеы. Ридван воевал с ними долго и безуспешно. В ходе военных действий он был разбит Танкредом и принужден платить ему дань в размере 7 тыс. динаров и 10 коней в год [42, с. 591]. Ридван яростно ненавидел своих двоюродных братьев — султанов Ирана Баркйарука и Мухаммеда. В 1110 г. Ридван

92

закрыв двери Халеба перед войском султана Мухаммеда. Вражда Ридвана с местными феодалами и султанами Ирана, затяжные малоуспешные войны с франками, боязнь соперничества в своей семье (Ридван убил двух своих братьев) привели Ридвана к полной политической изоляции (14, с. 11). Ему нужно было найти себе союзников.

Для Сирии того времени характерна религиозная пестрота. Здесь были христиане всех направлений, мусульмане сунниты и шииты всех толков: друзы, нусейриты, шииты-дюжинники, исмаилиты, а после раскола 1094 г. — низариты и мусталиты. В самом Халебе шииты всех толков преобладали над суннитами [239, с. 91]. Из всех этих религиозных групп наиболее активной силой были низариты. Ридван не мог не знать об их успехах в Иране и об их смертельной вражде с ненавистными ему родственниками — иранскими Сельджуками. Если незадолго до этого Ридван признал главенство Мустали, то усиление низаритов в Иране и Халебе обусловило его переход на сторону Низара. Все это явилось причиной союза Ридвана с исмаилитами Сирии. В дальнейшем он открыто покровительствовал исмаилитам. Последние же при захвате некоторых крепостей провозглашали (пусть формально) власть своего патрона Ридвана, что ему также было выгодно.

Исмаилиты воспользовались свободой деятельности, которую им предоставил Ридван. «Ридван построил для них дом пропаганды, и он был первым, кто сделал это» [28, с. 530]. Пропаганда исмаилитов получила широкий отклик, и число их быстро росло. Халеб явился тем центром, откуда исмаилиты руководили всей деятельностью своих сторонников в Апамее, Сермине, Шейзаре и других местах.

Их главной целью, как и в Иране, являлся захват крепостей, владея которыми они могли бы подчинить себе окружающие территории и стать политически независимыми. В Халебе и за его пределами исмаилиты развернули борьбу с местной знатью. «Их враги обвиняли их в грабежах или безнаказанных убийствах тех, кого они хотели убить, а также в надменном поведении на улицах» [239, с. 91].

Как и в Иране, исмаилиты Сирии стали практиковать убийства своих классовых врагов — феодальной знати. 12 мая 1102 г. три перса-батинита убили в Химсе в мечети владельца этого города Джанах ад-доуле [42, с. 591]. Ими были убиты также многие из его людей. Впечатление от этого убийства было огромным. «Население Химса было потрясено этим событием и немедленно в панике разбежалось. Большинство тюрок, живших там, бежали в Дамаск, и дела там [в Химсе] пришли в расстройство» [30, с. 142]. Молва приписала Ридвану инспирацию этого убийства. Трудно с уверенностью поддерживать или отрицать это обвинение. Однако следует подчеркнуть, что Джанах ад-доуле был врагом как Ридвана, так и исмаилитов, вож-

93

дя которых, Хакима-Мунаджима, он сам пытался захватить. За этим убийством последовали и другие. Жертвами исмаилитов были феодалы. Убийства, всегда совершаемые публично, терроризировали феодалов и увеличивали их ненависть к исмаилитам.

Однако важнейшей задачей исмаилитов в Сирии был захват крепостей.

Борьба исмаилитов в Апамее

В 499/1105/06 г. исмаилиты сделали попытку завладеть Апамеей. Рассказ Ибн ал-Асира, наиболее подробный, существенно отличается от сообщений Ибн ал-Джаузн и Камал ад-дина. По свидетельству Ибн ал-Асира, в это время Апамея находилась под властью Халафа ибн Муланба, который за несколько лет до этого завладел ею. Жители г. Сермина, расположенного недалеко от Халеба, глубоко преданные шиизму, при приходе франков разбежались. Кади Сермина явился к Халафу, был им принят и обласкан. Но вскоре он стал строить козни против Халафа. «Кади написал Абу Тахиру, известному [под прозвищем] ювелир, а он из знатных лиц государства Ридвана, и обратился к батинитам и их дай, и согласились они погубить Халафа» [24, т. X, с. 282]. Сыновья Халафа заподозрили кади в предательстве, но он сумел от всего отпереться, поклявшись на Коране в своей невиновности, и сохранил расположение Халафа. Абу Тахир уговорил Ридвана послать в Апамею 300 человек из числа бывших жителей Сермина с лошадьми, оружием и головами франков, якобы добытых серминцами в сражении с франками. Халаф поверил рассказу серминцев и разрешил им поселиться в Апамее. Вскоре кади и серминцы, пробравшись в цитадель, сбросили своим людям веревки, по которым те поднялись в крепость. Нападение их было внезапным. Военачальники и сыновья Халафа были перебиты. Кади своей рукой убил Халафа в спальне его жены. Абу Тахир прибыл в Апамею, уверенный в том, что кади отдаст ему город. Но тот предложил Абу Тахиру остаться у него и пользоваться почетом и уважением или убираться вон. (Это объясняется тем, что местные исмаилиты не желали подчиняться пришельцу Абу Тахиру.)

Один из сыновей Халафа, которому удалось спастись, явился к франкам и уговорил их завладеть Апамеей. Когда войска франков подошли к Апамее, она сдалась. «Франки убили кади, схватили ювелира и убили его. А он тот, кто возвестил учение батинитов в Сирии. Одни говорят, что Абу Тахир, ювелир, был убит франками в Апамее. Другие говорят, что Ибн

Бади, ране Халеба, убил его в 507/1113/14 г. после смерти Ридвана» (24, т. X, с. 283)²⁰.

Ибн ал-Асир, отмечая, что серминцы были ревностными шиитами, не считает их батинитами. Как же тогда объяснить их связь с Абу Тахиром и другими батинитами Халеба? Что могло привлечь Абу Тахира в Апамею, если бы в ней не было его сторонников, с помощью которых он мог бы захватить город? Ложная клятва на Коране, произнесенная кади, отнюдь не считавшаяся преступлением, с точки зрения батинитов, обман Халафа с целью поселения в Апамее, проникновение в крепость и внезапное нападение на ближайшее окружение Халафа и его убийство — все это заставляет предполагать, что в Апамее имели место выступления батинитов, которыми руководил Абу Тахир, ювелир. Подтверждение этому предположению мы находим у двух других историков, которые излагают те же события более лаконично, но дают им другое освещение. По Ибн ал-Джаузн: «И усилилось дело батинитов в Халебе и был [там] Хаким-астроном и Абу Тахир-ювелир, а он первый, кто возвестил это учение в Сирии. И последовало за ними много народу с гор Сумака, и из Сермина, и ал-Маары, и тех областей. Захватили исмаилиты крепость Фамиях [Апамею] и убили Халафа ибн Мулаиба, владельца ее, по наущению Абу Тахира, перса, ювелира, живущего в Халебе, заместителя астронома. Был в Апамее человек из их дай, звали его Абу л-Фатх ас-Сермини, и он договорился с жителями се [Апамеи], и они пробили стену, набросились на ибн Мулаиба, пронзили его копьем, и он умер. И они провозгласили Ридвана, владельца Халеба, владельцем Апамеи. А он [некоторое время назад] построил для них в Халебе дом молитвы, и он первый, кто это сделал, и оставалась крепость в их руках, пока не взяли ее франки в 500/1106/07 г.» [28, с. 530].

Ибн ал-Джаузи говорит, что захват Апамеи был произведен батинитами, во главе которых стоял батинитский дай Абу л-Фатх ас-Сермини (очевидно, то же лицо, что и серминский кади Ибн ал-Асир). Организатором и вдохновителем событий назван Абу Тахир, ювелир.

С еще большей определенностью излагает эти события Камал ад-дин: «И послал Абу Тахир, ювелир, батинит, группу батинитов из жителей Сермина против Халафа под управле-нием человека, известного как Абу л-Фатх Сермини, из исмаилитских дай, чтобы они убили Халафа. И согласилась с ними группа жителей Апамеи. Они пробили стену

крепости и вошли в нее, и поднялись некоторые из них в цитадель и ударили Халафа копьем, и он упал, и ударили его еще раз, и он умер. Потом пришел Танкред и взял [с Апамеи] дань, но вскоре воз-

²⁰ Таков сокращенный пересказ событий, лишенный некоторых незначительных подробностей.

95

вратился и захватил ее [Апамею]. Он убил Абу л-Фатха Сермини и пленил Абу Тахира, но он заплатил за себя выкуп и вернулся в Халеб» (42, с. 594). В этом самом кратком рассказе Абу Тахир выступает организатором событий и, вероятно, участником, поскольку он попал в руки франков после взятия ими Апамеи. Батинитским даи назван Абу л-Фатх Сермини, руководивший отрядом батинитов-серминцев. Кроме того, часть жителей Апамеи «согласилась с ними», иными словами, поддержала батинитов. Сообщение Камал ад-дина о том, что Абу Тахиру удалось купить себе свободу у франков, снимает имеющееся у Ибн ал-Асира противоречие о дате смерти Абу Тахира.

Исмаилитам удалось отнять Апамею у Халафа силами серминцев при поддержке жителей Апамеи. Сколько времени она была в их руках, установить трудно, видимо, недолго. Если, исмаилиты сумели одолеть Халафа, то противостоять феодальному войску франков они в то время не могли.

Разгром исмаилитов в Халебе

Эти неудачи исмаилитов в Апамее обусловили усиление их активности в Халебе. Именно в это время Ридван в них особенно нуждался. В 1110 г., не желая пускать в Халеб сельджукские войска из Ирана, он привлек исмаилитов и других преданных ему горожан к обороне стен и его личной защите от недовольных жителей города или воинов.

1111 год, вероятно, следует считать недолгим временем максимального успеха исмаилитов в Халебе. Знать города боялась, что исмаилиты могут захватить всю власть в столице Ридвана. Враждебность феодальных верхов города к исмаилитам росла. Они ждали подходящего предлога, чтобы обрушиться на исмаилитов. Вскоре представился удобный случай. В том же году через Халеб проезжал богатый перс Абу Харб, известный своей ненавистью к исмаилитам. Последние решили его убить и завладеть его имуществом. Говорили, что Ридван должен был получить свою долю, но персу удалось победить своих противников. Это послужило сигналом к резне исмаилитов, приостановить которую скомпрометированный Ридван уже не мог (239, с. 93). Знать Халеба и соседние владетели давно упрекали Ридвана в покровительстве исмаилитам.

Сразу после смерти Ридвана в 1113 г. при молодом и слабом его сыне Алп-Арслане халебская знать свела свои счета с исмаилитами. В это время сельджукский султан Мухаммед ибн Мелик-шах и раис Халеба Ибн Бади стали требовать от молодого Алп-Арслана уничтожения исмаилитов. Ибн Бади и Хашхаш собрали глав города и добились от него согласия. Абу Тахира и его важнейших сторонников предали смерти (24,

96

т. X, с. 283, 349]. «На улицах объявили, что каждый, кто встретит батинита, может его убить. Три сотни из них, как мужчин, так и детей, было убито в Халебе; двести из них были схвачены. Абу л-Фатх был казнен около ворот Ирака, тело его было сожжено, голова провезена по всем городам Сирии. Убили даи Исмаила, брата Хакима-Мунаджима, о котором сказано выше. Другие были заключены в тюрьму, и за них просили; из них одни были освобождены, другие сброшены вниз с вершины крепости» [42, с. 604].

Отметим, что с исмаилитами беспощадно расправлялась халебская знать. Расправы с ними требовал и сельджукский султан Мухаммед. Он давно и упорно боролся с исмаилитами в Иране. Разгром 1113 г. надолго снизил активность исмаилитов в Халебе, но отнюдь не прекратил их деятельности в Сирии.

Попытка исмаилитов захватить Шейзар

После разгрома в Халебе исмаилиты обратили свое внимание на г. Шейзар. «Расположен он в области Алеппо, к северу от Хама (древней Эпифании), в двадцати километрах к югу от Апамеи, река Оронт... омывает Шейзар с трех сторон. Сам поселок

лежит у подножия холма, на котором высится замок» [69, с. 26]. С 1081 г. Шейзар был под властью арабской династии Мункизидов. «Исмаилиты, видимо, хотели здесь создать новый центр своей деятельности», — замечает Хаджсон [239, с. 94]. О борьбе Мункизидов с исмаилитами сообщают Ибн ал-Асир, Ибн ал-Джаузи и, что особенно ценно, Усама ибн Мункиз, являвшийся непосредственным участником событий.

Нападение исмаилитов на Шейзар Ибн ал-Асир относит к 502 1108/09 г.: «[В день] христианской пасхи группа батинитов в числе ста человек напала на Шейзар неожиданно для его жителей и завладела им. Они выгнали тех жителей, которые были в городе, заперли ворота (города), поднялись в крепость и захватили ее. А владевшие [в то время] крепостью сыны Мункиза спустились из нее, чтобы посмотреть на праздник христиан.

И они [Мункизиды] делали добро этим, которые портили всякое благодеяние (т. е. батинитам. — **Л. С**). Жители города побежали к бастиону, и женщины, (оставшиеся в городе), подняли их на веревках в окна. К ним присоединились и их возглавили эмиры из сынов Мункиза. Они сразились с батинитами и взяли их в мечи со всех сторон; батиниты отступили, и не спасся из них ни один. И убили в городе тех, кто был подобен им (батинитам) по своим взглядам» (24, т. X, с. 331).

О нападении исмаилитов на Шейзар то же самое рассказывает Ибн ал-Джаузи, но он относит его к 507/1113/14 г. и делает существенное добавление. «Группа батинитов, проживав-

97

ших в Апамее, Мааррат ан-Нумане в Мааррат Несрине, решила захватить Шейзар в день пасхи» (28, с. 548]. Это свидетельствует, во-первых, о том, что после захвата Апамеи франками (1106) исмаилиты продолжали в ней жить и действовать. Во-вторых, что в Мааррат ан-Нумане и Мааррат Несрине также были исмаилиты.

Самый яркий, подробный и интересный рассказ о борьбе с батинитами оставил Усама ибн Мункиз. «Я был как бы осью всего сражения» (69, с. 200], — говорит он. Когда исмаилиты напали на Шейзар, мункизидские феодалы напрягли все силы для оказания сопротивления. Не только мужчины, но и женщины вступили в сражение. «В этот же день одна старуха, невольница моего деда... которую звали Фанума, закрылась покрывалом, взяла меч и бросилась в бой. Она не переставала сражаться до тех пор, пока мы не одержали верх и не превзошли числом своих противников» (69, с. 201).

Борьба шла жестокая. Исмаилиты сбрасывали своих противников вниз с крепости, поражали кинжалами. Усама ибн Мункиз упоминает бывшего у него на службе Нумейра ал-Аля-рузи, который был «один из тех трех, которого исмаилиты сбросили с крепости Шейзар» (69, с. 140]. «Однажды один из наших товарищей, по имени Хаммам ал-Хаджж, во время военных действий исмаилитов против Шейзара столкнулся с одним из них в галерее дома моего дяди, да помилует его Аллах. В руке исмаилита был нож, а в руке ал-Хаджжа — меч. Батинит бросился на него с ножом, но Хаммам ударил его своим мечом над глазами и рассек ему череп. Мозг исмаилита выпал на землю и разлетелся по ней во все стороны» [69, с. 192]. Усама ибн Мункиз с гордостью рассказывает, что в тот же день он отрубил своим мечом руку исмаилиту. След, оставшийся на мече от удара по кинжалу исмаилита, он сохранял как самое красивое, что есть в мече [69, с. 193]. Во время борьбы с исмаилитами женщина из дома Мункизидов предотвратила постыдную трусость своего племянника: «Предводитель исмаилитов Алван ибн Харрар столкнулся в тот день в крепости с моим двоюродным братом, по имени Синан ад-доуле Шабиб ибн Хамил ибн Хумейд, да помилует его Аллах. Алван хотел привлечь его к себе и сказал ему: „Вернись в свой дом, возьми оттуда все что можешь и выходи — тебя не убьют, а крепостью мы уже овладели“. Синан возвратился в дом и сказал, обращаясь к своей тетке и женам его дяди: „У кого есть что-нибудь, передайте мне“. И каждый из них дал ему что-нибудь. В это время в дом вдруг вошел человек в кольчуге и шлеме с мечом и щитом в руке. Когда Синан увидел его, он уверился, что умрет. Вошедший снял шлем, и оказалось, что это мать его двоюродного брата.....Что ты хочешь сделать?“ — спросила она Синана. „Я возьму с собой все что могу, — ответил он, — спущусь из крепости по веревке и буду себе жить на свете".—

98

„Скверно ты делаешь, — ответила ему тетка. — Ты оставишь своих двоюродных сестер и жен этим чесальщикам шерсти, а сам уйдешь? Какова-то будет твоя жизнь, когда ты опозоришь себя перед семьей и убежишь от нее. Выходи! Сражайся за своих, пока тебя не убьют среди них. Накажи тебя Аллах еще и еще раз!“ [69, с. 200].

В этот же день мать Усамы ибн Мункиза раздала воинам его мечи и казакины.

«Она пошла к моей старшей сестре,— продолжает свой рассказ Усама ибн Мункиз,—и сказала ей: „Надевай свои сапоги и покрывало“. Та надела, и матушка свела ее на балкон в моей комнате, который возвышается над долиной с восточной стороны. Она посадила сестру на балконе, а сама села у его дверей. Аллах, да будет ему слава, даровал нам победу над врагами, и я зашел в дом, желая взять что-то из оружия, но не нашел ничего, кроме ножен мечей и мешков от казакинов.

„Матушка, где мое оружие?“ — спросил я. „О сынок, — ответила она, — я отдала его тем, кто сражался за нас, так как не думала, что ты уцелеешь“. — „А что делает здесь моя сестра?“— спросил я. „Я посадила ее на балкон и сама села около нее; если бы я увидела, что батиниты добрались до нас, я бы толкнула ее и сбросила в долину. Лучше мне видеть ее мертвой, чем в плену у этих мужиков и шерсточесов!“» [69, с. 20Ц].

Положение оборонявшихся в крепости Мункизидов было крайне тяжелым, если мать Усамы ибн Мункиза не чаяла увидеть своего сына живым и была готова убить дочь, чтобы спасти ее от плена. Однако неудачу потерпели исмаилиты. Может быть, исход борьбы решило лучшее оружие феодалов.

Усама дважды упоминает о вооружении батинитов. В их распоряжении были простые ножи и кинжалы, с которыми они бились против феодалов и их воинов, имевших кольчуги, мечи, щиты и шлемы.

Рассказ Усамы ибн Мункиза не датирован. Ибн ал-Асир и Ибн ал-Джаузи относят нападение исмаилитов на Шейзар к одному и тому же событию — дню христианской пасхи. Первый из них называет 502/1108/09 г., второй — 507/1113/14 г. Вполне возможно, что они подразумевают одно и то же нападение. Усама ибн Мункиз родился 27 джумада II 488 г. х. (4 июля 1095) [69, с. 200]. Если принять первую дату, то трудно допустить, чтобы 14-летний мальчик мог явиться «осью сражения». Более приемлема вторая дата — 507/1113/14 г., когда Усаме ибн Мункизу было уже 19 лет.

Таким образом, как и в других городах Сирии, исмаилиты обосновались в Шейзаре и даже некоторое время не подвергались преследованиям. Они были достаточно многочисленны, если смогли выставить отряд в 100 боеспособных мужчин. Почти такое же войско было у их врагов, когда в крепости взя-

лись за оружие не только мужчины, но и женщины, и их невольницы. Так как исмаилиты владели лишь ножами и кинжалами, то захватить крепость они пытались врасплох, когда все ее защитники ушли на христианский праздник. Этот факт свидетельствует о терпимости феодалов Мункизидов к представителям других религий.

Отвращение Мункизидов и даже женщин их семьи к исмаилитам является не религиозной нетерпимостью, а поистине классовой ненавистью феодалов к «мужикам», «мужикам и шерсточесам» (т. е. крестьянам и ремесленникам), какими в Шейзаре, да и в других районах Сирии, были исмаилиты.

Приведенные материалы источников свидетельствуют о том, что в Сирии, как и в Иране, перед исмаилитами стояли одни и те же задачи, которые осуществлялись одинаковыми методами.

В течение почти десятилетнего периода посланные из Аламута Хасаном ибн Саббахом даи-нерсы вели пропаганду его учения. Они вербовали сторонников среди «мужиков и шерсточесов», т. е. крестьянского и ремесленного населения. Их деятельность протекала в исключительно сложной, быстро меняющейся политической обстановке (вторжение крестоносцев, соперничество и борьба между ними; отсутствие единства у мусульманских феодалов; борьба между христианскими и мусульманскими феодалами). Бедственное положение народа способствовало его отклику на призыв исмаилитов.

Наличие большого, хорошо вооруженного войска (как христианского, так и мусульманского) затрудняло вооруженные выступления исмаилитов.

Политической целью исмаилитов в Сирии, как и в Иране, было создание независимого от всяких феодалов владения. С этой целью были предприняты попытки захвата крепостей, в которых исмаилиты оказались бы недостижимыми для врагов. Борьба исмаилитов носила антифеодальный характер: и в Иране и в Сирии исмаилиты сражались с мусульманскими и христианскими феодалами.

Деятельность исмаилитов в Сирии была облечена в те же формы, что и в Иране: пропаганда учения Хасана ибн Саббаха, осуществлявшаяся присланными им дай; создание домов проповеди; просачивание исмаилитов в сирийские города и крепости;

сокрытие своих истинных «верований»; внезапность нападения, которая делала возможным успех при относительной малочисленности и плохом вооружении; привлечение возможных союзников из числа феодальных правителей (использование в своих целях и интересах тюркского феодала Ридвана, находившегося в политической изоляции); индивидуальные убийства представителей феодальной знати; сохранение руководящей роли за простыми людьми при ведении пропаганды и вооруженных выступлений; широкий размах деятельности

100

исмаилитов, охватившей города Халеб, Химс, Апамя, Шейзар, Сермин, Мааррат ан-Нуман и сельские местности в горах Сум-мака.

Таким образом, борьба исмаилитов с феодалами как в Иране так и в Сирии имела единые цели, одинаковые формы и методы. Руководство этой борьбой осуществлялось из Аламута, посредством дай, которых направлял Хасан ибн Саббах. Выступления исмаилитов и в Иране и в Сирии следует рассматривать как звено в цепи единого антифеодального движения. В начале XII в. исмаилиты потерпели поражение в Сирии, но их борьба на этом не кончилась. Успех пришел позднее.

Борьба исмаилитов с Сельджуками в Рудбаре

Султан Мухаммед (1105—1118) после победы над своим братом султаном Баркйаруком и усмирения мятежных тюркских феодалов все свои силы и внимание направил на борьбу с исмаилитами. Разгромив их в Исфахане, он в течение 10 лет вел с ними непрерывную борьбу, направляя в Рудбар одну армию за другой, не жалел денег и воинов, не останавливался перед ложью и предательством. Он поставил своей целью разгром исмаилитских крепостей и полное уничтожение их государства.

Для исмаилитов Рудбара это десятилетие было очень трудным. Источники помимо описания военных действий содержат интересные сведения, характеризующие обе борющиеся стороны.

В 500/1106/07 г. султан Мухаммед послал своего вазира Ахмеда ибн Низам ал-Мулька с большим войском на осаду Аламута. «Он окружил Аламут и Уставанд, находившийся поблизости, на берегу реки Андиж-руд» [20, с. 211]. Осада длилась с весны до осени. Войска Сельджуков уничтожили все посевы исмаилитов. С наступлением зимы обилие дождя и снега вынудило Ахмеда ибн Низам ал-Мулька уйти из Рудбара. «Когда он прибыл в Багдад, фидаи в мечети убили его ножом» [61, с. 124].

Осада и гибель урожая вызвали сильнейший голод в Аламуте. Люди питались травой. Жен и детей вывезли из крепости. Свою жену и дочерей Хасан ибн Саббах отправил в Гирд-кух [61, с. 125; 20, с. 212].

Неудача не остановила султана Мухаммеда, он продолжал посылать войска в Рудбар. Вскоре султан призвал на помощь тех феодалов, владения которых находились в непосредственной близости от владений исмаилитов. Так «в месяце джума-да I 500 г. х. (январь 1107) султан Мухаммед послал Карена ибн Шахрийара, падишаха Табаристана, с многочисленным войском из Дейлема и Гиля [Гиляна] на помощь своему войску для по

101

давления низаритов. Они с Али Нуш-Тегином, другими нукерами и 12 000 воинов прибыли в Рудбар. [Сельджукские] воины построились рядами. Против них выстроились исмаилиты» [61, с. 125]. Завязалась горячая битва. С утра солнце светило в лица сельджукских воинов, когда же его лучи переместились на сторону исмаилитов, туча закрыла солнце и свежий ветер подул в сторону последних. Враги подождли пшеницу, рассчитывая, что дым направится против исмаилитов. Как только дым усилился, ветер переменялся и подул в сторону сельджукских воинов. Этот рассказ заканчивается сентенцией: «Кто роет [колодец] яму брату своему, сам в него падает». Битва закончилась полным разгромом сельджукских войск и их беспорядочным бегством к Талекану [61, с. 125—126]. Конечно, не случайные капризы природы обусловили победу исмаилитов.

Как только султан услышал о разгроме своего войска, он созвал эмиров. Султан сказал, что у него нет дела более трудного, чем борьба с исмаилитами, что он не

пожалееет ни войска, ни казны для их подавления и не имеет другого желания, кроме вражды с ними. Славившийся своей храбростью атабек Шир-Гир вызвался уничтожить исмаилитов. «Для счастья государства раб [Шир-Гир] это дело сделает». Султан поставил под его начало отряд своего войска, дал ему деньги, ценности, продовольствие для раздачи воинам и послал в Аламут [61, с. 1261.

В начале мухаррама 503 г. х. (август 1109) Шир-Гир прибыл в Казвин, собрал рассеянные сельджукские войска и подошел к подножию Ламасара. Видимо, он потерпел поражение. «Дело не осуществилось. Он опять пришел в Казвин и опять [занялся] набором и созданием войска» (61. с. 1261. Около месяца длилась подготовка. Во время этого похода против исмаилитов султан и его эмиры использовали не только свои войска; они не останавливались перед клятвопреступлением, ложью и предательством. Вскоре Нуш-Тегин со своим сыном Амром, эмиры Илькшифат, Ахмедиль Марат и другие, которые все были конной гвардией султана, с войском Гиляиа и Дейлема вошли в Рудбар. Ночью рафики сделали вылазку и убили 60 человек. «Сельджукские войска подошли к подножию крепости Деж-и Бире. [Исмаилитский кутвал крепости эмир Исхак имел с Ах-медилем давнюю крепкую дружбу. Ахмедиль прельстил его лживыми речами: „Из дворца султана [я] для тебя взял икта и получил на это одобрение“. Исхак от этого разговора поддался на обман и крепость сдал. После этого они дали торжественные клятвы и подписали союз и обязательство. Когда прибыли во дворец, султан их клятву признал [и сказал эмиру Исхаку]: „Ты мне верь, власть и деньги будут тебе вручены, и несколько икта тебе дам“, а втайне эмиру Илькшифату приказал: „Пошли его в Казвин и схвати“.

Эмира Исхака отвезли в Казвин, призвали к ответу, клят-

102

[данную ему], аннулировали, привезли к подножию крепости (Деж-н Бире) и убили» [61, с. 127]. Так ложные клятвы султана и его эмира явились причиной падения исмаилитской крепости.

Предательство эмира Исхака, прельстившегося обещанными Сельджуками икта, является случаем единичным и для исмаилитов нехарактерным. Для рядовых защитников исмаилитских крепостей типично совсем другое. Несмотря на царивший в исмаилитских крепостях голод и непрерывную, изнурительную борьбу с сельджукскими войсками, исмаилиты не теряли бодрости духа, проявляли огромную выносливость, сохраняли верность учению Хасана ибн Саббаха и, следовательно, тем политическим и социальным идеалам, которые в нем содержались. Так, «в течение восьми лет султан Мухаммед периодически посылал войска, сжигал пшеницу исмаилитов и осаждал их крепости, а рафики воевали, проявляя выносливость и неутомимость. Ежедневно каждому человеку был назначен паек в 100 дармсангов ячменя, чтобы они наверху стены [крепости] сидели и в свободное время ели [пак], не отвлекаясь от войны. А они так были увлечены войной, что спокойно есть его не могли. А [некоторые] корой, семенами и зеленью существовали. И это как воздаяние за добрые дела считали и один другому радостно говорили: „Эти несчастья для бога, пророка, имама и истинной веры несем!“ Все пророки, из невежд и знатных, труд и работу выполняли, чтобы одобрение высшей правды явилось результатом. С каждым днем [исмаилиты] становились сильнее, смелее и мощнее, а по ночам совершали наступления на врагов и ночные вылазки. Враги, являясь свидетелями их твердости и терпения, удивлялись и громко кричали [слова одобрения]» (61, с. 131).

В итоге многолетней борьбы положение в исмаилитских крепостях стало особенно трудным. «Когда стало известно, что Хасан и его люди остались без продовольствия, султан Мухаммед в начале 511 г. (май 1117) назначил атабека Нуш-Тегпиа Шир-Гира командующим войсками и велел ему осадить крепости. 1 сафара (4 июня) они окружили Ламасар, а 11 раби (13 июля)—Аламут. Установив свои манджаники, они [сельджукские войска] бились жестоко и в месяце зу-л-хиджж того же года (март—апрель 1118) были близки к тому, чтобы взять крепости и освободить народ от их мятежей, когда получили известие, что султан Мухаммед умер в Исфахане. Войска рассеялись, а еретики остались в живых и втащили в свои крепости все припасы, оружие и военное снаряжение, собранное султанской армией» [20, с. 212].

Описывая те же события, Рашид ад-дин дополняет их некоторыми занятными деталями. Когда сельджукским войскам, стоявшим около Ламасара, стало известно о смерти султана, они рассорились между собой, и рассеялись, «и палатки, и ору-

жие, и одежду, и припасы, и [верховых] животных [лошадей] кинули, и пшеницу, и баранов, и зерно, которые к подножию крепости для пропитания войска были доставлены, бросили. Л раньше враги в насмешку и глумление кричали [исмаилитам]: „Наш господин для вас припасы и баранов приготовил, приходите, забирайте!“ Один из рафиков, по имени Бенсаман, сказал в ответ: „Если Аллах захочет, после вашего поражения (заберем. — Л. С.)“. В это время Атабек Шир-Гир ударил рукой по ляжке и сказал: „Бенсаман прав, рафики путем умозаключения и аналогии (по предположению и догадке) знают, что султан Мухаммед умер. С этой радостной вестью [они] вестников во все крепости посылают, а враги-беглецы оружие, одежду и припасы по пути бросают“» [61, с. 132]. Исмаилиты перебили часть султанского войска, а остальных преследовали до Талекана. Таким образом, десятилетняя борьба в Рудбаре, направленная против Аламута — центра исмаилитского государства, закончилась для феодалов безрезультатно. Исмаилитское государство выстояло.

К середине 20-х годов XII в. помимо Рудбара и Кухистана, где исмаилиты завладели компактными территориями, они обладали важными крепостями, ставшими их опорными пунктами в Дамгане, Фарсе, Хузестане, Мазендеране. О старых крепостях, захваченных исмаилитами или построенных ими заново, источники упоминают очень редко. Рашид ад-дин перечисляет крепости, находившиеся в руках исмаилитов при Хасане ибн Саббахе. Это помимо Аламута и городов в Кухистане «крепость Табас... крепость Хан ан-Наджан в пределах Исфохана, крепость Шаманкух (или Саманкух) близ Абхара, крепость Ардахан... крепость Надир в Хузестане и крепость Танбура к, [расположенная] в двух фарсах от Арраджана. И около Казвина какую-то крепость построили... И раби 1 490 г. х. (февраль 1097) он (Хасан ибн Саббах) приказал построить Меймун-деж, который очень хорошо укреплен, и [крепость] Джерандиз также поблизости построил» (61, с. 122). К этому перечню необходимо добавить крепости Ламасар в Рудбаре, Гирд-кух в Кумисе, Устунавар в Мазендеране. Однако большая часть крепостей, названия которых приводятся в источниках, ныне не существует или вообще не локализуется [244, с. 43]. >

Причина победы исмаилитов не может быть понята без анализа сложившихся в исмаилитском государстве социально-экономических отношений и рассмотрения его экономической базы.

Социально-экономические отношения в исмаилитском государстве

Вопрос о социально-экономических отношениях в исмаилитском государстве еще не исследован. В исторической литературе обычно излагается история правителей Аламута и анали-

зируется их (положительное или отрицательное) отношение к исмаилизму или исламу. И только.

В период феодализма восстания, направленные против жестокой эксплуатации и ряда феодальных институтов, если и одерживали победу (обычно на ограниченной территории), все же не приводили к созданию ни нового способа производства, ни нового общества. В этом сказалась историческая обреченность и трагедия этих восстаний. В них принимал участие простой народ — крестьяне и ремесленники, мелкие торговцы, городская беднота. Они проявляли мужество и героизм, ослабляли феодальный строй, задерживали его наступление на эксплуатируемых. В этом состоит прогрессивное значение народных движений периода развитого феодализма.

Государство и общество, созданные исмаилитами в период развитого феодализма, могли развиваться только по феодальному пути. К сожалению, в источниках, известных на сегодняшний день, нет сведений по самым кардинальным вопросам их становления: кому принадлежала земля, каковы были формы и методы эксплуатации рядовых исмаилитов.

Какие формы эксплуатации и какие феодальные институты были уничтожены в результате победы исмаилитов? Мы отнюдь не хотим сказать, что в исмаилитском государстве отсутствовала эксплуатация и установилось имущественное равенство, т. с. было создано бесклассовое общество.

После захвата Аламута главной задачей исмаилитов являлась вооруженная борьба за освобождение от власти Сельджуков территорий, городов, крепостей, расположенных в Иране, а также в Сирии. Движение, начатое Хасаном ибн Саббахом на хорошо подготовленной им почве, приобретало все больший размах, все большее

количество последователей.

Иранские феодалы мобилизовали все силы против исмаилитов. Борьба шла не на жизнь, а на смерть. Несмотря ни на что, исмаилитское государство устояло. Причину этого следует видеть в том, что исмаилитам было что защищать. Одновременно с вооруженной борьбой против феодалов шел процесс создания исмаилитского государства и становления исмаилитского общества.

Политическая цель, поставленная Хасаном ибн Саббахом и исмаилитами, была достигнута. Ими было создано совершенно независимое от Сельджуков самостоятельное государство. Хасан ибн Саббах, организатор всей исмаилитской пропаганды в 80—90-е годы XI в., вождь народных восстаний и антисельджукской борьбы в 90-х годах XI в.— 20-х годах XII в., являлся главой государства и обладал неограниченной политической и духовной властью. На какие же социальные силы он опирался? В чьих интересах действовал? Что получил народ, откликнувшийся на исмаилитскую пропаганду и с оружием в руках поднявшийся на борьбу?

105

Хасан ибн Саббах с юных лет был связан с ремесленниками Рейя и Исфахана. Дальнейшая его деятельность проходила в юрдах и сельских местностях Ирана. Его тесные связи с народом не прекращались в течение всей жизни. Среди сподвижников Хасана ибн Саббаха — многочисленных дай, руководителей вооруженных выступлений и рядовых исмаилитов неизменно были плотники, шорники, ювелиры, шерсточесы, сапожники, а также «мужики» — простые крестьяне. Ремесленники, городская беднота и крестьяне являлись движущей силой исмаилитского восстания; они обороняли исмаилитские крепости от феодальных войск; они вели пропаганду, подготавливая почву для вооруженных выступлений, а затем руководили восставшими. На них опирался, ими руководил Хасан ибн Саббах и являлся вместе с тем выразителем их интересов, стремлений и чаяний.

Одной из крупных фигур среди сподвижников Хасана ибн Саббаха был дехдар Абу Али Ардистани, тесно связанный с исмаилитами Казвина и Талекана, оказавший огромную действенную помощь Хасану ибн Саббаху при осаде Аламута в 1092 г.

Преемник Хасана ибн Саббаха—Кийа Бузург Умид был выходцем из крестьян Делейма. К народной группировке следует причислить Хасана Каини (судя по его нисбе, это горожанин, уроженец г. Каина), который в 1091—1092 гг. руководил восстанием в Кухистане. В Сирию для руководства исмаилитской пропагандой и вооруженными выступлениями Хасаном ибн Саббахом был послан ремесленник, ювелир Абу Тахир. В Исфахане в 1101—1107 гг. исмаилитов возглавлял скрывшийся под личиной мелкого купца Ахмед, сын знаменитого Абд ал-Мелик ибн Атташа, связи которого с ремесленными кругами хорошо известны. Таким образом, в этот период пропагандой исмаилизма и всеми вооруженными выступлениями против Сельджуков руководили представители народных масс. Отметим, что почти все известные дай Хасана ибн Саббаха были уроженцами Рейя, Казвина, Демавенда, а также Кухистана.

Именно из людей своего ближайшего окружения и назначал Хасан ибн Саббах правителей (кутвалов) исмаилитских крепостей и владений. По мере завоевания исмаилитами городов, областей, крепостей, освобождения их от политической власти Сельджуков тюркские феодалы и сельджукская администрация немедленно изгонялись и их заменяли сподвижники и дай Хасана ибн Саббаха. Напомним, что в Аламуте свергнутого ставленника Сельджуков Алави Махди сменил сам Хасан ибн Саббах. Иктадар Кухистана эмир Кзыл Саруг был разбит исмаилитами. Вместо него на управление этой областью был назначен Хусейн Каини. Ламасаром управлял в течение 20 лет Кийа Бузург Умид. Ахмед ибн Абд ал-Мелик ибн Атташ заменил в

106

крепости Хан-Ланджан тюрка, который был поставлен феодалом Джаваин Сакау. Овладев Шахдизом, он стал его хакимом. В Сирии, в Апамее, правда, в течение короткого срока правил дай Абул Фатх Сермини. Все это свидетельствует о том, что на освобожденных от власти Сельджуков территориях немедленно создавалась своя администрация. Единственное исключение составляет раис Музаффар Мустоуфи, иранский феодал, исмаилит, много и щедро помогавший Хасану ибн Саббаху. Он до конца дней своих оставался правителем Гирд-куха.

Власть над всеми кутвалами, как и над всем государством исмаилитов,

осуществлял Хасан ибн Саббах. Им, а позднее его преемниками назначались кутвалы. Население управляемой кутвалом области могло жаловаться на него в Аламут и добиваться его снятия. Подобные случаи зафиксированы в источниках начала XIII в.

В руках Хасана ибн Саббаха была и власть религиозная. Его учение являлось официальной религией исмаилитского государства. Себя он называл лишь дай имама (До фатимидского раскола этим имамом был Мустансир, после раскола — «укрытый» имам.) Сподвижники Хасана ибн Саббаха были его дай, знатоки и Пропагандисты «Дават-и джадид». Конечно, только немногие сподвижники Хасана ибн Саббаха имели от него разрешение на ведение религиозной проповеди. Это были люди грамотные, хорошо усвоившие «Дават-и джадид», знакомые также с основными положениями исна-ашаритов, суннитов, кадаритов и т. д. Исмаилиты часто предлагали своим религиозным противникам проведение диспутов и всегда умели аргументировано отстаивать положения своего учения [61, с. 127—1281].

Основная масса населения исмаилитского государства приняла учение Хасана ибн Саббаха, усвоив из него, вероятно, то, что ему больше всего было понятно и близко: ненависть к власти Сельджуков и феодальной эксплуатации, надежды на улучшение своей жизни, твердую уверенность в «истинности» этого учения и убежденность в том, что не разделяющие его обречены на гибель.

Чрезвычайно важно отметить, что Хасан ибн Саббах, обладая неограниченной светской и духовной властью, сознательно не желал делать ее наследственной и закреплять за своими потомками. Более того, интересы государства он ставил выше своих отцовских чувств. Он казнил двух своих сыновей: одного — за нарушение запрета пить вино, другого — за участие в заговоре. Сообщая эти факты, Джувейни писал, что Хасан сделал это для того, чтобы после его смерти никто не заподозрил, что он вел проповедь в интересах своих сыновей [20, с 210]. В этом следует видеть принципиальный отказ от наследственной монархии — традиционной формы политической власти в феодальном обществе. На смертном одре Хасан ибн

Саббах завещал четырем своим сподвижникам вершить дела государства сообща.

Таким образом, в исмаилитском государстве была уничтожена политическая власть Сельджуков, изгнана сельджукская администрация, традиционная форма правления — наследственная монархия — была заменена правлением Хасана ибн Саббаха и его сподвижников, выражавших интересы народных масс — ремесленников, городской бедноты и крестьян. Это было огромным достижением восставшего народа.

Вооруженная борьба исмаилитов с тюркскими феодалами Юрюн-Ташем и Кзыл-Суругом закончилась успехом. Юрюн-Таш владел районом Аламута, а Кзыл-Суруг — Кухистаном на правах икта, полученных от Мелик-шаха. Оба иктадара вместе со своими войсками были вынуждены покинуть территории своих владений. Их бывшие владения — Аламут и значительная часть Кухистана — составили два основных района независимого исмаилитского государства. Следовательно, они уже перестали быть икта тюркских феодалов.

Хасан ибн Саббах назначал на управление отдельными областями и крепостями кутвалов из числа своих ближайших сподвижников. Однако их нельзя рассматривать в качестве новых иктадаров, владевших землей при условии несения ими военной службы Хасану ибн Саббаху. Сама ограниченность исмаилитских владений уже исключала выделение земель в условное владение каким-либо лицам и выход этих земель из-под непосредственной власти главы исмаилитского государства. В источниках отсутствуют сообщения о раздаче в исмаилитском государстве икта и появлении новых иктадаров. Все сказанное выше дает основание предполагать, что в этот период в исмаилитских владениях не было икта, имевших столь широкое распространение в государстве Сельджуков.

Завоевание исмаилитами политической независимости освободило их от власти сельджукского государства и тюркских феодалов-иктадаров. Тем самым отпал ряд налогов, податей и повинностей с крестьянского населения, которые имели место в государстве Сельджуков. Нет сомнения, что Хасан ибн Саббах, который, по словам Джувейни, в течение 35 лет не выходил из своего дома в Аламуте, не увлекался, подобно сельджукским султанам, охотами (20, с. 215—216]. Это же можно сказать о его будущем преемнике — Кийа Бузург Умиде, который с 1096 по 1124 г. находился в крепости Ламасар. Не до охот было исмаилитам, которые в течение двух десятилетий должны были отражать набеги и вторжения тюркских феодалов в свои владения. Следовательно, тяжкая для крестьян повинность — участие в султанских охотах — отпала. Население

исмаилитского государства освободилось от снабжения фуражом царского поезда сельджукского султана. С изгнанием из исмаилитских владений сельджукской администрации отпадали

108

повинности по ее обслуживанию: предоставление транспорта, доставка корреспонденции, несение постоянной квартирной повинности. Не осталось в Аламуте и Кухистане и тех тюркских феодалов, которые могли требовать от крестьян изготовления подков для своего войска.

Хасан ибн Саббах, аскет в быту, суровый и строгий к своим сыновьям и дочерям, запретивший развлечения и музыку в Аламуте (20, с. 210], едва ли брал особые налоги с крестьян для пышных пиров по поводу своих семейных торжеств. Можно предположить, что в исмаилитском государстве не практиковались разные «обязательные» и «принудительные» подарки, которые в сельджукском государстве обязаны были подносить крестьяне феодалам в связи с семейными праздниками последних.

В источниках нет сведений о том, какие налоги существовали в исмаилитском государстве. Взимались ли с крестьян и в каком размере традиционные налоги — харадж и джизийя? Любые предположения одинаково бездоказательны.

Без сомнения, население исмаилитского государства должно было выполнять работы по строительству новых крепостей, заготовке продовольствия на случай осады, рытью колодцев и каналов, строительству ирригационных сооружений, возведению жилых зданий в крепостях, благоустройству и т. д. Однако в подобного рода работах были заинтересованы все исмаилиты, и результат их труда шел на общее благо, укрепление и развитие исмаилитского государства.

Таким образом, можно считать, что по сравнению с жесточайшей эксплуатацией со стороны тюркских феодалов-иноплеменников, которой в государстве Сельджуков подвергались крестьяне, их жизнь в исмаилитском государстве, вероятно, стала легче. Политическая независимость, «Дават-и джадид» в качестве официальной религии и некоторое облегчение жизни являлись важными завоеваниями народных масс исмаилитского государства. За их сохранение они боролись долго, упорно и мужественно. Необходимо также учесть те социальные факторы, которые если и не оказали прямого воздействия на исмаилитское общество и государство, то могли служить стимулом для вооруженной борьбы с феодалами.

Теперь перейдем к истории Дейлема, которая привлекала многих исследователей и неотделима от истории Гиляна и Табаристана ²¹.

Только в XIII в. арабы завоевали Гурган и Табаристан. Гилян и Дейлем так и не были покорены ими. Лишь во второй половине IX в. в этих областях получил распространение ши-

²¹ На эту тему имеется обширная литература: Ф. Маркварт [1271], Х. Раби-но (285), Р. Фасмер [298]. В. Минорский [276], В. Бартольд (88. 95, 100]. И. П. Петрушевский [165].

109

изм, занесенный сюда потомками Али (Алидами). В 864 г. в Чалусе и Каларе крестьяне подняли восстание, которое, по словам Табари, было вызвано попыткой Тахиридов захватить участки необработанной земли, находившейся в общинном пользовании (88, с. 156]. Восстание возглавил алид Сеййид Хасан ибн Зейд (864—884), которому удалось подчинить своей власти весь Табаристан. Значительную помощь ему оказывали отряды дейлемитов, численность которых колебалась от одной сотни до четырех тысяч человек (29, с. 164, 167]. Дейлемиты были отличными воинами, смелыми, сильными, мужественными. Однако в течение 20 лет, когда Хасан ибн Зейд создавал свое государство, его отношения с дейлемитами не всегда бывали одинаковыми; порой дейлемиты не подчинялись Сеййиду или переходили в лагерь его врагов. Ибн Исфандийар объясняет их поведение нежеланием покоряться «эмирам и правителям», своим или чужим. Время правления брата и преемника Хасана ибн Зейда, Мухаммеда ибн Зейда (884—900), было заполнено напряженной борьбой с Саманидами, в которой он и погиб. На недолгий срок в Прикаспийских областях установилась власть Саманидов. В 901 г. Исмаил Самани выплатил огромные денежные суммы знати, имущество которой было захвачено Сеййидами в течение их господства. Ибн Исфандийар перечисляет 12 семей и приводит сумму в 66 млн. дирхемов [29, с. 195]. Это дает основание считать, что Сеййиды наносили значительные урны имуществу местных феодалов.

В 913—917 гг. вспыхнуло восстание крестьян под руководством алида Хасана ибн Али, по прозвищу ал-Утруш (Глухой). Он призвал население Табаристана выступить против саманидского наместника, а население Дейлема и Гиляна — против Джустанидов [88, с. 156]. Он поощрял действия крестьян, выгонявших местных феодалов-дехканов и занимавших их земли [100, с. 273]. По словам Ибн Исфандийара, Хасан ибн Али ал-Утруш «хотел поднять на одну десятую налог со всех видов продукции, но народ выразил недовольство, и он отказался от своего намерения» [29, с. 201]. «У людей надолго сохранилась память о его справедливом правлении» [29, с. 201]. Интересно отметить, что Хасан ибн Али ал-Утруш своим преемником назначил двоюродного брата, обойдя родных сыновей. После упорной и кровопролитной борьбы с войсками Саманидов государство Алидов в Дейлеме, Гиляне и Табаристане было восстановлено. Однако оно просуществовало только до 928 г.

Ценнейшие сведения о дейлемитах сообщает автор «Худуд ал-алам»: «Район Дейлема процветающий и богат. Его жители — воины и хлебопашцы. Их женщины также пахут землю. Дейлемитки были подобны мужчинам по силе ума, твердости характера и участия в ведении дел» (74, л. 306). «В Пирриме живут мусульмане, большей частью чужестранцы, именно ремесленники и купцы, потому что жители этого района

110

исключительно воины и землепашцы. Каждые 15 дней там бывает базар, и со всего района мужчины, девушки и молодые люди собираются здесь, резвятся, играют [в разные игры], играют на струнных инструментах и дружат. Обычай этой провинции таков, что каждый мужчина, который любит девушку, развлекает ее и уводит с собой и в течение трех дней делает с ней что хочет, потом он посылает кого-нибудь к отцу девушки (сказать. — Л. С), что он хочет взять ее замуж» [74, л. 30а, 306]. Как далеко все это было от мусульманских обычаев, согласно которым женщина являлась при заключении брака лишь объектом купли-продажи.

Ярким примером того, что не ислам, а местный языческий культ поклонения воде был распространен в Дейлеме, является следующий рассказ автора «Худуд ал-алам»: «В районе Кух-и Карин есть источник воды, у которого несколько раз в год с вином, музыкой, песнями и танцами собирается большинство его населения. Потом они молятся богу о своих нуждах, рассматривая это как вид богослужения. Они молятся о дожде, когда они нуждаются в нем, и дождь идет» [74, л. 306].

«Вся земледельческая работа делается женщинами. Мужчина не имеет другого дела, кроме войны. И по всей границе Гн-ляна и Дейлемана один или два раза в день в каждой деревне идет бой с другой деревней, и бывают дни, когда много народу бывает убито из-за этой родовой вражды [асабийат]. И вражда и борьба продолжают упорно [до тех пор, пока люди] не покинут этих мест для военной службы или умрут или постареют» (74, л. 31а). Совершенно ясно, что здесь имела место родовая месть: деревня мстила соседней деревне за убитого сородича.

И. П. Петрушевский считает, что «в Дейлеме и Гиляне в IX в. только начало складываться раннефеодальное общество, патриархально-общинный уклад был еще крепок... В Табаристане хотя уже и победили феодальные отношения, но сельская община еще в IX—X вв. продолжала играть значительную роль и не допускала увеличения ренты-налога» [165, с. 116].

На протяжении столетий дейлемиты выступали в качестве наемников в войсках правителей из разных династий. Они были вооружены дротиками и большими щитами, окрашенными в яркие цвета, которые несли юноши. Поставленные друг к другу, эти щиты образовывали стену против атакующих. В войсках имелись воины, метавшие дротики с зажженной нефтью. Большим недостатком войска дейлемитов было отсутствие конницы [276, с. 193].

Распространение икта и появление в Дейлеме иноязычных, иноплеменных тюркских феодалов должны были породить особенно сильный протест. На это и рассчитывал Хасан ибн Саббах, именно поэтому Дейлем был выбран им как основная база государства. И он не ошибся. Дейлемиты поддерживали

111

исмаилитов как у себя на родине, так и далеко за ее пределами.

Длительная борьба дейлемитов с феодалами, сохранение у них многих институтов родового строя дают основание предполагать, что у них, возможно, сохранилась сельская община. Если же ее уже не было в XI—XII вв., то память о ней жила и была идеалом для исмаилитов.

Известно, что социальными лозунгами почти всех народных выступлений на Ближнем и Среднем Востоке являлись идеи Маздака.

И. П. Петрушевский отмечал, что под маздакизмом источники понимали «социальную доктрину маздакитов, никогда не умиравшую в Иране, — идею общинного владения землей и уничтожения социального и имущественного неравенства» (143, с. 408]. Об отношениях исмаилитов с маздакитами сообщает Рашид ад-дин. Хронологические рамки его рассказа — около 1119—1142 гг. Он пишет, что маздакиты обычно скрывали свою веру и притворно принимали религию или учение тех, у кого были «сила и могущество».

«Эти парсийцы (маздакиты.— Л. С), как только увидели, что исмаилиты обнаружили и у них есть сила, по обычаю своих отцов, сказали: „Этот мазхаб истинный, мы его принимаем"» [61, с. 151]. Отметим, во времена исмаилитского восстания и пребывания у власти Хасана ибн Саббаха признание его учения населением близких к Аламуту районов означало вместе с тем и признание его политической власти. Можно предполагать, что Хасан ибн Саббах был знаком с учением маздакитов и не очень-то верил в их искренность. Желая познакомить маздакитов со своим учением, «Саййид-на приказал деххода Кей-Хосрову: „Мазхаб исмаилитов этому собранию изложи" — в силу того, что он (Кей-Хосров) раньше этот мазхаб знал и у парсийцев была к нему благосклонность» (61, с. 151).

Посылка именно Кей-Хосрова, уважаемого маздакитами и знающего их учение, свидетельствует как о дипломатичности Хасана ибн Саббаха, так и о его стремлении воздействовать на маздакитов исключительно методом убеждения.

Однако намечавшиеся вполне лояльные отношения между исмаилитами и маздакитами оборвались в связи со смертью деххода Кей-Хосрова в мухарраме 513 г. х. (14 апреля— 14 мая 1119). Его сыновья Абу Ала и Йусуф, которые должны были продолжать учить маздакитов исмаилизму, стали действовать в собственных интересах: «В требовании имущества и высокого положения веру свою позабыли» и «Проявили вражду к давату Саййидны». Хасан ибн Саббах не скупился на советы, возражения и разъяснения и наконец заявил: «Хочу, чтобы вы были дервишами» (здесь нищими. — Л. С.) (61, с. 151). Он призывал Абу Ала и Йусуфа не Нарушать в собственных корыстных интересах идеалы маздакитов об имущественном равенст-

112

ве. Хасан ибн Саббах призывал «быть нищими» тех из своих бывших единоверцев, которые возжелали «знатности и богатства».

Очень соблазнительно увидеть в этих строках источника хотя бы намек на социальную программу исмаилитов во времена Хасана ибн Саббаха. Бесспорно одно, что в период с 1119 по 1124 г. никаких враждебных действий со стороны исмаилитов в отношении маздакитов и даже обосновавшихся в их среде исмаилитов-ренегатов не было. Как только Хасан ибн Саббах умер (1124 г.), среди маздакитов Рудбара получили распространение различные идеи. Одни из них были восприняты маздакитами много веков назад, другие наполнились конкретным содержанием именно в это двадцатилетие. Для понимания того, какие идеи овладевали маздакитами Рудбара, необходимо остановиться на идеях, которые впитал в себя маздакизм уже в период ислама. В связи с появлением в последнее время ряда работ по этому вопросу (И. П. Петрушевский (145; 146], Л. В. Строева (191), С. М. Прозоров [166]) мы лишь вкратце остановимся на нем.

Известно, что маздакитам в период ислама были близки наиболее крайние шиитские секты. Постоянные расколы в шиизме происходили формально по вопросу о конкретной личности имама. Социальная же основа этих расколов еще совершенно не изучена. Крупнейший шиитский теолог конца IX — начала X в. ан-Наубахти сообщает последовательность расколов в шиизме. По его словам, партия приверженцев Али после его смерти разбилась на несколько групп, одной из которых были кайсаниты [166, с. 105]. Они признали четвертым имамом (после Али, Хасана и Хусейна) третьего сына Али, рожденного не Фатимой, а рабыней — Мухамеда ибн ал-Ханафийа. В их кругах появилась идея о «скрытом» имаме и о том, что имамат может передаваться не наследственно, а по духовной преемственности. Кайсаниты сблизилась с Аббасидами, потомками Аббаса, дяди пророка, которые уже тогда тайно стремились к захвату политической власти. После смерти кайсанитского имама Абу Ха-шима ибн Мухаммеда ибн ал-Ханафийа в 99/717/18 г. среди самих кайсанитов произошел раскол. Возникло несколько подгрупп. Одной из них, по словам ан-Наубахти, явились крайние равандиты или аббасидские шииты— равандиты (166, с. 105]. В восстании под руководством Абу Муслима (747—750) вместе с равандитами, шиитами разных толков, хариджитами участвовали и маздакиты.

Предательское убийство Абу Муслима (755 г.), совершенное Аббасидами после их прихода к власти, привело к тому, что часть равандитов признала очередным имамом Абу Муслима. «Так возникла секта^А Абу Муслимийа, в которой и произошло сближение идей крайних шиитов (равандитов) и маздакитов» [146, с. 75]. По вопросу о преемнике Абу Муслима также возникали споры и имел место раскол.

8 Зак. 586

113

Одни из сторонников передачи имамата его малолетнему внуку стали называться сектой кудакийа (от перс. *кудак* — «ребенок») [146, с. 75).

Восприняв общеиитскую идею имамата, маздакиты в цепь имамов включили чисто персидское звено — падишахов Фарса — Сасанидов. Их цепь имамов имеет такую последовательность: падишахи Фарса — пророк Мухаммед — Али — Хасан — Хусейн — Мухаммед ибн ал-Ханафийа — Аббасид Ибрахим ибн Мухаммед — Абу Муслим—Гаухар (или Мутаххар), «он был имам и жил в Румс, после него уже 501 год, как имам находится в скрытом состоянии и ни у кого пути к нему нет» [61, с. 153].

Среди новых для маздакитов идей, воспринятых ими в период халифата, было учение о «возвращении» (араб, *радж'а*) пророков и имамов, слившееся с представлением о переселении их душ (араб, *танасух*), и их обожествление в форме перевоплощения (араб, *хулуль*) или проявление божества в них (араб, *зухур*) [146, с. 75].

От секты нусайрийа, отколовшейся от имамитов во второй половине IX в., маздакиты восприняли учение, согласно которому бог представляет единство трех ипостасей, периодически воплощающийся в пророках. Последнее воплощение совпало с возникновением ислама. Троица воплотилась в Али, Мухаммеде и Сальмане ал-Фариси (145, с. 303; 146, с. 75). Наконец, маз-дакитам было известно восходящее к фатимидским исмаилитам разделение их учения на захир и батин. Отсюда вытекала идея об аллегорическом истолковании Корана, и в разных школах и трактатах даже ставился вопрос об отмене шариата [107, с. 63]. Иными словами, речь шла об отказе от установлений шариата с его сложной системой дозволений и запретов.

Но вернемся к рассказу Рашид ад-дина: «Как только Саййид-на умер (1124 г.), один ткач, по имени Бедиль, в Азербайджане (Иранском. — Л. С.) парсийцам проповедовал и сказал: „Сама истина с парсийцами, а исмаилиты — это люди внешнего, а внутреннее в том, что Бу Ала и Йусуф занимают место Мухаммеда и Али; Мухаммед, Али и Сальман (ал-Фариси.— Л. С.) суть божество; иногда проявляются в одном лице, иногда — в двух, иногда — в трех. А закон шариата — это для захиритов (т. е. тех, кто принимает только захир, внешнее.— Л. С.) И его [шариата] разрешения и запрещения не существует. Должно отказаться от намаза (молитвы) и рузы [поста]. И говорил [Бедиль], что у Бу Ала все запретное является дозволенным. И жены его являются домовою водою, которую пьет каждый жаждущий. И дочери для отца и брата дозволены (для брачных отношений. — Л. С.) И говорили: „Ад и Рай —здесь (на земле. — Л. С), и других нет“. И каждый, кто Бу Ала и йусуфа признает божеством через переселение душ (танасух), появится в образе человеческом, и, наоборот, [кто не

114

признает], как только умрет, появится в образе зверя"» [61, с. 152].

Рассмотрим эти положения Бедилья. (Источник не сообщает, когда, как и почему этот ткач, начавший свою проповедь в Иранском Азербайджане, попал к маздакитам, жившим близ Аламута.) Бедиль заявлял, что сущностью тайной части учения является обожествление Абу Ала и Иусуфа. Кто они — известно. Это сыновья Кей-Хосрова, исмаилиты-рenegаты. И эти-то рenegаты поставлены Беднлем на место пророка Мухаммеда и Али обожествлены. О нусайрнтах с их восходящим к христианству учением о воплощении божества в трех ипостасях сказано выше. Однако нусайрнты последним воплощением божества считали Мухаммеда, Али и Сальмана ал-Фариси, живших в VII в. н. э. После них до рассматриваемого периода (первая половина XII в.) троица ни в каких других лицах не персонифицировалась ни в одной из сект²². Нам представляется, что обожествление Бедилем исмаилитских рenegатов Абу Ала и Иусуфа является чисто местной маздакитской ересью, к тому же резко отличной от тех верований, которые характерны для маздакитов Рудбара XII в.

Абу Ала и йусуф, «возжаждав имущества и высокого положения», не отказывались от объявления себя «божествами». Далее Бедиль призывает к полной отмене шариата,

всех его дозволений и запретов, а также к отказу от выполнений намаза и рузы. Как сказано выше, подобное требование выдвигалось иногда в кругах фатимидских исмаилитов.

Бедиль предъявляет к Абу Ала требование об обобществлении его жен, подобно тому как в VI в. Маздак предъявил его царю Каваду. (Как будет нами показано ниже, это требование у маздакитов Рудбара уже являлось анахронизмом). Бедиль отрицал рай и ад в потустороннем мире. Учение о переселении душ, которое относилось к пророкам и имамам, он распространил на всех людей. Он угрожал любому человеку, который не уверует в божественность обоих ренегатов, возрождением в следующей жизни в образе зверя. Человеческий же лик после смерти сохранит только тот, кто примет учение Бедиль о божественности Абу Ала и Йусуфа. Отметим, что об имамах Бедиль не упоминает совершенно.

Таким образом, Бедиль проповедовал чисто маздакитские идеи VI в., учение нусейритов IX в. (несколько видоизмененное им) и фатимидских исмаилитов X—XI вв. с единственной целью поднять престиж двух исмаилитских ренегатов. Ересь Бедилья следует назвать воинствующей. Она стала представлять не только религиозную, но и политическую опасность для Ала-

²² Мы оставляем в стороне случай самообожествления Абу л-Хаттаба (убит в 756 или 760 г.) [145, с. 302—303] и секту друзей (первая четверть XI в.), обожествивших ^уже после смерти) фатимидского халифа Хакима (996—1021).

115

мутского государства. С точки зрения религиозной ересь Бедилья была опасной потому, что выдвинула конкретные «божества», а это резко противоречило учению Хасана ибн Саббаха, з котором краеугольным камнем являлось положение о «скрытом» имаме из потомков Низара.

С точки зрения политической, если бы ересь Бедилья была принята маздакитами, это означало бы и их отказ от Хасанова учения и, следовательно, признания политической власти исмаилитского государства. Поэтому с ересью Бедилья исмаилитское государство мириться не могло. «Как только эта проповедь стала открытой {обнаружилась}, — продолжает Рашид ад-дин, — несколько человек схватили, чтобы под палками и пытками признались. Абу Ала и Йусуф в воскресенье 9-го числа месяца раби II 537 г. х. (1 ноября 1142.— Л. С.) схватили, чтобы признались и проявили раскаяние и покаяние. Пользы не было. Обоих убили и сожгли. И в течение года последователей и родственников их убивали» [61, с. 152]. Начало проповеди Бедилья относится к 1124 г., ее открытое проявление — к 1142 г. Возможно, что в течение 18 лет о ней в Аламуте не знали и по-прежнему к маздакитам относились лояльно. Когда же она проявилась открыто и стала представлять опасность, аламутское правительство обрушило на маздакитов жестокие репрессии.

Наше предположение о том, что учение Бедилья являлось распространившейся в Рудбаре ересью, отличной от маздакитского учения XII в., находит подтверждение в ряде источников. Рашид ад-дин рассказывает о верованиях маздакитов Рудбара XII в.: «Я хочу напомнить некоторые из верований этих сбившихся с пути (маздакитов.— Л. С.). Расскажите о развратнике с тем, что есть в нем, дабы остерегались его люди. Основное положение их мазхаба в том, что не следует никому притеснять ни живое, ни растущее. До такой степени, что гвоздь не должно в землю вбивать, ибо земле от того боль будет. И двух жен одновременно не должно иметь, ибо каждой неудобство будет, и развод не должно давать [жене], и раба не должно покупать. И пять грехов есть, каждый, кто из них хоть один совершит, никогда из ада спасения не найдет» [61, с. 152]. Эти пять грехов следующие: проливать кровь невинных и оскорблять людей, иметь одновременно двух жен, заключать союз с врагом, давать развод жене, покупать раба. «А в отношении посланничества, воскрешения, земной и будущей жизни говорят, что это переселение душ, и также говорят, что лицо человека — это рай, но [ведь] рай небесный [находится] на небе» [61, с. 152].

Здесь автор приводит три новых положения маздакитов: требование единобрачия, отрицание развода и отказ от рабства. Можно сделать вывод о том, что к XII в. маздакиты, претерпевшие определенную эволюцию во взглядах, уже не требо-

116

вали общности жен. Они в противоположность мусульманскому многоженству выступали за крепкую моногамную семью, основанную на взаимной любви. Напомним, что родители

вождя народного движения Бабека, принадлежавшие к секте хурремитов (поздние маздакиты), соединились, согласно обычаю своей секты, именно так (200, с. 33; 114, с. 237]. При требовании создания семьи на подобных условиях вполне логичным становится отрицание развода. Таким образом, обращение Бедиля к Абу Ала с призывом обобществить его жен уже не соответствовало принятой у маздакитов моногамии. Сообщение об отказе маздакитов Рудбара от рабовладения является пока единственным. Это положение в ереси Бедиля отражения не получило.

После казни Абу Ала, йусуфа, их родных и сторонников в источниках нет никаких сведений об отношениях между исмаилитами Аламута и жившими недалеко от него маздакитами. Однако маздакиты продолжали существовать в Рудбаре и даже после уничтожения Аламутского государства монголами. Около 1340 г. Хамдаллах Казвини писал о жителях Рудбара: «П люди тамошние держались мазхаба батинитов (исмаилитов), а часть их, которых зовут марагийцами, относится к маздакитам; однако жители Рудбара все признают себя мусульманами и теперь понемногу вступают на путь истинной веры» [71, с. 61; см. 143, с. 408]. А это говорит о том, что исмаилиты в течение свыше столетия (1143—1256) их не преследовали.

Таким образом, исмаилитское государство родилось в своеобразной среде, имевшей свои характерные, специфические черты. У дейлемитов были давние традиции упорной антифеодальной вооруженной борьбы; стремление к сохранению общинных порядков, память о которых, вероятно, была жива; бытовавшие еще в X в. институты родового общества; вооружение народа и отличное умение владеть своим оружием; в период существования государства Сеййидов имел место отказ правителя от передачи власти своим потомкам. Для маздакитов характерны давние требования имущественного равенства и мечты о жизни без эксплуатации феодалами. (Ересь Бедиля относится к более позднему периоду — первой половине XII в.)

Повлияла ли эта среда на исмаилитское государство, в создании которого столь значительную роль играли народные массы, и в их числе дейлемиты? На этот вопрос следует ответить положительно. Влияние этой среды проявилось в стремлении народных масс исмаилитского государства к имущественному равенству. Это стремление будет жить очень долго и пройдет красной нитью через всю историю исмаилитского государства. Говоря так, мы отнюдь не утверждаем, что в исмаилитском государстве было действительно установлено имущественное равенство.

Ярким примером стремления исмаилитов к имущественному

117

равенству является способ раздела ими добычи, захваченной в качестве трофеев в борьбе со знатью г. Казвина. «В 525/1130/31 г. отряд исмаилитов, вышедший из Тарума, произвел нападение на окрестности Казвина. Исмаилиты захватили 250 голов лошадей, 4000 голов баранов, 20 мулов, убили 20 человек казвинцев и 100 человек из тюрок и в ту же ночь возвратились в Тарум и добычи принесли много и поделили: всаднику — две части, пешему — одна часть, долю свою на проповедь [дават] дали» [61, с. 141].

Мухаммед еще в Медине установил, что из захваченной у // врагов добычи одна пятая часть должна идти Аллаху» / посланнику, его родственникам, сиротам, бедным и путникам / [37, с. 145]. В процессе завоевания арабами оседлых территорий был установлен принцип раздела добычи между участниками походов. Под военной добычей понималось движимое имущество: скот, кони, золото, серебро, монеты. Земли же, которые в теории должны были становиться собственностью всей мусульманской общины, т. е. практически поступавшие в распоряжение государства, в понятие «добыча» никогда не входили. Остальные $\frac{4}{5}$ делились между участниками похода: конные воины получали двойную долю, пешие — одинарную [145, с. 83]. Считалось, что одна доля идет на содержание коня. При завоевании сасанидского Ирана рядовые участники похода иногда получали свою долю добычи в виде очень дорогих вещей.

Однако уже в период завоеваний помимо земель и рабов арабская знать захватывала большую и лучшую часть движимого имущества—добычи. Е. А. Беляев приводит слова арабского поэта, сказанные еще при халифе Омаре: «Мы участвуем в одних и тех же походах и возвращаемся из них; почему же те живут в изобилии, а мы остаемся в нищете?» [104, с. 152]. Л. Е. Куббель, рассматривая военную систему Омейядского халифата, приходит к таким же выводам. «При Омейядах принципы раздела [добычи] сохранились те же, но возможности арабской аристократии к увеличению своего экономического могущества еще больше возросли» [133, с. 125]. О разделе добычи писали такие видные правоведы-юристы, как Абу Йусуф Иакуб (вторая половина VIII в.), Маверди (XI в.) и др. Но теория не всегда или нечасто согласуется с практикой. По мере развития феодальных отношений разница между конкретными событиями и фиктом

усиливалась.

В XI—XII вв. сельджукская знать проявляла интерес не к добыче в виде движимого имущества, а к получению икта. Вся завоеванная Сельджуками территория была разделена в качестве икта между 15—20 лицами, принадлежащими к дому Сельджука. В 70—90-х годах XI в. погоня за икта стала всеобщей. В каждый исторический период существует тесная связь между организацией вооруженных сил данного общест-

118

ва и его социальным и экономическим строем. В развитом феодальном обществе, каким являлось сельджукское общество, феодальная иерархия находила отражение и в структуре армии. Эмир из дома Сельджука не мог быть простым воином, а простой воин — эмиром. Соответственно различными по своим размерам были и икта сельджукского эмира и рядового воина из числа тех, кто был занесен в списки дивана.

В источниках нет сведений о том, как делилась добыча в виде движимого имущества в XI в. Однако мы имеем очень яркий пример, правда относящийся к XVIII в. и завоеваниям Надир-шаха (1736—1747), который свидетельствует о том, что доля добычи точно соответствовала чину (рангу), занимаемому воином в армии.

Мухаммед Казим в своем сочинении «Тарих-и аламара-йи надири» рассказывает следующее. В 1739 г., во время похода в Индию, Надир-шаха известили, что «победоносное войско», а особенно пятисотники и сотники награбили столь много, что есть опасность того, что «ветер гордости и высокомерия проникнет в их мозг и каждый станет искать смуты и бесчестия». Надир-шах решил все эти награбленные сокровища у воинов конфисковать. Он приказал произвести поголовный обыск и повелел, «если простые мулазимы (рядовые воины. — Л. С.) будут иметь деньгами больше пятидесяти туманов, юз-баши больше двухсот туманов, пятисотники больше тысячи туманов, минбаши больше двух тысяч туманов и великие эмиры больше трех тысяч туманов или будут иметь редкостные драгоценности и украшенные камнями драгоценные предметы, [излишек он приказал] забрать в казну миродержца. Таким порядком осмотрели все имущество победоносного войска и излишки деньгами и вещами, как было упомянуто, конфисковали» [40, с. 172—1731.

Здесь совершенно четко указано, что размер добычи, выраженный в туманах, строго соответствовал чину. Все драгоценности только в казну, т. е. шаху. Ничего похожего на доли конников и пехотинцев здесь нет.

Возвратимся к исмаилитам. Сам факт сообщения Рашид ад-дином о разделе добычи, примененном исмаилитами, уже свидетельствует о его необычности для времен Сельджуков.

Обильную добычу, включавшую 4270 голов скота, личное имущество и оружие 120 убитых, исмаилиты разделили по установлениям, принятым в период раннего ислама, которые в сельджукском войске уже не практиковались. «Доля — пехотинцу, две доли — всаднику». Это практически равные доли всем участникам похода. Кроме того, исмаилиты не выделяли одной пятой доли добычи в пользу «дома пророка». Известно, что уже с первых веков ислама эта пятая часть добычи превратилась в долю государства и правящей династии. У исмаилитов лишь «некая доля», а не пятая часть была выделена на дават —

119

проповедь, т. е. на общее дело: вербовку новых членов, строительство крепостей, укрепление и благоустройство исмаилитских владений и т. д., а не Кийа Бузург Умиду — правителю Аламутского государства. Во всем этом мы усматриваем, во-первых, стремление исмаилитов к равному разделу добычи, а это и есть отражение народных чаяний об имущественном равенстве. Поскольку эта добыча (как и всякая другая) являлась поступлением нерегулярным, то все те, кто бился с врагами, принимали участие в ее разделе и получали практически равную долю.

Во-вторых, такой раздел добычи можно рассматривать как отражение общественных отношений, существовавших в Аламутском государстве. В это время здесь не было еще резкой дифференциации между простыми исмаилитами и правящими кругами. Кийа Бузург Умид не делал попытки присвоить себе пятую часть добычи, она шла на общее дело. Мечты об установлении имущественного равенства были общими для маздакитов и исмаилитов.

Свидетельством отсутствия резкой имущественной дифференциации среди

исмаилитов являются сообщения источников о том; что одинаковой для всех, очень суровой и строгой была жизнь в столице исмаилитского государства — Аламуте. Здесь не было дворца правителя, отличного по своим масштабам от соседних жилищ. Сам Хасан ибн Саббах и его семья жили так же просто, как рядовые исмаилиты. В 1106/07 г., когда во время осады Аламута сельджукскими войсками всех женщин и детей исмаилиты отправили в Гирд-кух, для своей жены и дочерей Хасан ибн Саббах попросил самое скромное содержание. Он написал о них раису Музаффару Мустоуфи: «Так как эти женщины прядут для нашей дават, то дай им то, в чем они нуждаются, как возмещение за это» [20, с. 211]. Следовательно, Даже женщины из дома главы государства работали на общее дело. В 1090 г. Хасан ибн Саббах, не спрашивая разрешения раиса Музаффара, выписал на него берет в 3 тыс. динаров за Аламут и брал от него очень большие суммы на укрепление и благоустройство исмаилитского государства. На содержание же своей семьи у такого богатейшего человека, каким был раис Музаффар, он попросил не более того, что могла заработать пряжа. Отметим, что бедность в быту и близость к народу правителей Аламута всегда встречали полное одобрение рядовых исмаилитов.

В течение 35 лет правления Хасана ибн Саббаха никто в Аламуте открыто не пил вина и не хранил его. За нарушение этого запрета Хасан ибн Саббах велел казнить своего родного сына Мухаммеда [20, с. 210].

Музыка и танцы также были запрещены. Аскетизм Хасана ибн Саббаха был столь велик, что человек, который заиграл на флейте в Аламуте, был немедленно и навсегда изгнан [20,

120

с. 210]. Сообщения источников кратки. Но даже и они показывают, насколько жизнь в исмаилитской столице отличалась от обычаев, богатства, интриг сельджукской столицы — Исфахана. ***Джувейни рассказывает о жизни самого Хасана ибн Саббаха в Аламуте. За все 35 лет он ни разу не спускался с Аламутского утеса и только дважды поднимался на крышу своего дома. Он проводил все время в своем доме, занятый постом и молитвой, чтением книг, письмом, разработкой учения и управлением делами государства [20, с. 215—216]. Ибн ал-Асир дополняет эту характеристику тем, что Хасан ибн Саббах был человеком бесстрашным, скромным, знатоком геометрии, алгебры, астрономии, астрологии и других наук. Перед нами вырисовывается яркая и интересная личность Хасана ибн Саббаха.*** В молодые годы он связал свою судьбу с простыми ремесленниками. Далекое путешествие в Каир расширило его кругозор, познакомило с жизнью народа своей страны и других государств. Он обошел много провинций, городов и селений Ирана, видя везде нищету, угнетение, унижение простых людей. В неполные 30 лет в нем зарождается дерзкая мысль — победить могущественное государство Сельджуков. Этой целью определяется вся его жизнь. Ничто не может ему воспрепятствовать — ни преследования властей, ни необходимость скрываться. В нем выявляется талант организатора и вождя. Он развивает кипучую деятельность, вербует сторонников, ведет пропаганду сам, направляет деятельность своих сподвижников. У него нет ни власти, ни денег, ни оружия. Он изменяет фатимидское учение применительно к политической обстановке Ирана. Он выдвигает простые и ясные, понятные каждому положения. За ним идет народ. В 1090 г. первый успех — захват Аламута. Создание крохотного, но независимого владения. Следуют десятилетия вооруженной борьбы с феодалами. Успехи и поражения чередуются. Иногда судьба Аламута висит на волоске. Но ничто не может вызвать растерянность в Хасане ибн Саббахе. Он неукоснительно осуществляет свою линию, направленную на расширение исмаилитского государства. Одновременно он создает, организует, формирует это государство. Там, где это зависит от его воли и власти, он устанавливает суровые, жесткие, аскетические порядки, обязательные для всех, включая его самого и членов его семьи. Для него нет компромиссов или полумер. Дисциплина и запреты, им же введенные, не могут быть нарушены.

Ряд политических деятелей Ближнего Востока начинали свою карьеру в качестве вождей восставшего народа, а заканчивали превращением в рабовладельцев (как, например, вождь зинджей Буркан) или феодалов (Саффарида и т. д.). Хасан ибн Саббах не пошел по этому пути. Он отказался от личного обогащения, от создания собственной династии, от передачи власти сыновьям. Он даже боялся быть заподозренным в по-

121

добной цели. Все это ему совершенно не нужно. Он оставался верен идеалам юности до самой смерти. 35 лет он управлял созданным им государством. Он посылал на войну своих сподвижников, вел дипломатические переговоры, участвовал лично в религиозных диспутах, заботился о благоустройстве государства, строил крепости, устанавливал суровые предписания для своих подданных, назначал администрацию. Писал сочинения, разрабатывал и совершенствовал свое учение «Дават-и джадид».

Своей смелостью, суровостью, принципиальностью Хасан ибн Саббах заслужил уважение не только сподвижников, но и врагов. Узнав о его смерти, сельджукский полководец эмир Шир-Гир, многократно осаждавший Аламут, восклицает: «О жалость! Это такой человек, что в свое время подобного и равного себе не имел» [61, с. 138]. Стоит привести те оценки, которые были даны Хасану ибн Саббаху в работах современных персидских авторов. Сравнивая характер исмаилитского движения в период «Дават-и кадим» и «Дават-и джадид», один из них пишет: «Вместо людей мысли и аргумента, подобных Насир-и Хосрову, на сцену вышли люди дела и практики типа Хасана ибн Саббаха» [291, с. 90]. Более развернутую характеристику дает Хасану ибн Саббаху Керим Кешаварз, который называет его одним из «друзей родины (патриотов) и искателем истины в истории Ирана». «Создается впечатление, — пишет Кешаварз, — что для Хасан-е Саббаха религиозные убеждения и разногласия между мазхабами являлись не целью, а только средством для достижения других целей — мирских. Благо общества (то, что, по его мнению, являлось таковым), общества, которое он старался создать, он считал выше, чем интересы индивида, и в своем убеждении он был тверд как скала» [258, с. 220].

Исследуя вопрос о социальной природе исмаилитского государства, мы исходим из учения В. И. Ленина о государстве. «Оно (государство. — Л. С.) всегда было известным аппаратом, который выделялся из общества и состоял из группы людей, занимавшихся только тем или почти только тем, или главным образом тем, чтобы управлять. Люди делятся на управляемых и на специалистов по управлению, на тех, которые поднимаются над обществом и которых называют правителями, представителями государства» [2, т. 39, с. 72]. В свете этого положения в исмаилитском государстве к «правителям» и «представителям государства» должны быть отнесены Хасан ибн Саббах и его ближайшие сподвижники. Они выполняли следующие функции: военное руководство всей вооруженной борьбой с феодалами и их войсками; организация общественно полезных хозяйственных и строительных работ; определение жертв политического террора и посылка фидаев для выполнения убийств; рассылка пропагандистов-даи за пределы госу-

дарства; административное управление исмаилитскими владениями; подавление внутренней оппозиции.

Даже в пределах исмаилитских владений, вероятно, не все разделяли политические, социальные и религиозные взгляды исмаилитов. Уже при Хасане ибн Саббахе открыто проявилось недовольство им и его политикой. Источники очень кратко сообщают о том, что некий алид, по имени Зейд Хусейни, стал вести проповедь в собственных интересах и хотел уничтожить Хасана ибн Саббаха. По его наущению дай и кутвал Кухиста-на Хасан Каини, верный сподвижник Хасана ибн Саббаха, был убит рукой Ахмеда Дунбавенди (Демавенди). Его убийство приписали сыну Хасана ибн Саббаха — Устаду Хусейну. Хасан ибн Саббах приказал казнить и своего сына, и Ахмеда Демавенди. Через год, узнав, что его сын был оклеветан, Хасан ибн Саббах велел казнить алида Зейда Хусейни и его сына [20, с. 209—210]. Это было первое, но далеко не последнее выступление против исмаилитского государства и его правителей.

Из-за полнейшего отсутствия сведений нет возможности убедительно ответить на вопрос о том, каким было исмаилитское общество в начальный период своего существования. Неизвестно, как складывались и какие отношения установились между главой исмаилитского государства и его ближайшими сподвижниками (т. е. «правителями», «представителями государства»), с одной стороны, и всей массой крестьянского и ремесленного населения — с другой. Нельзя доказать, была ли в исмаилитском государстве на рубеже XI—XII вв. восстановлена свободная от эксплуатации сельская община, хотя именно она являлась общественным идеалом крестьян Дейлема X в. и память о ней еще была жива в XI—XII вв. Вся история исмаилитских выступлений под руководством Хасана ибн Саббаха, его учение, жизнь и деятельность делают невозможным предположение, что, став правителем независимого государства, он просто заменил собой султана Мелик-шаха, сохранив неизменными все

порядки сельджукского государства.

Можно думать, что на недолгий период, когда не на жизнь, а на смерть шла борьба с внешними врагами и одновременно происходило формирование исмаилитского общества, оно приобрело ряд своеобразных черт и особенностей. Это политическая независимость, ликвидация власти тюркских феодалов-иктадаров, изгнание сельджукской администрации из Дейлема и Кухистана и почти всех крепостей, вошедших в состав государства исмаилитов. Важнейшим результатом явилась отмена целого ряда поборов и повинностей с населения. Это утверждение «Дават-и джадид» в качестве официальной религии. Это принципиальный отказ Хасана ибн Саббаха от наследственной монархии и закрепления всей полноты власти за своими потомками.

В это время в исмаилитском государстве еще не было рез-

123

кой имущественной дифференциации между правителями, представителями государства и простым народом. Суровый, аскетический образ жизни, установленный Хасаном ибн Саббахом для всех без исключения, соответствовал извечным мечтам крестьянских масс об уничтожении разницы между богатыми и бедными, об имущественном равенстве. Эти пока одинаковые для всех условия материальной жизни связывались, в представлении народных масс, с учением Хасана ибн Саббаха об имаме, который принесет людям благоденствие и полную социальную справедливость, т. е. жизнь без эксплуатации. Следствием этого являлась приверженность исмаилитов учению «Дават-и джадид».

Кому же стала принадлежать земля? Стала ли она государственной собственностью? Сведений в источниках нет. (Вопрос о невозможности появления в исмаилитском государстве новых икта и иктадаров был рассмотрен выше.)

Взимались ли с крестьян обычные, как их называет А. Лембтон, канонические налоги (261, с. 249]? Сведений в источниках также нет. Напомним, что в государстве сербедаров Хорасана XIV в. взимался харадж в размере 30% урожая, считавшийся легким. Если обычные налоги и взимались в исмаилитском государстве, то они шли на общее дело, как и редкие, экстраординарные доходы в виде добровольных отчислений исмаилитами из доли добычи, отдаваемой на «Дават».

Как упоминалось выше, в Аламуте, Гирд-кухе, Ламасаре, Меймундизе и других крепостях производились значительные работы по их укреплению, застройке, водоснабжению и т. д. Хотя у нас нет прямых свидетельств источников, не вызывает сомнения, что создание новых крепостей, рытье колодцев, проведение оросительных каналов и тому подобные работы выполнялись населением исмаилитского государства в порядке государственных повинностей. Если эти повинности даже и были тяжелы, то результаты затраченного труда использовались непосредственно участниками работ и являлись благом для всех.

Рядовые исмаилиты составляли военные силы государства и являлись той средой, из которой вербовались фидаи. Они были заняты в сельском хозяйстве и скотоводстве и в ремесле. В течение всей истории исмаилитского государства рядовые исмаилиты, проявляя много мужества и стойкости, боролись за сохранение политической независимости, за свой мазхаб (учение Хасана ибн Саббаха) и свои стремления к имущественному равенству. Однако развитие исмаилитского общества, которое происходило в условиях развитого феодального общества, могло идти только по феодальному пути.

Необходимо отметить, что из-за отсутствия подлинных исмаилитских источников в зарубежной литературе со времен С. де Саси, а в русской литературе — И. Н. Березина возникло утверждение о том, что у фатимидских исмаилитов, а также

124

исмаилитов Аламута существовала строгая и четкая иерархия. Она основывалась якобы на посвящении в «тайны» учения. Степеней посвящения в учение у фатимидских исмаилитов считалось девять, в учении Хасана ибн Саббаха — семь. Точно расписывалось, что узнавал исмаилит на каждой ступени посвящения. На высших ступенях исмаилит, к ужасу С. де Саси, приходил к полному атеизму, по мнению И. Н. Березина, прозелиту предлагалось следовать системе какого-либо философа, признающего вечность мира (106, с. 106]. Соответственно достигнутым степеням посвящения в тайны учения исмаилит занимал положение в исмаилитском обществе. Эти положения поныне имеют хождение в литературе (см. Эд. Браун (220, с. 187], И. П. Петрушевский (145, с. 296, 297]). Исследователи даже усматривали в степенях посвящения отражение структур исмаилитского общества. Ничего подобного в

исмаилитском вероучении и исмаилитском государстве не было. Было совсем другое: только те исмаилиты, которым было доверено ведение пропаганды исмаилизма в фатимидском государстве и за его пределами в прямой зависимости от территории их деятельности и количества последователей, занимали определенное место среди пропагандистов и обозначались специальными терминами. Общим названием для всего института пропагандистов являлся термин «худуд-и дин» («границы веры»). «Эти худуд-и дин, как называлась эта иерархия, становятся совершенно исключительным путем частью религии, параллелей этому нет в других религиях», — подчеркивает В. А. Иванов (43, с. 024).

Наиболее четкое и подробное объяснение деятельности пропагандистов разных рангов и терминов, которыми они обозначались, дано в трактате исмаилитского автора XVI в. Абу Исхака. (Он пишет после того времени, когда с 1164 г. учение Хасана ибн Саббаха превратилось в низаритское учение.)

«Когда верующий раб (божий) достигнет добродетели и покорности господу, найдет помощь и благословение господина своего времени (имама), и в нем обнаружится искание познания бога и пути к богу, и он, обратившись к 72 сектам, увидит [всю] их ложность, — в нем загорится огонь раскаяния и сожжет его, подобно бытию — небытие. Помощь господина нашего укажет ему путь к одному [из лиц] границ истинной веры, которые являются дай истинной веры и муалимами [учителями] правдивыми. После того как учитель истинной веры его испытает [ему много испытаний сделает] и сочтет его достойным служению господину нашему и ему в меру возможностей его скажет слова дават. И он воспримет их всей душой, и будет покорен приказу муалима, и голову от послушания муалиму не отвратит, этому верующему рабу — сахиб-и йагину (т. е. обладающему уверенностью в истинности низаризма. — Л. С.) — дадут имя мустаджиб, и его из доказательств и аргументов истинной веры кое-чему поучают» [43, с. 48—49].

125

«Когда мустаджиб в степени поучения достигнет совершенства [зрелости] и слова его о доказательстве до [такой] степени достигнут, что [он] сможет другим указывать путь и выводить из заблуждения, его делают мазуном, и с согласия того учителя, который [сам] является мазун-и акбар, он становится мазун-и асгар и группе людей, (в отношении которой его) муалим дает разрешение, [он] ведет проповедь. Когда [и] в этой степени совершенство и способности проявит, его величество худжжат назначит его мазун-и акбаром, а это та степень, при которой ему дают позволение быть свободным [неограниченным], чтобы вести проповедь тем людям, которым признает полезным. Когда большие способности проявит, достигнет ранга муалима и величайший худжжат назначит его в одну из джазаэр и сделает одним из 12 лахеков, которые являются господами джазаэр. И всюду верующие мустаджибы тех областей и джазире будут под его приказом и распоряжением. После этого идет ранг дай, и ему дают разрешение вести дават неограниченно, и никакая джазире или другое место исключения не составляют.

После этого идет ранг великого худжжата, а после него — имам, и между великим худжжатом и имамом никакого посредника нет... Число рангов, которые мы перечислили, — это семь» [43, с. 49—511].

Итак, приведенный материал дает возможность рассмотреть деятельность каждого из «худуд-и дин» («границ веры»).

1. Сахиб-и йагин — тот, кто прошел испытание, дал клятву верности, узнал кое-что из дават.

2. Мустаджиб — тот, кого немного знакомят с низаризмом, «из доказательств и аргументов истинной веры кое-чему поучают». Основной термин для „посвященного“ исмаилита. Он имел право спрашивать у своего учителя ответы на религиозные вопросы, так как обсуждение исмаилитского учения неисмаилитами рассматривалось как великий грех [43, с. 012].

3. Мазун-и асгар (или просто мазун) — первый пропагандистский ранг. Это тот, кто проповедует группе людей с разрешения своего учителя (без утверждения худжжатом).

4. Мазун-и акбар. Утверждается худжжатом. Проповедует тем людям, которым он сам сочтет нужным.

5. Муалим. Утверждается худжжатом для ведения проповеди в одной из джазире. Под этим термином понималась большая провинция, и все находившиеся в джазире мустаджибы ему подчинены.

6. Дай — тот, кто ведет дават, не будучи ограничен никакой территорией. «Этот ранг миссионера был, несомненно, основным в идее организации дават» [43, с. 025]. [В. А. Иванов отмечает, что в развитой пропагандистской иерархии были три ранга дай: просто дан (миссионер), дай-йи мутлак (обычный миссионер) и дай-йи балаг (миссионер

извещения). По-видимому, первый из них выполнял, скорее, функцию административную,

126

второй был «миссионером вообще» и третий, упоминаемый очень редко, вероятно, был представителем, помощником хужжата; низший ранг дан, видимо, слился с рангом мазун-и акбара; появился новый ранг — муалим, — отсутствовавший в фатимидской схеме.¹

7. Хужжат — обладатель такого же знания «божественного» происхождения, каким обладает имам. Он безгрешен, свободен от ошибок, между ним и имамом нет никакого посредника.

Таким образом, совершенно очевидно, что ранги исмаилитских проповедников и их иерархия не имеют ничего общего ни с посвящением в тайны секты, ни с общественной структурой исмаилитского общества. Совершенно прав В. А. Иванов, когда он заявляет: «В исмаилитских работах нет и следа чего-либо похожего на „степени посвящения в тайны учения“, о которых ортодоксальные историки рассказывают так много фантастических историй» [41, с. XLIV]. Остается добавить, что Хасан ибн Саббах называл только себя «дан имаму», а своих сподвижников, которым доверял пропаганду своего учения, — просто дай. Рядовые исмаилиты обозначались термином «рафик» («товарищ»).

Экономическая характеристика исмаилитского государства

Экономическое положение исмаилитского государства с центром в Аламуте до сих пор не исследовано.

В Иране в состав исмаилитского государства вошли два не соприкасающихся друг с другом и различных в экономическом отношении района — Дейлем и Кухистан (в то время владений исмаилитов в Сирии еще не было) и отдельные крепости, расположенные в разных районах страны.

К Дейлему (высокогорная часть Гиляна) относилось несколько районов. Горная область — Руян или Руяндж, расположенная к северу от Рейя. Здесь было много деревень с населением от 400 до 1000 человек. К югу от г. Сари находились Джибаль Фадусбан — гора Бадусбан и горы Ширвин, или Ибн Карена, с главной крепостью Каренов Фарим и г. Сехмар, в котором выплавляли железо, сурьму и свинец (75, л. 306). К Дейлему принадлежали Демавенд и его окрестности, где добывали железо. У подножия Демавенда находилась крепость Устунаван, или Устун-Абад. Йакут сообщает, что она очень старая, хорошо укреплена и некоторое время находилась в руках исмаилитов [77, т. II, с. 67; 244]. Вдоль южного склона гряды, отделяющей провинцию Джибаль от Дейлема и Табаристана, были расположены три района: Пушкиль-дарре, Талекан и Тарум. В Талекане в изобилии росли оливы, гранаты, выращивались лучшие сорта винограда. Автор «Худуд ал-алам» кратко

127

сообщает, что Талекан — хороший город, в котором производят много вина и войлока [74, л. 21а]. По свидетельству Хамдал-лаха Казвини, Талекан и Пушкиль-дарре славятся грецкими орехами (71, с. 65, 67; 143, с. 210). К северу от Зенджана, у подножия тех же гор, находился район Тарум, его называли также ат-Тарумейн, т. е. два Тарума: нижний и верхний. Хам-даллах Казвини, перечисляя в Иране районы развитого плодоводства, называет оба Тарума и Рудбар. Особенно славятся яблоки и груши Рудбара [71, с. 61; см. 143, с. 206]. Зерновые давали обильные урожаи. В нижнем Таруме была большая крепость Шамиран, или Самиран. В X в. на ее стенах виднелись золотые львы, солнце и луна, а дома ее были из кирпичей. Насир-и Хосров считал Шамиран главным городом области Тарум и отмечал в ней обилие деревьев, дикорастущих гранатов и инжира [51, с. 5]. Йакут сообщает, что крепость Шамиран была разрушена по приказу главы исмаилитов Аламута.

3. В. Бартольд, основываясь на сообщениях Ибн Хаукала, упоминает г. Таром (Тарум, Тарим) и считает его резиденцией династии Джустанидов (88, с. 155), а Минорский — столицей последнего Мусафирида (ветвь Джустанидов) [276, с. 198].

Большинство городов и крепостей Дейлема, названных в источниках, не идентифицируется ни с чем, и их местоположение не определяется. г

Кухистан, горная область, расположенная в южной части Хорасана, был вторым после Дейлема районом, которым на грани XI—XII вв. завладели исмаилиты. В начале XIII в. йакут писал: «Кухистан в настоящее время подчинен власти малахиде (еретиков, т.

е. исамитов. — Л. С.) семьи Хасана ибн Саббаха» (77, т. IV, с. 206]. В. В. Бартольд считал, что эта область в истории Ирана не имела большого значения (88, с. 93]. Кухистан был более развит, чем Дейлем, не только в области сельского хозяйства. Там в руках исамитов находился целый ряд торгово-ремесленных городов: Каин, Тун, Туршиз, Кундур, Заузан, Табас, Хур, Хусп и др.

Через Кухистан проходило много караванных путей, и арабские географы отмечали, что его столица Каин расположена вблизи всех важнейших городов Хорасана [34, с. 283; 77, т. IV, с. 206]. Уже в X в. Каин был красивым городом, который защищала крепость, окруженная рвом. В 1052 г. Насир-и Хосров посетил Каин, он увидел большой город, в центре которого находилась соборная мечеть, вода текла в город по подземным каналам, и у всех домов были подземные резервуары для воды [51, с. 95]. Зерновые, фрукты и особенно шафран росли в изобилии. Скот жирел быстро.

В 50 милях к северо-западу от Каина лежал г. Тун. Он был меньше Каина, но также защищен крепостью. Окрестные земли были очень плодородны, здесь выращивали много зерновых и

128

фруктов (особенно славились своим вкусом дыни), культивировали фисташки, разводили лучшие сорта винограда (143, с. 222—223]. Жители Туна умели копать рвы и возводить дамбы для сбора дождевой воды. Они ткали шелковые ткани, но этот город был известен изделиями из шерсти. Насир-и Хосров хвалил его ковры. Во время его посещения города в нем действовало «400 мастерских, где ткют ковры» [51, с. 95]. Это сообщение свидетельствует о наличии в городе ремесленного населения, и довольно многочисленного.

В структуре цехового феодального производства возможны два типа производственных отношений. По словам О. А. Сухаревой, первый из них, более простой, «генетически связанный с ранним этапом в истории феодальной промышленности и феодального производства, подразумевает двучленную систему производственных отношений: мастер и ученик» [197, с. 228].

Второй тип, который «свидетельствует об увеличении размеров мастерских, создавал условия для дальнейшего разделения труда и, следовательно, для увеличения его производительности, имел трехчленную структуру. Он включал мастера-хозяина, наемного мастера и ученика» (197, с. 229]. Какой из этих двух типов производственных отношений был распространен в Тунае в XI в., неизвестно. Бесспорно одно: в 400 ковровых мастерских работало минимум 800 ткачей. Число же других ремесленников нам неизвестно.

В северо-западной части Кухистана находился район Бушт, или Пушт, с главным городом Туршизом, или Турсисом²³. Макдиси сообщает, что вся область славились плодородием. Здесь выращивали фрукты, зерновые (пшеницу и ячмень), превосходный виноград, оливки, смоквы. Хамдаллах Казвини писал, что в Туршизе созревали лучшие сорта гранатов [71, с. 143; 143, с. 208]. По словам Ибн ал-Асира, Туршиз перешел в руки исамитов в 1126 г., по сообщению Йакута — на десять лет позднее. Исамиты построили вокруг него многочисленные крепости. Этот город и местность со множеством селений «в настоящее время... в руках еретиков», — свидетельствует Йакут для начала XIII в. [77, т. I, с. 836, и т. III, с. 528].

В одном дневном переходе к востоку от Туршиза находился г. Кундур, меньше Туршиза, но близок к нему «по населенности и благоденствию» (44, с. 318]. В его окрестностях было 226 больших деревень.

К востоку от округа Туршиз имелся округ Заве, или Зава, с главным городом Бишак, или Заве²⁴. Сведения об этом округе имеются у Хамдаллаха Казвини, который сообщает о разви-

²³ Ле Стрендж локализует Туршиз на развалинах Фирузабада, около деревни Лбдулабад [262, с. 354].

²⁴ Ле Стрендж указывает, что в его время округ назывался Заве, а главный город — Торбете Хейдерие [262, с. 356].

129

той ирригационной системе, произрастании зерновых, хлопка, фруктов, винограда, а также о производстве шелка.

В северо-восточном углу Кухистана лежал округ Зам, или Джам, в котором было много тутовых деревьев и шелкоткацких мастерских. К югу был расположен «Бохарз —

район зерна и винограда, там производится много одежд; но он мал, название его города — Малин», — отмечал Макдиси [44, с. 319].

Юго-западнее Бохарза находился округ Хаф с главным городом того же названия. По Макдиси, это «маленькая волость, изобилующая виноградом и гранатами, название ее города — Салумак» [44, с. 319]. Через два с небольшим столетия Иакут назвал Хаваф (Хаф) большим округом с двумя сотнями селений и тремя городами (77, т. II, с. 486).

Город Заузан, находившийся под властью исмаилитов, являлся важным транзитным пунктом. В нем еще в X в. было много ткачей и ремесленников, выделявавших войлок [44, с. 323]. По словам йакута, Заузан — это город и обширный округ между Нишапуром и Гератом, «он известен как „Маая Басра“ из-за множества вышедших из него образованных людей, литераторов и ученых. Этот округ включает в себя 124 селения» [77, т. II, с. 958].

В западной части Кухистана, на краю пустыни, находился г. Табас. К нему сходились много дорог, и его называли «воротами Хорасана». Макдиси хвалил мечеть Табаса, большой бассейн для сбора питьевой воды и отличные горячие бани. Жаркий климат и обилие воды способствовали выращиванию лимонов и апельсинов (71, с. 145; 143, с. 218]. Однако особенностью этого района, по словам автора «Худуд ал-алам», были рощи финиковых пальм. Воды хватало для вращения двух мельниц. Насир-и Хосров отмечал спокойную и безопасную обстановку, а также строгость нравов его жителей. Табас был взят исмаилитами в конце XI в.; в 1102 г. при осаде его сельджукскими войсками он был сильно разрушен.

К юго-западу от Табаса находился г. Кури, или Курин, в котором производились хлопчатобумажные ткани [75, л. 196]. Там же находились два города — Хур и Хусп, возле которых кончались две дороги, идущие из Кермана через пустыню. Богатство жителей заключалось главным образом в крупном рогатом скоте [75, л. 196].

К юго-западу от Хуспа располагался г. Бирджан, до XIII в. арабскими географами не упоминаемый. Иакут говорит о нем как о лучшей деревне этой провинции. Во времена Хамдалла-ха Казвини это уже значительный провинциальный город. В его округе кроме винограда и других фруктов выращивался шафран. В дне пути к востоку от Бирджана находился горный округ Муминабад с крепостью того же названия, которая принадлежала исмаилитам.

Кроме рассмотренных выше районов в руках исмаилитов

130

был ряд крепостей, расположенных в разных районах Ирана. Одной из важнейших была крепость Гирд-кух, близ г. Дамгана, в провинции Кумис. Через эту небольшую провинцию, ограниченную на севере хребтом Эльбурс, а на юге Деште-Кевир, из конца в конец ее проходил хорасанский торговый путь. Посольство Ибн Фадлана (X в.), следуя из Багдада в Поволжье, проезжало через Дамган (32, с. 56]. В X в. Дамган был хорошо укреплен, в нем имелись два базара, мечеть, большой бассейн. Автор «Худуд ал-алам» сообщает кратко о Дамгане: «Город с малой водой, лежащий у подножия гор. Жители его воинственны. В нем производят платки с тонкой каймой» [75, л. 30а]. Провинция Кумис была плодородной, в ней возделывались зерновые, фрукты, виноград. Дамган славился своими грушами, Семнан — фисташками. У края пустыни, около г. Бийара, разводили верблюдов и овец. Из полезных ископаемых упоминаются золотые рудники в горах Кухзар, близ Дамгана.

В провинции Кумис производились хлопчатобумажные скатерти, большие и малые, одноцветные и полосатые, с цветной каймой и столь тонкие, что стоили 2 тыс. дирхемов штука²⁵, шерстяные ткани для одежды и покрывала, называемые тайласан. Все они шли на вывоз и пользовались большим спросом. Мы можем представить себе, какие доходы извлекало исмаилитское государство от обладания Гирд-кухом. Султан Санд-Жар, боявшийся ссориться с исмаилитами, определил им значительные денежные суммы, получение которых было обусловлено тем, что исмаилиты владели Гирд-кухом.

Султан Санджар «из хараджа [с] мульков, которые по области Кумис были назначены им (исмаилитам. — Л. С.) 3—4 тысячи динаров в качестве идрар [пенсии] приказал и у подножия Гирд-куха [из] так называемых бадрике²⁶ и баджа²⁷ им доход и долю назначил, чтобы с сыновей дороги [путников] некую долю баджа брали» [61, с. 123]. Следовательно, исмаилитам были даны: идрар в сумме 3—4 тыс. динаров и «некая доля» таможенной пошлины. Легко установить, что идрар исмаилитам был выдан не ранее 1118 г. (года прихода к власти султана Санджара) и не позднее 1124 г. (года смерти Хасана ибн Саббаха).

При высокой стоимости золота в ту пору такой идрар являлся немалым. Если все

многочисленные товары, транспортируемые через Дамган и вывозимые из него, подлежали обложению таможенной пошлиной (бадж), то и «доля баджа», вероятно, была существенной. Эти суммы являлись первыми регулярными доходами исмаилитского государства. Помимо «законных» доходов, как часто упоминают источники, исмаили

²⁵ Ле Стрейдж считает, что это эквивалентно 80 долл. 20-х годов XX в.

²⁶ Бадрике — суммы, взимаемые с путешественников за их охрану.

²⁷ Бадж — таможенные пошлины.

131

ты производили грабежи на дорогах, что давало большой доход, чем «доля баджа».

Исмаилиты владели еще одной важной крепостью (или крепостями) в провинции Фарс, около г. Арраджана ²⁸. Ко времени появления исмаилитов в Фарсе, по словам Истахри, насчитывалось до 5 тыс. крепостей (34, с. 116), построенных еще Сасанидами, арабами или Буидами, чуть ли ни каждая деревня имела свою крепость [26, с. 74]. Первое выступление исмаилитов в этом районе Ибн ал-Асир относит к 494/1100/01 г., когда местный предводитель исмаилитов Абу Хамза, сапожник из Арраджана, захватил две крепости. Согласно Рашид ад-дину, исмаилитам принадлежала крепость Танбурак, находившаяся между Хузестаном и Арраджаном, в 10—12 км от последнего [61, с' 122].

В. В. Бартольд считает, что Арраджан, «по-видимому, имел не столько промышленное, сколько торговое значение; последнее определялось плодородием окрестностей, близостью моря и положением города на главной дороге из Фарса в Хузестан и оттуда в Месопотамию» [88, с. 111]. Помимо оседлого населения в Фарсе всегда было много кочевников; так в X в. насчитывалось до 50 тыс. кибиток. В округе Арраджана исмаилиты могли использовать природные богатства края и, как у подножия Гирд-куха, «законно» или «незаконно» облагать данью или просто грабить караваны. Если верить словам Ибн ал-Балхи о разорении исмаилитами Арраджана [26, с. 61], то это будет свидетельством их силы.

Таким образом, можно считать, что экономическая база исмаилитского государства в конце XI — начале XII в. была значительной. Дейлем и Кухистан имели многочисленное сельское население. Важную роль в обоих районах играло сельское хозяйство. Оно основывалось на искусственном орошении, и жители являлись опытными строителями ирригационных каналов, хаузов, плотин, водяных мельниц. В Кухистане выращивали зерновые, виноград, финики, оливки, инжир, гранаты, фисташки, шафран, дыни. Дейлем (нижний) был богат водой и лесом. Зерновые, яблоки, груши, гранаты, инжир, оливки, виноград, грецкий орех росли в этом районе. Наличие в Дейлеме и Кухистане горных пастбищ благоприятствовало развитию скотоводства.

В Дейлеме производилась разработка полезных ископаемых. У подножия Демавенда добывали железо, в Сехмаре — железо, свинец и сурьму, около Гирд-куха — золото, в окрестностях Аламута имелась отличная глина.

Обладание крепостями, хотя и расположенными далеко от основных районов исмаилитского государства, способствовало

²⁸ В. В. Бартольд отождествляет Арраджан с развалинами около Бехба-хана (88. с. 104, 110).

132

пополнению его экономических ресурсов, ставило под его непосредственный контроль важные пункты, расположенные на международных и местных караванных путях, а также позволяло использовать местную продукцию сельского хозяйства и ремесла. Все это являлось прочной экономической базой исмаилитского государства и обусловило его экономическое благосостояние и устойчивость.

Социальная характеристика исмаилитского движения в Иране

Свидетельств о принадлежности к исмаилитам ремесленников разных профессий очень много. Хасана ибн Саббаха обратили в исмаилизм ремесленники г. Рейя — чеканщик и шорник. Во время своей поездки в Египет Хасан ибн Саббах выдавал себя за плотника. Ремесленник той же профессии — плотник — явился первой жертвой преследования властями исмаилитов. Исмаилитом или, может быть, лишь их орудием стал брадобрей, отравленный ланцет которого должен был лишить жизни султана Мухаммеда. По единодушным свидетельствам арабо-язычных историков Ибн ал-Асира, Ибн ал-Джаузи, Камал ад-дина, в Сирии в 1102—1113 гг. руководителем всех исмаилитов

и организатором их вооруженных выступлений был перс, ювелир Абу Тахир. Усама ибн Мункиз, лично участвовавший в боях с иσμαилитами, назвал их «шерсточесами» и «мужиками» (т. е. ремесленниками и крестьянами). Иσμαилиты, убившие в 1126 г. владельца Мосула и Халеба Касима ад-доуле Аксонкора Борсаки, в течение нескольких лет скрывались у сапожника. Следовательно, он или был иσμαилитом, или сочувствовал им. В Фарсе иσμαилитами руководил сапожник. Среди фидаев, осуществлявших террористические акты, Рашид ад-дин дважды упоминает Хасана **Сарраджа**, седельника, шорника (61, с. 136—137). Ремесленники и городская беднота очень часто создавали вооруженные отряды, которые приходили на помощь осажденным в крепости иσμαилитам или являлись основной силой при захвате крепостей. Так, в 1092 г. на помощь осажденному Ала-муту пришли жители городов Талекана, Кух-и Бары и 300 человек казвинцев. В 1101—1107 гг. в Исфахане около 30 тыс. человек из его ремесленного населения и городской бедноты поддерживали иσμαилитов.

В Сирии в 1106 г. при захвате иσμαилитами Апамеи действовал отряд в 300 человек из жителей г. Сермина, которых поддерживали **жители** Апамеи. В 1113 г. в неудачном для иσμαилитов нападении на Шейзар участвовал отряд в 100 человек, составленный из жителей этого города. После их разгрома были перебиты все сторонники батинитов.

Ибн ал-Джаузи говорит о группе батинитов, проживавших

133

в Апаmee, Мааррат ан-Нумане и Мааррат Несрине. К тому же кругу ремесленников и городской бедноты должны быть отнесены иσμαилиты Халеба, разгромленные в 1113 г. знатью города. По словам Камал ад-дина, при этом было убито 300 человек и 200 посажено в тюрьму.

Источники называют большое количество городов, в которых на грани XI—XII вв. велась иσμαилитская пропаганда или имели место выступления иσμαилитов. Это Рей, Исфахан (старые центры иσμαилизма), Керман, Иезд, Фиррим, Дамган, Сари, Казвин, Талекан, а в Сирии — Халеб, Шейзар, Апамея, Мааррат ан-Нуман, Мааррат Несрин, Сермин. Все эти сообщения источников свидетельствуют об активном и очень широком участии ремесленников и городской бедноты в движении иσμαилитов Ирана и Сирии в этот период.

Подчас упоминание источниками одного-двух ремесленников среди руководителей восстания уже давало ряду исследователей основание утверждать, что в восстании широко участвовали ремесленники, а само восстание носило демократический, антифеодальный характер. В. В. Бартольд подчеркивал народный характер восстания 1365 г. в Самарканде, основываясь на том, что его возглавляли студент медресе, стрелок из лука и ремесленник — староста квартала трепальщиков хлопка [96]. Так же оценивает И. П. Петрушевский и тебризское восстание 1571—1573 гг., где во главе восставших стояли зеленщик, сукновал и профессиональные атлеты [140, вып. 1, с. 222—223]. Мы полностью разделяем эту точку зрения на характер восстаний. И привели их только для того, чтобы оттенить масштаб и размах иσμαилитского движения, в котором участвовали многочисленные ремесленники и городская беднота.

Прямых указаний на участие в иσμαилитском движении крестьян мало. Джувейни упоминает о ночной вылазке против сельджукских войск в 1092 г., в которой защитники Аламута действовали «при поддержке группы людей из Рудбара, которая вне крепости была в союзе с ними» (т. е. крестьяне окружающей Аламут долины) [20, с. 189—195]. Известно, что гвардия сельджукских султанов комплектовалась из разных народностей, в том числе из дейлемитов, т. е. крестьян горного Дейлема, бывшего одним из основных районов иσμαилитского движения. Именно дейлемиты помогли Ахмеду ибн Абд ал-Мелик ибн Атташу захватить крепость Шахдиз около Исфахана. Источники сообщают о распространении иσμαилизма в горах Суммака (Сирия) и о том, что в иσμαилитских выступлениях участвовали «мужики» (т. е. крестьяне). Участие крестьян в иσμαилитском движении Ирана выявляется также из большого количества косвенных указаний источников. Отмечая ареалы распространения иσμαилитского движения, источники называют большое количество сельских районов. Это провинции Джурджан, Табаристан, Кухистан, Фарс, Хузестан, Астрабад, Иран-

ский Азербайджан, а также мелкие сельские районы: Шахрияр-кух, Аламут, Дунбаванд, Хавар-и Рей, округа Бейхака и т. д. Крестьянство — самый многочисленный класс феодального общества — подвергалось наиболее жестокой эксплуатации со стороны феодалов. Икта, получившая в конце XI в. широчайшее, повсеместное распространение, передавала крестьян под бесконтрольную власть чужеземных тюркских феодалов. Призывы исмаилитов к борьбе с Сельджуками нашел живой отклик в крестьянской среде.

О классовом характере исмаилитского движения свидетельствует тот факт, что борьбу с исмаилитами вели феодалы. Раньше всех и лучше всех политический (антисельджукский) характер исмаилитского движения понял Низам ал-Мульк. Но он был уже бессилён что-либо сделать и погиб в борьбе с исмаилитами.

После захвата исмаилитами Аламута первым, кто начал с ними вооружённую борьбу, был один из эмиров Мелик-шаха — тюркский феодал Юрюн-Таш. Это объясняется тем, что «окрестности Аламута являлись его икта». Мелик-шах посылал свои войска против Аламута и Кухистана. Его сын султан Мухаммед беспощадно подавил движение исмаилитов в Исфахане в 1107 г. и казнил их вождя Ахмеда ибн Абд ал-Мелик ибн Атташа. В разоблачении подготовлявшегося покушения на султана Мухаммеда главную роль сыграли представители высшего мусульманского суннитского духовенства, резко враждебного «еретикам» — исмаилитам. Тот же султан Мухаммед в 1113 г. настойчиво требовал от султана Халеба Алп-Арслана ибн Ридвана истребления исмаилитов в этом городе. На расправе с исмаилитами упорно настаивала халебская знать во главе с раисом Ибн Бади. Жестоко бились с исмаилитами сирийские феодалы Мункизиды. Глубочайшей, поистине классовой ненавистью дышат рассказы о них участника этих сражений Усамы ибн Мункиза.

Наконец, вождь франков Танкред в 1106 г. отбил захваченную исмаилитами Апамею и убил исмаилитского руководителя Абу л-Фатха Сермини.

Антисельджукская направленность исмаилитского движения привлекла к нему и некоторых представителей иранской знати. Известно, что иранская бюрократия, входившая в состав господствующего класса сельджукского государства, была враждебна его сильнейшей группе — тюркским кочевым феодалам. Глубокая, часто скрытая ненависть к Сельджукам толкала отдельных представителей иранской знати на союз с исмаилитами. Равенди рассказывает о вазире Сад ал-Мульке, который был тесно связан с вождем исмаилитов Исфахана Ахмедом ибн Абд ал-Мелик ибн Атташем, являлся организатором неудавшегося покушения на султана Мухаммеда и видел в нем «собаку», которую нужно «сбить с ног». Еще об одном пред-

135

ставителе иранской бюрократии упоминают Джувейни и Рашид ад-дин. Это раис Музаффар, назначенный Сельджуками хакимом Дамгана и ближайшей к нему крепости Гирд-куха. Он тайно принял исмаилизм и активно поддерживал Хасана ибн Саббаха. Порой даже члены дома Сельджуков шли на союз с исмаилитами, рассчитывая использовать их в борьбе против своих личных врагов. Так, в Сирии Ридван ибн Тутуш находившийся в острой вражде со своими двоюродными братьями — султанами Ирана, рядом тюркских феодалов, франками-крестоносцами и членами собственной семьи, покровительствовал исмаилитам и даже разрешил им открыто действовать в своей столице — Халебе.

Приведенные факты дают возможность утверждать, что ремесленники, городская беднота и крестьянство являлись основной силой исмаилитского движения. Их союзниками в антисельджукской борьбе выступали некоторые иранские феодалы.

136

Глава IV

РАЗВИТИЕ ИСМАИЛИТСКОГО ГОСУДАРСТВА (20-е ГОДЫ XII в.— 10-е ГОДЫ XIII в.)

Государство «Великих Сельджуков», созданное в результате завоевания

кочевниками огромных территорий с разным уровнем экономического развития и этнически неоднородным населением, как единое целое долго просуществовать не могло. Раздача икта членам дома Сельджука также подтачивала его целостность.

В ходе завоевания еще при Тогрул-беке (1038—1063) образовался Керманский султанат (1041 — 1187), а несколько позднее — Румский султанат (1077—1307). В конце долгой борьбы между сыновьями султана Мелик-шаха (1072—1092), последнего из «Великих Сельджуков», — султаном Баркйаруком (1094— 1105) и его братом Мухаммедом — в 497/1104 г. между ними был заключен мирный договор о разделе государства. К Мухаммеду отходили Северо-Западный Иран, Диярбекр, ал-Джезира, Мосул и Сирия. За Баркйаруком сохранились ядро государства, Джибаль, Фарс, Табаристан, Хузестан, Багдад, священные города Мекка и Медина. Каждый из братьев провозглашался султаном в своих владениях. Практически раздел государства был отсрочен почти на полтора десятилетия.

После смерти султана Баркйарука главою всего государства стал султан Мухаммед (1105—1118). Хорасан, который султан Баркйарук еще в 1094 г. отдал в управление своему брату Санджару ибн Мелик-шаху, оставался за ним и во время правления султана Мухаммеда с хутбой на имя последнего. После смерти султана Мухаммеда и произошел раздел государства. Западные области (Ирак Арабский и Западный Иран) остались за сыновьями султана Мухаммеда. Здесь образовался Иракский сельджукский султанат (1118—1194), в котором правили потомки Мухаммеда. Восточные области (Хорасан, Си-стан, Хорезм и Мервский оазис) вошли в состав государства султана Санджара ибн Мелик-шаха (1118—1157). Его власть признавалась и в Мавераннахре, где правили его вассалы — Караханиды.

С 20-х годов XII в. общее ослабление и дробление сельджукских владений создавали благоприятную обстановку для развития исмаилитского государства.

Султан Санджар и исмаилиты

Будучи еще правителем Хорасана, мелик Санджар по требованию своего сюзерена, султана Мухаммеда ибн Мелик-шаха, принимал участие в осаде исмаилитской крепости Шахдиз, свидетельствует Ибн Исфандийар [29, с. 240]. Он даже приписывает ему взятие этой крепости и убийство нескольких тысяч ее защитников. Придя к власти, султан Санджар поначалу проводил непримиримую политику в отношении исмаилитского государства. С целью уничтожения исмаилитов он даже послал войско в Кухистан [20, с. 213].

Джувейни дату похода не указывает. Отнесение его Ибн ал-Асиром к 520/1126 г. неверно. И этот поход и заключение султаном Санджаром мира с исмаилитами имели место еще при жизни Хасана ибн Саббаха, т. е. до 1124 г.

«В этом году, — сообщает Ибн ал-Асир, — вазир мухтас Абу-Наср Ахмед ибн ал-Фадл, вазир султана Санджара, приказал объявить священный поход против батинийцев — убивать их, где бы они ни были, где бы их ни схватили, отнимать их деньги, имущество, а жен их забирать в плен» [24, т. X, с. 445]. Были отправлены два войска: одно — в направлении принадлежащего исмаилитам г. Турайсиса (Туршиза) в Кухистане, другое — Бейхака, в округе Нишапур. В Бейхаке исмаилитам принадлежало селение Тарз. Предводителем исмаилитов Тарза был человек по имени Хасан ибн Семин. «Вазир отправил во все стороны их округов по отряду войска и дал им наказ убивать тех из них, кого они встретят». В селении Тарз были перебиты все исмаилиты, а Хасан ибн Семин покончил с собой, бросившись с минарета. «Войско, посланное на Турайсис, убило многих из населения его, захватило их деньги, имущество и вернулось» [24, т. X, с. 445]. Если удалось истребить исмаилитов в незащищенном поселке Тарз, то захватить Туршиз войска вазира даже не пытались. Ограничившись убийствами и грабежом, они возвратились. В этих походах войсками султана Санджара было беспощадно истреблено около 10—12 тыс. исмаилитов. Вражда между султаном Санджаром и исмаилитами длилась несколько лет. Предложения Хасана ибн Саббаха о заключении мира категорически отклонялись. Тогда исмаилиты применили угрозу. Широко известен рассказ Джувейни о том, что Хасан ибн Саббах подкупил хадима султана Санджара, который ночью, тайно вонзил кинжал около ложа султана. Затем Хасан ибн Саббах известил султана, что этот кинжал мог пронзить и его грудь [20, с. 213—214].

Возможно, что эта угроза самому султану его испугала, но важнее другое. Прошло около 30 лет со времени возникновения исмаилитского государства. Несмотря на все усилия султана Мухаммеда и его частичные успехи в борьбе с исмаилитами, несмотря на

времена правления султана Санджара, истребить исмаилитов и уничтожить их государство сельджукским войскам так и не удалось. Султану Санджару пришлось мириться с фактом существования независимого исмаилитского государства. Изменение его политики в отношении исмаилитов явствует из ряда фактов. Как сказано выше, он дал им идрар в 3 тыс. динаров и право взимать пошлины с караванов, проходивших около Гирд-куха. Султан Санджар заключил мир с исмаилитами на трех условиях: исмаилиты не будут строить новых крепостей; не будут покупать оружия; не будут призывать людей принять их веру [61, с. 123]. Конечно, исмаилиты этих обязательств никогда не выполняли. (Год заключения договора в источниках не указан, но это произошло при жизни Хасана ибн Саббаха, следовательно, не позднее 1124 г. Тогда, видимо, не верна дата Ибн ал-Асира, и этот поход был предпринят на несколько лет раньше.) Султан прекратил военные действия против исмаилитов. По словам Джувейни, в течение его правления не было никого, кто бы стремился уничтожить крепости исмаилитов или их поселения [20, с. 217] Джувейни свидетельствует, что он сам видел в библиотеке Аламута (в 1256 г.) несколько фирманов султана Санджара, из которых он заключил, что султан потворствовал действиям исмаилитов и хотел быть с ними в мирных отношениях [20, с. 214].

Не слишком активную и в общем безуспешную борьбу с исмаилитами пытались вести султаны Иракского сельджукского султаната Махмуд (1118—1131) и Масуд (1133—1152), а также некоторые тюркские феодалы, действовавшие на собственный страх и риск.

С 20-х по 60-е годы внешняя политика государства исмаилитов развивалась по следующим основным направлениям: расширение территории государства путем завоевания феодальных крепостей и строительства новых укреплений; - открытая вооруженная борьба с войсками феодалов; индивидуальный террор против классовых, политических и религиозных врагов исмаилитского государства.

К сожалению, источники освещают эти вопросы недостаточно и несколько односторонне. Они более подробно сообщают о деятельности исмаилитов на севере Ирана и дают лишь отрывочную информацию об их борьбе в Кухистане и Сирии.

Захват крепостей

Важным направлением внешней политики исмаилитского государства являлось расширение подвластной ему территории, которое происходило путем захвата крепостей. С этого началось исмаилитское восстание в Иране в 80—90-е годы XI в. В XII в. приобретение крепостей, осуществляемое различными

методами, способствовало расширению и усилению власти независимого исмаилитского государства. Исмаилиты строили новые крепости, завоевывали крепости, принадлежащие феодалам. Иногда сельджукская администрация добровольно переходила на сторону исмаилитов и передавала им свои крепости или деревни. Во всех случаях овладение крепостью приводило к подчинению исмаилитам всей принадлежавшей крепости округи.

«Кийа Бузург Умид за время своего правления (1124—1138) взял [крепость] (из-за отсутствия диакритических знаков название не читается. — Л. С), а это место было крепкое, а народ его расторопный, а также взял Кесанабад и в вилайете Ашкавар [взял] Мар Келим, Джаколь и Такамаджан. В Ашкаваре было 12 тыс. воинов, он всех [их] освободил. Он послал рафиков в Талькан, чтобы его взяли и захватили скот и добычу» [61, с. 138]. Этот приказ был выполнен. Исмаилиты захватили Талькан. «В 521/1127 г. Кийа Нушад и Ханадж с рафиками были в Талькане и захватили Деж Мансуре и Кийю Нушада назначили кутвалом [правителем] крепости» [61, с. 139].

Одновременно исмаилиты строили и новые крепости.

«10 раби I 520 г. х. (5 апреля 1126) Кийа Бузург Умид велел построить крепости Меймундиз и Заджа-руд и деххода Абд ал-Мелика Фашанди в кутвалы того места назначил» [61, с. 138].

Крепость Меймундиз очень часто упоминается в истории исмаилитского государства. Однако вопрос о ее местоположении до сих пор окончательно не решен. В. А. Иванов считает, что «единственное возможное место (где мог находиться Мей-

мундиз.— Л. С.)—это Навизар-шах у Гарм-руда, в верхнем течении реки Аламут (около нынешней деревни Сефид-е дар. — Л. С.)» [244, с. 76]. Он уже писал, что и Джувейни и Рашид ад-дин строительство Меймундиза приписывают трем исмаилитским правителям: Хасану ибн Саббаху, Кийя Бузург Умиду и Ала ад-дину (1221 —1255), при котором эта крепость стала резиденцией исмаилитских правителей. К 520/1126 г. относится строительство крепости Саадат-кух.

Рассказ о строительстве крепости Мубарак-кух интересен тем, что он дает представление о том, каким путем расширялось исмаилитское государство. «В раджабе 536 г. х. (февраль 1142) рафики Аламута отправились в Дешт-е Дейлеман. [Они] сожгли Сиджан, и построили крепость (название не указано. — Л. С), и запасы [ее] пополнили, и Кийю Мухаммеда ибн Али Хосров Фирузкухи назначили на управление Саадат-кухом» (61. с. 147).

После успешного похода, владея двумя крепостями в этом районе, исмаилиты сразу же направили свой удар на Гурджистан ¹ и осадили его. «Дело гурджийцев стало трудным». Кроме того, среди осажденных не было единства. Какая-то часть

¹ Судя по контексту, также в Дешт-и Дейлемане, т. е. Нижнем Дейлеме.

140

из них предпочла борьбе переход на сторону исмаилитов. Во главе осажденных стояли два брата — эмир Тарасф ибн Меликшах Гурджани и его брат Гуршасф. Первый из них перешел на сторону исмаилитов, и ему была сохранена жизнь. А «дело Гуршасфа дошло до того, что и дуновения надежды не осталось». Позднее он был убит исмаилитами. Поход закончился тем, что «рафики построили крепость Мор-кух и назвали ее Мубарак-кух и также дали Кийе Мухаммеду ибн Али Ху-срау Фирузи (т. е. Фирузкухи. — Л. С). Рафики, как только дело гурджийцев окончили, ушли в Аламут» [61, с. 148].

Так за короткий срок исмаилиты, владея в Дешт-е Дейлемане крепостью Саадат-кух, построили еще одну (безымянную) крепость, развернули успешные военные действия, склонили на свою сторону одного из гурджийских правителей, построили крепость Мубарак-кух и ушли, поставив на управление старой и новой крепостями своего кутвала, принадлежавшего к роду Кийев, — Кийю Мухаммеда ибн Али Хосров Фирузкухи. Конечно, власть исмаилитского кутвала распространялась и на население окружавшего крепость района.

В месяце раби II 538 г. х. (13 октября—11 ноября 1143) была построена крепость Л ар, недалеко от Казвина [61, с. 154], а в месяце шаввале 541 г. х. (6 марта — 4 апреля 1147) Кийа Мухаммед ибн Кийа Бузург Умид прибыл в Дейлеман и построил крепость Алика [61, с. 155]. В мухарраме 544 г. х. (11 мая — 10 июня 1149) он же с войском отправился в сторону Талькана и занялся постройкой Деж Аржанг. Целый ряд крепостей лишь бегло упомянут в источниках. Так «16 раби II 545 г. х. (12 августа 1150) Мухаммед ибн Кийа Бузург Умид отправился в сторону Лирэ для изучения крепостей. Сперва он достиг крепости Дарбанд, в которой построили новое здание, а оттуда прибыл в Карим-деж, а оттуда — в Деж Мансурабад, а оттуда—в Сарбашам Кухур, а оттуда — в Деж Рей, и все вилайеты имел перед глазами» [61, с. 157].

Таким образом, в первую половину XII в. исмаилиты построили только на севере Ирана около 30 крепостей.

Исследователи исмаилитов Ирана неоднократно отмечали, что большинство крепостей, названия которых упоминаются в источниках, ныне не существуют или вообще не могут быть локализованы [243, с. 43]. Кроме того, внимание исследователей сосредоточено на тех крепостях, которые были связаны с деятельностью Хасана ибн Саббаха. Как мы показали выше, на территории Ирана их было около 16.

Исмаилиты строили крепости очень быстро. Так, крепость Лар, несмотря на все препятствия, чинимые ее строительству со стороны ярого врага исмаилитов вали Казвина Кутлуга Абе, была закончена в течение одной зимы. Деж Аржанг, которую начали возводить в мухарраме 544 г. х. (11 мая — 10 июня 1149) уже 4 сафара того же года (13 июня 1149) подверглась осаде

141

феодалов, следовательно, была готова или почти готова. Границы исмаилитского государства все ближе подходили к городам Рей и Казвин.

Исмаилиты уже и сами переходили в наступление и успешно осаждали и брали многолюдные и хорошо укрепленные феодальные крепости. Так, 20 джумада II 530 г. (26

марта 1136) исмаилиты подошли к подножию крепости (название не указано), кутвалом которой был Мелик-шах Вахсудануванд. С обеих сторон установили манджаники (каменеметательные машины). Положение жителей крепости стало трудным, и они запросили пощады. Исмаилиты крепость взяли и Хаджу Али Адиба Газневи назначили ее кутвалом [61, с. 143].

В 531/1136/37 г. исмаилиты были в Тароме и начали осаду г. Бирак, называемого также Каср ал-Бурдейн. Люди, бывшие в крепости города, воевали упорно. В конце концов исмаилиты крепость взяли, 500 человек убили, 50 человек захватили в плен, взяли большую добычу и много скота, а город разрушили [61, с. 143].

Все это свидетельствует о высоких боевых качествах войск исмаилитов. Для взятия крепости, которой управлял Мелик-шах Вахсудануванд, исмаилиты применяли манджаники. Напомним, что на грани XI—XII вв., в период выступлений в Сирии, исмаилиты были вооружены только ножами да кинжалами. Изменилась тактика исмаилитов: уже не тайное проникновение в крепость и вербовка сторонников среди ее защитников, а осада и штурм феодальных укреплений с применением военной техники.

Как ни приблизительны бывают цифры, сообщаемые источниками, все же по этим данным можно сделать кое-какие выводы. После взятия крепости г. Бирак исмаилиты убили 500 человек и 50 взяли в плен. Если считать, что только эти 550 человек были боеспособными защитниками крепости (что, конечно, сомнительно), то для победы и захвата крепости отряд исмаилитов должен был насчитывать не меньшее количество воинов. Следовательно, крепость г. Бирак осаждал отряд исмаилитов, состоявший минимум из 550 воинов. Практически их могло быть и намного больше.

Напомним, что в 1092 г. при осаде Аламута сельджукскими войсками, едва не закончившейся падением этой твердыни, у Хасана ибн Саббаха было лишь 70 человек, да на помощь пришел отряд лишь в 300 человек.

Взятие исмаилитами крепости Бирак было мелким эпизодом, отнюдь не являвшимся жизненно важным событием для исмаилитского государства. Однако сюда был послан отряд, который намного превышал все военные силы исмаилитов в 1092 г. Этот факт свидетельствует о росте и укреплении всего исмаилитского государства.

Усиление исмаилитского государства и расширение его тер-

142

ритории привели к тому, что резко различным стало отношение к нему феодальной знати. Одни становились союзниками исмаилитов и даже принимали их учение, другие заключали с ними лицемерные соглашения, третьи продолжали вести непримиримую борьбу.

К первой группе может быть отнесен эмир Салар Джуй. 20 рамазана 520 г. х. (9 октября 1126) он явился в Аламут и выразил покорность. Наиболее опытные дай, из числа тех, которых Кийа Бузург Умид привел с собой из Ламасара в Аламут, когда стал правителем, изложили эмиру Салар Джую свое учение. Ничего противоречащего исламу он в нем не усмотрел и заявил: «Вера пророка есть то, что эта группа [исмаилиты] имеет». Кийа Бузург Умид приказал, чтобы в Саадат-кух, который прежде называли Калэ-йе Джукух, эмир Салар Джуй построил крепость. С ним был заключен союз и соглашение, и «падишахство [в] Дешт-е Дейлемане ему вверили», и «от крепости Мурад до Аджама люди покорными и послушными ему были» [61, с. 139]. Таким образом, эмир Салар Джуй должен был построить исмаилитам крепость Саадат-кух и заявить, что их учение еретическим не является. Исмаилиты, со своей стороны, признали его власть над территорией, вероятно не входившей в состав их государства. Как долго этот союз сохранялся, неизвестно. Через 16 лет, крепость Саадат-кух была под управлением представителя рода Кийев.

Нижшая сельджукская администрация также порой принимала учение исмаилитов Аламута и поддерживала их.

В 531/1136/37 г. «раисы и кадхуды деревни Шейзар в рустаке Рейя, которые приняли проповедь [исмаилитов] и оказывали противодействие их врагам, прибыли в Аламут, и Деж Мансу-рабад, что в пределах рустака Рейя расположен, им дали» (61, с. 143—1441).

Не желая ссориться с исмаилитами, знать близлежащих к исмаилитским владениям областей передавала в их распоряжение отдельные крепости. Так, «23 мухаррама 534 г. (19 сентября 1139) эмир Намавар ибн Кей-Кавус был в Гиляне. И в месте, которое называют Сийагиль-руд, и в пункте, который называют Арнагэ, построил крепость и рафиков туда посадил» [61, с. 148], т. е. передал крепость исмаилитам.

Осторожная политика эмира Намавара ибн Кей-Кавуса помогла ему сохранить жизнь и свободу. Иная судьба постигла некоторых дейлемских феодалов, которые только собирались выступить против исмаилитов. В 534/1139/40 г. сын Халиля Сийавуш, и Хасудану-ванд, и Шахиншах Алави Казвини, племянник Халиля, а также Шарфанд, эмир Бисутуна и Ламасара, и эмир Мелик, сын Шамширзана, и Шакини. оба племянника Халиля [Мелика], договорились с людьми из Сарам дейлеманского рустака и задумали совершить в отношении исмаилитов предательство и вероломство. Один из них об этом донес. Исмаилиты их всех

143

схватили, доставили в Аламут и тщательно, поодиночке допросили. Все были вынуждены признаться. Их всех заковали в цепи и заключили в тюрьму (61, с. 148]. Из рассказа ясно видно, что среди этих шестерых феодалов был один тайный сторонник исмаилитов.

Наметить расположение некоторых исмаилитских крепостей в том или ином рустаке, близ одного или другого города можно только приблизительно, только в соответствии с текстом источника. Так, около Тарома, принадлежавшего исмаилитам, были взяты крепость Лашкэ и крепость Бирак. Близ Талекана, также находившегося под властью исмаилитов, была взята крепость Ламансур и заново построена крепость Аржанг. Около Рейя находилась какая-то крепость, расположенная столь высоко, что с нее был виден весь рустак Рейя. Там же была крепость Мансурабад. Около Казвина соорудили крепость Лар. Между Казвинном и Рейем находилась крепость Сарбашам Кухур. В Дешт-и Дейлемане была возведена Мубарак-кух. В области Ашкавар (около Лахнджана, в Восточном Гиляне) были созданы крепости Хасанабад, Мар Калим, Джаколь, еще одна неназванная крепость и крепость в Арнагэ. На территории исмаилитского государства в Рудбаре построили Меймундиз и где-то неподалеку — Заджа-руд и Алика. Очень трудно хотя бы приблизительно определить местонахождение крепостей Саадат-кух, Хурус, Карим, Дарбаид.

В этот период строительство крепостей шло непрерывно. Крепости строились на территории самого исмаилитского государства, а также около принадлежавших исмаилитам городов Таром и Талекана. Крепости воздвигались на территории, расположенной как бы веером вокруг Аламута: на юго-запад — к Казвину, на юго-восток — к Рейю, на восток — к Гилян. Исмаилитские крепости все ближе подходили к Казвину и Рейю. Так как, овладев крепостью, исмаилиты подчиняли своей власти жителей окрестной территории, то вместе с увеличением количества крепостей росла территория исмаилитского государства, численность его населения и экономические ресурсы.

Борьба исмаилитского государства с феодалами Дейлема

В первой половине XII в. военные столкновения между исмаилитским государством и войсками феодалов еще происходили, но довольно редко. Феодалы большей частью отводили свои войска до начала военных действий. Необходимо подчеркнуть, что их войска уже не представляли угрозы для существования исмаилитского государства или даже отдельной крепости. Столкновения обычно заканчивались захватом скота, грабежом, угоном в плен людей, убийством противников.

144

В 520/1126 г. исмаилиты обратили в бегство эмира Василя, вторгшегося в Дейлем. В том же году они разбили под Таль-каном Тимур Тугана и Йарнакаш Баздара. Последний вскоре взял реванш, обратив в бегство исмаилитский отряд. Несмотря на это, йарнакаш запросил мира, и между ним и исмаилитами установилась дружба, продолжавшаяся недолго. В 523/1128/29 г. султан Махмуд после неудач, постигших его войска в Рудбаре, также предложил исмаилитам мир. По его просьбе Кийа Бузург Умид направил в Исфahan для заключения мирного договора Хаджу Махмуда Насхи Шахрестани. Простые люди («рунуд-и авам») Исфahана Хаджу Махмуда убили. Султан принес извинения за убийство, но требование Кийа Бузург Умида о казни убийц отверг. Исмаилиты отомстили, совершив в 524/1129 и 525/1130/31 гг. нападение на округ Казвина, убили людей, захватили скот.

Йарнакаш Баздар, лишенный султаном Масудом икта, восстал против него, а своих детей, жен и имущество послал в исмаилитскую крепость Хурус, прося защиты. Кийа Бузург Умид согласился их принять и сказал: «Каждого, кто будет под нашей защитой, никогда его врагам не выдадим». Нельзя не отметить рыцарскую позицию

исмаилитов. Были у исмаилитов и сильные, непримиримые враги. Одним из них являлся Кутлуг Абе, вали Казвина, который «происходил из знати Ирака». Хотя в 40—50-х годах XII в. столкновения с казвинцами бывали частыми, казвинцы не стремились к штурму или долгой осаде исмаилитских крепостей, а исмаилиты не задавались целью взять Казвин. Менее активно исмаилиты воевали с вали Рейя. Безрезультатно закончился поход 1149 г. султанов Масуда и Мухаммед-шаха ибн Махмуда, заключивших военный союз для борьбы с исмаилитами.

Приведенные выше сообщения Рашид ад-дина [61, с. 138— 1591] дают возможность сделать ряд важных выводов. Исмаилитское государство на севере Ирана, выдержавшее сокрушительные удары феодальных войск в 1090—1120 гг., теперь стало крепким и незыблемым. Никто уже не помышлял о его уничтожении.

В этот период военные столкновения с феодалами, происходившие реже на территории исмаилитского государства, а чаще за его пределами, еще имели место. В отдельных случаях против исмаилитов выступали сельджукские султаны, чаще — представители сельджукской знати или местной администрации, главным образом это были вали городов Казвина и Рейя, находившиеся под постоянной угрозой исмаилитов. В огромном большинстве феодалы терпели поражения на поле боя, отступали с потерями или покидали исмаилитские территории до начала военных действий. Численность исмаилитских войск возросла до 500—1000 человек. У них появились манджаники.

Расширение и укрепление исмаилитского государства обу-

145

словили тот факт, что феодалы изменили свое отношение к исмаилитам. Представители иранской знати и даже Сельджуки стали искать союза с исмаилитами; иногда сельджукская знать просила убежища в исмаилитских владениях.

Отдельные представители иранской и сельджукской знати, сельджукской низшей администрации не только устанавливали дружеские отношения с исмаилитами, но и передавали в их распоряжение свои крепости. В отдельных случаях эти «союзники» по поручению исмаилитских властей осуществляли административные функции. Вынужденный союз с исмаилитами можно объяснить страхом феодалов перед исмаилитами и их возросшей силой.

Индивидуальный террор в борьбе против классовых, политических и религиозных врагов исмаилитского государства

Свыше восьми столетий, со времени первого крестового похода, исмаилитов Ирана и Сирии называли сектой убийц. Крестоносцы, впервые столкнувшись с исмаилитами в Сирии, видели в них неуловимых, таинственных убийц, умевших любым путем настичь намеченную жертву. ***Тогда же получила распространение легенда о том, что фидай осуществлял террористический акт в состоянии опьянения хашишем и что, исмаилиты Сирии и Ирана широко применяли этот наркотик.*** Арабское слово «хашашин» (курильщик хашиша) было видоизменено европейцами в «асассин» и вошло во многие европейские языки с единственным значением «убийца». Со второй половины XVIII в. и почти до наших дней в зарубежной историографии сохранялся взгляд на исмаилитов как на секту террористов, совершивших огромное количество страшных, бесчеловечных убийств. Лишь в 50-х годах XX в. американский ученый Хаджсон опубликовал историю исмаилитов, очищенную от всяких легенд. Он не отвергает, конечно, факта террористических актов, но классифицирует их (справедливая месть, помощь союзникам и т. д.). Хаджсон совершенно правильно подчеркивает, что политические убийства имели место задолго до исмаилитов (239, с. 31).

Политические убийства в истории любой династии — дело обычное. Путь к трону для его претендента шел по трупам предшественника и конкурентов. Убийства осуществлялись любым способом (удар мечом, отравление, удушение) и в любой обстановке (личные покои, дворец, баня и т. д.). Брат убивал брата, сын — отца, отец — сына. Убийство феодалом своего «брата по классу» никогда никого не волновало.

146

Индивидуальный террор исмаилитов, их смертоносные кинжалы были направлены исключительно на классовых врагов — халифов, султанов, вазиров, эмиров,

военачальников, высшее суннитское духовенство. Это были убийства представителей антагонистического класса феодалов, осуществлявшиеся людьми из народа. Поэтому рассказы об этих убийствах, возмущение ими, поток ругани в адрес убийц дошли до наших дней и все еще встречаются в трудах историков.

Общеизвестна полная бесперспективность попыток изменить общественно-политический строй при помощи индивидуального террора. Но практиковавшиеся исмаилитами индивидуальные убийства сеяли панику в рядах господствующего класса и устрашали отдельных его представителей. Следствием этого могли быть отмена военного похода против исмаилитского государства, попытки пойти на мир с ними, даже заключение соглашения и материальные (денежные) пожертвования, отказ от публичного поношения исмаилитов и т. п.

Каково было количество жертв исмаилитов? Кого, где, как и за что убивали? Кем были жертвы и кем—убийцы? Эти вопросы не ставились и не рассматривались.

Разрозненные сведения об убийствах, осуществленных исмаилитами, встречаются во многих источниках. Джувейни говорит о жертвах исмаилитов: «Перечень их был бы слишком утомительным». Исключительный интерес представляют приведенные Рашид ад-дином три поименных списка лиц, убитых исмаилитами в XI—XII вв. [61, с. 134—137, 144—145, 160—161].

Эти материалы были известны Э. Броуну по уникальной парижской рукописи Рашид ад-дина. Однако он назвал лишь самые видные фигуры и правильно подчеркнул, что все они относятся к знати [220, т. II, с. 207]. Публикация М. Т. Данеш-Па-жухом и М. Модарресси персидского текста исмаилитской части труда Рашид ад-дина сделала эти списки доступными для изучения [191, с. 138—141; 145, с. 298—300].

Нами предпринят анализ всех трех списков одновременно. Кроме того, несколько опережая изложение истории исмаилитского государства, мы приводим те сведения о террористических актах исмаилитов, которые не вошли в списки Рашид ад-дина, а выявлены из других источников и относятся уже к XIII в. Отметим, что здесь речь идет о жертвах индивидуального террора. Враги исмаилитов, убитые ими на поле боя, сюда не входят. Оставлены в стороне все сообщения источников о «массовых» убийствах в Исфахане, которые выше оценены как легендарные.

Списки Рашид ад-дина следующие: первый (61, с. 134—137; далее — спис. I) включает убитых при Хасане ибн Саббахе (1090—1124) — 49 человек; второй [61, с. 144—145; далее — спис. II] — убитых при Кийа Бузург Умиде (1124—1138) — 12 человек; третий [61, с. 160—161; далее — спис. III] — убитых

147

при Мухаммеде ибн Кийа Бузург Умиде (1138—1162) — 14 человек. Таким образом, за 72 года число жертв составляет 75 человек. В списках указаны имя и общественное положение жертвы, имя убийцы, иногда — имя и нисба убийцы или число лиц, совершивших убийство, место, месяц и год убийства, в единичных случаях — мотив убийства (иногда некоторые данные этого перечня отсутствуют).

Жертвами исмаилитов являлись исключительно представители господствующего класса. В списках поименно перечислены государи (халифы, султаны, падишахи), персидская и тюркская знать самых высших рангов (вазиры и сепаксалары), сельджукская администрация (шихне, вали, хакимы, раисы, мустоуфи), военачальники (эмиры), высшее суннитское духовенство (казии и муфтии), главы религиозных сект, данишменды (ученые), сейиды, а также несколько ренегатов, изменивших исмаилитам. При рассмотрении списков Рашид ад-дина убитые сгруппированы нами по их общественному положению в нарушение хронологической последовательности убийств.

Исмаилиты убили восемь государей. Это были фатимидский халиф и имам мусталитов Амр ибн Мустали (уб. в Египте в 524/1129/30 г.) (спис. II), аббасидские халифы Мустаршид би-л-лах [уб. 17 зу-л-када 529 г. х. (29 августа 1135)] [спис. II] и его сын Рашид [уб. в рамазане 532 г. х. (май—июнь 1138)] [спис. III]. Весь мусульманский мир был потрясен этими убийствами. Не исключено, что дерзкое убийство Мустаршида бил-л-лаха было выгодно сельджукской династии. Халиф Рашид был убит во время похода против исмаилитов, предпринятого им из мести за смерть отца. В 537/1142/43 г. были убиты: сельджукский султан Ирака Дауд, правнук Мелик-шаха [спис. III]; эмир Гур-шасф, падишах гурджийцев, упорно воевавший с исмаилитами [спис. III], и эмир Гордбазу ибн Али ибн Шахрийар, падишах Мазендерана (спис. III). К этой же группе могут быть причислены две жертвы исмаилитов из семей Атабеков: сын Атабека, бывший в это время вали

Дамаска (уб. в 524/1129/30 г.) [спис. II], и Аксонкор Ахмедиль, «отец Атабеков Мараги» (уб. в 527/1132/33). [спис. I].

Заключенным врагом исаилитов был знаменитый вазир Низам ал-Мульк. Еще в 80-е годы XI в. он начал преследования исаилитов и пал их первой жертвой (уб. в 485/1092 г.) [спис. I]. Два его сына, Ахмед [спис. I], вазир султана Баркйарука, и Фахр ал-Мульк [спис. I], вазир султана Санджара, мстившие исаилитам за смерть отца, были убиты в 499/1105/106 и 505/1111/12 гг. В раджабе 490 г. х. (июнь—июль 1097) был убит еще один вазир султана Баркйарука — Абу л-Фатх, дарда-не Дехестана [спис. I]. Вазир Семирами [спис. I] был уничтожен исаилитами в 555/1121/22 г. за то, что «гробницу эмира правоверных (т. е. Али. — Л. С.) разграбил». Таким образом, шесть вазиров были убиты исаилитами.

148

Из тюркской военной знати исаилитами были убиты: эмир Сарзан (палач) Мслик-шахов, бывший при Мелик-шахе великим сепасаларом [спис. I] [уб. в шаввале 490 г. х. (август—сентябрь 1097)]; эмиры-сеиахдары Мелик-шахов: Аргуш (уб. в 488/1095 г.) [спис. I]; Анар (уб. в 489/1095/96 г.) [спис. 1]; Бурсак, шихнэ Хорасана (уб. в 488/1095 г.) [спис. I]; Куджомиш, который был заместителем Аргуша и его зятем (уб. в 487/1094 г.) [спис. I]; Ахмедил Курди, молочный брат султана Мухаммеда ибн Мелик-шаха (уб. в 510/1116/17 г.) [спис. I]; Анар, эмир Хорасана [уб. в шаввале 515 г. х. (декабрь 1121 — январь 1122)] [спис. I]. Кроме этих семи человек было убито еще много эмиров, должности которых не всегда указаны.

Исаилиты убили пятерых вали (наместников областей): Санкардже, вали Дехестана (уб. в 491/1097/98 г.) [спис. II]; Тогрул Махали, вали Дамгана (год не указан) [сиис. I], и упомянутый выше сын Атабека, вали Дамаска (уб. в 524/1129/30) [спис. II].

Исаилитами было уничтожено пять раисов (градоначальников). В их числе: Абу л-Хасан, раис Бейхака, «который поехал в окрестности Меймундежа» (год не указан) [спис. II], и еще один раис Бейхака — Абу л-Касим Исфизари, имевший титул «Султан мира» [уб. в шаввале 495 г. х. (июль—август 1102)] [спис. I]; Абу Муслим, раис Рейя (уб. в 483/1095 г.) [спис. I]; Сеййид Даулетшах Алави, раис Исфахана [уб. в джумада II 528 г. (март—апрель 1134)] [спис. II], и раис Тебриза [уб. в зу-л-хиджже 528 г. х. (сентябрь—октябрь 1134)] [спис. II].

Абу Амид, мустоуфи Рейя (уб. в 492/1098/99 г.) [спис. I].

Из числа высшего мусульманского духовенства исаилитами было убито пять муфтиев и пять казиев: в 492/1098/99 г. — муфтий Рейя [спис. I] и муфтий Кереджа Казвинского [спис. I]; в 495/1101/02 г. — муфтий Исфахана [спис. 1]; в 494/1099/100 г. — муфтий Джурджана [спис. I]; в зу-л-хиджже 529 г. (сентябрь-октябрь 1135) [спис. II] — муфтий Казвина.

Поплатились жизнью четыре казия, по фетвам которых была пролита кровь исаилитов. Это были: Искандер Суфи Казвина [уб. в шаабане 491 или 490 г. х. (июль—август 1098 или июль—август 1097)] [спис. I]; казн Кухистана [уб. в рамазане 532 г. (май—июнь 1138)] [спис. III]; казн Тифлиса (год не указан) [спис. III]; казн Хамадана (уб. в 534/1139/40 г.) [спис. III]. Ктой же группе казиев следует отнести Абу Сайида Хереви (гератского), «казня Востока и Запада», прибывшего послом от абба-сидского халифа к султану Санджару [уб. в шаабане 526 г. х. (июнь—июль 1132)] [спис. II].

Жертвами исаилитов были также и важнейшие религиозные противники: сунниты всех толков, умеренные шииты и после раскола 1094 г. в фатимидском Египте — противники Низара.

Законную ненависть исаилитов Ирана вызвал Афзаль ад-дин (главнокомандующий Фатимидов), главный виновник того,

149

что Низар, сын халифа Мустансира (с точки зрения исаилитов Ирана, единственный законный имам), был лишен престола и убит. Исаилиты убили Афзаль ад-дина в Каире в рамазане 515 г. х. (ноябрь—декабрь 1121) [спис. I].

Из числа суннитов разных толков были убиты четыре человека: Абд ал-Латиф Худженди, глава шафиитов Исфахана (год не указан) [спис. I]; Махамшад, предводитель керраимийцев Нишапура (уб. в 496/1102/03 г.) [спис. I]; казн Абдаллах Исфа-хани, предводитель мешхедцев [уб. в сафаре 493 г. (декабрь 1099 — январь 1100)] [спис. I]; Себак-е Джурджани (данишменд), который об Али «непристойно отозвался» [уб. в джумада II 513 г. х. (сентябрь—октябрь 1119)] [спис. I]. Деятельность умеренных шиитов, которые вели пропаганду имамата в районах, расположенных в непосредственной

близости от владений исмаилитов, вызвала резкое сопротивление последних. Так, 23 раджаба 490 г. х. (6 июля 1097) ими был убит Хади Кийа Алави, который в Гиляне «вел проповедь имамата» (спис. I]. Сложными и трудными были отношения исмаилитов с зейдит-ским имамом Сеййидом Абу Хашимом Зейди [спис. II]. Он отклонил предложения исмаилитов выслушать их религиозные возражения и выступил против во главе своего войска. Он был убит в месяце джумада II 526 г. х. (апрель—май 1132).

Исмаилиты уничтожили трех ренегатов, сперва принявших исмаилизм, а затем отрекшихся от него. Первым из них был Сарлебари Фармати [спис. I]. Он бежал из Аламута в Казвин и был убит в 492/1098/99 г. [спис. I]. Вторым — праведный Са-ла-йи Джамшид, который был дай, а потом отрекся. Его убили в месяце джумада II 526 г. х. (апрель—май 1132) [спис. II]. Третьим — Иамин ад-Доуле Хорезмшах (к династии Хорезмша-хов отношения не имеет). Он «проповедовал мазхаб исмаилитов», а позднее осаждал исмаилитские замки вместе с войсками сельджуков. Он был казнен в месяце джумада I 534 г. (декабрь 1139 — январь 1140) [спис. III].

Султан Санджар, заключивший мир с исмаилитами, порой пользовался ими для уничтожения своих врагов. Так, «по его указанию» в 541/1146/47 г. был убит в Багдаде Аббас, вали Рейя, и «голову его в Хорасан послали» [спис. III]. Другой враг султана, его гулям Аксонкор, вали Туршиза, поднявший против него мятеж, также был убит исмаилитами (год не указан) [спис. III]. Однако услуги, оказываемые союзнику, не помешали исмаилитам убить нескольких его приближенных, вероятно, из числа тех лиц, которые не одобряли проводимую Санджаром дружественную в отношении исмаилитов политику. В месяце раби I 528 г. х. (январь 1134) исмаилиты убили Мухтаскаши, вазира султана, и еще нескольких эмиров [спис. II]. Все эти лица были убиты исмаилитами на протяжении 72 лет.

Анализ списков приводит нас к следующим важным выводам. Первый: социальный состав исмаилитских жертв всегда

150

был неизменным. Все убитые без исключения являются представителями господствующего класса, относятся к военной и чиновной знати, как тюркской, так и персидской, высшему мусульманскому духовенству, а также к руководителям суннитов разных толков и умеренным шиитам. Второй: причиной убийств в подавляющем большинстве случаев являлась месть за пролитую кровь исмаилитов или активную, часто вооруженную борьбу с исмаилитами, а также ренегатство (три человека). Лишь в двух случаях убийства были совершены в интересах султана Санджара.

В разные годы количество убитых было неодинаковым. Наибольшее число жертв падает на годы: 488/1095 — 3 убийства, 489/1095/96—1 убийство, 490/1096/97—5 убийств, 491/1097/98—4 убийства, 492/1098/99 — 6 убийств, 493/1099/100 — 3 убийства. Таким образом, за 5 лет жертвами исмаилитов явились 22 человека. Это почти половина всех лиц, убитых за остальные 29 лет правления Хасана ибн Саббаха.

Последнее десятилетие XI в. было временем исмаилитских восстаний, напряженной вооруженной борьбы с Сельджуками, когда порой судьба исмаилитского государства висела на волоске. Именно в это время исмаилиты стали применять индивидуальный террор против крупнейших представителей феодальной знати. Если первоначально исмаилитами руководило только чувство мести за убитых врагами единоверцев, то они очень быстро поняли, какой большой политический эффект оказывали организованные ими убийства (или лишь угроза убийства); они стали осуществлять свои террористические акты почти всегда публично, при большом стечении народа, громко оповещая, что убийство осуществлено именно ими.

В течение последующих 5 лет (494/1101/02—500/1106/07) количество исмаилитских жертв резко падает и составляет всего шесть человек. В последние 15 лет правления Хасана ибн Саббаха (500/1106/07—515/1121/22) убийства, осуществляемые исмаилитами, становятся спорадическими и составляют всего шесть человек.

Однако эти первые два десятка жертв, убитых в течение 5 лет, и создали исмаилитам репутацию кровавых убийц, которая продержалась за ними почти целое тысячелетие.

При Кийа Бузург Умиде за 14 лет было убито 12 человек, в среднем по одному в год. Но все эти убийства были осуществлены в 524/1129/30—529/1134/35 гг., т. е. в течение 5 лет. Крупнейшей фигурой из числа убитых был аббасидский халиф Мустаршид би-л-лах.

Правление Мухаммеда ибн Кийа Бузург Умида характеризуется значительным сокращением числа жертв исмаилитского террора. За 24 года было убито 14 человек. 11

убийств было совершено в 532/1137/38—541/1146/47 г., т. е. за 9 лет. С 541/1146/47 по 555/1160, т. е. за 14 лет, был убит один чело-

151

век. Можно сказать, что убийства феодалов почти прекратились. Это следует объяснить той внутренней борьбой, которая связана с деятельностью Хасана ала-зикри-хи-с-саляма (1162—1166).

Таким образом, даже абсолютное число исмаилитских жертв не так уж велико. Оно значительно меньше числа людей, убитых исмаилитами в открытом бою с феодальными войсками. Эта форма классовой, политической и религиозной борьбы, поначалу довольно широко применявшаяся исмаилитами, к концу данного периода значительно сокращается и почти сходит на нет.

«География» убийств широка. Убийства были совершены исмаилитами во многих городах: Амуйль, Рей, Мерв, Серахс, Нишапур, Мерага, Тебрнз, Исфакан, Хамадан; в провинциях Хорезм, Керман, Табаристан, Джурджан; за пределами Ирана — в Багдаде, Мосуле, Тифлисе, Каире и в городах Сирии.

Очень важным является вопрос о том, кто же осуществлял убийства; к каким общественным группам принадлежали фидаи. По нисбам фидаев в большинстве указанных случаев можно установить место их рождения. Это провинции: Хорасан (2 человека), Хорезм (3), Кухистан (4), Керман (1), Дейлем (1); сельские районы: Демавенд (7) и Дехестан (3); города: Казвин (2), Дамган (6), Каир (1), Серахс (1), Хабушан (Кучан) (1 человек).

В редких случаях в списках указана профессия убийцы. Так, трижды упомянут шорник — «саррадж» (Хасан Саррадж) и дважды Хусейн Саррадж; два раза охотник «сайяд» (одно лицо: .Мухаммед Сайяд) и один раз «гулями руси» (русский раб).

Люди, родившиеся в городе, предположительно могут быть отнесены к ремесленникам или городской бедноте. Людей, родившихся в провинции или сельской местности, всего вероятнее считать крестьянами.

Списки Рашид ад-дина убедительно свидетельствуют о том, что среди фидаев было много крестьян и ремесленников и что их принадлежность к этим общественным группам оставалась неизменной в течение всего рассматриваемого периода.

В 75 убийствах приняло участие не менее 118 человек (в 12 случаях число покушавшихся не указано). Чаще всего убийство совершал один человек (в 46 случаях), а также два, три, четыре человека, очень редко — семь или десять. Обычно фидаев убивали на месте или некоторое время спустя подвергали мучительной казни — сожжению заживо, распятию и т. д.

Убийства совершались исмаилитами и втайне. Порой фидаям удавалось ускользнуть, сохранить свою жизнь и участвовать в новом покушении. Так, Хасан Саррадж в 493/1099/100 г. убил казиза Кермана, а в 513/1119/20 г. — Себака-и Джурджани, да-нишменда Джурджана. Абд ал-Мелик Рази убил в мечети Ни-

152

шапура в 496/1102/03 г. Махамшада, предводителя керрабийцев, а в 510/1116/17 г. — Ахмедия, молочного брата султана Мухаммеда.

В течение столетий в литературе господствовало мнение, что федай, являясь жертвой фанатизма и железной дисциплины, принужден был жертвовать жизнью по злой воле «горного, старца».

Сообщения Рашид ад-дина опровергают это утверждение. Убийство Низам ал-Мулька, первой жертвы исмаилитов, было совершено добровольцем. Намечали жертву правящие круги исмаилитов. В подготовку покушения был втянут ряд лиц — как из числа исмаилитов, так и из тайных союзников в стане врага. Когда убийство совершалось, оно становилось широко известным в государстве исмаилитов. Более того, успешное выполнение убийства и благополучное возвращение фидая в Аламут отмечались семидневными народными празднествами. Так происходило после убийства эмира Афзалья, халифа Мустаршида и халифа ар-Рашида. Во всех этих случаях фидаям, совершившим убийство, оказывали в Аламуте всяческие почести (61, с. 133, 142, 147]. И эта традиция сохранялась в исмаилитском государстве в течение долгого времени

По словам Исфизари, приведенным д'Оссоном [282, т. 111, с. 201], матери фидаев радовались вести о смерти сына, погибшего, но успешно осуществившего убийство. и бурно проявляли свое горе, если сын возвращался живым и невредимым, но не исполнил

своего долга. Публичные чествования и всенародный почет, который оказывали фидая, имели целью подчеркнуть, что он выполнил тяжелое и трудное поручение в интересах своего государства, имама и мазхаба. Подобная награда, а в еще большей степени убеждение в правоте своего дела и являлись причиной того, что фидай добровольно шел на осуществление террористического акта против своего политического, классового и религиозного врага. «Энтузиазм террористов-фидаяев,— пишет И. П. Петрушевский, — возбуждался также классовой ненавистью сыновей крестьян и ремесленников к монархам и людям знатным и богатым» [145, с. 298].

К убийствам исмаилиты готовились долго и тщательно, ожидая порой месяцы и годы удобного момента для уничтожения намеченной жертвы. Фидай умел принять любую личину — чтеца Корана, слуги, воина, купца, — для того чтобы проникнуть в ближайшее окружение своей жертвы. Такое тайное пребывание под чужим обликом, естественно, требовало от фидая огромной выдержки и самообладания. И преждевременное разоблачение, и осуществление убийства грозили ему неминуемой и мучительной смертью. Подобные действия осуществлять по принуждению, под давлением «железной дисциплины», конечно, невозможно. Только человек, убежденный в правоте своего дела, фидай, что в переводе с арабского языка означает «человек,

153

готовый к самопожертвованию», мог пойти на это. И фидай шли на огромный риск и даже не по одному разу.

Широко известен рассказ Марко Поло об исмаилитах Аламута. Хотя он относится к концу XIII в., но, поскольку это единственное сообщение о способах применения хашиша для подготовки фидая, мы приводим его полностью.

«Старец по-ихнему называется Ала-один (Ала ад-дин, 1224—1255.— Л. С). Развел он большой, отличный сад в долине, между двух гор, такого и не видано было. Были там самые лучшие в свете плоды. Настроил он там самых лучших домов, самых красивых дворцов, таких и не видано было прежде; они были золоченые и самыми лучшими в свете вещами раскрашены. Провел он там каналы, в одних было вино, в других — молоко, а в третьих — мед, а в иных — вода. Самые красивые в свете жены и девы были тут; умели они играть на всех инструментах, петь, плясать лучше других жен.

Сад этот, толковал старец своим людям, есть рай. Развел он его точно таким, как Мухаммед описывал сарацинам рай: кто в рай попадет, у того будет столько красивых жен, сколько пожелает, и найдет он там реки вина и молока, меда и воды. Поэтому-то старец развел сад точно так, как Мухаммед описывал рай сарацинам; и тамошние сарацины верили, что этот сад — рай. Входил в него только тот, кто пожелал сделаться асасином. При входе в сад стояла неприступная крепость, никто в свете не мог овладеть ею, а другого входа туда не было.

Содержал старец при своем дворе всех тамошних юношей от двенадцати до двадцати лет. Были они как бы стражею и знали понаслышке, что Мухаммед,¹ их пророк, описывал рай точно так, как я вам рассказывал. И что еще вам сказать? Приказывал старец вводить в этот рай юношей, смотря по своему желанию, по четыре, по десяти, по двадцати, и вот как: сперва их напоят, сонными брали и вводили в сад; там их будили.

Проснется юноша и, как увидит все то, что я вам описывал, поистине уверует, что находится в раю, а жены и девы весь день с ним: играют, поют, забавляют его, всякое его желание исполняют; все что захочет у него есть, и не вышел бы оттуда по своей воле. Двор свой горный старец держит отлично, богато, живет прекрасно; простых горцев уверяет, что он пророк, и они этому поистине верят.

Захочет старец послать куда-нибудь кого из своих убить кого-нибудь, приказывает он напоить столько юношей, сколько пожелает; когда же они заснут, приказывает перенести их в свой дворец. Проснутся юноши во дворце, изумляются, но не радуются, оттого что из рая по своей воле они никогда не вышли бы. Идут они к старцу и, почитая его за пророка, смиренно ему кланяются; а старец их спрашивает, откуда они пришли. Из рая, отвечают юноши и описывают все, что там, словно

154

как в раю, о котором их предкам говорил Мухаммед, а те, кто не был там, слышат все это, и им в рай хочется; готовы они и на смерть, лишь бы только попасть в рай; не дождутся дня, чтобы идти туда. Захочет старец убить кого-либо из важных, прикажет испытать и выбрать самых лучших из своих асасинов; посылает он многих из них в недалекие страны с приказом убивать людей; они идут и приказ его исполняют; кто останется цел,

тот возвращается ко дворцу; случалось, что после смертоубийства они попадают в плен и сами убиваются.

Вернутся к своему повелителю те, что спаслись, и рассказывают в точности, как дело сделали; а старец устраивает пир да веселье великое, смельчаков он хорошо знает: за каждым из посланных он отряжает особых людей, и они ему доносят, кто силен и ловок в душегубстве. Захочет старец убить кого-либо из важных или вообще кого-нибудь, выберет он из своих асасинов и, куда пожелает, туда и пошлет его. А ему говорит, что хочет послать его в рай и шел бы он поэтому туда-то и убил бы таких-то, а как сам будет убит, то тотчас же попадет в рай. Кому старец так прикажет, охотно делал все что мог; шел и исполнял все, что старец ему приказывал. Кого горный старец порешил убить, тому не спастись. Скажу вам по правде, много царей и баронов из страха платили старцу дань и были с ним в дружбе» (57, с. 70—72).

В рассказе Марко Поло совпадает с сообщением Рашида ад-дина и соответствует действительности только следующее: исмаилиты, как и в XI—XII вв., убивали только «важных», т. е. представителей феодальной знати; удачное покушение становилось общеизвестным в исмаилитском государстве и отмечалось «пиром да весельем великим»; фидай после совершенного им убийства мог спастись; жертва намечалась главой государства (Ала ад-дином); фидай, получив задание убить кого-либо, «охотно делал все что мог». Конечно, весь рассказ о «рае», полностью соответствующем раю, описанному Мухаммедом, является фантастикой.

Очень важно отметить, что в этом единственном рассказе о способе и цели применения хашиша последний использовался отнюдь не для вызывания у фидая сладких грез, а лишь как снотворное, необходимое для усыпления фидая дважды: для перенесения его в «рай», а затем из «рая» во дворец правителя. Таким образом, легенда о том, что благодаря «железной дисциплине» и ради блаженных грез, вызываемых хашишем, фидай отправлялся на убийство, не упоминается даже в этом рассказе. **Рассказы фидаев о «рае», используемые в целях «пропаганды» и возбуждения любопытства, конечно, не могли вызвать желания исмаилитской молодежи идти в чужие края рисковать, а вернее, жертвовать жизнью. Не в результате обмана, или категорического приказа, или возбужденного любопытства шли фидаи почти на верную смерть, а добровольно,**

зная, на что они идут, веря, что намеченное убийство необходимо в интересах государства и имама. Наградой за выполнение тяжелого и трудного поручения являлись не райские гурии, а всенародный почет.

Списки Рашид ад-дина заканчиваются 555/1160 г. и завершают изложение истории правления Мухаммеда ибн Кийа Бузург Умида. Все ли убийства, совершенные исмаилитами Аламута, учтены Рашид ад-дином? Уверенности в этом нет. Однако из других источников нам известны лишь два убийства. По Ибн ал-Асиру, 22 раджаба 495 г. х. (12 мая 1102) три перса-батинита убили в мечети в Хомсе владетеля этого города Дженах ад-доуле (24, т. X, с. 237).

11 мухаррама 502 г. х. (21 августа 1108) в мечети Амуля был убит знаменитый ученый Абд ал-Вахид ар-Руайнн, носивший почетное прозвище Абу л-Махасин («Отец прекрасных свойств или качеств»). Ревностный шафиит, он был очень популярен и пользовался большим уважением. По словам историка XIV в. Закарийи Казвини. убийцы были подосланы сектой батинитов (исмаилитов), обличение которых было начато впервые Абу л-Махасином (130, с. 70—84).

Какую же роль играл индивидуальный террор в дальнейшем, в течение еще почти столетнего существования исмаилитского государства (1160—1256)?

В самых различных источниках все реже встречаются конкретные сведения об убийствах, совершенных иранскими исмаилитами². Во время пребывания у власти в исмаилитском государстве феодальной группировки (правление Джелаль ад-дина; 1210—1224), отказавшейся от исмаилизма и всех старых идеалов рядовых исмаилитов, нам известны лишь два террористических акта [20, с. 121], совершенных в 614 г. х. (весна—лето 1217) в интересах и по просьбе багдадского халифа ан-Насира. В одном случае фидай ошиблись и вместо правителя Мекки убили его брата. Второй жертвой был Игалмыш, бывший на службе у Хорезм шаха Мухаммеда.

Даже с приходом к власти народной группировки (правление Ала ад-дина), восстановившей исмаилизм, старые традиции и убийства исмаилитами их врагов стали крайне редки. Мы знаем лишь несколько случаев. Так, в 618/1221/22 г. был убит давний

враг исмаилитов правитель Систана Йамин ад-дин Бахрамшах [23, т. II, с. 196]. В 624/1226/27 г. только после безре-

² Мы не рассматриваем здесь убийства, совершенные исмаилитами Сирии в тот период, когда они под руководством главного сирийского шейха Рашид ад-дина Синана (1162—Р.92) стали совершенно независимы от правителей Аламута. Именно к этому времени относятся двукратные попытки покушения на султана Салах ад-дина (1171—1193). После заключения соглашения между Синаном и султаном, возможно, в интересах последнего исмаилитами было совершено столь напугавшее крестоносцев убийство их вождя маркиза Конрада Монферратского в г. Тирс в 1192 г. [267, с. 97—124; там же сноски на источники и литературу].

156

зультатной попытки мирным путем разрешить спорный вопрос исмаилиты убили Урхана, дядю Хорезмшаха Джелаль ад-дина (53, с. 132-133).

Во второй половине XIII в. в Багдаде было совершено покушение на историка Джувейни, который не только сжег библиотеку Аламута, но в своем труде проявлял резкую враждебность к исмаилитам. Он был тяжело ранен (167, с. 151).

Мы не претендуем на полноту сведений. Отметим, что и для этих лет социальный состав убитых остается неизменным: все они принадлежат к феодальной знати; в трех случаях (включая ранение Джувейни) убитые являлись яркими врагами исмаилитов и были уничтожены из мести.

Два убийства, совершенные при Джелаль ад-дине по просьбе его покровителя халифа ан-Насира, вообще должны рассматриваться особо. Джелаль ад-дин в своем угодничестве перед феодалами не только участвовал в их усобицах, но и предоставил в их распоряжение кинжалы исмаилитов. Халиф ан-Насир, ненавидевший исмаилитов как еретиков (до возвращения Джелаль ад-дина в лоно ислама), оказался совершенно беспринципным и не постеснялся использовать фидаев против своих личных врагов. (Навсегда останется невыясненным, случайно или сознательно исмаилиты убили не того, кого им поручили.)

«География» убийств по-прежнему широка. Убийства совершены в Мекке, Гандже, Багдаде, Хорезме, Систане.

Итак, за 89 лет было убито четыре человека. Можно сделать вывод, что террористическая деятельность исмаилитов была фактически прекращена. Видимо, поэтому Рашид ад-дин, известный своей достоверностью и точностью, ограничил списки убитых 1160 г.

На протяжении всей истории существования своего государства в отношении классовых, политических и религиозных противников исмаилиты применяли также запугивание и подкуп. Так, кинжал, воткнутый у изголовья в опочивальне султана Санджара, явился одной из немаловажных причин, заставивших его заключить мир с исмаилитами. Любопытный рассказ приводит Рашид ад-дин.

При Кийа Мухаммед ибн Хасане (1166—1210) в Рейе жил имам, точнее, не имам, а настоятель мечети, Фахр ад-дин Рази. Он читал лекции студентам, славился своим красноречием и обладал умением приводить доводы и аргументы как за, так и против по любому вопросу. Так как его заподозрили в еретической проповеди, он поднялся на минбар и предал исмаилитов проклятию. Когда весть об этом дошла до Кийа Мухаммед ибн Хасана, он направил к Фахр ад-дину фидая с целью или пригласить его в Аламут и привлечь на свою сторону, или припугнуть его и взять с него клятву не проклинать исмаилитов. Этот фидай пришел к Фахр ад-дину в Рей якобы затем, чтобы у не-

157

го учиться, и в течение семи месяцев выжидал удобного момента для выполнения поручения.

Однажды в предполуденное время Фахр ад-дин сидел в своей ханаке, погрузившись в размышления, а его слуга ушел в дом за пищей. Фидай, узнав у слуги, что имам один, и сказав, что идет к нему за разрешением неясных вопросов, вошел в ханаку и накрепко закрыл за собой дверь. Затем он вынул нож и замахнулся на имама. Фахр ад-дин вскочил и спросил: «О человек, чего ты хочешь?» Фидай ответил: «Хочу живот маулань рассечь от груди до пупа. Зачем с минбара нас проклинаешь?»

Имам вскочил на ноги, а фидай с обнаженным ножом бросился за ним. Имам от ужаса и смятения за что-то зацепился ногой и упал. Фидай его схватил, бросил на землю и сел ему на грудь. Фахр ад-дин запросил пощады: «Раскаиваюсь! Клятву даю не проклинать исмаилитов!» Фидай быстро встал, поклонился имаму и сказал: «Не бойся и оставайся в безопасности. От хэзрата (т. е. Мухаммеда ибн Хасана.— Л. С.) повеления

тебя убить не было. А если бы было, мгновенно тебя бы убил».

Фидай передал Фахр ад-дину 365 золотых динаров и заверил его в том, что впредь он будет ежегодно получать такую сумму в качестве вазифе (содержания, жалованья).

Некоторое время спустя один из учеников спросил Фахр ад-дина: «Маулана, ты всегда говорил об исмаилитах: „Да проклянет их Аллах“, а теперь не говоришь. В чем причина?» Фахр ад-дин ответил: «О друг, они имеют неоспоримые аргументы. Неразумно их проклинать». В течение 45 лет, до самой смерти в шаввале 606 г. х. (март—апрель 1210), Фахр ад-дин получал от исмаилитов свою вазифе [61, с. 170—173]. Столь яркую картину не часто можно встретить в источниках.

На протяжении всей истории исмаилитского государства жертвами исмаилитов были исключительно представители феодальной знати (как персы, так и турки), сельджукской администрации, мусульманского духовенства — суннитов различных толков и умеренных шиитов.

Причинами убийств явились главным образом месть за пролитую кровь исмаилитов, руководство военными действиями против исмаилитского государства, а также наказание ренегатов и в очень редких случаях — помощь союзникам.

Репутация убийц, которые неминуемо настигнут намеченную жертву, была выгодна исмаилитам. Наряду с убийствами, они применяли угрозы, запугивания и подкуп своих врагов.

Индивидуальный террор (практиковавшийся и до и после исмаилитов) следует рассматривать как одну из форм классовой борьбы, применявшуюся исмаилитами против представителей господствующего класса.

Внутриполитическое положение исмаилитского государства

Внутреннее положение исмаилитского государства характеризуется установлением наследственной монархии Кийа Бузург Умида и его потомков, которая сохранится до конца существования этого государства; выдвижением Кийев на важнейшие военные и административные должности; проникновением в правящие круги исмаилитов тюркских феодалов, сельджукской администрации и местных иранских феодалов; появлением резкой имущественной дифференциации в исмаилитском обществе, вызвавшей глубокое недовольство среди рядовых исмаилитов.

Вскоре после смерти Хасана ибн Саббах правителем Аламутского государства стал Кийа Бузург Умид (1124—1138). Первое упоминание о Кийа Бузург Умиде в «Саргузашт-и Саййид-на» относится ко времени захвата исмаилитами крепости Ламасар —20 зу-л-када 489 г. х. (10 ноября 1096). Он возглавил эту операцию.

Крепость Ламасар досталась исмаилитам в разрушенном виде. На вершине скалы было несколько развалившихся домов, поблизости ни воды, ни зеленых насаждений не было [61, с. 116]. Как давно существовало здесь поселение? Ответ может быть дан только в результате археологических раскопок, которые еще никем не проводились. Последнее по времени обследование и описание Ламасара принадлежат В. А. Иванову, который был в нем в 1957 и 1958 гг. [244, с. 60—74).

Хасан ибн Саббах эту крепость препоручил Кийа Бузург Умиду, и он в течение 20 лет жил в ней до тех пор, пока Хасан ибн Саббах не позвал его перед своей смертью в Аламут [61, с. 115—116].

Двадцатилетнее пребывание Кийа Бузург Умида в Ламасаре следует считать временем застройки этой крепости. Ламасар расположен на террасах отдельно стоящей скалы, круглой в основании, с вершиной, несколько сдвинутой к северу. Упорная борьба с монголами в 1256—1257 гг. и прошедшие после этого семь столетий причинили огромные разрушения всем постройкам. По описанию В. А. Иванова, до наших дней здесь сохранились южные ворота; арка высотой 1,7 м и шириной 0,65 м; небольшая комната с примыкающей к ней полубашней, опирающейся на естественную скалу; соединенные каналом резервуары для дождевой воды; на крутом склоне около 100 м высотой находятся остатки жилого квартала, видимо, местопребывания «командных и административных глав крепости».

Наибольший интерес представляют две комнаты со сводом и примыкающим к ним рядом задних комнат (длиной около 15 м). Первая комната построена из гранитных нетесаных и нецементированных плит шириной 2,2 м, длиной 6 м и высотой 3,2 м. В ней есть окно высотой 1,4 м. В. А. Иванов счи-

тает, что это комната Кийа Бузург Умида. Соседняя комната таких же размеров.

Выше по склону скалы уступами располагались дома, причем крыша нижнего дома служила верандой для верхнего. Вероятно, подобная группа зданий окружала верх скалы около северных ворот. По периметру скалы располагалось несколько невысоких сигнально-сторожевых башен. У высшей точки находились северные ворота. По восточной стороне скалы шла непрерывная линия стен. С севера и запада крепость была неприступна из-за крутых склонов.

На скале расположены резервуары, наполнявшиеся водой из р. Нин-руд по искусственному каналу длиной около 15—16 км. Вода в них могла сохраняться в течение долгого времени. У подножия крепости находилось водоподъемное колесо [244, с. 64—74]. Вот и все, что сохранилось от крепости Ламасар.

Конечно, нет возможности не только установить время строительства того или иного здания, но даже представить с уверенностью его местоположение, размеры, план. Все же изучение этих руин представляет значительный интерес.

На ламасарской скале не было монументальных зданий, дворца правителя, который по своим размерам отличался бы от окружавших его построек. А это уже говорит о том, что за время своего двадцатилетнего пребывания в Ламасаре Кийа Бузург Умид жил в тех же условиях, что и простые исмаилиты.

«Кийа Бузург Умид, — писал В. А. Иванов, — память о котором еще жива в Рудбаре, был крестьянином, и его крепость получила отпечаток его простого, лишенного претензий, логичного и практического мышления. Он построил свою резиденцию по образу крестьянского! дома, только употребив другой материал» [244, с. 70].

Действительно, «резиденция» Кийа Бузург Умида в виде комнаты в 13 кв. м, с земляным полом, сложенная из нетесаного камня, более всего напоминает простой дом иранского крестьянина и разительно отличается от дворцов феодалов. Ламасар занимал исключительно важное стратегическое положение. Он прикрывал область Рудбар с севера, а Аламут — с северо-запада от нападения врагов, могущих появиться со стороны р. Шах-руд или по дороге от Казвина [244, с. 63]. Ламасар был неприступен для врагов. Это второе после Аламута важнейшее укрепление исмаилитов Хасан ибн Саббах поручил Кийа Бузург Умиду.

Незадолго до смерти Хасан ибн Саббах «вызвал из Ламасара Кийа Бузург Умида и престолонаследие ему поручил и на место свое назначил; и дехдара Абу Али Ардистани по правую руку посадил и дават [проповедь] и диван финансов³ ему препоручил. И Хасана Адама Касрани — по левую руку [посадил]

³ Джувейни не упоминает дивана финансов.

и Кийа Бу Джафара, который был начальником войска [сахиб-и джейш] — перед собой. И завещал, чтобы до того времени, когда имам во главу своего государства придет (возглавит свое государство), совместно и с общего одобрения все четверо вершили дела» [61, с. 133; 20, с. 215]. 6 раби II 518 г. х. (23 мая 1124) Хасан ибн Саббах умер.

Здесь названы четыре человека. Рассмотрим, что представлял собой каждый из них.

Первым назван Кийа Бузург Умид. Почему он вместо личного имени имел прозвище Бузург Умид, т. е. «Большая (великая) надежда»? Не говорит ли это о том, что еще со времен исмаилитского восстания Хасан ибн Саббах возлагал на него надежды и прочил себе в преемники? Известно, что Хасан ибн Саббах убил двух своих сыновей и объяснял это тем, что не хотел быть заподозренным в том, что вел пропаганду в их интересах и хотел передать им свою власть [20, с. 210].

В этом ясно видны отказ Хасана ибн Саббаха от наследственной власти и категорическое нежелание закрепить ее за своими потомками. Кийа Бузург Умида Хасан ибн Саббах назначил своим преемником.

Вторым назван старый сподвижник Хасана ибн Саббаха — дехдар Абу Али Ардистани. Один из дай Хасана ибн Саббаха, успешно проводивший исмаилитскую пропаганду в Казвине, в вилайетах Талькана, Кух-и Бары и Рейя. Он оказал ему неоценимую помощь при осаде Аламута сельджукским войском в сентябре—октябре 1092 г. (Год его смерти неизвестен. По словам Джувейни, он похоронен там же, где Хасан ибн Саббах и Кийа Бузург Умид, т. е., вероятно, близ Аламута [20, с. 235].) Во время правления Хасана ибн Саббаха имя Абу Али Ардистани не упоминалось. Теперь этот старый сподвижник был вызван к смертному одру Хасана ибн Саббаха и ему

было поручено ведать делом проповеди и финансами исмаилитского государства.

Имя третьего лица — Хасана ибн Адама Касрани — источники не упоминают. Остается также неясным, какие дела поручил ему Хасан ибн Саббах.

Четвертым лицом, вызванным в Аламут, был Кийа Бу Джафар. Судя по его имени, он, как и Кийа Бузург Умид, должен быть отнесен к крестьянам. Вероятно, это тот Кийа Джафар, который участвовал во взятии Ламасара в 1096 г. К 1124 г. он был начальником аламутского войска. Надо думать, что эти функции за ним сохранялись.

Исключительный интерес представляет завещание Хасана ибн Саббаха. В нем, во-первых, отражается положение «Дават-и джадид» о грядущем приходе имама, который в свое время возглавит исмаилитское государство. Во-вторых, дается наказ четверым указанным лицам «совместно и с общего одобрения вершить дела».

161

Такая «коллегиальность» власти совершенно исключалась как в Аббасидском халифате, так и в государстве Сельджуков. В завещании Хасана ибн Саббаха следует видеть не только отказ от наследственной власти, но и нежелание сосредоточивать всю полноту власти (политической, религиозной и военной) в одних руках. Факт примечательный и в предшествующей истории Ирана не встречавшийся.

После смерти Хасана ибн Саббаха Кийа Бузург Умид переселился в Аламут и в течение 14 лет (1124—1138) стоял во главе исмаилитского государства. Тех дай, которые находились с ним в Ламасаре, он привел с собой в Аламут.

Экономическое положение исмаилитского государства

Экономическая характеристика исмаилитского государства в период его создания дана в гл. III. Расширение территории исмаилитского государства на севере Ирана увеличивало его население и укрепляло экономическую базу.

Помимо естественного прироста население исмаилитского государства увеличивалось двумя путями. Во-первых, местное крестьянское население оказывалось включенным в состав исмаилитского государства в связи с завоеваниями крепостей и расширением исмаилитских владений.

Во-вторых, исмаилиты принимали всех, кто просил их защиты. Это могли быть семьи и слуги феодалов из числа недолгих и непрочных союзников исмаилитов. Выше упоминался эмир Йарнакаш Баздар, по просьбе которого в 1126 г. исмаилиты приняли под свою защиту его семью [61, с. 142]. Однако важнее другая категория людей. Исмаилиты принимали всех, кто бежал от гнета или преследования феодалов. Одним из примеров является русский раб, который бежал в Аламут, принял исмаилитское учение и, став фидаем, в 490/1097 г. убил вазира султана Баркйарука — Абу л-Фатха Дехестани [61, с. 135]. Осуществить убийство он мог только по доброй воле. И. П. Петрушевский отмечал, что русский раб в Иране мог быть одним из тех многих тысяч пленников, которых турки-кыпчаки угонял!! во время своих набегов на Киевскую Русь, а затем через порты Крыма и работорговцев продавали в страны Передней Азии [145, с. 299, примеч. 53]. Вероятно, далеко не все новые подданные исмаилитского государства принимали «Дават-и джадид» и тем более едва ли разделяли мечты рядовых исмаилитов об имущественном равенстве или одобряли аскетический образ жизни Хасана ибн Саббаха.

Сообщения источников о проведении в Рудбаре значительных работ по строительству, благоустройству, ирригации и др. свидетельствуют о наличии в исмаилитском государстве ремес-

162

ленников разных профессий, об их профессиональном мастерстве. Так, канал, проведенный из р. Нин-руд к крепости Ламасар, был 15—16 км длины. Водоподъемное колесо подавало воду наверх крепости. Исмаилиты очень быстро возводили неприступные крепости. В трех часах ходьбы от крепости Аламут, около древнего поселения Андеж, ныне называемого Кух-е Касегяр или Кух-е Касегяран (Гора горшечников), В. А. Иванов обнаружил большое количество битой керамики. «Вполне возможно, — говорит он, — что древний и средневековый Андеж имел хорошо развитую горшечную индустрию, изготовлявшую чаши с желтовато-коричневой поливой не только для местного употребления, но также и для продажи где-нибудь в другом месте» (244, с. 58).

В 538/1143/44 г. для отражения войска султана Махмуда ибн Мухаммеда ибн Мелик-шаха исмаилиты выставили 1000 человек, вооруженных ножами [61, с. 154]. Конечно, эти ножи могли быть только местного производства. Упоминание о наличии у исмаилитов камнеметов-манджаник говорит о плотниках-умельцах. Среди фидаев были два шорника — Хасан и Хусейн. Женской работой было прядение шерсти. Горный район Рудбара благоприятен для скотоводства. Постоянные столкновения казвинцев с исмаилитами имели целью и угон скота противника. Источники часто упоминают об успешных военных походах исмаилитов, в результате которых в их руки попадало очень большое количество скота. В походе 525/1130/31 г. исмаилиты захватили 250 лошадей, 4 тыс. баранов, 20 мулов [61, с. 141]. В 530/1135/36 г. они взяли 400 коров, 1000 баранов, 200 ослов. В 548/1153/54 г. отняли у туркмен 3000 баранов (61, с. 157).

Развитое скотоводство обеспечивало продукты питания: мясо, сыр, молоко, масло, а также шерсть для изготовления одежды. О значении скотоводства в экономике исмаилитского государства говорит и то, что профессия пастуха не считалась зазорной даже для самого главы государства. Правитель Аламута Ала ад-дин в своей юности пас баранов.

Обилие дождей и наличие горных рек в Рудбаре создают благоприятные условия для развития богарного и поливного земледелия. Источники упоминают о толчеях для риса, построенных в Ламасаре, садах и огородах, разбитых у подножия этой крепости. О разнообразии сельскохозяйственных культур уже говорилось.

Таким образом, в исмаилитском государстве к 60-м годам XII в. по сравнению с временем его возникновения (1090 г.) наблюдался подъем в области земледелия, скотоводства и ремесла. Расширилась площадь под сельскохозяйственными культурами. Получило дальнейшее развитие ремесленное производство.

К концу XI в. в экономическом отношении Рудбар был более отсталым, чем Кухистан с его многочисленными городами

163

и развитой торговлей. Если в этой отсталой части исмаилитского государства выявляются значительные рост и развитие, то в Кухистане можно предполагать еще большие успехи. К сожалению, сведений об экономическом положении Кухистана для этого периода в источниках нет.

Для суждения об экономическом положении Аламутского государства в 40—60-е годы XII в. ценным дополнением к нарративным источникам являются данные нумизматики.

В 1859 г. Бартоломэ [215, с. 432—434] опубликовал первую исмаилитскую монету с именем Мухаммеда Бузург Умида 542/1147/48 г. На табл. XV № 22 дана ее прорисовка. Это золотой динар, вес не указан, D (диаметр) = 15,5 мм; сохранность очень плохая. В верхней части монеты есть выщербинка. На аверсе в поле Бартоломэ прочел четыре строки символа веры; в поле справа — Мухаммед бин; слева — Бузург Умид. В круговой легенде, вместо чекана он прочел: курбудж динар, дав пояснение, что это местность в Хузестане близ Сук ал-Ахваз. На реверсе Бартоломэ прочел:

'Ала вали Аллаха

ал-мустафа

ли-дин Аллаха

Джал(л)ани (Джейлани)

Али вали Аллаха

избранник

(ради) веры Аллаха

Последней строке он объяснения не дал.

В круговой легенде: Илах'алейхи ва алла имамихи ад... йн.

Не дав чтения, Бартоломэ решил, что это фрагмент религиозной формулы, которой в Коране он не нашел. Бартоломэ отметил, что на монете нет ни имени халифа, ни почетных титулов— мелик, султан, эмир для исмаилитского владетеля, который, являясь главой секты, удовлетворяется эпитетом, полностью религиозным и алидским символом веры. «Можно спросить, — пишет Бартоломэ, — почему он не взял по меньшей мере титула шейха?» [215, с. 433] (имеется в виду применявшееся в Сирии название главы исмаилитов — *Le vieux de la Montagne*. т. с. «горный старец», или «шейх горы». — **Л. С**).

Эту монету Бартоломэ уступил Эрмитажу. Далее мы будем называть ее экз. Б.

В 1893 г. Казанова (225, с. 342—352) опубликовал три аналогичные монеты, принадлежащие Национальной библиотеке Парижа, дал прорисовку одной из них и уточнил чтение Бартоломэ. Далее мы будем называть их экз. К₁, К₂, К₃. На аверсе в поле он подтвердил правильность прочтения Бартоломэ символа веры и имени Мухаммеда бин Бузург Умида. Круговую легенду он прочел: Бисмиллахи дуриба хаза-д-дйнар. би-

курей-д-дайлам санат. Перевод: «Во имя Аллаха выбит этот динар в столице Дейлема в году...». Годы на монете Бартоломэ и трех монетах Казановы разные:

164

- 1) экз. Б иснайн ва 'арба'йн 542 (вес не указан) ва хамсами'ат
- 2) экз. К₁, саман ва 'арба'йн (5) 48, вес 1.14 г
- 3) экз. К₂, ихда ва хамсин (5) 51, вес 1,20 г
- 4) экз. К₃, хамс ва хамсйн (5) 55, вес 1,01 г

Таким образом, дав правильное чтение курси-д-дайлам — столицы Дейлема, Казанова устанавливает: «Это нечто иное, как Аламут. Мы имеем здесь «фициальное название, до этого неизвестное, столицы асассинов». На реверсе в поле Казанова читает:

'Али вали Аллах
ли-дйн Аллах
Низар Низар

Али вали Аллаха ал-мустафа избранник
веры Аллаха

В круговой легенде (перевод):

'Амйр ал-му'минйн салават
Аллах 'алеихи ва 'ала 'аба'-
ихи-т-тахирйн ва
'абна'ихи-л-'акрамйн

«Эмир правоверных, благосло-
вение [бога] Аллаха на нем.
предках его чистых и потом-
ках его благословенных».

Казанова делает ряд очень важных выводов. «Можно утверждать, — пишет он,— что, подобно Хакиму [(996—1021).— Л. С], Хасан ибн Саббах учил исмаилитов, что Низар не исчез, и это верование сохранялось по крайней мере до времени нашей монеты. Эмир ал-Муминин может относиться только к лицу царствующему. Если бы Низара считали мертвым, то титул „потомки его благословенные" мог относиться лишь к одному из его преемников.

Допускаемая фикция в том, что Низар царствует всегда» [225, с. 348]. Монеты опровергают утверждение Гюйяра о том, что «имамы Каира всегда сохраняли номинальный авторитет в отношении гран метра (великого учителя. — Л. С.) Аламута» [232, с. 22, 25].

Вместе с тем монеты подтверждают догадку Гюйяра о том, что «Хасан ибн Саббах ограничивался тем, что называл себя заместителем имама, претендовал лишь на то, чтобы действовать по повелению имама. Имам же —это Низар, который, как говорят, жив, но которого никто не может видеть.

Формула благопожелания относится к пророку и его семье. У суннитов благословение божие на Мухаммеде, его семье и сподвижниках. У шиитов к словам „его семье" добавляется эпитет „чистые" и еще „благословение божие на Али". Здесь, на монете, благопожелание полнее и выделяет Низара во всей семье пророка самым замечательным образом. Низар — отправная точка. Али и сам пророк растворились в названии [имено-

165

вании] „предки". Вся гордость расы — в Низаре. Хасан ибн Саббах и его последователи притворялись, что верят в вечное существование Низара, что и находит подтверждение в монете» [225, с. 349].

Монеты являются памятниками, которые дают большое количество сведений о политической, экономической и идеологической жизни, а также материальной культуре. Свыше столетия в литературе не появлялось новых сведений о золотых монетах Аламутского государства. Поэтому публикация их имеет определенный интерес. Благодаря любезности заведующего отделом нумизматики Государственного Эрмитажа проф. А.А.Быкова в 1969 г. нам стало известно, что в коллекции отдела имеются две исмаилитские монеты. Одна из них — названная выше монета Бартоломэ; вторая — еще не опубликованная.

В дополнение о монете, опубликованной Бартоломэ, добавим следующее. Вес ее 0,83 г, в круговой легенде на реверсе нет слов бисмиллахи («Во имя бога»). В прорисовке Бартоломэ не отмечено, что кроме выщербинки на краю монеты по ней проходит трещина, идущая почти до половины ее диаметра. Вторая монета описывается впервые нами. Время ее получения Эрмитажем и способ приобретения неизвестны. Это золотой динар. D=16 мм, вес 1,50 г. Инвентарный № 3139. 900-я проба. Сохранность хорошая. От

указанных выше монет она отличается годом чекана. Стертые буквы легко восстанавливаются.

На аверсе в поле в круге:

ла илаха
илла-ллаху
Мухаммад
расул [у]
ллахи

нет бога справа
кроме Аллаха
Мухаммед
посланник
Аллаха

от центральной ле-
генды: Мухаммад бну (Му-
хаммед бин)
слева: (Бузург Умид)
(Бузург Умид)

Круговая легенда: бисмиллахи дури(ба) хаз[а]-д-дйнару би-курсй-д-дайлам санат ситт ва хамсин ва хамсами'ат.

Перевод: «Во имя бога. Выбит этот динар в столице Дейлема в году (556/1160/1161)».

На реверсе в поле в двух кругах:

'Али вали Аллах
ал-мустафа
ли-дйн Аллах
Низар

Али вали Аллаха
избранник
веры Аллаха
Низар

Круговая легенда в двух кругах:

'Амир ал-му'минйн
салават Аллах

Эмир правоверных
благословение Аллаха

166

'алейхи ва 'ала 'абз"ихи-т-та-
хирйн ва
абна 'ихи-л-'а[к]рамйн

над ним и отцами его
чистыми и
сынами его благословенными

Теперь нам известны пять однотипных монет: 542/1147/48, 548/1153/54; 551/1156/57; 555/1160 и 556/1160/61 гг., выпущенные на протяжении 14 лет. Судя по годам выпуска последних двух монет их чекан мог производиться ежегодно. Место чекана всех монет — столица Дейлема — Аламут.

Чекан золотых монет подтверждает приведенное выше сообщение о наличии золота в районе Демавенда и о возможности его добычи исмаилитами. Следовательно, в Аламутском государстве имелись свои рудники по добыче золота. Все монеты свидетельствуют о высоком мастерстве изготовивших их ремесленников.

Изучение денежного обращения в странах Востока привлекало многих исследователей. Уже в VI в. прекрасная золотая монета Византии рассматривалась как свидетельство могущества ее правителя [137, с. 367]. В 20—30-х годах XII в. «в связи с ростом торговли потребности рынка в средствах обращения возросли и государство (Сельджуков.— Л. С.) наряду с выпуском медных дирхемов и расширенным чеканом золотых монет прибегло к чеканке серебряной монеты» [204, с. 69]. Однако в то время, когда были выбиты золотые динары Аламута, по второй половине правления султана Санджара, в его государстве остро ощущалась нехватка серебра и имел место настоящий «серебряный кризис» [122].

Монеты Аламута дают основание для некоторых осторожных выводов. Сам факт чекана золотых динаров говорит о благосостоянии Аламутского государства, а регулярность их выпуска — о потребности в них. Соотношение золота к серебру бывало очень различно (колебалось в отношении 14:1 и больше). Золотой динар не мог являться разменной монетой в крестьянской или ремесленной среде. В повседневной жизни обычно имели хождение серебряные и медные монеты (они, к сожалению, до нас не дошли). Наличие золотых динаров, чекан которых производился очень часто, дает основание предполагать, что они были нужны для крупных операций. Выше говорилось об участии изделий кухистанских ремесленников во внутренней и международной торговле. Видимо, для этой цели и чеканились золотые динары Аламутского государства.

Обострение внутренних противоречий в 60-х годах XII в.

Во времена Хасана ибн Саббаха независимому от Сельджуков исмаилитскому государству было необходимо устоять в тяжелой и напряженной борьбе с войсками

исмаилитских владениях была бедной, трудной, порядки строгими и для всех одинаковыми.

К середине XII в. в социальной структуре исмаилитского государства выявились значительные изменения. Они выразились в проникновении феодальных элементов, а также в резкой имущественной дифференциации среди самих исмаилитов.

Основная масса населения — рядовые исмаилиты были заняты в земледелии, скотоводстве и ремесле. Из них комплектовались военные отряды; из их среды выходили добровольцы — фидай. На них же падала вся тяжесть общественных работ (строительных, ирригационных, по благоустройству и т. д.). Избавление от политической власти тюркских феодалов и многих феодальных повинностей вызывало в них глубокое чувство удовлетворения. Завоевание независимости, создание «своего» государства они объясняли победой учения «Дават-и джадид». Из последнего они твердо усвоили веру в имама, которая, в их понятии, связывалась с установлением в будущем социальной справедливости и имущественного равенства. Во имя имама, веры и государства они были готовы жертвовать жизнью как на поле сражения, так и при выполнении террористического акта.

Ради давата они охотно отдавали свой личный труд и свои материальные ценности — долю добычи (61, с. 141]. Стремление к имущественному равенству, уважение к тем своим правителям, которые не отличались от них по образу жизни, рядовые исмаилиты сохраняют на протяжении всей истории своего государства.

После смерти Хасана ибн Саббаха Кийа Бузург Умид, по словам Рашид ад-дина, «вел дела прежним путем». 18 шаввала 519 г. х. (17 ноября 1125) умер Кийа Бу Джафар, бывший эмиром войска (главнокомандующим). Вероятно, вскоре скончались и два других сподвижника Хасана ибн Саббаха. Поэтому, вопреки завещанию последнего Кийа Бузург Умид сосредоточил в своих руках власть политическую, военную и религиозную. В период его правления на важнейшие военные и административные должности выдвигаются лица, носившие имя Кийа. Существенную роль играют «люди науки». И начинается проникновение в правящие круги исмаилитов феодальных элементов.

Правителями исмаилитского государства были представители трех социально различных групп. Первая из них — это лица, носившие имя Кийа, выходцы из крестьян Дейлема. Это наследственная династия правителей Аламута, а также крупнейшие военачальники (сахиб-и джейш). К последним следует отнести: Кийа Бу Джафара, его сына Кийа Хасана ибн Али Бу Джафа-ра, «который был их (исмаилитов. — Л. С.) великим столпом» (61, с. 159].

В 535/1140/41 г. Кийа Али ибн Кийа Бузург Умид возглавлял исмаилитский отряд, разгромивший войско Кутлуг Абе, ва

ли Казвина (61, с. 149]. В 557/1161/62 г. один из исмаилитских походов возглавлял Кийа Исмаил [61, с. 159]. Из Кийев назначали и кутвалов крепостей. Так, в 521/1127 г. после захвата исмаилитами крепости Мансурабад ее кутвалом стал Кийа Нушад, который участвовал в ее завоевании [61, с. 138]. В 1142 г. Кийа Мухаммед ибн Али Хосров Фирузкухи был назначен на управление крепостью Саадат-кух, которая принадлежала исмаилитам с 1126 г. После постройки крепости Мубарак-кух эта крепость была поручена ему же (61, с. 147, 148].

Крепости и территории, которые исмаилиты «вверяли», «препоручали», «давали» своим кутвалам, никоим образом нельзя рассматривать как условные пожалования — икта. Это было лишь назначением на административную должность, не больше. Кутвал во всем был подчинен правителю Аламута, неукоснительно выполнял его распоряжения и при неблагоприятном поведении мог быть снят с этой должности и заменен другим лицом.

Кийа Бузург Умид, Кийа Бу Джафар и другие носители этого родового имени, вышедшие из крестьянской среды, были сподвижниками Хасана ибн Саббаха и, подобно ему, выражали интересы народа. Позднее, в XII—XIII вв., ряд лиц из рода Кийев, правителей Аламута, продолжали эту традицию.

Вторую группу составляли «люди науки», часто лица высокообразованные, выполнявшие «идеологические» функции. Они писали сочинения по догматике исмаилизма и истории исмаилитского государства. В качестве примера следует назвать Абд ал-Малик ибн Али Фашанди, раиса Хасан Салах Мунши, анонимного автора «Книги Бузург Умида», труды которых использовал Рашид ад-дин [61, с. 134, 144, 153]. Они

участвовали в религиозных диспутах с суннитами и проявляли глубокие познания по широкому кругу религиозных вопросов. Назовем еще Хаджи Махмуда Насхи Шахристани, который в 1129 г. был послан для участия в религиозном диспуте в Исфахан и там убит. Эти же образованные люди, знатоки «Дават-и джадид», являлись дай, опытными вербовщиками новых сторонников, соглядатаями и шпионами в феодальных владениях. Как отмечалось выше, при переезде в Аламут Кийа Бузург Умид привел с собой из Ламасара большую группу дай. Отдельные лица из этой группы иногда также назначались на должности кутвалов. Так, историк Абд ал-Мелик [ибн Али] Фашанди 10 раби 1520 г. х. (5 апреля 1126) был назначен кутвалом вновь построенного Меймунднза [61, с. 138]. 20 джумада И 530 г. х. (26 марта 1136) Ходжа Али Адиб Газневи также стал кутвалом крепости, которую исмаилиты отвоевали у Мелик-шаха Вахсудануванда [61, с. 143]. Значительная роль «людей науки» в исмаилитском государстве находит свое объяснение в том, что в нем не было кадров опытной бюрократии, а также в том, что среди создавшего его простого народа было мало людей образованных.

169

Третья группа — это те феодалы, которые в целях сохранения своей жизни и своих владений шли на союз с исмаилитами. Чаще такой союз бывал лицемерным, реже — искренним. Среди них были тюркские и иранские феодалы и сельджукская администрация. Что привело к исмаилитам эмира Шамширзана, который пошел на смерть, но не отказался от исмаилитов, — неизвестно. Эмир Салар Джуй построил для исмаилитов крепость Саадат-кух, отнесся лояльно к их учению и сохранил свое владение в Дешт-и Дейлемане [61, с. 139], по-видимому находившееся за пределами исмаилитского государства.

В 1136/37 г. представители низовой сельджукской администрации — раисы, а также кадхуда — владельцы домов деревни Шейзар по своей воле пришли в Аламут, приняли исмаилизм, сражались на стороне исмаилитов. Они получили (в управление) Мансурабад [61, с. 139]. Иранские феодалы из страха перед исмаилитами становились их союзниками (подобно эмиру Тарасф ибн Мелик-шаху Гурджани) или строили для них крепости, как Намавар ибн Кей-Кавус.

Эти феодалы в качестве союзников или единоверцев проникали в правящие круги исмаилитского государства. Они были глубоко враждебны уравнилельным стремлениям рядовых исмаилитов. Многие из них, хотя и принимали учение Хасана ибн Саббаха, втайне ненавидели его и сохраняли приверженность суннизму. Значительной политической силой и властью эта группа не обладала. Но по мере развития исмаилитского государства эта группировка будет усиливаться.

Правящие круги исмаилитского государства определяли его внешнюю политику. Они руководили всеми военными действиями против феодалов, вели переговоры, заключали союзы, предоставляли убежища, намечали жертвы для террористических актов и организовывали их руками фидаев. Вся идеологическая работа внутри государства и за его пределами направлялась ими же.

В области внутренней политики правящие круги выступали руководителями и организаторами общественных работ. Они же назначали администрацию. У нас нет сведений о том, имела ли место эксплуатация рядовых исмаилитов со стороны правящих кругов исмаилитского государства. Любые предположения в равной мере бездоказательны.

Среди тех феодальных элементов, которые проникли в ряды правящих кругов исмаилитского государства, были люди, которые сумели сохранить свое имущество. Джувейни сообщает, что уже в 30-х годах XII в. среди исмаилитов были лица, обладавшие «домами, именами и имуществом» [20, с. 239].

Появление внутри исмаилитского государства феодальных элементов, сохранивших свою собственность, приверженность правоверному исламу и глубоко враждебных уравнилельным стремлениям, вызвало протест народных низов. В начале

170

60-х годов XII в. эти противоречия проявлялись в виде острой классовой борьбы, социального «взрыва» народного гнева. Социальный протест народных низов получил выражение в религиозной форме — единственно возможной в феодальную эпоху. Он нашел выражение в учении о «Дне Кийамата», которое провозгласил четвертый правитель Аламута — Хасан ибн Мухаммед ибн Кийа Бузург Умид.

Провозглашение «Дня Кийамата» в Аламуте 17 рамазана 559 г. (8 августа 1164)

60-е годы XII в. являются одним из важнейших периодов в истории Аламутского государства и исмаилизма.

«День Кийамата» был провозглашен правителем Аламута Хасаном ала зикри-хи-с-салям в 1164 г. С него начинается новый период в развитии и истории исмаилизма — сложение новой ветви исмаилизма, которая называется низаризмом (низаритское учение существует и в наши дни и широко распространено в Индии, Пакистане, Бирме, Китае, Восточной и Южной Африке, на о-ве Занзибар и т. д.⁴). Именно в это время в исмаилитском государстве было выдвинуто утверждение о том, что правители Аламута, начиная с Хасана ала зикри-хи-с-салям являются прямыми потомками имама Низара, родословная которого возводится к самому Али. Современные низаритские имамы Индии считают себя прямыми потомками имамов Аламута. Для них вопрос об имамате Хасана ала зикри-хи-с-салям до наших дней имеет исключительно важное как религиозное, так и политическое значение и никогда не теряет своей актуальности. Поэтому события восьмисотлетней давности вновь и вновь привлекают внимание ученых и вызывают острую полемику.

Изучение проблем, связанных с «Днем Кийамата», чрезвычайно сложно. Совершенно нрав В. А. Иванов, когда он говорит: «Мы подошли к наиболее трудному моменту в истории Аламута. К несчастью, как раз об этом периоде мы практически не располагаем подлинными исмаилитскими источниками. Все, что мы имеем, это, скорее, отрывки сведений, намеки, ассимилированные массой религиозных умозаключений гораздо более позднего периода» [244, с. 24].

Источниковедческая база весьма ограничена. Она включает давно и хорошо известный исследователям труд Джувейни, ярко враждебный исмаилитам, а также раздел исмаилитской части сочинения Рашид ад-дина, который приводит много ценного материала, отсутствующего у Джувейни. Особый интерес представляет исмаилитское сочинение XVI в., написанное

⁴ Нынешний исмаилитский имам Ага-хан IV в статье, опубликованной в начале 1961 г. в лондонском журнале «Комонвелс», писал, что его последователи живут в 22 странах [см. 135, с. 72].

171

Абу Исхаком Кухистани (43), которое мало использовалось при изучении истории исмаилитов Ирана.

Кийа Хасан ибн Мухаммед ибн Кийа Бузург Умид родился в 520/1126 г. (61, с. 162], еще во время правления своего деда Кийа Бузург Умида. Только у Рашид ад-дина мы находим два важных сообщения о деятельности Хасана, предшествующей его публичным выступлениям.

7 рамазана 541 г. (10 февраля 1147), когда Кийа Мухаммед (бывший уже правителем Аламутского государства) в связи с постройкой крепостей посетил Лар и другие места, он «сына своего Хасана на наибство (заместительство) в Аламут назначил» (61, с. 155]. Хасану в это время было только 21 год. Хотя и на короткий срок, юный Хасан получил некоторый опыт управления Аламутом, приобрел кое-какие сведения о его населении. Через четыре года, 14 мухаррама 545 г. х. (13 мая 1150), 24-летнему Хасану было доверено возглавить отряд исмаилитов, совершивших набег на рустак Рейя. Операция прошла удачно, исмаилиты «привели много скота» [61, с. 157]. Вместе с исмаилитами Хасан разделял опасности и трудности этого нелегкого похода и радость победы.

Раннее знакомство Хасана с жизнью простых исмаилитов, рядовых воинов, тружеников Аламутского государства привело к тому, что ему стали близки и понятны их нужды, интересы, надежды. Только этим можно объяснить, почему сын правителя Аламута обратился с проповедью к простому народу, получил у него полную поддержку и, придя к власти, стал действовать в его интересах.

Столкнувшись с острыми противоречиями, раздиравшими исмаилитское государство (резкое имущественное неравенство, проникновение феодальных элементов в правящие круги исмаилитов и т. д.), Хасан встал на сторону народных масс и явился выразителем их требований. Он пытался выяснить, в чем причина недовольства исмаилитских народных масс. Во имя чего через 70 лет после победы исмаилитские низы вновь готовы к борьбе, но не с теми феодалами, владения которых находились за пределами исмаилитского государства, а с теми, которые проникли в него, т. е. с врагами внутренними?

Люди той эпохи искали ответы на все жгучие вопросы политического и

социального порядка только в области религиозной. Став зрелым человеком (предположительно годам к тридцати, т. е. к 550/1155/1156 г.), Хасан обратился к исмаилитским религиозным сочинениям и историческим трудам, которые со времени Хасана ибн Саббаха хранились в библиотеке Аламута.

Учитывая скудость материалов, посвященных этим важнейшим событиям, мы приведем полностью сообщения Джувейни, Рашид ад-дина и Абу Исхака Кухистани.

По словам Джувейни: «Когда он [Хасан] близко подошел к зрелому возрасту, он почувствовал желание изучить учение Ха

172

сан-и Саббаха и своих собственных предков. Он тщательно исследовал слова проповеди в саббаховской манере и употреблял те же самые неопровержимые аргументы. Он превзошел [всех] в толковании их веры. Он соединил эти речи с суфийским учением и хитростью и влил свое собственное толкование, щедро или скупое, в ту же форму. При жизни своего отца Мухаммеда он постоянно говорил речи так, что [люди] простые и незрелые восхищались, особенно когда слышали его в первый раз [что называется „глупое слушание“], и хвалили эту проповедь. Мягкостью манер и красноречием слов он господствовал над большей частью этого народа. Его отец не обладал таким искусством, и его сын [Хасан] со всеми этими украшениями и приукрашиваниями казался рядом с ним большим ученым. Тогда невежественность людей незнания возросла, и простой народ [стал] следовать его руководству. И не слыша подобных речей от его отца, они стали думать, что здесь появился имам, обещанный Хасан-и Саббахом. Приверженность людей к нему возросла, и они поспешили следовать за ним, как за своим вождем» [20, с. 222—224].

По сообщению Рашид ад-дина: «Как только [Хасан] достиг зрелого возраста, он проявил страсть к приобретению знаний и спорным речам мазхаба Саййидны и своих предков. Он хорошо изучил манеру слов проповеди и в ее устном изложении стал искусным знатоком. И целые дни был занят приобретением знаний, религиозных и греческих [эллинистических]. И рафики были покорными и послушными его фирманам и благодарны этим подаркам и дарам. И по причине множества приобретенных знаний и обилия наук слова мудрецов смешивал с проповедью и тонкой мыслью суфиев. И из своих извлечений некоторые спорные [положения] лил в форму мудрости. И по причине множества мудрости в дни Кийа Мухаммеда, своего отца, постоянно публичные выступления [делал] и подобное тому говорил, что на первый взгляд простой народ („авам-и мардом“) крайне удивляло. И с одобрения его [народа] вел проповедь. И любезностью, добротой и обходительностью тот народ делал радостным и защищенным. Так как его отец этого был лишен и рафики подобных тому слов не слышали, его рядом с отцом считали неким превосходным мудрецом и изощренным ученым. [Люди] впали в ошибку, [считая], что имам, которого обещал Саййид-на, он есть. Преданность рафиков в отношении его увеличилась, и в следовании [ему] они проявили поспешность и преувеличение» [61, с. 163].

Из этих свидетельств выясняется, что Хасан познакомился со многими сочинениями: фатимидско-исмаилитскими, включавшими элементы античной философии, суфийскими, а также «Дават-и джадид» Хасана ибн Саббаха. К почерпнутым из этой литературы сведениям он добавил и собственные положения («лил свое толкование в ту же форму»). Можно думать, что

173

учение Хасана ибн Саббаха с его обращением к народным массам и конкретными политическими требованиями (призывом к борьбе с Сельджуками, созданию независимого государства, единственно «истинной» вере в имама, в котором воплощались надежды на установление социальной справедливости, имущественного равенства и т. д.) оказало наибольшее влияние на Хасана. Став крупнейшим знатоком «Дават-и джадид» и имея уже жизненный опыт, Хасан не мог не видеть, как сильно изменилось в его время внутреннее положение исмаилитского государства. Старые враги — сельджукская и персидская знать — проникли в правящие круги исмаилитов. Они тайно или явно сохраняли верность суннизму. Резкое имущественное неравенство, наличие богатых и бедных появилось в государстве, где еще недавно материальное положение исмаилитов было почти одинаковым.

Свои публичные выступления Хасан начал еще при жизни отца. Он обращался к простому народу (это дважды подчеркивают и Джувейни и Рашид ад-дин). Речи Хасана производили потрясающее впечатление на его слушателей. Простые люди были удивлены и обрадованы и восприняли его речи как «подарки и дары». Они никогда и ни

от кого «подобных тому слов не слышали». Личное обаяние Хасана, его мягкость, красноречие, доброта, обходительность еще больше увеличивали воздействие его речей.

Простые люди безоговорочно пошли за Хасаном. Кийа Мухаммед остался где-то в стороне. Он потерял всякий авторитет — и как правитель, и как религиозный глава («От него не слышали подобных речей; рядом с ним его сын казался большим ученым».)

А затем произошло нечто из ряда вон выходящее, небывалое в истории шиизма и исмаилизма. Именно простые люди стали считать, что «имам, (появление) которого обещал Хасан ибн Саббах, — это Хасан». В это время еще никто не задумывался над тем, как по линии генеалогической связать Хасана с имамом Ннзаром, убитым в 1095 г. Простые люди уверовали в то, что Хасан — имам, «преданность рафиков в отношении его увеличилась, и в следовании ему они проявили поспешность и преувеличение» и стали видеть в нем своего вождя.

Оба источника подчеркивают, что в это время (еще при жизни Кийа Мухаммеда) не Хасан провозгласил себя имамом, а народ стал видеть в нем имама.

Не следует забывать, что со времени возникновения шиизма (VII в.) учение об имаме является его краеугольным камнем; позднее оно тесно переплелось с идеями мессианства и воплощения имама.

На протяжении веков в народных массах жила мечта о приходе имама, с появлением которого связывались уничтожение социальной несправедливости, эксплуатации, порожденной ею

174

нищеты и бесправия, установление общественного и имущественного равенства и т. д.

Поэтому сам факт признания народом Хасана имамом является свидетельством острого недовольства масс и резкого имущественного неравенства.

Очень скоро Кийа Мухаммед и поддерживавшие его правящие круги исмаилитского государства поняли, какую опасность представляет проповедь Хасана и увлеченность ею народных масс. Кийа Мухаммед нанес своим противникам двойной удар: он разоблачил Хасана как лжеимама и обрушил на его сторонников жесточайшие репрессии. При этом Кийа Мухаммед исходил из основного положения исмаилизма, гласящего, что имамом может быть только сын имама. Он «собрал своих людей и сказал: „Этот Хасан — мой сын, а я не имам, а лишь один из дай имама, и каждый, кто слушает его речи и верит им, является неверным и неверующим“. Под этим предлогом некоторых [людей], которые поверили в имамат его сына, он покарал пытками и мучениями. За один раз он убил 250 человек в Аламуте и, привязав их тела к спинам 250 других осужденных по тому же обвинению, изгнал их из крепости» [20, с. 224].

Так были разгромлены сторонники Хасана. Сам Хасан испугался кары и устно и письменно отказался от своего учения. Но это было лишь мерой самозащиты, а может быть, и применением приема такия. Ни Хасан, ни его сторонники не собирались отказываться от борьбы.

Через некоторое время, 4 раби I 557 г. х. (21 февраля 1162), умер Кийа Мухаммед, и Хасан вступил на престол. Недолгие годы его правления (1162—1166) изобилуют напряженными событиями и острой борьбой. Получив всю полноту власти, Хасан с новой силой возобновил свою деятельность. Сразу же «Хасан приказал отпустить на свободу группу лиц из Рейя, Казвина и других городов, которые долгое время были пленниками в Аламуте, и сказал: „Каждый, кто хочет в этом месте (Аламутском государстве.—Л. С.) быть, по склонности своей местопребывание найдет, а каждый, кто захочет, уйдет“. Всех с радостью на родину привычную и местожительство защищенное послал» [61, с. 162].

В этой амнистии следует видеть не проявление «кротости» Хасана, а вполне определенную политическую цель: избавиться от пленной феодальной знати — потенциальных врагов Хасана. Воспользовавшись предложенной Хасаном свободой выбора, все они поспешили покинуть исмаилитское государство.

После прихода Хасана к власти его последователи и сторонники, полностью не уничтоженные Кийа Мухаммедом, оказывали ему всяческие почести и уважение, так как считали его имамом. Он, со своей стороны, этому не препятствовал [61, с. 163— 164]. Хасан сразу же стал проводить в жизнь свои идеи. Он позволял нарушать предписания шариата и ислама, которые были

175

обязательны для исмаилитов со времен Хасана ибн Саббаха. Но только через два с половиной года после своего утверждения на престоле он решил выступить открыто и всенародно.

По словам Джувейни: «В рамазане 559 г. (июль—август 1164) он приказал построить минбар на пустыре, у подножия Аламута, таким образом, чтобы кибла была в сторону, противоположную той, которая принята в исламе. Когда наступило 17 рамазана (8 августа 1164), он приказал жителям своих вилайетов, которых он вызвал в Аламут, собраться на том пустыре. Четыре больших знамени четырех цветов — белого, красного, зеленого и желтого⁵, — приготовленные для этой цели, были прикреплены к четырем столбам минбара. Затем, поднявшись на минбар, он сказал этим сбитым с толку несчастным, которые под его ложным водительством следовали в сторону гибели и разрушения, что от их безнравственного вождя, от их воображаемого, несуществующего имама некто тайно пришел к нему и принес, говоря их языком, хутбу и послание относительно соблюдения их порочной веры. И, стоя на неправильно поставленном минбаре, он произнес речь по поводу своих собственных фальшивых и искаженных верований. „Их имам, — сказал он, — открыл дверь милосердия и врата сострадания мусульманам и им также и послал им знак своей милости“. Он призвал своих особо избранных слуг (т. е. исмаилитов Аламута. —Л. С.) и освободил их от обязанностей, бремени и груза шариата и повел их к (Дню) Кийамата. Затем он прочел хутбу по-арабски, в которой не только не содержалось ничего, кроме лжи, фальши и абсурда, но и сам язык был в большей части порочный (ломаный) и полон грубых ошибок и неверных выражений. И это, как он заявлял, были неизвестные речи их несуществующего имама.

Один из его невежественных, заблуждающихся последователей, бедняга, обладавший некоторыми познаниями в арабском языке, был поставлен Хасаном на ступенях минбара, чтобы перевести эту порочную бессмыслицу и эти незаконные слова и разъяснить их по-персидски присутствующим.

Смысл хутбы был такой: „Хасан ибн Мухаммед ибн Бузург Умид есть наш халифе, хужжат и дай. И наша секта должна слушаться [его] и следовать за ним во всех делах, духовных и мирских, и рассматривать его приказы как обязательные и считать его слова нашими словами и знать, что Маулана (прах им в рот!) проявил сострадание к ним и позвал их к милосердию своему и повел их к богу“. И он прочел эту лживую суетность, обманную хитрость, низкую ложь и безбожную непристойность, которые были неведомы божественному закону и неприемлемы разумом.

⁵ Согласно исмаилитской философии эти цвета символизируют: белый воду, красный — огонь, желтый — прах (землю), зеленый — ветер [58, с. — 35].

Закончив свою леденящую речь и неубедительную декламацию хутбы, Хасан сошел с минбара и совершил два коленапреклонения (раката) праздничного намаза. И расстелили скатерти и пригласили людей разговесться, и они это сделали в присутствии музыкантов, дав волю своей радости и веселью, как это принято в праздники. И Хасан сказал: „Сегодня праздник“. И с этого времени еретики (да получат по заслугам оставшиеся из них!) называют 17 рамазана Праздником Кийамата. И в тот день большинство стало жадно пить вино и открыто предаваться танцам и удовольствиям. И подобным бесстыдством и еще более бесчестными поступками те невежественные бедняги старались вызвать отвращение и раздражение мусульман, которые имели несчастье пребывать в их среде. „И я не один из них, хотя я живу в их среде“, — цитирует Джувейни арабского поэта Мутаннаби [20, с. 226—228].

В передаче этих событий Рашид ад-дин гораздо более краток, так как не приводит всей той брани и поношений, которыми пересыпан рассказ Джувейни. По его словам: «17 рамазана 559 г. (8 августа 1164) Хасан приказал, чтобы население его вилайетов в тот день явилось в Аламут и собралось на молитвенном поле. И четыре больших знамени четырех цветов — белого, красного, желтого и зеленого, — для этого дела расположенные по порядку, установили по четырем столпам минбара. Хасан поднялся на минбар так, что его лицо было обращено к кибле, и сказал рафикам, что от Муктади, т. е. имама воображаемого, исчезнувшего без бытия, к нему тайно пришел человек и, по их выражению, принес хутбу для расстилания [разъяснения] правила их веры. И с минбара одну главу, изящно выраженную и красноречивую, произнес и в конце хутбы сказал: „Имам времени прислал вам приветствие и [проявил] сострадание и назвал вас своими рабами избранными и груз принуждения шариата с вас снял и вас ко „Дню Кийамата привел“. Потом хутбу на арабском языке произнес, и все присутствующие сделали ракат по той причине, что это есть слова имама. А одного человека, который знал арабский язык, он поставил у подножия минбара, чтобы тот те слова перевел присутствующим на персидский язык и сделал разъяснение. А содержание хутбы таково: „Хасан ибн

Мухаммед [ибн] Бузург Умид есть наш халифе, дай и худжжат. Должно секте нашей в делах духовных и мирских быть ему послушной и покорной и приказы его считать неоспоримыми и слово его считать нашим словом. И да знают, что у их Мауланы заступник был и вас к богу довел". И в таком духе некую насыщенную часть прочел и после декламации и цитирования сошел с минбара и два раката праздничного намаза сделал и скатерть расстелил и народу приказал, чтобы разговелись, и проявляли радость и веселье, как в праздник, и сказал: „Сегодня праздник Кийамата". И с этого времени еретики называют 17 рамазана праздником Кийа-
12 Зак. 586

177

мата. И в тот день веселятся, радуются, играют и развлекаются. В общем от Махди до этого времени они послушанию, благочестию, намазу и посту проявляли уважение и законы шариата признавали и состояли в разряде исмаилитов и ннзаритов. А с этого времени [и в дальнейшем], как только приказы веры и основы шариата отбросили, их стали звать еретиками. Слово „ересь" хорошо пришлось к росту их стойкости. Хасан во время [чтения] упомянутых послания и хутбы заявил, что после имама он худжжат и дай, т. е. наследника [заместитель] и наиб единственный, а он — сын Мухаммеда ибн Бузург Умида» [61, с. 164—165].

В совершенно ином тоне описывает те же события исмаи-литский автор Абу Исхак Кухистани: «В 17-й день месяца рамазана 559 г. (8 августа 1164) под счастливой звездой Девы, [когда] солнце находится [в знаке Зодиака] Скорпион, Хасан приказал, чтобы на майдане Аламута установили минбар лицевой стороной к западу. И четыре знамени по четырем углам минбара поставил и рафиков Хорасана — по правую сторону минбара, а рафиков Ирана — по левую сторону минбара и дейлемитов и рафиков Рудбара — напротив. А посередине поставили возвышение лицом к минбару. И факиху Мухаммеду Бусту приказал подняться на возвышение. И господин Ала зикри-хи-с-салям (т. е. Хасан.— **Л. С**), одетый в белую одежду и белый тюрбан, около полудня вышел из крепости [Аламута] и появился с правой стороны минбара и в самой лучшей манере поднялся на минбар. Он три раза произнес „салам", [поздоровался] сперва с дейлемитами, потом направо, потом палево, затем на мгновение склонился, снова поднялся и, держа меч, сказал громким голосом: „О жители обоих миров, из джиннов, людей и ангелов, знайте, что Маулана Каим ал-Кийамат — коленапреклонение и молитва при упоминании о нем — есть господь бытия [всего существующего]. Он — тот господь, который является Абсолютным Бытием. Он есть во всех отношениях отрицание [физического] бытия, и его собственное бытие за пределами того, что „выше всего того, что грешный человек соединяет с ним". Он открыл врата своего милосердия и по щедрости своей даровал всем жизнь. Восхваление [его] и благодарность ему обязательны для каждого мыслящего [существа]. „И он возвеличен над этим в высшей степени; и он — прославление ему — всезнающий по своей сущности". После этого [Хасан] произнес речь, начало которой: „Упомянута ли она среди того, чего коснулся сейид знатного происхождения?" После этого он прочел послание, начало которого: „Мы присутствуем, и мы существуем" — и снова хутбу первую прочел и на мгновение присел и [снова] встал и хутбу вторую прочел. После этого Мухаммед факих Бусту встал на возвышение лицом к минбару и хутбу и послание величайшее прочел, полностью с толкованием [комментарием]. И господин [Хасан ала зикри-хи-с-салям]

178

так стоял, пока было прочтено все до конца. Потом спустился с минбара и совершил два коленапреклонения молитвы по праздничному обряду. И в тот день, в течение всего дня, [люди] радовались, праздновали и делали запрещенное. И узы и ярмо шариата сбросили с шей рабов [божьих]» [43, с. 41—42].

Так разворачивались события в Аламуте. Но Хасан на этом не остановился. Получив полную поддержку народных масс на севере Ирана, он позаботился о том, чтобы получить се и в важнейшем районе исмаилитского государства — в Кухистане.

В период от 17 рамазана (8 августа) до 28 зу-л-када (18 октября) того же, 559/1164 г. Хасан стал устно и письменно заявлять о том, что, хотя его знают сыном Мухаммеда ибн Бузург Умида, в действительности он имам времени и сын имама из потомков Низара, сына Мустансира [20, с. 229; 61, с. 165].

Провозглашение «Дня Кийамата» в Муминабаде 28 зу-л-када 559 г. (18 октября)

Джувейни сообщает: «Он [Хасан] послал слово проповеди со знаками, которые они называют „Проповедь Кийамата“, в Кухистан и потребовал, чтобы эту мерзость также возвестили и там. Это требование было точно выполнено. Произошло следующее: правитель Кухистана, который был его [Хасана] заместителем в этой области, звался раис Музаффар. Хутба, послание и речь, ранее упомянутые, были посланы ему Хасаном через человека, которого звали Мухаммед ибн Хакап, чтобы их прочитали там народу. И устами этого человека он послал весть (послание) жителям Кухистана, содержащую вышеупомянутую ложь. 28 зу-л-када 559 г. (18 октября 1164) в крепости, которая была источником их неверия и ереси и называлась Мумин-абад, раис Музаффар установил минбар, поставленный не в направлении правильности, а в сторону беззакония, как раз так же, как его бесчестный имам⁶ сделал в Аламуте. Затем, поднявшись на минбар, он [Музаффар] прочел хутбу, послание и речь, которые были присланы ему, после чего Мухаммед ибн Хакап поднялся на вторую ступень минбара и произнес [изложил] устное послание Хасана, следующего содержания: „Мустансир раньше послал послание в Аламут, [гласящее]: „Бог всемогущий всегда имел халифе [заместителя] среди людей, и этот халифе имел своего собственного халифе. Он, Мустансир, был этим халифе, а Хасан-и Саббах был его халифе. Если люди будут повиноваться Хасану (ибн Саббаху. — Л. С.) и следовать за ним, (это значит, что) они будут повиноваться ему, Мустансиру“. А сегодня я, Хасан, заявляю, что я халифе бога на лице земли, а этот раис Музаффар является моим халифе.

Отметим, что здесь впервые Джувейни назвал Хасана имамом.

179

Вы должны повиноваться его приказам и рассматривать как свой долг выполнение всего, что он прикажет". И в тот день, в который это бесчестие было разглашено и это зло провозглашено в этом гнезде ереси Муминабаде, это сборище играло на арфах и музыкальных инструментах и открыто пило вино на самых ступенях минбара и вокруг него» [20, с. 229—230].

Рашид ад-дин эти события передает гораздо короче: «У него [Хасана]1 наибом в Кухистане был раис Музаффар. [Хасан] хутбу, запись и послание ему отправил, [в котором] заявил: „Я, который есть Хасан, говорю: халифе бога на лице земли я есть, а мой халифе — этот раис Музаффар. Должно его приказы исполнять и слова его считать нашими словами и тому, что он говорит, верить". И он [раис Музаффар] 8 зу-л-када 559 г.⁷ (27 сентября 1164) в крепости Муминабад установил минбар и с него прочел хутбу, запись и послание, которые были ему присланы, и содержание упомянутых событий сообщил. После этого все исмаилиты стали вести проповедь о том, что Хасан — это имам, предписанный [богом], из потомков Низара» [61, с. 166].

В изложении Абу Исхака Кухистани провозглашение «Дня Кийамата» в Аламуте и Муминабаде произошло в один и тот же день. О событиях в Муминабаде он говорит предельно коротко: «В тот же день было приказано в Муминабаде Кухистана и во всех местах устроить праздник» [43, с. 42].

Приведенными сообщениями трех источников, столь разных по своему отношению к исмаилитам, исчерпывается все, что известно о провозглашении «Дня Кийамата».

Сложным является вопрос о времени провозглашения Хасаном «Дня Кийамата» и объявления себя имамом — потомком Низара. «Неясность существует также во взгляде на появление Хасана в качестве имама и провозглашение Великого Воскресения, произошли ли эти события одновременно или разделены некоторым временем одно от другого», — отмечает даже такой знаток исмаилизма, как В. А. Иванов [244, с. 28].

Согласно источникам, не сам Хасан объявил себя имамом (что при жизни Кийа Мухаммеда неминуемо стоило бы ему головы), а простой народ увидел в нем воплотившегося имама. Это еще одно свидетельство тому, какое грандиозное впечатление производили его проповеди. В период между 1162 и 1164 гг. Хасан попустительствовал нарушению ислама и шариата исмаилитами. А это еще больше убеждало народ в имамате Хасана. Только после двух с половиной лет подготовки и мобилизации своих сторонников Хасан выступил всенародно, созвав в Аламут «все население своих вилайетов».

17 рамазана в торжественной обстановке произошло следующее: Хасан в своей речи изложил собственное учение («речь

⁷ Джувейни приводит другую дату 28 зу-л-када.

по поводу своих собственных фальшивых искаженных верований») и сказал, что имам освобождает исмаилитов от обязанностей, бремени и груза шариата и ведет их к «Дню Кийамата». Хасан прочел арабский текст, а затем был сделан перевод на персидский язык хутбы, присланной имамом и написанной от его лица (Джувейни имени имама не называет. Рашид ад-дин именует его имамом Муктади).

Содержание хутбы, которое оба историка дают в одних и тех же выражениях, следующее: «Хасан ибн Мухаммед ибн Кийа Бузург Умид есть наш халифе, дай и худжжат». От имени имама от исмаилитов требовалось безоговорочное подчинение Хасану во всех делах мирских и духовных и возвещалось, что Маулана (т. е. имам) повел их к богу, что следует понимать как призыв идти к «Дню Кийамата».

Из этих сообщений ясно следует, что хутба была прислана имамом, при одном упоминании имени которого народ преклонил колена. В этой хутбе Хасан назван сыном Мухаммеда и внуком Кийа Бузург Умида (оба они имамами не являлись). От имени имама Хасан провозглашался его халифе, дан и худжжатом.

Проанализируем все три термина. Самым распространенным является термин «дай», означающий «проповедник», «пропагандист». Так назывались исмаилиты, которые вели пропаганду исмаилизма еще с 80-х годов XI в. Фатимидским дай был Абд ал-Мелик ибн Атташ. Аламутские правители постоянно посылали в близкие и дальние районы своих дай, имена которых даже часто не назывались.

«Дай имама» называли себя Хасан ибн Саббах, Кийа Бузург Умид и Кийа Мухаммед, подчеркивая этим, что они стояли во главе всей пропаганды в исмаилитском государстве. Следовательно, после провозглашения Хасана дай на него возлагались обязанности по пропаганде «Дня Кийамата».

Термин «худжжат» («доказательство») в исмаилитской догматической литературе неоднократно менял свое значение. «В древние времена, когда термин „имам“ не был в ходу, „худжжат“ в абстрактном смысле употреблялся вместо него» [249, с. 42—44]. В фатимидский период он означал исмаилитского проповедника, действовавшего во главе одной из джезире, на которые был разделен весь ареал деятельности Фатимидов. Худжжат, утверждаемый самим имамом, руководил пропагандистской деятельностью подчиненных ему дай, которые вели пропаганду на территории меньшего масштаба. «Каковы были функции худжжата во времена Бу Исхака (XVI в. — Л. С), установить трудно, — пишет В. А. Иванов. — Видимо, он был старшим дай в масштабе провинции, хотя, без сомнения, несравненно меньшего размера, чем в фатимидское время» [43, с. 012].

Можно считать, что за Хасаном самим имамом утвержда-

лось звание пропагандиста еще более высокого ранга, чем дан, который должен был действовать на обширной территории практически всего Аламутского государства.

Термин «халифе» означает «заместитель», «преемник»; «тенью Аллаха, заместителем пророка» называли себя все преемники пророка — праведные, омейядские и аббасидские халифы. От имени имама, имя которого в документах не упомянуто, Хасан был назван лишь его «преемником» и «заместителем».

Следовательно, 17 рамазана ни в документах, якобы присланных в Аламут имамом, ни в своих собственных речах Хасан себя имамом еще не называл. В этот день имя имама было использовано Хасаном только для поднятия своего авторитета. От имени имама Хасан провозгласил наступление Дня Кийамата, т. е. вступление в силу его собственного учения. Это учение, ставшее официальной религией Аламутского государства, в дальнейшем получило название низаритского учения.

Итак, 17 рамазана Хасан получил в Аламуте всенародную поддержку. Но достигнутый здесь успех еще нужно было закрепить. С этой целью Хасан послал своего представителя в Кухистан, в важнейшую исмаилитскую крепость этой области — Муминабад. Здесь все было сделано так же, как в Аламуте; и провозглашение Дня Кийамата, и установленный в противоположное принятому направлению минбар, и чтение хутбы, послания имама и письменной речи Хасана, и общее веселье, игра на музыкальных инструментах, и открытое питье вина.

Кроме того, здесь было и нечто новое в сравнении с событиями в Аламуте. Это новое прозвучало в речи, которую от имени Хасана произнес его представитель, по имени Мухаммед ибн Хакан.

Впервые в Муминабаде посланец Хасана возвестил его слова: «Сегодня я, Хасан, заявляю, что я — халифе бога на лице земли». Называя себя халифе бога, Хасан провозгласил себя имамом, уже не упоминая никакого другого имама и не заботясь о

доказательстве своего родства с потомками имама Низара.

Изложив события в Муминабаде, Джувейни впервые назвал Хасана «бесчестным имамом». По словам Рашид ад-дина, после Муминабада «все исмаилиты стали проповедовать, что Хасан — имам из потомков Низара».

Таким образом, из источников следует, что только в Муминабаде 28 зу-л-када 559 г. х. (18 октября 1164), через два с половиной месяца после 17 рамазана, Хасан провозгласил себя имамом, и то не лично, а в речи, произнесенной его посланцем Мухаммедом ибн Хаканом. Хасан действовал с известной осторожностью: сперва подкреплял свой авторитет ссылками на имама и его послание, а затем, получив всенародную поддержку в Аламуте, объявил себя имамом.

182

В памяти современников, а затем и в источниках два события— провозглашение Хасаном «Дня Кийамата» и объявление себя воплотившимся имамом — сблизились и слились во времени и стали представляться одним событием. Отметим, что в исмаилитских религиозных сочинениях, в списке имамов, который начинается от Али, Хасан ала зикри-хи-с-салям упоминается как имам, провозгласивший Кийамат [43, с. 21—24], и только.

Напомним, что Хасан был общепризнанным знатоком исмаилитского учения. Это заставило его проявить осторожность в присвоении себе имамата. Он не мог не знать, что во враждебных ему кругах немедленно возникнет сомнение в его праве на имамат и что ему придется приводить аргументы и доказательства.

Все основные положения исмаилизма — учение об имаме, его воплощении, непогрешимости и т. д. — были использованы Хасаном для придания максимального авторитета и убедительности своему учению.

В провозглашении Дня Кийамата, все огромное политическое и социальное значение которого мы покажем ниже, Хасан одержал победу уже 17 рамазана 559 г. В этот день его учение было всенародно принято, одобрено и введено в действие.

«Этот праздник отмечает начало новой эры, принятой исмаилитами вместо хиджры», — говорит Хамдаллах Казвини (72, с. 523).

В. А. Иванов в оценке рассматриваемых событий пошел еще дальше. «Дата „Великого Кийамата“ 17 рамазана 559 г. (8 августа 1164) — это начало новой эры не только для исмаилитской общины, но даже для всего человечества» [244, с. 29].

В Кухистане учение Хасана также было принято и проведено в жизнь немедленно. Почему подчиненный Хасану ране Кухистана Музаффар был возведен им в столь высокий ранг? Почему он провел аналогию между имамом Мустансиром и его дан Хасаном ибн Саббахом, с одной стороны, и между собой и рапсом Музаффаром — с другой? Вероятно, это было сделано для придания последнему большего авторитета, так как именно на раиса Музаффара и возлагалось проведение в жизнь Хасанова учения в масштабе всего Кухистана.

Низаритское учение" как и всякое другое религиозное учение, формировалось в течение длительного времени и является плодом деятельности не одного Хасана ала зикри-хи-с-саляма. Некоторые положения его учения, выдвинутые в конкретно-исторической обстановке Аламутского государства 60-х годов XII в., с течением времени потеряли свою остроту, сгладились, не вошли в низаритское учение или получили совсем иное толкование, дополненные рядом положений из «Дават-и джадид» или «Дават-и кадим».

Поэтому здесь мы приводим те положения учения Хасана

183

ала зикри-хи-с-салям, о которых упоминают историки, рассказывающие о провозглашении «Дня Кийамата» как о конкретном историческом факте. По словам Джувейни: «Сущность этой бесполезной веры и тайна этой совершенно пагубной проповеди была в том, что, следуя за философами, они говорили, что мир существует искони; время не имеет границ, и Кийамат должно понимать умозрительно. И они объясняли рай, и ад, и все, что есть в этом [отношении], так, чтобы придать [им] умозрительное значение. На этом основании они говорили, что Кийамат происходит тогда, когда люди придут к богу, и тайны и истины всех творений будут открыты, и акты послушания — отменены, так как в этом мире все является действием и нет расплаты, а в мире будущем все есть расплата и нет действия. И это есть духовное [воскресение] и Кийамат, обещанный и ожидаемый во всех религиях. И вера есть то, что было возведено Хасаном. И как следствие этого люди должны быть освобождены от обязанностей, налагаемых шариатом, так как в

период Кийамата они должны обратиться к богу, оставить ритуал [обряды] религиозного закона и установленные обычаи поклонения [богу]. В шариате было установлено, что люди должны молиться богу пять раз в день и быть с ним. Эта обязанность была чисто формальная. Теперь же, в Дни Кийамата, они должны быть всегда с богом в сердцах своих и держать лик своих душ постоянно обращенным к богу [божественному присутствию]; и в этом есть истинная молитва. Подобно этому, они объясняли все положения шариата и всю обрядность ислама и считали прежний ритуал [обряд] отмененным. И большей частью они отменяли положение о том, что является дозволенным и недозволенным. Хасан часто говорил, иногда неявно выражено, иногда ясно, что, как в период шариата, если человек не проявлял послушания и не выполнял обрядов, но соглашался с приказами Кийамата рассматривать послушание и верование как умозрительные, он подлежал каре, наказанию и побиванию камнями. Подобно этому, если в период Кийамата человек будет действовать соответственно приказам [установлениям] шариата и будет усердным в практике материального благочестия и подобных обрядов, еще более необходимо, чтобы он был наказан, обречен смерти, побит камнями и предан пыткам. И, „потеряв мир этот и будущий" [37, с. XXII; 11, с. 263], они пришли в конце концов к безнравственности [иба-хат], и наиболее крайние из них приняли это как свою веру, а другие (прах им в рот!) приписывали божественность своим вводящим в заблуждение имамам, которые были ниже, чем грубые животные или паразиты» [20, с. 237;—239].

Утверждая вечное существование мира и безграничность времени, Хасан ала зикри-хи-с-салям отвергал основное положение ислама о сотворенности мира Аллахом. По словам обоих историков, Хасан упоминал бога. Однако, являлся ли этот

184

бог Аллахом, остается неуточненным. Абу Исхак, писавший в XVI в., когда низаритское учение уже полностью сложилось, придает этому богу черты фатимидско-исмаилитского сверхреального единого божества, называя его «абсолютным бытием, находящимся за пределами человеческого восприятия». Умозрительное понимание рая, ада, молитвы и т. д. уже содержало философскую предпосылку для отрицания конкретной обрядности, а призыв к «соединению с богом», к тому, «чтобы душа человека была всегда обращена к богу», близок к учению суфиев. Известно, что утверждение о возможности для каждого человека достигнуть личного общения с божеством и приглашение идти по пути, ведущему к этой цели, являются одним из важнейших положений суфизма [237, с. 436—437]. Учению Хасана, имевшему явно антисуннитскую направленность, близок только «еретический» суфизм. «Последователи „еретического" суфизма, — пишет И. П. Петрушевский, — порицали „греховное" богатство, громили в своих проповедях правителей и знатных людей за „угнетение рабов божьих", учили, что только бедняки могут „спасти свою душу"» [152, т. III, с. 501].

В XI—XII вв. «еретический» суфизм, как и в предшествовавший период, отражал недовольство народных масс своим бесправием, бедностью и тяжким гнетом сельджукского государства и имел приверженцев среди ремесленников, городской бедноты и крестьянства [117, с. 259—260]. Именно эти элементы «еретического» суфизма были поддержаны тем «простым народом», к которому обратился Хасан ала зикри-хи-с-салям.

Он провозгласил «День Кийамата», который должно понимать умозрительно. Он начинается с того момента, когда «люди соединяются с богом». Однако Хасан ала зикри-хи-с-салям не ставил своей главной целью проповедь старых или новых гносеологических учений. Главной его целью был призыв к отмене шариата. Разрыв с ним он продемонстрировал открыто и всенародно. Для этого нужны были большое личное мужество и полная уверенность в поддержке своего народа. Он отбросил как «чистую формальность» обязательную пятикратную ежедневную молитву. Весь народ был призван среди бела дня к прекращению поста (саум), соблюдение которого — отказ от принятия пищи от восхода до заката солнца в течение всего месяца рамазана — является обязательным для мусульман. Таким образом, три из основных пяти столпов ислама, установленных самим Мухаммедом, были всенародно отвергнуты Хасаном ала зикри-хи-с-салямом. Что касается двух последних уложений ислама — паломничества в Мекку и уплаты заката (2,5% своих доходов), то их в исмаилитских владениях, вероятно, не практиковали.

Хасан ала зикри-хи-с-салям упразднил также другие важнейшие положения шариата. В Аламуте и

Муминабаде минбар был демонстративно повернут не в сторону киблы, а в противо-

185

положную. Был снят запрет с употребления вина. Музыка, песни, пляски, запрещенные исламом, стали дозволенными. Очевидно, не разграничивая ислама (пяти его столпов) и шариата, Рашид ад-дин во всем, что было провозглашено 17 рамазана, усматривает полный разрыв с шариатом: «До этого времени они (исмаилиты. — Л. С.) послушанию, благочестию, молитве и посту проявляли уважение и законы шариата признавали и состояли в разряде исмаилитов и низаритов. А с этого времени и (в дальнейшем), как только приказы веры и основы шариата отбросили, их стали звать еретиками» [61, с. 165].

Таким образом, полный разрыв с шариатом явился первой акцией Хасана. Что же это дало простому народу, рядовым исмаилитам? Многое. Прежде всего облегчалась вся жизнь человека, до этого строго регламентировавшаяся шариатом. Известно, что «мусульманская догма стала с начала своего существования законченным сводом правил не только для выработки религиозных воззрений, но и для повседневной практической деятельности человека. Даже самые интимные и вряд ли нуждающиеся в освящении религиозным авторитетом стороны человеческого существования получили подробную регламентацию. От первого до последнего вздоха правоверный мусульманин был подчинен мелочным и тщательно разработанным нормам» (125, с. 83]. Теперь исмаилиты освобождались от основных установлений и запретов шариата.

Старшее поколение советских людей знает по личному опыту, как облегчилась жизнь, когда после Октябрьской революции христианская обрядность перестала быть обязательной. Отпала необходимость ежедневных молитв, воскресного посещения церкви, соблюдения постов, выполнения обрядов крещения, венчания, причащения, отпевания, соборования. Были уничтожены запреты устраивать свадьбы в течение великого поста, жениться на двоюродных сестрах, на иноверцах и т. д. Были отброшены сложные и унижающие достоинство человека условия развода. Совершенно очевидно, что в XIX—XX вв. весь гнет христианской обрядности был несравненно меньшим, чем бремя законов шариата и ислама в XII в.

Кроме того, провозглашение «Дня Кийамата» имело не только религиозный, но и социально-политический аспект. Хасан ала зикри-хи-с-салям угрожал жестокими карами — смертью, побиванием камнями, пытками — всем тем, кто не примет его учения. Он не собирался сразу же заставить признать свое учение весь исламский мир, лежащий за пределами исмаилитского государства. Его угрозы были направлены против внутренних врагов — феодальных элементов исмаилитских владений, втайне приверженных правоверному исламу и глубоко враждебных требованиям социального равенства. Это положение учения Хасана, бесспорно, выражало интересы народных масс и было с восторгом воспринято ими.

186

Джувейни подчеркивал, что учение Хасана было враждебно встречено правоверными мусульманами, т. е. феодальными элементами, которые находились в исмаилитской среде.

«Сторонники Хасана, — пишет он, — подобным бесстыдством и еще более бесчестными поступками тех невежественных, несчастных, старались вызвать отвращение и раздражение мусульман, которые имели несчастье пребывать в их среде» (20. с. 228].

Стремления исмаилитских низов к имущественному равенству нашли отражение в организованных Хасаном общественных трапезах. Праздник «Дня Кийамата» в Аламуте и Муминабаде также сопровождался общественной трапезой («расстелили скатерти, позвали народ»), и это далеко не случайно.

Во многих народных движениях, проходивших под лозунгами установления социального равенства и раздела имущества, значительная роль отводилась равенству в потреблении, в первую очередь в пище.

Достаточно напомнить общую трапезу в крепости Базз во время восстания Бабека (IX в.); общие трапезы ремесленников-ахиев, о которых сообщает Ибн Баттута (XIV в.) [27, т. III, с. 61 и сл.]; открытую для всех ежедневную общую трапезу у сербедарского правителя Яхьи Керреби (XIV в.) [142, с. 144—145].

Таким образом, общественные трапезы, устроенные Хасаном ала зикри-хи-с-салямом, также следует рассматривать как стремление к установлению равного и

всеобщего потребления материальных благ, требование которого было широко распространено в ремесленной и крестьянской среде. Вместе с тем именно эти публичные трапезы во время рамазана являлись демонстративным прекращением поста, соблюдение которого обязательно для всех мусульман.

Необходимо отметить, что свое учение Хасан ала зикри-хи-с-салям обратил не к избранным одиночкам, а ко всему народу Аламутского государства. Он и раис Музаффар говорили с огромным числом людей, специально созданных для того, чтобы узнать о наступлении «Дня Кийамата». И о переводчиках не было забыто, чтобы каждое слово в читаемых документах было общепонятным. Все положения Хасанова учения ясны, четки, легко воспринимаемы. В этом Хасан ала зикри-хи-с-салям следовал по пути Хасана ибн Саббаха.

В. А. Иванов также подчеркивает народный характер учения о «Дне Кийамата». «Когда, — пишет он, — фатимидская организация ослабла, народный плодотворный энтузиазм смел прочь результаты трех долгих веков теоретической работы и „Великое Воскресение" в Аламуте 559/1164 г. санкционировало новую народную версию исмаилизма» (246, с. 36].

Напомним, что последним «явным» имамом для исмаилитов Ирана был халиф Мустансир, умерший в 1094 г. Имамата Му-

187

стали они не признавали. В течение 70 лет имам находился в «скрытом» состоянии. Поэтому независимо от того, когда и где Хасан ала зикри-хи-с-салям был впервые признан имамом, сам факт появления имама должен был восприниматься с огромным восторгом и радостью. Эти чувства подогревались и тем, что этим имамом оказывался не чужой человек, а давно и хорошо известный народу правитель Аламута.

Основываясь на приведенных выше источниках, позволим себе небольшую вольность — попытаемся обрисовать обстановку и настроения людей, собравшихся 17 рамазана в Аламуте.

Начало августа, жаркое лето, яркое солнце освещает величественную панораму гор и громаду аламутской скалы. У ее подножия собрались толпы людей. Здесь и пришедшие издалека — хорасанцы и иракцы, здесь и местные — дейлемиты и рудбарцы. Все возбуждены и взволнованы. Зачем их вызвал в Аламут правитель Хасан? Почему воздвигнут минбар и поставлен он столь необычно? Красный, белый, зеленый, желтый флаги трепещут над ним, развеваясь по ветру. Из ворот аламутской крепости выходит Хасан и медленно спускается вниз. На нем белоснежные одежды и такой же тюрбан. Народ знает его. Вся его нелегкая жизнь прошла у них на виду. Он был всегда со своим народом, воин, ученый, преследуемый отцом наследник, рисковавший жизнью из-за них, собравшихся здесь, потом затаившийся до срока. Люди все знают, Хасан не только правитель Аламутского государства, Хасан — имам! Имам, появление которого было обещано еще Хасаном ибн Саббахом. Имам, воплощение которого принесет бедным людям освобождение от всех тягот, нужды, горя, унижения. Он поднялся на минбар! Сейчас он скажет свое слово!

Он говорит, что получил хутбу и послание от имама. При упоминании священного имени имама все присутствующие, как один, склонились в земном поклоне. Этого требует обычай, который нужно соблюдать. Но каждый знает, что имам — это он сам, их Хасан.

Вот Хасан читает послание на чужом, непонятном языке. Но у Хасана нет тайн от своего народа (он заранее поставил на ступенях минбара ученого, знатока арабского языка). Хасан передал ему бумагу, и ученый перевел ее содержание на родной язык народа. Теперь оно стало понятным всем. В хутбе говорится об их Хасане: «Он — мой халифе, мой дан, мой худжжат! Должно его слушаться и ему подчиняться!» А люди думают: «Мы давно идем за ним, мы давно верим каждому его слову! За него мы шли на пытки и смерть. Из-за нас его жизнь была в опасности».

И снова говорит Хасан. Он провозглашает наступление «Дня Кийамата» не для тех, кто давно лежит в могилах (мир им!), а для живущих. Да будут отброшены и уничтожены все законы и установления шариата! Нет запрещенного, все дозво-

188

лено! Все люди равны перед богом и должны обратить к нему лицо свое! Люди слушают, затаив дыхание, они по-своему понимают все сказанное Хасаном. Ведь его слова означают еще и то, что если все люди равны, то не будет отныне бедных и богатых.

Ликует народ и благословляет Хасана! И только небольшая группа людей, стоящих справа от минбара, хранит гробовое молчание. «О чем болтает этот Хасан, незадачливый сын умного Мухаммеда? — думают они. — Что сулит он этим невеждам?! Как он

неосторожен! Не призвать ли его к ответу за богохульство и ересь, как в свое время сделал его родной отец?»

Хасан спустился с минбара и дважды преклонил колена. Что это? Это ракаты не обычного, а праздничного намаза. Хасан сказал, что сегодня праздник, великий праздник. К собравшимся бегут слуги, в руках у них белые скатерти. Их расстилают здесь же, у подножия Аламута, на зеленой траве. Несут яства, угощения. Они предназначены для всех, всех без исключения, присутствующих здесь. Еда при свете солнца в дни поста рамазана! Это нарушение одного из самых священных и незыблемых положений ислама. Хасан отверг запреты шариата! Это мог сделать только имам! Имам — Хасан! Да будет благословенно имя его!

Что налито в высокие глиняные кувшины? Это вино, запрещенный напиток, стоивший жизни тем, кто пытался его отведать. Вино, веселящее душу, кружащее голову. Теперь оно дозволено всем, всем без исключения. Кто-то запекает песню — ведь в песне человек может излить свою душу. Она тоже была под запретом. А сейчас ее подхватили все, она растет, ширится и летит ввысь, навстречу солнцу.

Несколько самых молодых, самых смелых вскочили со своих мест, они положили руки друг другу на плечи и закружились в ритме общего танца. Вот уже вся молодежь пляшет и поет. Люди постарше потрясены. Пришли счастье, свобода, пали оковы шариата. Ведь это только начало светлой жизни! И все это дал Хасан! Разве простой смертный мог бы это сделать? Верно говорят в народе, что Хасан — имам! За него не жаль отдать жизнь! Пусть трепещут враги! С Хасаном они не страшны! Их покарают смертью, пытками, забьют камнями. Разве был когда-нибудь такой день в Аламуте? Пусть память о нем живет в веках! Началась поистине новая эра. Так думали участники этого необыкновенного события.

В некотором отдалении от остальных, тоже за белой скатертью, сидит группа нарядно одетых людей. Один из них тихо говорит остальным: «Проклятое, запрещенное Кораном вино пусть пьют эти еретики, эти невежды. Нарушать пост в рамазане — какое бесстыдство! Но нам нельзя открыто противопоставлять себя им. Ешьте, прошу вас».

Мы позволили себе эту «реконструкцию» подлинных собы-

тий, о которых повествуют источники. Мы только пересказали все это своими словами, сделав попытку проникнуть в чувства и мысли участников этого торжественного дня.

Провозглашение Хасаном ала зикри-хи-с-салям «Дня Кийамата» обострило борьбу между простым народом, который поддерживал его, и феодальными элементами исмаилитского государства.

Сведения об этом мы находим у Джувейни. Из противников и врагов Хасана ала зикри-хи-с-саляма одни, «которые от разума имели одно дуновение и в сердцах которых еще падал один луч света пронизательности [мусульмане-сунниты], отказались от совместной жизни с теми сбившимися с пути [последователями Хасана ала-зикри-хи-с-саляма] и тайно и явно бросились в мусульманские страны. Особенно из Кухистана много людей переселилось в Хорасан и водворилось в нем» [20, с. 239]. Другие противники Хасана, «которые не имели возможности уйти или не хотели покинуть свои старые жилища, остались у своих домов, имений и имущества и удовлетворились бесчестием и именем еретиков, а в сердцах своих были мусульманами и, когда могли, тайно подчинялись приказам и запретам шариата» [20, с. 239].

Этот рассказ очень точно передает социально-политическую обстановку, которая сложилась в исмаилитском государстве сразу же после провозглашения «Дня Кийамата». Призывы Хасана немедленно распространились как в Дейлеме, так и в Кухистане, но к ним по-разному относились представители различных классов. Простой народ поддержал призыв к отмене шариата и проведению жестоких репрессий по отношению к тем, кто будет противиться этому. Среди противников Хасана ала зикри-хи-с-саляма, особенно в Кухистане, более развитом в экономическом отношении, чем Дейлем, началась настоящая паника. Его противники «тайно и явно» бросились бежать из исмаилитских владений в соседний Хорасан. Феодальные элементы, которые владели недвижимой собственностью, затаились. Сохранение своих «домов, имущества и имений» они предпочли «бесчестию и имени еретиков». Во избежание преследований они якобы приняли учение Хасана, но втайне сохраняли приверженность шариату. Именно к ним принадлежал феодал Хасан ибн Намавар, потомок Бундов, который впоследствии убил Хасана ала зикри-хи-с-саляма.

Таким образом, провозглашение Хасаном «Дня Кийамата» следует рассматривать в двух аспектах. В религиозном плане это была отмена шариата, открывавшая Хасану

путь к дальнейшей конкретной деятельности. В плане социально-политическом это был призыв к непримиримой борьбе с феодалами, протест против социального и имущественного неравенства среди исмаилитов и, следовательно, стремление к его уничтожению. Эта программа была выдвинута в обстановке всевозраставшего

190

социального неравенства в исмаилитском государстве и отражала требования народных масс.

Уместно поставить вопрос: каковы были результаты деятельности Хасана ала зикри-хи-с-салям? Несмотря на то, что менее чем через полтора года после провозглашения «Дня Кийамата», 6 раби I 561 г. х. (10 января 1166), он был убит, его учение — низаризм (одно из ответвлений исмаилизма) — победило. Низаризм, сменив «Дават-и джадид», стал официальным вероучением Аламутского государства и (кроме периода 1210—1224 гг.) оставался им до конца существования этого государства. Низаризм существует и в наши дни и исповедуется исмаилитами-низаритами в Индии, Пакистане, Африке и т. д. Однако из современного низаризма изъяты острота, конкретность, демократизм и антифеодалная направленность, столь четко звучавшая в 1164 г. в выступлениях Хасана ала зикри-хи-с-салям. Для современных низаритов сам Хасан — лишь один из имамов, через которых они возводят свою генеалогию к Али. К сожалению, проследить процесс развития низаризма в Аламутском государстве и позднее из-за отсутствия источников невозможно. Труд Абу Исхака Кухистани, который, по словам В. А. Иванова, является «единственной известной работой, суммирующей учение низаритской ветви исмаилизма» [43, Введение], был написан в начале XVI в., т. е. за пределами хронологических рамок истории государства исмаилитов в Иране в XI—XIII вв.

К вопросу об имамате Хасана ала зикри-хи-с-салям. Хасану и его сторонникам, а после смерти его сыну и преемнику Мухаммеду (1166—1210) было необходимо обосновать имамат генеалогически. Как связать родившегося в исмаилитском государстве сына Кийа Мухаммеда ибн Кийа Бузург Умида с потомками имама Низара? Как доказать, что он является имамом в силу своего рождения от отца-имамом? Как отделаться от Кийа Мухаммеда, категорически утверждавшего, что он не был имамом, а следовательно, не может быть имамом и его родной сын Хасан?

Все эти вопросы, занимавшие умы в Аламутском государстве 800 лет назад, казалось бы, не должны никого волновать в наши дни. Однако это не так. Современные исмаилитские имамы Индии ведут свою генеалогию через Хасана. Им чрезвычайно важно убедительно доказать современным исмаилитам Азии и Африки, что Хасан ала зикри-хи-с-салям был действительно потомком Низара, родословная которого через фатимидских халифов-имамов восходит к Али. Тогда, согласно учению исмаилитов и низаритов, можно утверждать, что божественная субстанция Али, переходящая по непрерывной цепи имамов от поколения к поколению, в наши дни воплощена в Карим-хане Ага-хане IV, который с 1957 г. является 49-м имамом низаритов Индии.

191

Признание такой родословной, бесспорно, чрезвычайно увеличивает как религиозный, так и политический авторитет современных индийских имамов. Поэтому вопрос об имамате Хасана ала зикри-хи-с-салям не теряет своей актуальности, и ученые Запада вновь и вновь возвращаются к этой теме. Советские историки совершенно не занимались ею.

Вернемся к поставленным выше вопросам. По сообщению Джувейни, у исмаилитов Аламута были две версии, согласно которым Хасан ала-зикри-хи-с-салям являлся прямым потомком имама Низара. Но в основе обеих версий лежит сообщение о том, что один человек из Египта по имени Казн Абу л-Хасан Саиди, из родственников и доверенных лиц Мустансира, в 488/1095 г., т. е. через год после смерти Мустансира, приехал к Хасану ибн Саббаху в Аламут, пробыл в нем шесть месяцев и в раджбе того же года (июль—август 1095) возвратился в Египет. Хасан ибн Саббах велел оказывать ему почет и уважение. Казн Абу л-Хасан Саиди тайно привез в Аламут внука имама Низара. Эту тайну он не открыл никому, кроме Хасана ибн Саббаха, и она не была разглашена. Исмаилиты поселили его в деревне у подножия Аламута (20, с. 231; 61, с. 166]. Так «место пребывания имамата из Египта было перенесено в землю Дейлема, и проявление того позора, который они называют „проповедь Кийамата“, произошло в Аламуте», — пишет Джувейни (20, с. 231).

Этот внук Низара навсегда остался в исмаилитском государстве. К нему и стали

возводить родословную Хасана ала зикри-хи-с-салям.

Уже в то время исмаилиты разделились на две группы, которые спорили между собой о количестве поколений, отделяющих Хасана ала-зикри-хи-с-саляма от Низара. Одна группа насчитывала четыре поколения — Низар, ал-Хади, ал-Муктади, ал-Кахир би Кувват Аллах и Хасан. Другая группа считала, что имя ал-Кахир би Кувват Аллах было титулом самого Хасана, и поэтому насчитывала три поколения — Низар, ал-Хади, ал-Муктади и Хасан [20, с. 236—237; 61, с. 167].

Стараясь обосновать родословную Хасана ала зикри-хи-с-салям, В. А. Иванов приводит следующие расчеты возможных возрастов этих имамов. «Напомним, — пишет он, — что Низару ко времени его смерти было около 54 лет от роду. Возраст его сына ал-Хади неизвестен, но он мог быть лет 35, тогда вполне возможно, что он имел сына около 8 лет. Если имам ал-Муктади, привезенный в Аламут в 488/1095 г. мальчиком 8 лет, родился в 480/1087 г., ему могло быть в 520/1126 г. 40 лет, и ко времени рождения Хасана (520/1126 г.) он мог иметь сына лет 20 или около того. Так хронологически существование ал-Кахира не исключено, но отсутствие подлинных и надежных источников делает бесплодными любые построения» [244, с. 28].

Таким образом, ко времени рождения Хасана ала зикри-хи-

192

с-салям где-то в окрестностях Аламута жил имам ал-Муктади, внук Низара или его правнук имам ал-Кахир би Кувват Аллах. То, что это был имам, являлось глубокой тайной. Потом этого тайного имама нужно было сделать родным отцом Хасана ала зикри-хи-с-салям.

Согласно первой версии, приведенной Джувейни, этот человек из Египта, внук Низара ал-Муктади или его сын, который родился в окрестностях Аламута, «так как они не знают истины дела», вступил в связь с женой Мухаммеда ибн Бузург Умида, и она зачала Хасана от имама. А так как это «имеющее плохое предзнаменование» рождение произошло в доме Мухаммеда ибн Бузург Умида, сам Мухаммед и его сподвижники считали его сыном Мухаммеда, а в действительности он был имам и сын имама [20, с. 232—233]⁸. «Это, — продолжает Джувейни, — наиболее известная версия и наиболее принятая среди них как самая правильная и достоверная. Она основана на позоре и бесчестии. Во-первых, молодой человек, чей имамат они признают, был незаконнорожденным и плодом незаконной связи. Во-вторых, ложная родословная, приписанная ему, противоречит установлению пророка Мухаммеда, который предписывает: „Дитя — в одеяло; камни — в прелюбодеев“» [20, с. 233].

Джувейни приводит и вторую версию, принятую, по его словам, потомками и родственниками Кийа Бузург Умида. У Мухаммеда ибн Бузург Умида в крепости Аламут родился сын, и в тот же самый день этот Хасан был рожден своей матерью от того неизвестного имама, который не существовал, в деревне у подножия Аламута. Спустя три дня какая-то женщина пришла в аламутскую крепость и вошла в дом Мухаммеда ибн Бузург Умида. Несколько человек заметили, что она несла что-то под чадрой. Она села около того места, где был оставлен спящий ребенок Мухаммеда, и по божественному предопределению, кроме нее, здесь никого не оказалось. Она положила Хасана, сына имама, вместо другого ребенка и, взяв последнего, т. е. сына Мухаммеда, под чадру, унесла его. Эта версия еще более неправдоподобна, чем первая, указывает Джувейни: чужая женщина вошла в царский дворец, в котором не было никого, кроме царского ребенка, заменила чужим ребенком молодого царевича и унесла последнего, никем не замеченная; родители, кормилицы, слуги, прислужники не заметили разницы между чужим ребенком и своим [20, с. 235; 61, с. 166, 167]. Эту версию Джувейни также считает недостоверной.

Этими сообщениями исчерпываются сведения источников. Их же повторяли все позднейшие историки и цитировали все исследователи.

Прежде чем изложить нашу точку зрения по вопросу о происхождении Хасана, мы приведем высказывания В. А. Ивано-

⁸ У Рашид ад-дина этой версии нет.
13 Зак 586

193

ва, который всячески хочет заставить читателя уверовать в имамат Хасана ала зикри-хи-с-салям. В. А. Иванов обрушивается на Джувейни, так как другими источниками он тоже не располагает. «Старейший источник — это резко антиисмаилитский Джувейни,

упражняющий свое остроумие, основанное на наивных рассуждениях, на опровержении подлинности имамата Джелаль ад-дина Хасана. Есть „ученые“, которые полностью удовлетворены тем, что он говорит, и показывающие этим свое полнейшее невежество» [244, с. 23].

В. А. Иванов признает, что обе версии о происхождении Хасана осуждены: первая (подмена детей) — по причине полнейшей неправдоподобности, вторая (связь жены Мухаммеда с имамом)—как крайне непристойная [244, с. 26]⁹. В. А. Иванов утверждает, что Джувейни не учитывает ни местных условий, ни хронологии, ни религиозного аспекта событий. Соображения В. А. Иванова интересны и на первый взгляд правдоподобны. Основной версией он считает рассказ о подмене детей.

«Как могла неизвестная женщина незаметно принести под чадрой дитя в дом паря и взять наследника, видимо хорошо охраняемого? Все это абсурдно», — пишет В. А. Иванов. Он обращает внимание на то, что в патриархальных условиях раннеаламутской общины ее глава не был царем. «Судя по тому, что мы видели из остатков старинных зданий Аламута и Ламасара, здесь не было дворцов со стражей, стоящей у дверей, и т. д. Вероятно, была стража у ворот крепости, но крайне сомнительно, чтобы дом Кийа Мухаммеда, тогда еще только наследника, имел специальную стражу». Другую деталь местной жизни В. А. Иванов видит в том, что женщины горных районов не носят чадры, а имеют старинный обычай носить своих детей, особенно новорожденных, в шали на спине. «В таких местах, как аламутские деревни, все знали всех. Тем более картина, нарисованная Джувейни как доказательство крайней неправдоподобности этой версии, лишена смысла». Далее В. А. Иванов дает свою интерпретацию этой версии: «Перепишем картину по-своему. Молодая женщина (старые детей не имеют) с новорожденным ребенком, как обычно, за спиной, конечно, жительница деревни, расположенной у подножия крепости, и хорошо известная страже у ворот, была допущена в крепость. Она вошла в дом сына вождя, вероятно чтобы повидать подругу, и нашла новорожденное дитя Кийа Мухаммеда, спящее в своей колыбели на веранде и никем не охраняемое. Ей было недолго подменить детей, а если они действительно были новорожденными, было нелегко заметить разницу. Она подождала, пока ее подруга вернулась, а потом ушла, совершенно незаподозренная. Это то, что могло бы случиться как импровизированное действие. Но мы не должны исключать возможности в религи-

⁹ В. А. Иванов меняет порядок версий.

озных целях его заранее организованного осуществления. Тогда все могло быть сделано с величайшей легкостью» [244, с. 27].

Приводя такие правдоподобные детали, как простота жизни в Аламуте и окрестных деревнях, где «все знали всех», отсутствие охраны у дома наследника Кийа Мухаммеда ибн Кийа Бузург Умида, ношение младенцев женщинами в шали за спиной и т. д., В. А. Иванов пытается доказать подлинность рождения Хасана от имама. Он не ставит под сомнение ни подлинность родословной Хасана, ни одновременность рождения обоих младенцев, ни то, что родная мать и кормилица не заметили подмены. Он не задает вопроса: кто вопреки воле Мухаммеда или втайне от него мог организовать подмену?

Рассматривая вторую версию о рождении Хасана от незаконной связи имама, имя которого остается невыясненным, с женой Кийа Мухаммеда, В. А. Иванов заявляет следующее: «Джувейни полностью упускает из виду, что актеры этой драмы были не рядовыми людьми, а участниками акта, который имел очень большое значение для всей общины... Если они считали, что небезопасно или по другим причинам нежелательно оставлять истинного наследника имамата в незащищенной деревне, то версия о подмене детей вполне приемлема. Но если было мнение, что сын имама должен быть рожденным в доме вождя или сына вождя, а не простыми родителями, то не приходится сомневаться, что такие верующие люди, как Кийа Бузург Умид и его сын (Мухаммед), не поколебались бы пожертвовать честью своих жен, дочерей, сестер для великого дела» [244, с. 27]. Приводя в качестве решающего аргумента важнейшее положение исмаилизма, В. А. Иванов заявляет: «Еще забывают, что имам не находится в положении обычного человека и может иногда делать то, что обычный человек делать не может» (244, с. 27). (Видимо, имеется в виду его связь с чужой женой.)

Наконец, чтобы как-то объяснить поведение Кийа Мухаммеда, категорически отрицавшего имамат Хасана, В. А. Иванов пишет: «Рассказ о том, что Кийа Мухаммед выражал недовольство против тех, кто считал его предполагаемого сына за имама, настаивая на том, что он его — Кийа — сын, доказывает не что иное, как то, что может быть свойственно и такийя, и стремлению к строгой дисциплине в общине, вообще

соблюдаемой во всех случаях» [244, с. 27].

Этим исчерпывается фактический материал, который В. А. Иванов истолковывает в явно происмаилитском духе.

Нет необходимости доказывать, что историк-марксист, не заинтересованный в необходимости утверждать или опровергать подлинность имамата Хасана ала зикри-хи-с-салям, объективен в анализе событий. Первый вопрос, который встает перед исследователем, заключается в следующем. Возможно ли тайное пребывание в окрестностях Аламута в течение 69 лет потомков

195

имама Низара (с 1095 г., со дня привоза в Аламут из Египта восьмилетнего внука имама Низара, до 1164 г. — провозглашения «Дня Кийамата»)?

Как известно, после убийства Низара в 1095 г. его приверженцы — низариты нашли убежище в Йемене, откуда часть их переселилась в Индию. В этих странах они вели пропаганду, добиваясь посмертного присвоения Низару сана имама [105, с. 52]. Поэтому трудно поверить, чтобы в 1095 г., через пять лет после захвата Хасаном ибн Саббахом Аламута, когда исмаилиты не на жизнь, а на смерть боролись с Сельджуками и результат этой борьбы и всего исмаилитского восстания был еще далеко не ясен, чтобы сторонники Низара сочли подвергавшийся вражеским атакам Аламут наиболее надежным местом для укрытия мальчика.

Еще более невероятно, чтобы в Египте в середине 90-х годов XI в. «запланировали» на 69 лет вперед провозглашение в Аламуте «Дня Кийамата».

Нет сомнения, что рассказ о привозе в Аламут мальчика не более чем легенда, необходимая исмаилитам для дальнейших настроений.

Если допустить, что ал-Муктади, родившийся в 1087 г., был доставлен в Аламут, то почему же ни он, ни ал-Кахир би Кувват Аллах, родившийся в 1107 г. (если он действительно существовал), не давали о себе знать до 1164 г. и не заявляли своих претензий на имапат и тем самым на политическую власть в Аламутском государстве?

Ко времени смерти Хасана ибн Саббаха (1124) положение исмаилитского государства настолько укрепилось, что пребывающему в окрестностях Аламута имаму ничто не помешало бы открыть свою тайну и прийти к власти. Однако на смертном одре Хасан ибн Саббах завещал ожидать в будущем появления имама, который и возглавит исмаилитское государство, а своими преемниками назначил Кийа Бузург Умида и других своих сподвижников. Кийи также передавали власть в своем роду, и во времена их правления не было упоминаний об имамах, якобы тайно проживавших в Аламуте.

Немногочисленные исмаилитские монеты свидетельствуют о том, что именно в это время (40—60-е годы XIII в.) золотые динары чеканились от имени Мухаммеда Бузург Умида с символом, в котором имам Низар рассматривается как вечно живой.

Почему «День Кийамата» провозгласил Хасан ала зикри-хи-с-салям, а не прямые потомки имама Низара? Принимая расчеты, приведенные В. А. Ивановым, Муктади в 1164 г. было бы 77 лет, а ал-Кахиру — 57. Где же был тот имам, от имени которого действовал Хасан ала зикри-хи-с-салям?

Следует заметить, что имапат Хасана ала зикри-хи-с-саляма не обоснован даже с позиций исмаилитской догматики. Основное положение последней гласит, что для каждого времени есть

196

только один имам, независимо от того, пребывает ли он в «открытом» или «скрытом» состоянии. Только после смерти имама его родной сын может стать имамом. Хасан ала зикри-хи-с-салям вначале выступил от имени имама, где-то существовавшего. Затем была выдвинута версия, что он халифе имама и, наконец, имам. Одновременное существование двух имамов исключено. Здесь явное противоречие, очевидное даже с позиций исмаилизма.

Наконец, о Мухаммеде ибн Кийа Бузург Умиде, все поведение которого так резко противоречит выводам В. А. Иванова. Будь в Аламуте потомок Низара, как легко было бы Мухаммеду разоблачить Хасана ала зикри-хи-с-салям, противопоставив ему подлинного имама. Но такового в Аламуте не было. Мухаммед не мог этого не знать. В. А. Иванов хочет объяснить те репрессии, которые обрушил Мухаммед на Хасана ала зикри-хи-с-салям и его сторонников, «стремлением к сохранению строгой дисциплины в общине, вообще соблюдаемой во всех случаях». Как мы показали выше, Мухаммед и его сторонники, отлично понимая социальное и политическое значение выступления Хасана

ала зикри-хи-с-салям и поддержки его народом, шли на любые репрессии, чтобы уничтожить всех своих противников.

В послании имама, прочитанном 17 рамазана в Аламуте, а также в надписи, которая, по словам Джувейни, была выбита на воротах Аламута, Хасан назван сыном Мухаммеда, внуком Кийа Бузург Умида. Им он и был на самом деле. Рассказы о пребывании в Аламутском государстве прямых потомков имама Низара являются легендами. Такими же легендами являются обе версии о том, каким образом Хасан ала зикри-хи-с-салям стал сыном не Кийа Мухаммеда, а имама.

Версия о подмене детей, на реальности которой так настаивает В. А. Иванов, разбивается уже тем, что не было потомков Низара в Аламуте, да и слишком неправдоподобно одновременное рождение обоих младенцев. Возникают еще вопросы: кто организовал подмену детей? И почему не оправдались их надежды на то, что Кийа Бузург Умид и в особенности Мухаммед немедленно и безоговорочно «во имя интересов общины», как считает В. А. Иванов, пойдут на все, жертвуя честью жен, сестер, дочерей и своей собственной ради имама?

Вторая версия о происхождении Хасана ала зикри-хи-с-салям не отличается оригинальностью. Самым простым и давно применявшимся способом для создания любой генеалогии является клевета на родную мать. Объявив ее неверной женой, прелюбодейкой, якобы состоявшей в тайной связи с нужным лицом (в данном случае с имамом), легко установить родство отца и сына между любыми, совершенно чужими друг другу людьми. Эта версия часто встречается в истории, а также в мифологии, эпосе, религиях многих народов, когда нужно дока-

зать необычное или «божественное» происхождение того или иного героя.

Вторая версия тоже рушится, так как имама, с которым изменяла бы мужу мать Хасана, не существовало в Аламуте.

Таким образом, все построения о том, что Хасан ала зикри-хи-с-салям был сыном имама из потомков Низара, являются легендами, весьма противоречивыми. Стремление выявить в них правдоподобные бытовые детали или объяснить их глубоким благочестием исмаилитов не спасает положения.

Историку-марксисту нет необходимости «доказывать» подлинность имамата Хасана ала зикри-хи-с-саляма. Анализ материала неопровержимо доказывает обратное. Он не был подлинным потомком имама Низара. Но это, конечно, нисколько не умаляет всего значения его деятельности. ***Хасан ибн Мухаммед ибн Кийа Бузург Умид вошел в историю исмаилитского государства как одна из самых ярких и интересных фигур.*** Он выступил представителем народных масс, систематически отстаивал их интересы, вооружил их на борьбу с феодальными элементами внутри исмаилитских владений.

Он смело освободил людей от запретов и тягот шариата. Он был создателем низаризма — новой, более демократичной ветви исмаилизма. Легенды о его имамате были нужны ему только для увеличения своего авторитета в массах.

Совершенно исключительный интерес представляет высказывание о Хасане ала зикри-хи-с-саляме великого азербайджанского просветителя Мирзы Фатали Ахундова. К сожалению, он не назвал своего или своих источников. Изложение биографии Хасана ала зикри-хи-с-саляма и провозглашение им «Дня Кийамата» в Аламуте почти совпадают с цитированным выше текстом Джувейни. Сочинение же самого Хасана ала зикри-хи-с-салям, которое полностью приводит Ахундов, востоковедам известно не было и является пока единственным. Это сочинение — письменный отзыв Хасана ала зикри-хи-с-салям на лекцию, комментарий к Корану, прочитанную в Аламуте исмаилитским дай Наджм ад-дином Рудбари. Лекция была посвящена пророку Мухаммеду и его женам. В своем послании Наджм ад-дину Хасан ала зикри-хи-с-салям издевается над престарелым пророком, его юными женами и Аллахом, выступающим в роли сводника. Он пишет: ***«Божество других народов занято важными делами, а божество ваше (Аллах. — Л. С. Занимается глупостями) (улаживанием отношений пророка с его женами).*** И далее: ***«Прошу не обманывать более бедный простой народ, пользуясь его невежеством, и не погрузить его еще более в бездну суеверия и не лишить его совсем достоинства человека».*** Далее при изложении событий 17 рамазана приводятся следующие слова Хасана ала зикри-хи-с-салям: ***«Отныне не держите женского пола в затворничестве, дайте ему воспитание и образование, не угнетайте его. Также более одной жены не***

берите себе, подобно мне, ибо и я сам более одной жены не имею».

Приведя восхваления Хасана ала зикри-хи-с-салям в поэтической и прозаической форме (видимо, взятые из какого-то источника), Ахундов высказывает свое определенное отношение к нему. Хасан ала зикри-хи-с-салям «положил начало протестантизму в исламе». *«Честь и слава тебе, о Ала зикри хи ас селам, что в течение летосчисления гиджры среди мусульманской нации не явился, подобно тебе, ни один венценосец с разумом, с мудростью, с ученостью, с энергией, с предприимчивостью и с нравственностью, который направил бы эту нацию на путь цивилизации, освободил бы ее от невежества, суеверия и несчастия»* (83, с. 111). *«Если бы нация понимала твою цель, твои побуждения, то реформаторы европейские ныне считались бы твоими подражателями, потому что ты предпринял реформацию в то время, когда европейцы еще жарились на инквизиционных кострах».* И Ахундов выражает сожаление, что сочинения Хасана ала зикри-хи-с-салям не дошли до нас, и надеется, что хоть какие-нибудь из них найдутся у исмаилитов Азии и Африки, «а если отыщутся, то могут считаться жемчужинами и изумрудами мусульманской литературы и драгоценным подарком для мыслителей».

Так Ахундов оценил деятельность Хасана ала зикри-хи-с-салям, который в XII в. восстал против уз и оков шариата, призывая к «наукам, познаниям, искусствам... всякого рода доблестным поступкам» (83, с. 109).

Исмаилитское государство с 60-х годов XII в. до 10-х годов XIII в.

После бурных событий, развернувшихся в недолгое правление Хасана ала зикри-хи-с-салям, в истории Аламутского государства наступает почти полувековой период, источниками совершенно не освещенный. Видимо, это дало основание М. Хаджсону в его периодизации назвать годы 1166—1210 «мертвой точкой». Подобная «периодизация» считается удовлетворительной не может. Какими же сведениями об этом полустолетии мы располагаем? Как оценивать это время и к какому периоду истории исмаилитского государства его следует отнести? Реформаторская и демократическая деятельность дорого обошлась Хасану ала зикри-хи-с-салям: 6 раби I 561 г. х. (9 января 1166) в крепости Ламасар его убил брат его жены Хасан ибн Намавар, один из потомков Бундов. «Этот человек не мог терпеть распространения того постыдного заблуждения (проповеди Кийамата.— Л. С.)», — сообщает Джувейни (20, с. 239). С полной уверенностью его следует отнести к тем представителям феодальной группировки, с которыми так упорно боролся Ха-

сан ала зикри-хи-с-салям. На престол вступил 19-летний сын последнего (Нур-ад-дин) Мухаммед (1166—1210). Во внутренней и внешней политике он продолжал курс своего отца. Его первой акцией была месть за убийство Хасана. Он убил не только Хасана ибн Намавара — непосредственного убийцу, но и всех его близких — мужчин, женщин, детей, которые являлись потомками Бундов, чем «пресек корень и потомство Бундов» [20, с. 240; 61, с. 170].

Это истребление потомков Бундов следует рассматривать как разгром политических и классовых противников Мухаммеда.

В проповеди Кийамата и утверждении своего права на имамат он был еще более настойчивым, чем его отец, свидетельствуют Джувейни [20, с. 240] и Рашид ад-дин (61, с. 170). Мухаммед был человеком образованным. В рассылавшихся им посланиях и устных выступлениях он употреблял философские термины, арабские выражения и стихи [61, с. 170]. В рассматриваемое полустолетие, совпадающее со временем правления Мухаммеда, «еретики пролили много крови, возбуждали смуты [мятежи], преграждали дороги, уносили имущество и были в ереси упорными и в вере своей постоянными» [20, с. 241; 61, с. 173]. Только Рашид ад-дин привел интересный и обстоятельный рассказ об отношениях Мухаммеда и ученого Фахр ад-дина Рази, о чем уже говорилось выше. Этим исчерпываются сообщения источников о данном периоде. Однако его нельзя назвать «мертвой точкой» в истории государства исмаилитов. Именно в течение этого пятидесятилетия учение Хасана ала зикри-хи-с-салям — низаризм — получило признание и, заменив «Дават-и джадид» Хасана ибн Саббаха, стало единственным официальным

вероучением исмаилитского государства. Одновременно оно подверглось дальнейшей теоретической разработке.

Фахр ад-дин Рази получал ежегодную пенсию в 365 золотых динаров, что за 45 лет составило 16 425 золотых динаров. Это говорит о значительной величине аламутской казны.

Идрар, назначенный исмаилитскому государству султаном Санджаром, составлял 3000 динаров [20, с. 214; 61, с. 123]. Это говорит о том, что угрозы и подкуп были достаточны, чтобы принудить врагов к выполнению требований, предъявлявшихся к ним исмаилитами. Что касается кровопролития на больших дорогах, захвата имущества мусульман и т. д., то здесь в равной мере могли иметь место как захват исмаилитами имущества феодалов и богатых купцов, так и любые разбои, традиционно приписываемые «проклятым еретикам». При полном отсутствии других свидетельств убедительных аргументов для первого или второго предположений нет.

Победа демократического в своей основе низаризма и разгром феодалов-буидов говорят о том, что данное полу столетие

200

должно быть отнесено к периоду, когда внутреннюю и внешнюю политику исмаилитского государства определяли его демократические силы. Феодальная группировка не была полностью уничтожена и тайно накапливала силы для нанесения ответного удара. Это ей удалось сделать в начале XIII в.

Необходимо отметить, что в это время исмаилитские владения в Сирии не подчинялись Аламуту. После подавления исмаилитских выступлений в Сирии исмаилиты не были истреблены и возобновили свою активность [см. 190]. Путем подкупа или хитрости они завладели крепостями Кадмус, Кахр, Масьяф и др. К середине XII в. в их руках было более десятка крепостей. В 1162 г. Хасан ала зикри-хи-с-салям направил в Сирию в качестве мухташама Рашид ад-дина Синана (1162—1192). Вскоре Рашид ад-дин Синан подчинил себе все исмаилитские владения в Сирии и перестал признавать власть Аламута. О Рашид ад-дине сохранилось мало достоверных сведений, больше легендарных (Абу Фирас, Вильям Тирский и др.). Так, Тирский сообщал, что Рашид ад-дин Синан читал Евангелие, вел переговоры с тамплиерами о принятии исмаилитами Сирии христианства. Эти сведения встречаются у всех исследователей. В наши дни польский ученый И. Хаузинский впервые убедительно показал, что Тирский счел распространявшееся в это время в Сирии учение Хасана ала зикри-хи-с-салям (т. е. низаризм) за христианство. Из-за своей неосведомленности в исламе, исмаилизме, низаризме он в низаритских терминах «махди», «господин времени», «кийамат», «учитель истинный» захотел увидеть соответственно христианские «мессианство», «всевышний бог», «воскресение из мертвых», «Иисус — учитель истинный» и т. д. [234, с. 242 и сл.].

По свидетельству еврейского путешественника из Испании Вениамина Тудельского, бывшего в 1173 г. близ исмаилитских владений в Сирии, они процветали в экономическом отношении. Ряд террористических актов, осуществленных фидаями Рашид ад-дина Синана против мусульманских и христианских феодалов, породили у них боязнь «старца горы». Широкий резонанс получило убийство в 1192 г. герцога Конрада Монферратского. Кроме ранее упомянутых работ М. Дефремери [227], Ст. Гюйяра [232], Ван Берхема [297] и др. в XX в. об исмаилитах Сирии писали Ф. Хитти [238], М. Хаджсон [239], Ч. Новелл [281], Б. Льюис [266] и др. Однако изучение исмаилитов Сирии в XII в. и позднее лежит за пределами данной темы.

201

ГИБЕЛЬ ИСМАИЛИТСКОГО ГОСУДАРСТВА (10-е годы XIII в.— 1256 г.)

Политическая борьба

К началу XIII в. в исмаилитском государстве резко обострились внутренние противоречия. Шла напряженная борьба между двумя группировками. Одна из них — феодальная — стремилась порвать с низаризмом и возвратиться в лоно ислама, установить контакт с феодалами близких и дальних владений, свободно распоряжаться своими богатствами и приумножать их. К уравнильным стремлениям рядовых исмаилитов лица, принадлежащие к этой группе, относились резко враждебно. Удельный вес этой группы в исмаилитском государстве все возрастал.

Вторая группировка — демократическая — стояла по всем вопросам на диаметрально противоположных позициях. Она сохраняла приверженность низаризму, была враждебна окружающим исмаилитское государство феодалам, непримирима к «своим» феодальным элементам, поддерживала стремление к имущественному равенству, воевала с монголами. Борьба этих группировок явилась одной из важнейших причин гибели исмаилитского государства.

Обе группы старались заручиться поддержкой правителя Аламута или его наследника. К началу XIII в. феодальная группировка ориентировалась на старшего сына Мухаммеда — Джелаль ад-дина Хасана, который родился в 562/1166/67 г. и еще в детстве был объявлен отцом его наследником [20, с. 242]. В источниках не найдено какой-либо его личной характеристики. Известно только, что его мать была мусульманкой (не-исмаилиткой). Остается неясным, почему наследник престола возглавил феодальную группировку, резко враждебную Мухаммеду.

«Когда Джелаль ад-дин Хасан вырос и в нем проявились следы разума, он стал отрицать путь своего отца и почувствовал отвращение к обычаям ереси и дозволенности (т. е. низаризму—Л. С.)» [20, с. 242]. Мухаммед знал об этом, и отношения между отцом и сыном испортились. Их взаимное недоверие дошло до такой степени, что, когда Джелаль ад-дин Ха-

202

сан присутствовал во дворце на приемах, отец, относившийся к нему с опаской и недоверием, надевал под одежду кольчугу. Мухаммед всегда держал при себе верных людей, которые могли защитить его, если бы сын замыслил против него заговор. Трудно сказать, когда Джелаль ад-дин Хасан, то ли из-за ортодоксальности его веры, то ли из вражды к отцу, стал тайно заверять багдадского халифа, султанов и правителей' других земель, что в противоположность отцу он по своей вере является мусульманином и, когда придет его черед царствовать, он уничтожит ересь и восстановит соблюдение шариата. «Так он мостил путь и делал приготовления к будущему» [20, с. 242].

10 раби I 607 г. х. (1 сентября 1210) Мухаммед умер. «Некоторые говорят, что он был отравлен», — одинаково свидетельствуют Рашид ад-дин и Джувеини.

С приходом к власти Джелаль ад-дина Хасана (1210— 1221) и поддерживавшей его феодальной группировки была немедленно изменена вся внешняя и внутренняя политика исмаилитского государства, проводившаяся свыше столетия.

Новый курс, взятый Джелаль ад-дином Хасаном, включал полный разрыв с низаризмом и провозглашение суннитского ислама, прекращение всякой борьбы исмаилитов с феодальными государствами и установление дружественных и родственных связей с их крупнейшими представителями. При вторжении монголов в государство хорезмшахов Джелаль ад-дин Хасан немедленно выразил полную покорность Чингисхану.

С момента вступления на престол Джелаль ад-дина Хасана суннизм стал официальной религией исмаилитского государства. Джелаль ад-дин Хасан сурово упрекал свой народ в приверженности к ереси, запретил следовать ей и понуждал принять ислам (т. е. суннизм) и следовать законам шариата [20, с. 242; 61, с. 174].

По его приказу в каждой деревне были построены мечети и бани, восстановлены призыв к молитве, обязательность молитвы и соблюдения поста. Тайные мусульмане-сунниты, проживавшие в исмаилитском государстве, которые прежде должны были подчиняться установлениям низаризма, стали теперь людьми уважаемыми и почитаемыми (61, с. 174).

Джелаль ад-дину Хасану было чрезвычайно важно добиться признания феодалов. С этой целью он отправил послов к багдадскому халифу ан-Насиру, Мухаммеду хорезмшаху, меликам, султанам и эмирам Ирака и других стран. Он извещал их о переменах, происшедших в его государстве. А так как еще при жизни отца он сообщал им всем о своих намерениях, то ему поверили, особенно в Багдаде. При дворе халифа послам Джелаль ад-дина Хасана преподнесли халаты, немедленно установили регулярную переписку и обмен послами. Джелаль ад-дину Хасану были оказаны различные почести, прочтена хутба на

203

его имя, и особый приказ халифа подтверждал его обращение в ислам. Специальные фетвы были разосланы во все мусульманские страны, которые подтверждали обращение в лоно ислама Джелаль ад-дина Хасана и его народа и разрешали общение и браки с ними. Он стал известен как Джелаль ад-дин Ноу-Мусульман, и во время его царствования его последователей называли Ноу-Мусульманин [20, с. 243; 61, с. 174].

Как только в его владениях было закончено строительство мечетей, Джелаль ад-дин Хасан пригласил ¹ из Хорасана и Ирака ученых — знатоков ислама и шариата. Им оказали всяческий почет и уважение и назначили казнями, проповедниками и другими религиозными деятелями в его государстве.

Признание феодалами факта принятия ислама Джелаль ад-дином Хасаном и его народом проходило далеко не гладко. Чтобы добиться этого признания, Джелаль ад-дин Хасан шел на любые меры. Жители Казвина сперва отказались признать Джелаль ад-дина Хасана и низаритов мусульманами. Это объясняется и «чистотой веры» казвинцев, и тем, что они давно страдали от притеснений исмаилитов, упорно воевали и враждовали с ними. Казни и имамы Казвина потребовали доказательств и очевидных оснований, подтверждающих искренность Джелаль ад-дина Хасана. Тогда он попросил, чтобы из Казвина в Аламут послали несколько человек из знати (айан) для просмотра библиотек Хасана ибн Саббаха и предков Джелаль ад-дина Хасана. Было отобрано большое количество посланий (трактатов) его отца, деда и Хасана ибн Саббаха и других книг, содержащих «изложение их ереси и неверия и противоречащих верованиям мусульман». Джелаль ад-дин Хасан приказал все эти труды сжечь в присутствии знати Казвина, и он изрек проклятия и хулу своим предкам и основателям этого учения [20, с. 244; 61, с. 175]. Видимо, эти устные проклятия оказались недостаточными. Тогда Джелаль ад-дин Хасан письменно заявил о своем полном разрыве с низаризмом. «Я видел, — рассказывает Джувейни, слова которого относятся ко второй половине XIII в., — письмо в руках знатных лиц и казиев Казвина, продиктованное Джелаль ад-дином Хасаном, в котором он говорил о своем принятии ислама и законов шариата, освобождении от ереси и верований своих праотцов и предков. И Джелаль ад-дин Хасан несколько слов собственной рукой на этом письме написал и в подтверждение своего освобождения от их мазхаба, когда дошел до имени своего отца и предков, присоединил к ним проклятие: „Да сожжет Аллах их могилы"» [20, с. 244].

После этого у мусульман к Джелаль ад-дину Хасану и его последователям обнаружилась приязнь, и халиф и султаны за

¹ Ибн ал-Асир без упоминания имени правителя ошибочно датирует это приглашение 557/1161/62 г. вместо 607/1210/11 г. [24, т. XI. с. 190].

204

претили своим подданным преследовать или убивать их [61, с. 176].

В 609/1212/13 г. мать Джелаль ад-дина Хасана, которая была мусульманкой, отправилась в хадж. В Багдаде, при дворе халифа, ее встретили с большим почетом и уважением, и на пути в Мекку ее караван паломников был помещен впереди караванов других медиков и султанов. «По этой причине, — добавляет Рашид ад-дин, — султан Мухаммед хорезмшах на халифа ан-Насира обиделся. И это стало началом [исходным пунктом] его вражды и причиной разногласия и отдаления [от халифа]» [61, с. 176].

Для закрепления своих отношений с феодальной знатью Джелаль ад-дин Хасан посватал себе жен у эмиров Гиляна. Встретив с их стороны отказ, Джелаль ад-дину Хасану пришлось обратиться за помощью в Багдад. Только после того как халиф ан-Насир, по обычаю ислама, дал разрешение эмирам Гиляна на заключение браков с Джелаль ад-дином Хасаном, его сватовство было принято. Он взял четырех жен. Первая из них стала матерью Ала ад-дина.

Джелаль ад-дин Хасан принял активное участие в феодальных усобицах. Он завязал тесную дружбу с атабеком Музаффар ад-дином Узбеком, падишахом Аррана и Азербайджана. Врагом атабека был правитель Ирака — Насир ад-дин Мангли. Зная о дружбе между атабеком и Джелаль ад-дином Хасаном, Мангли вознамерился атаковать государство последнего. Атабек и Джелаль ад-дин Хасан заключили союз, и в 610/1213/14 г. Джелаль ад-дин Хасан прибыл в Азербайджан для помощи атабеку и войны с Мангли. (Отметим, что это был первый случай в истории Аламутского государства, когда его правитель покинул пределы своих владений для участия в усобицах феодалов.) В течение полутора лет Джелаль ад-дин Хасан оставался в его государстве. Атабек обращался с ним с большим уважением, и между ними установились братские отношения. Атабек посылал ему огромное количество продовольствия и такое количество денег, что после удовлетворения потребностей Джелаль ад-дина Хасана во всякого рода провианте и после траты на дары и почетные одежды, которые он раздавал не только среди высших военачальников, но и среди большинства войск, атабек посылал еще «ежедневно 1000 (парпара) ² золотых динаров в его сокровищницу на текущие нужды» [20, с 245—246; 61, с. 176].

Джелаль ад-дин Хасан вместе с атабеком Узбеком, оставаясь некоторое время в Байлакане, послали гонцов в Багдад, Сирию и другие страны, прося помощи для изгнания Мангли из Ирака. Такая помощь была получена, и в 611/1213/14 г.

² Парпара или перпера — византийская денежная единица, равная ш шиллингам 6 пенсам (по курсу начала XX в.) (65, примеч. к пер., с. 1921.

205

Мангли был разбит объединенными армиями своих врагов и смещен с должности правителя Ирака. На его место был назначен Сайф ад-дин Оглымыш.

Абхар и Зенджан были даны Джелаль ад-дину в возмещение его усилий, и в течение нескольких лет эти два города и их области находились под управлением его амилей и уполномоченных.

После полуторагодичного пребывания в Ираке, Арране и Азербайджане Джелаль ад-дин Хасан возвратился в Аламут. К этому времени его стали повсеместно считать правоверным мусульманином.

Халиф ан-Насир, многократно поддерживая Джелаль ад-дина Хасана, имел в отношении его свои личные тайные цели. По словам Джувейни, халиф попросил прислать ему группу фидаев, и Джелаль ад-дин Хасан послал ему отряд, приказав выполнять любые распоряжения халифа. Ан-Насир пожелал использовать фидаев против своего врага, правителя Мекки, и послал нескольких из них заколоть его. Но фидай ошиблись, и вместо правителя Мекки был убит его брат [20, с. 120—121]. Кроме того, халиф послал нескольких фидаев убить Сайф ад-дина Оглымыша, который с его одобрения был назначен правителем Ирака. Сайф ад-дин Оглымыш происходил из рабов атабека Узбека, затем был на службе хорезмшаха Мухаммеда. В связи с ухудшением отношений между Мухаммедом хорезмшахом и халифом ан-Насиром последний, видимо, и решил уничтожить Сайф ад-дина Оглымыша. На этот раз фидай не ошиблись, и в начале 614 г. х. (весна — лето 1217) Сайф ад-дин Оглымыш был убит (см. гл. IV).

При приближении монголов к государству хорезмшахов Джелаль ад-дин Хасан занял полностью капитулянтскую позицию. Он тайно направлял гонцов к Чингисхану и посылал ему письма, в которых выражал свою покорность и подчинение. Когда же войска Чингисхана вторглись в Мавераннахр, то первым человеком, который направил послов и выразил покорность, был Джелаль ад-дин Хасан [20, с. 248; 61, с. 177].

Чем была вызвана такая политика? Достоверными сведениями о том, что представляли собой монголы, надеждой сохранить свои владения от разгрома, сознанием своей слабости, страхом перед собственным народом? Все эти причины сыграли свою роль.

Внешняя политика Джелаль ад-дина Хасана находила поддержку в феодальных кругах исмаилитского государства, которые в годы его правления заняли ведущее положение в области политической. В области же экономической они уже давно играли решающую роль, так как сосредоточили в своих руках управление или обладание почти всеми материальными ценностями исмаилитского государства.

В середине рамазана 618 г. х. (начало ноября 1221) Джелаль

206

ад-дин Хасан умер. Есть подозрения, что он был отравлен своими женами, сестрой и

некоторыми родственниками.

Насильственная смерть Джелаль ад-дина Хасана и немедленное изменение всей проводимой им политики на диаметрально противоположную свидетельствуют о том, что к власти пришли его политические противники — выразители стремлений и интересов простых исмаилитов. На престол вступил единственный сын Джелаль ад-дина Хасана — девятилетний Ала ад-дин (1221—1255), который в первые годы своего правления, естественно, не мог оказывать никакого влияния на политику исмаилитского государства.

Вазир, который по завещанию Джелаль ад-дина Хасана был руководителем государства и воспитателем его сына Ала ад-дина, убил сестру, жен и многих близких родственников, приближенных покойного по подозрению в его отравлении [20. с. 249: 61, с. 178].

Нет сомнения, что репрессии были обрушены не только на подлинных виновников смерти Джелаль ад-дина Хасана; под этим предлогом было разгромлено все ближайшее окружение последнего — мусульманские феодалы.

Во время правления Ала ад-дина в области внутренней политики произошли большие изменения. Прежде всего было покончено с правоверным исламом, и низаризм, приверженность к которому сохранялась среди простых исмаилитов, стал снова официальной религией исмаилитского государства.

Террор против феодальной знати, владения которой были за пределами исмаилитского государства, почти прекратившийся в 60-е годы XII в., иногда вспыхивал вновь. Как показано выше, террористических актов было совершено немного, но политический эффект, производимый ими, был значителен и получил широкий, сильно преувеличенный резонанс.

Целый ряд совершенно независимых друг от друга источников сообщает о террористической деятельности исмаилитов в 20—50-х годах XIII в. Армянский историк Киракос Гандзакеци рассказывает об исмаилитах: «Долго скитаются они с места на место в разных переодеваниях, пока найдут удобный случай умертвить лицо, им указанное. Поэтому все князья и цари боятся их и платят им дань. Они с чрезвычайной точностью исполняют приказания своего князя, даже нередко жертвуя при этом своей жизнью» [36, с. 8].

Весть о деятельности фидаев, осуществлявших убийства феодальной знати, которые готовились при дворе Ала ад-дина, разнеслась так далеко и широко, что о ней узнал и рассказал в своем сочинении Марко Поло, находившийся в 70—90-е годы XIII в. в столь далеком от Ирана Китае.

Характерной чертой нового курса исмаилитского правительства явилось смещение назначенных еще Джелаль ад-дином Хасаном правителей областей или отдельных крепостей. Все эти

правители располагали большими материальными средствами, были широко известны своим покровительством мусульманам или сами являлись мусульманами.

Замена этих лиц представителями демократических кругов исмаилитского государства проходила в обстановке острой классовой борьбы и имела подчас драматический характер. Исключительно ценные сведения об этих событиях сообщает историк Джузджани, который трижды — в 1224, 1225, 1226 гг. — совершал путешествия в исмаилитские владения, в том числе в провинцию Кухистан и г. Каин.

В 621/1224 г., после того как основная часть монгольских войск покинула Хорасан, Джузджани приехал в Каин. «В то время мухташамом Кухистана, — сообщает Джузджани, — был Шихаб ад-дин Майсур Абу л-Фатх. Я нашел его чрезвычайно знающим в науках и философии; во всем Хорасане я не встречал ни одного философа или ученого, которого могли бы с ним сравнить. Он покровительствовал иностранцам и брал под свою защиту тех мусульман Хорасана, которые искали его защиты. Он часто беседовал с учеными лицами этой провинции, подобными имаму Афзаль ад-дину Бамиани, имаму Шамс ад-дину Хосровшаху и другим ученым Хорасана, которые являлись к нему, свидетельствовал им уважение и обходился с ними хорошо. Мне рассказывали, что в течение двух-трех лет, пока длилось первое нашествие монголов на Хорасан, 1700 почетных одежд и 700 коней с седлами были розданы из его сокровищницы и конюшни ученым и иностранцам» [23, т. II, с. 1198].

Нет никакого сомнения в том, что, если бы познания Шихаб ад-дина были основаны на исмаилизме, они не могли бы вызвать восхищения ни Джузджани, ни ученых Хорасана. В его лице следует видеть высокообразованного мусульманина-суннита. Это подтверждается и тем, что Шихаб ад-дин «покровительствовал», «брал под свою защиту», «щедро одаривал» мусульман Хорасана и «иностранцев» (в последних следует

видеть прибывших в исмаилитские владения тех же правоверных мусульман).

Необходимо обратить внимание на то, какими значительными материальными средствами располагал Шихаб ад-дин. Политика покровительства мусульманам и щедрое одаривание их из общественных средств вызвали резкий протест рядовых исмаилитов. «Так как милости и благодеяния к мусульманам, общение и сношение с ними мухташама Шихаба стали очень частыми, секта мулахидов (низаритов. — Л. С.) послала письмо [отчет] в Аламут со словами: „Очень скоро мухташам Шихаб отдаст все имущество давад-хана (дома проповеди. — Л. С.) мусульманам“. И из Аламута пришел указ, вызывающий его туда, и управление Кухиستانом было доверено Шамс ад-дину Хасан-и Ихтийару» [23, т. II, с. 1198].

Важно отметить, что протест против деятельности Шихаб

208

ад-дина исходил от простых исмаилитов. Он был вызван не какими-либо особыми притеснениями жителей Кухистана, а их недовольством тем, что неправильно растрачивается на нужды правоверных мусульман имущество дома проповеди. Тот факт, что требование простых исмаилитов Каина было немедленно удовлетворено правительством Аламута, лишний раз свидетельствует о демократическом характере последнего.

Джуджани, вторично приехавший в Каин в 1225 г. с дипломатическим поручением, называет Шамс ад-дина оружейником или воином. Это говорит о том, что на важнейшей должности правителя всего Кухистана философ и ученый-суннит был заменен низаритом. Ярким свидетельством того, что новый, демократический курс, проводившийся правительством Ала ад-дина, вызвал острое сопротивление феодальных сил, является интересный рассказ Джуджани. «Я видел, — рассказывает историк, — около него [мухташама Шамс ад-дина] одного верующего, уроженца Нишапура, который [ранее] был в числе придворных хорезмша-ха Мухаммеда и его матери Малек-и Джихан (т. е. Туркан-ха-тун. — Л. С.). Во времена могущества хорезмшаха и его матери этот человек пользовался их расположением и покровительством. Он заботился об интересах мухташама Шихаб ад-дина при дворе султана (т. е. хорезмшаха. — Л. С.), относился с почтением к его посланцам и улаживал дела, которые они имели в царской резиденции. Когда произошло нашествие Чингисхана и рассеялись жители столицы и Хорасана, этот верующий нашел убежище в Кухистане по причине его давних отношений с Шихаб ад-дином. Благодаря своим прежним услугам он пользовался его полным доверием и видел себя предметом [объектом] глубокого почитания» [23, т. II, с. 1198].

После отставки Шихаб ад-дина и назначения на управление Кухиستانом Шамс ад-дина этот верующий, естественно, потерял свое влиятельное положение. Он захотел отомстить за Шихаб ад-дина и убить Шамс ад-дина («получить счастье убийства и совершить действие человека, преданного войне за веру»).

Однажды «он вошел в приемную залу Шамса и сказал ему: „Мне нужна встреча наедине, так как я должен сообщить тебе важные дела“. Шамс велел всем удалиться. Верующий сказал: „Я не чувствую себя спокойно, так как не уверен в том, что, пока я говорю с тобой, не войдет кто-нибудь посторонний и не прервет моего сообщения. Если мухташам позволит мне запереть изнутри дверь залы, я буду избавлен от всякого беспокойства“. Мухташам ответил: „Это тебе позволено. Нужно задвинуть засов“. Верующий запер дверь и сел возле Шамса. Шамс имел привычку всегда держать около себя хорошо отточенный кинжал индийской работы и время от времени брать его в руки. Верующий повернулся к нему и сказал: „Я подвергнут несправедливости в твоём городе и твоём владении.

14 Зн. 586

209

Почему тебе дали в руки этот кинжал? Чтобы ты удалял от слабых тиранию и гнет. Доверь мне этот кинжал, чтобы я увидел, хорошо ли он наварен сталью [наточен]». Шамс, видя, что этот человек был слаб, и не боясь видеть в нем проявления непокорности, отдал ему в руки кинжал. Верующий схватил кинжал, бросился на Шамса и ранил его в нескольких местах. Была зима, и на мухташама были надеты две меховые одежды, мех которых был повернут наружу. Верующий был стар и невысок ростом, поэтому нанесенные им раны не дали большого результата. Если бы он был молод и дело было летом, конечно, мухташам отправился бы в ад. Раненый мухташам поднялся, схватил своего обидчика и позвал на помощь. Несколько еретиков, находившихся около приемной залы, выломали дверь и убили верующего» [23, т. II, с. 1198].

Немедленно в другом крупном городе исмаилитского государства — Туне — проявилось широкое возмущение покушением на Шамс ад-дина, и гнев его жителей готов был обрушиться на находившихся там мусульман. «В Туне поднялся беспорядок, и исмаилиты захотели перебить мусульман, чуждых городу (иностранцев). Но мухташам [Шамс ад-дин] поторопился приказать, чтобы объявили следующее: „Пусть никто не причинит зла ни одному мусульманину, так как не следует убивать большинство мусульман из-за действия, совершенного одним лицом"» [23, т. II, с. 1199]. Этот приказ был выполнен жителями Туна. Никто из мусульман не потерпел притеснений. Только один почитаемый и ученый имам, которого звали Наджм ад-дин Сербари Руми, был убит каким-то исмаилитом в результате личной вражды. Его убийца был повешен.

Все эти факты являются ярким доказательством того, что в Аламуте и в Кухистане между феодальной и народной группировками шла острая борьба. Рассказ Джузджани проливает свет на некоторые стороны жизни в исмаилитских владениях. Здесь имело место безоговорочное подчинение исмаилитов приказам своих демократических властей. Как ни сильна была ненависть простых исмаилитов к чужакам-мусульманам и как ни глубоко было возмущение попыткой убийства Шамс ад-дина, они незамедлительно выполнили приказ последнего. Этот приказ мог быть продиктован нежеланием развязывать внутреннюю борьбу в исмаилитском государстве, особенно нежелательную в тяжелой обстановке монгольского вторжения. Он мог быть продиктован также стремлением исмаилитских властей сохранить безопасность тех лиц, которые искали защиты у исмаилитов.

Обращают на себя внимание демократизм и доступность Шамс ад-дина в качестве мухташама Кухистана. Прекрасно зная биографию этого верующего, его близость ко двору хорезмшаха, преданность Шихаб ад-дину, недовольство ухудшением своего положения и враждебность к нему самому, он по

210

первой просьбе дал ему аудиенцию. Не приходится сомневаться, что Шамс ад-дин был не менее доступен народу, простым исмаилитам, по требованию которых был смещен его предшественник Шихаб ад-дин.

Демократическое правительство Ала ад-дина изменило соглашательскую политику его предшественника в отношении монголов. Теперь исмаилиты заняли позицию, резко враждебную завоевателям.

Нет необходимости останавливаться на страшном вторжении монголов в государство хорезмшахов, разорении страны, уничтожении сотен тысяч людей, опустошении городов и т. д. Все это хорошо известно.

Отметим только следующее. Везде местная феодальная знать шла на капитуляцию перед завоевателями, рассчитывая этим спасти свою жизнь и имущество. Народные массы Ирана в ряде случаев оказывали монголам героическое сопротивление. Но у них не было единого руководства, и разрозненные очаги сопротивления один за другим гасли под ударами завоевателей.

Исмаилиты и хорезмшах Джелаль ад-дин (1221—1231)

Попытку объединить и возглавить борьбу с монголами сделал последний хорезмшах — Джелаль ад-дин. В 1221 г. в Перванской степи, близ Кабула, он победил и обратил в бегство большое монгольское войско. Это было первое поражение, нанесенное монголам со времени их вторжения в Мавераннахр и Иран. Хотя в том же году Джелаль ад-дин был разбит Чингисханом и бежал в Индию, слава победителя и борца с монголами упрочилась за ним. Его личное мужество и храбрость вызвали восхищение самого Чингисхана. После возвращения из Индии (1225 г.) и до конца дней своих Джелаль ад-дин не прекращал борьбы с завоевателями. Его деятельность отражена во многих источниках (Джувейни, Несеви, армянские историки) и привлекала многих исследователей (И. П. Петрушевский [139; 144], Л. О. Бабаян [85], Л. В. Строева [180] и др.).

Джелаль ад-дин пытался создать союз государств Закавказья и Передней Азии для общей борьбы с монголами, но безуспешно, и тогда сам выступил в роли завоевателя. Он опирался только на своих военных сподвижников — феодалов. Джелаль ад-дин боялся народа и не хотел опереться на него. Стремление к антимонгольской борьбе было общим и для исмаилитов и для Джелаль ад-дина. Именно это определило всю политику демократического правительства Ала ад-дина в отношении хорезмшаха.

Историк Несеви, который с 1225 г. являлся секретарем Джелаль ад-дина и был хорошо осведомлен о всех его делах, особенно подробно сообщает о его отношениях с исмаилитами.

Первое сообщение Несеви о встрече Джелаль ад-дина с исмаилитами относится к 624/1226/27 г. Инициатива принадлежала исмаилитам. Джелаль ад-дин дал Хорасан в удел своему дяде по матери Урхану. Уполномоченные Урхана разграбили и разорили примыкавшие к Хорасану владения исмаилитов — район Туна, Каина и Кухистана [53, т. I, с. 79].

Исмаилиты, не желая ссор с Джелаль ад-дином, попытались уладить дело мирным путем. Посол исмаилитов по имени ал-Кемаль явился с жалобой в Хой к Джелаль ад-дину, который устроил ему очную ставку с Урханом. Услышав угрозы исмаилита, Урхан стал вытаскивать из-за голенищ, из-за пазухи и из-за пояса кинжалы, крича: «Вот наши кинжалы, а у нас кроме них есть сабли, еще более острые, закаленные и смертоносные. Вы ничего не можете поделать против этого!» [53, т. I, с. 133]. Посол ушел ни с чем. Этой угрозой Урхан, один из крупнейших военачальников Джелаль ад-дина, хотел показать, что он не боится исмаилитов и знает, что им нечего противопоставить открытой военной силе. Но Урхан недооценил исмаилитов. Вскоре в окрестностях г. Ганджи на Урхана, ставшего в то время наместником города, набросились три исмаилита и убили его. Продолжая старые традиции создавать возможно больший эффект от совершаемых террористических актов, исмаилиты с кинжалами в руках вошли в Ганджу, громко прославляя Ала ад-дина. Они направились во дворец вазира Джелаль ад-дина, Шараф ал-Мулька, но, не найдя его там, поранили одного из слуг. Исмаилиты-убийцы были побиты камнями и растерзаны жителями Ганджи [53, т. I, с. 132—133].

Политический эффект от этого убийства был значителен. Вести о нем распространились широко и стали известны также и среди народов Закавказья, терпевших притеснения от военачальников Джелаль ад-дина. Об убийстве Урхана сообщает и армянский историк Киракос Гандзакеци, автор, совершенно независимый от Несеви. Он пишет: «Урхан особенно сильно угнетал жителей г. Ганджака, и не только христиан, но и персов, требуя от них податей; но он вскоре был убит в этом городе Мелахидами (исмаилитами. — Л. С), которые имеют обыкновение совершать подобные убийства» [36, с. 8]. Ни тени сожаления об убитом Урхане, которого ненавидели жители Ганджи, нет в словах армянского историка, которыми он заканчивает этот рассказ: «Так погиб злодей от рук злодеев, которых едва могли, и то издали, убить стрелами, в то время как они, нанося раны встречным, успели почти пробежать весь город» [36, с. 9]. Исмаилиты пошли на это убийство только после того, как оказалась безрезультатной их попытка просить защиты против Урхана у Джелаль ад-дина, а так как он устранился от разрешения вопроса, исмаилиты сами расправились с Урханом.

В это же время еще один посол Аламута, по имени Бадр ад-дин Ахмед, также по инициативе исмаилитов, был направлен

212

к Джелаль ад-дину. Целью его поездки было урегулирование спорного вопроса о г. Дамган, захваченном исмаилитами. Во время монгольского вторжения и вызванного им всеобщего разорения исмаилиты стали захватывать в Кухистане и поблизости от него лишённые защиты города и укрепленные замки или покупать их у их владельцев. Так, исмаилиты купили в Нимрузе (Систане.— Л. С.) у Османа, племянника правителя этой области Иамин ад-дина Бахрамшаха, крепость Шаханша-хи и некоторое время владели ею. Вскоре Бахрамшах потребовал возврата этой крепости, угрожая в случае отказа немедленно применить силу. В ответ на это в 618/1221/22 г., в пятницу, когда он шел на молитву в мечеть, посреди базара четыре фидая убили его [23, с. 195]. Исмаилиты Кухистана давно враждовали с Бахрамшахом.

Совсем иначе реагировали исмаилиты на требование Джелаль ад-дина возратить ему Дамган. Посол Аламута Бадр ад-дин Ахмед успел доехать только до Байлакана, когда узнал о смерти Урхана и гибели убивших его исмаилитов. Боясь за свою жизнь и не зная, продолжать ли ему путь или возвращаться, он написал вазиру Шараф ал-Мульку, прося его совета. Тот, опасаясь нового покушения со стороны исмаилитов, письменно пригласил Бадр ад-дина приехать к нему и обещал уладить все его дела. Вопрос о Дамгане был разрешен следующим образом: «Дамган оставался во власти исмаилитов, которые обязались за это вносить в казну султана (Джелаль ад-дина.—Л. С.) сумму в 30 000 динаров в год» (53, т. I, с. 133). Это решение было закреплено соответствующим декретом.

Вазир Шараф ал-Мульк удержал Бадр ад-дина при себе, видя в нем своего

защитника от исмаилитов. Посол Аламута сопровождал вазира в походе в Азербайджан и стал частым гостем на его публичных приемах и частных собраниях. Однажды, в минуту откровенности, под влиянием винных паров, Бадр ад-дин закричал: «В твоём войске, которое находится здесь, есть исмаилиты, и они так хорошо устроились среди вас, что не отличаются от твоих слуг. Одни из них служат в конюшне, другими распоряжается начальник хаджибов султана». Вазир Шараф ал-Мульк стал просить, чтобы он ему показал некоторых из них, и в знак безопасности дал свой платок. Бадр ад-дин позвал пять своих исмаилитов, которые явились немедленно, и один из них, индиец, сказал вазиру: «В такой-то день в таком-то месте я мог убить тебя и если не сделал этого, то только потому, что ждал приказа о выполнении». Услышав эти слова, Шараф ал-Мульк сбросил верхнюю одежду и, оставшись в одной рубашке, сказал: «Зачем все это? Чего хочешь от меня Ала ад-дин? Какую ошибку или упущение я сделал, что он хочет моей крови? Я его раб, так же как раб султана. Вот я в ваших руках, делайте со мной все что хотите» [53, т. I. с 133—134].

213

Когда Джелаль ад-дин узнал об этом, он страшно разгневался и приказал Шараф ал-Мульку, чтобы тот немедленно сжег всех пятерых исмаилитов перед своей палаткой. Стремление вазира спасти исмаилитов оказалось безрезультатным. Исмаилиты, брошенные в огромный костер, до последнего вздоха прославляли Ала ад-дина.

Попытка исмаилитов разыскать Шараф ал-Мулька в Гандже с целью убить или просто припугнуть его, а также засылка в его лагерь тайных шпионов были далеко не случайными. Шараф ал-Мульк был тайным врагом Джелаль ад-дина.

Яркую характеристику Шараф ал-Мулька как политического деятеля и человека дал И. П. Петрушевский. «Деятельность Шараф ал-Мулька, — пишет он, — сыграла трагическую роль в эпопее Джелаль ад-дина и в большой степени способствовала его гибели» (139, с. 391).

Исмаилиты, зная о нелюбви Джелаль ад-дина к вазиру, той отрицательной роли, которую он играл в окружении султана, учитывая его алчность и беспринципность, сочли нужным держать его под своим неустанным наблюдением.

Вскоре еще один посол из Аламута, по имени Салах ад-дин, приехал к Шараф ал-Мульку в Бердаа и заявил: «Ты сжег пятерых исмаилитов, если ты хочешь сохранить свою жизнь, ты должен заплатить 10 тыс. динаров за каждого из них в виде мировой сделки». Насмерть перепуганный вазир окружил посла необычайными почестями и осыпал его дарами. Потом он приказал Несеви составить на имя дивана декрет, который сокращал на 10 тыс. динаров тот ежегодный взнос в 30 тыс. динаров, который исмаилиты обязались выплачивать за Дамган. Шараф ал-Мульк приложил свою печать к этому декрету (53, т. I, с. 134).

В 625/1227/28 г. в связи с наступлением бесчисленных орд монгольских войск на Центральный Иран отношения исмаилитов и Джелаль ад-дина активизировались и затронули целый ряд переплетавшихся между собой политических и экономических вопросов.

Первым был вопрос о Гийас ад-дине (брате Джелаль ад-дина). Во время крупной битвы с монголами под Исфаханом 22 рамазана 625 г. х. (26 августа 1228) Гийас ад-дин изменил и вместе с частью войска, которым он командовал, бежал с поля боя. Верная победа была вырвана из рук Джелаль ад-дина. Гийас ад-дин бежал в Хузестан и попросил багдадского халифа помочь вернуть владения, захваченные его братом. В Багдаде, враждебном Джелаль ад-дину, немедленно откликнулись и послали 30 тыс. динаров. Гийас ад-дин испугался результатов своей деятельности и бежал в Аламут, прося там убежища. Исмаилиты с целью предотвратить усобицу взяли на себя посредничество между братьями. Когда же Джелаль ад-дин простил брата и прислал за ним своих людей, исмаилиты, не же

214

лая выдавать Гийас ад-дина, дали ему коней и помогли бежать в Керман, где он вскоре и погиб [53, т. I, с. 143—144; 202].

В это же время из Аламута к Джелаль ад-дину прибыл посол и привел с собой девятерых фидаев, которые были готовы убить любых врагов Джелаль ад-дина. Последний послал фидаев обратно со следующим ответом: «Как и все, вы отлично знаете, кто наши враги и противники и кто наши друзья и союзники. Если вы хотите

делать, о чем говорите, ничто не мешает вам действовать и нет необходимости давать вам указания. Мы же не налагаем на вас подобного обязательства. Наши острые сабли и смелые воины избавляют нас от необходимости прибегать к руке и кинжалу исмаилитов» (53, т. I, с. 145]. Как видим, ответ был дипломатичен и предоставлял исмаилитам полную свободу действий.

Джелаль ад-дин поручил вазиру Шараф ал-Мульку захватить посланца монголов, который с исмаилитским караваном якобы направлялся в Сирию, и приказал останавливать в пути каждый караван, направляющийся в Сирию или идущий из Рума к исмаилитам. Единственной целью Джелаль ад-дина было захватить монгола и уличить халифа и некоторых других владетелей и сношениях с его врагами. Люди Шараф ал-Мулька разграбили исмаилитский караван и без предупреждения убили 70 караванщиков; никаких монголов среди них обнаружено не было (53, т. I, с. 158].

И на это истребление своих людей и потерю имущества исмаилиты реагировали крайне сдержанно. Не последовало никаких актов мести в отношении вазира, лично повинного в грабеже. Джелаль ад-дин принес извинения за пролитую кровь. Однако исмаилитам была возвращена крайне незначительная часть каравана — 30 тыс. динаров и 10 арабских коней (53, т. I, с. 158].

Отказ Джелаль ад-дина от предложенной ему помощи и разграбление каравана, конечно, задели исмаилитов, и они захотели немного досадить Джелаль ад-дину. Тогда уверенные в том, что для Джелаль ад-дина его брат уже совершенно безопасен, они не выдали его и помогли ему бежать.

Джелаль ад-дин рассердился на исмаилитов. Однако никаких враждебных действий не предпринял. Именно в это время один из эмиров Ирака, зная о недовольстве Джелаль ад-дина исмаилитами, по собственной инициативе послал отряд, захвативший около Казвина вазира Ала ад-дина, который угонял на барщину казвинцев. Пленного вазира перевезли в Ахлат, затем под Тебриз и через четыре месяца казнили (53, т. I, с. 196]. Исмаилиты никак не отреагировали на это убийство.

В начале 627/1229/30 г. исмаилиты без напоминания привезли Джелаль ад-дину 20 тыс. динаров в счет платежей за Дамган, принося извинения за то, что причитающаяся сумма не вносится полностью (53, т. I, с. 210].

215

К 1230 г., когда положение Джелаль ад-дина значительно ухудшилось, он захотел установить более тесные связи со столь всегда лояльными в отношении к нему исмаилитами. С дипломатическим поручением, охватывающим очень широкий круг вопросов, в Аламут был послан секретарь Джелаль ад-дина — Несеви. Историк подробно рассказывает о своей поездке в Аламут, которая произошла в шаввале 627 г. х. (августе 1230) [53, т. I, с. 212-219].

Отправляя Несеви к исмаилитам, Джелаль ад-дин приказал ему въезжать в Аламут только при условии, если Ала ад-дин согласится дать ему личную аудиенцию, а если такой прием состоится — не целовать руки Ала ад-дина и с целью подчеркнуть недовольство за дело с Гийас ад-дином держаться сурово и строго и даже нарушать общепринятый церемониал и этикет приема.

Приехав в Казвин, Несеви сообщил одному из придворных правителя Ирака, Шараф ад-дину, об условии, поставленном Джелаль ад-дином. Шараф ад-дин сказал, что в Аламуте это условие принято не будет, так как исмаилиты определили возраст, в котором правитель Аламутского государства имеет право устраивать официальные приемы. Нынешний же правитель (Ала ад-дин) этого возраста еще не достиг. И он дал совет Несеви, как поступить. Несеви его советом воспользовался. Когда Несеви подъезжал к Аламуту, вперед был послан человек с требованием о личной встрече с правителем государства. Не дожидаясь ответа исмаилитов, Несеви въехал в Аламут. Он был встречен с почетом, отказался кому бы то ни было говорить о цели своей миссии и через три дня ночью был принят Ала ад-дином.

На аудиенции присутствовали: Ала ад-дин, его вазир Имад ад-дин ал-мухташам, Несеви и Кемаль ад-дин ал-Мустауфи, сопровождавший историка по поручению правителя Ирака." Переговоры шли между вазиром и Несеви, Ала ад-дин (которому было 18 лет) держался в тени.

Первое требование Джелаль ад-дина о хутбе на его имя было категорически отклонено исмаилитами.

Второй вопрос касался посылки Бадр ад-дин Ахмеда из Аламута в Мавераннахр, с особой миссией к татарам. Несеви передал просьбу Джелаль ад-дина прислать к нему этого посла с целью узнать о результатах его миссии. Эта просьба также была отвергнута исмаилитами. Несеви удовлетворился объяснением, что посольство имело целью

защитить от разорения территории исмаилитов, смежные с теми, которые были захвачены татарами.

Наконец, третьим вопросом, который Несеви называет главной целью своей поездки в Аламут, был вопрос финансовый. Несеви было поручено взыскать с исмаилитов недодаваемые ими взносы за Дамган. Как сказано, они обязались выплачивать по

216

30 тыс. динаров ежегодно, а за истекшие два года внесли лишь 20 тыс. динаров.

Исмаилиты попросили засчитать 15 тыс. динаров, которые захватил Амин ад-дин, правитель принадлежавшей Джелаль ад-дину крепости Фируз-кух, при переводе этих денег из Кухи стана в Аламут. Кроме того, они предъявили написанный самим Несеви декрет вазира Шараф ал-Мулька, который сокращал ежегодный взнос на 10 тыс. динаров как плату за пятерых сожженных исмаилитов. В конце концов было решено, что правитель Аламута внесет 20 тыс. динаров и получит отсрочку на 10 тыс., пока не будет выяснено мнение Джелаль ад-дина по этому вопросу. Деньги были внесены немедленно.

На этой же аудиенции рассматривался ряд вопросов, которые, по словам Несеви, «не стоит излагать». В частности, были улажены какие-то дела с представителем постоянно враждебного исмаилитам правителя Ирака. Переговоры осветили самую сущность взаимоотношений исмаилитов Аламута и Джелаль ад-дина.

«Отклоняя просьбу — засчитать 15 000 динаров, я сказал: „То, в чем упрекают Амин ад-дина, было раньше заключения мира и подписания договора“» [53, т. I, с. 217]. Несеви, столь точно рассказывающий обо всех отношениях с исмаилитами, нигде и никогда об этом мире и договоре не упоминал. Видимо, Несеви проговорился о том, что «не стоит излагать», а именно о существовании между Джелаль ад-дином и исмаилитами такого договора.

Не менее важными являются переданные Несеви слова вазира исмаилитов, которые нужно считать основой всей их политики в отношении Джелаль ад-дина и объяснением всех их действий.

«Когда, — сказал он, — мы были во вражде с вами? Когда переставали мы быть едины с вами и верны вашему правительству? Султан видел нас в действии как при хороших, так и при плохих его обстоятельствах. Он нас испытывал в дни счастья и дни бедствий. Наши люди не служили ли верно султану в Индии, когда он был в самых тяжелых обстоятельствах после перехода реки Синд? Разве, узнав об этом, султан не признал публично нашей преданности в это время? Разве не убили мы Шихаб ад-дина ал-Гури ³ с единственной целью угодить великому царю (т. е. Мухаммеду хорезмшаху. — Л. С.) и дать ему доказательства нашей дружбы?» [53, т. I, с. 213].

На все эти заявления Несеви возразил только по поводу Шихаб ад-дина, сказав, что исмаилиты убили его за разграбле-

³ Шихаб ад-дин, впоследствии Муызз ад-дин .Мухаммед Гури — наиболее выдающийся представитель династии Гуридов. О его борьбе с Мухаммедом хорезмшахом и убийстве индийскими фидаями в 602/1205 г. см. [63, т. I, кн. 2, «\ 139—140, 156—159].

217

ни с исмаилитских территорий и кровь людей. Все остальное он не опровергал.

Исмаилиты окружили Несеви такими почестями, каких не проявляли никогда к другим послам Джелаль ад-дина. Несеви был осыпан дарами, состоявшими из почетных одежд и денег. Историк перечисляет все эти подарки и оценивает их в 3 тыс. динаров [53, т. I, с. 214]. Кроме того, когда Несеви высказал желание закупить баранов для своих личных нужд, ему подарили стадо баранов в 400 голов. Несеви признался, что он с большой неохотой отправился в Аламут, а его спутник — в том, что не рассчитывал вернуться оттуда живым.

Можно считать, что миссия Несеви была удачной: все вопросы между исмаилитами и Джелаль ад-дином были разрешены, отношения выяснены, ничто не омрачало ранее заключенный мир и подписанный договор.

На этом отношения Джелаль ад-дина с исмаилитами оборвались. В Иран вступило новое монгольское войско под командованием нойона Чормагуна. Джелаль ад-дин был разбит монголами и в августе 1231 г. погиб в горах близ Амида (ныне Диярбекир).

Исмаилитское государство при Ала ад-дине (1221—1255)

Рассмотренный выше политический курс демократическая группировка проводила в период детства и отрочества Ала ад-дина, когда его личные решения еще не могли играть никакой роли. Как это бывало и раньше, феодальная и демократическая группировки исмаилитского государства старались использовать наследника или молодого государя в своих политических целях и сделать его выразителем своих интересов и стремлений. Находившиеся с 20-х годов XIII в. у власти представители простых исмаилитов сумели воспитать Ала ад-дина в демократических традициях.

Ала ад-дин, который вступил на престол и стал имамом в девятилетнем возрасте, якобы не получил образования и необходимого воспитания. Джувейни, ссылаясь на основные положения исмаилитов-низаритов, согласно которым авторитет имама безграничен, а его действия и суждения считаются непогрешимыми, пишет: «И невежественное дитя, на которое они возложили заботу о делах мира и веры, они сделали своим защитником [пастырем]. Он же вместе с другими детьми был занят играми, развлечениями и пастьбой верблюдов и баранов» [20, с. 239]. Однако на практике в этот период люди зрелые осуществляли «дела мира и веры». Даже за пределами исмаилитского государства знали, что определять внешнюю политику мог только правитель Аламута, достигший определенного возраста. Восстановление низаризма и разрыв с суннизмом явились при-

218

чиной того, что Ала ад-дина познакомили с низаризмом, а не с суннитским исламом и шариатом, в котором он мог быть «невеждой». Утверждение, что Ала ад-дин был полным неучем и невеждой, неубедительно. Все его предки были людьми образованными, собственноручно писавшими трактаты, документы, распоряжения. Библиотека Аламута в свое время считалась одной из лучших. Среди исмаилитов всегда было много «людей науки», и недостатка в образованных учителях у Ала ад-дина не могло быть.

Джувейни и Рашид ад-дин говорят о психической неполноценности, а затем и полном сумасшествии Ала ад-дина. Причиной этого они считают обильное кровопускание, сделанное Ала ад-дину, «когда ему было 14—15 лет, каким-то врачом с дурной целью. В результате этого мозг его расстроился, у него появились галлюцинации, и вскоре он стал одержим меланхолией» [20, с. 250; 61, с. 180]. К концу своего правления он якобы превратился «в сумасшедшего, которого следовало бы содержать в оковах и цепях», — заявляет Джувейни. Весь этот рассказ с медицинской точки зрения не выдерживает никакой критики. От обильной потери крови человек может умереть. Если же он выживает, то на его умственных способностях и состоянии здоровья это не отражается. Если бы Ала ад-дин был больным, меланхоликом, ненормальным и т. д., умный и наблюдательный Несеви во время длительного приема в Аламуте не мог бы не заметить его психической неполноценности и не умолчал бы о ней.

Тот факт, что Ала ад-дин вместе с другими детьми пас скот, говорит о том, что его воспитывали так же, как и простых исмаилитов. Общение с простыми людьми Ала ад-дин сохранял до конца своих дней. Став взрослым, он начал проводить в жизнь политические и социальные мероприятия в интересах простых исмаилитов. Характер и вся деятельность Ала ад-дина не могут быть поняты без учета той обстановки, которая сложилась в исмаилитском государстве в 40—50-х годах XIII в.

С начала XIII в. в исмаилитском государстве появилось большое число мусульман, переселившихся сюда из разных феодальных владений. Этому способствовала вся политик! Джелаль ад-дина Хасана Ноу-Мусульмана. Позднее исмаилитское государство стало привлекать многих своим экономическим благосостоянием. В то время, когда Иран и Средняя Азия были опустошены монголами, в исмаилитских владениях были в изобилии и скот, и продовольствие, и изделия ремесла. Притягательным являлось и то, что в исмаилитских владениях любые лица, даже враги исмаилитов, могли найти пристанище и политическое убежище. Эта традиция никогда не нарушалась и была широко известна. Вероятно, эти феодальные мусульманские элементы прибывали в исмаилитское государство со своим имуществом и всеми своими богатствами. Они старались

219

найти себе союзников в лице тайных мусульман, притаившихся среди исмаилитов. Они активно ввязывались в ту политическую борьбу, которая шла между феодальной и демократической группировками исмаилитов, и, естественно, поддерживали группировку феодальную. Они стремились, используя обычно наследника престола, изменить политический курс и покончить с исмаилизмом и демократическими тенденциями простых

исмаилитов. Они пытались занять господствующее положение в экономике исмаилитского государства. По уровню жизни они резко отличались от простых исмаилитов, чем вызывали ненависть последних.

В 40—50-х годах XIII в. Ала ад-дин оказался в очень трудном положении. Его близкие друзья тайно поддерживали феодальные силы, стремились к личному обогащению; родной сын, его наследник, готовил заговор. В отношении своих врагов Ала ад-дин применял принуждение, преследования, пытки. Другими мерами он не располагал. Поэтому в рассказах источников о сумасшествии Ала ад-дина, его невероятной жестокости и т. д. следует видеть помимо клеветы отражение острой классовой борьбы, которая бушевала в государстве исмаилитов.

Имена и предательство окружали Ала ад-дина. Самым близким человеком, который находился при нем ночью и днем и являлся поверенным его тайн, был Хасан Мазандерани. «В детстве Хасан Мазандерани был вывезен из этой провинции монгольскими войсками; в Ираке он сбежал от них и пришел в государство Ала ад-дина. Он был красивым юношей, и Ала ад-дин, когда увидел его, полюбил и приблизил к себе. Он пользовался полным доверием Ала ад-дина, который оказывал ему большой почет и разрешил ему полную свободу в [его] речах; в своем сумасшествии и плохом состоянии Ала ад-дин постоянно выдумывал предлоги, чтобы мучить Хасана и жестоко бить. Большинство его зубов было выбито, и от его мужских органов отрезана часть. С того времени, как он стал бородатым [у него выросла борода], и до того, как появились седины в его волосах. Ала ад-дин не смотрел ни на кого другого и предпочитал его [Хасана] безбородым мальчиком и возлюбленным. Он дал свою прислужницу [служанку], которая была его любовницей, в жены Хасану. И хотя Хасан имел от нее несколько детей, он не смел войти в свой дом или спать со своей женой без разрешений Ала ад-дина. И когда Ала ад-дин имел сношения с женой Хасана, он не удалял последнего» [20, с. 256].

Рассказы о развращенности Ала ад-дина, его отношениях с Хасаном и его женой оставим на совести Джувейни. Отметим только, что у Рашид ад-дина этих подробностей нет.

Используя свое положение при Ала ад-дине, Хасан Мазандерани стал играть значительную роль в исмаилитских кругах. Вазирь, важнейшие лица и подданные Ала ад-дина заискивали перед Хасаном, так как никто другой не мог так свободно го-

220

ворить с Ала ад-дином и способствовать продвижению дел. Он часто давал распоряжения без согласования с Ала ад-дином, и все они претворялись в жизнь. Многие дела решались по приказу и воле Хасана. Он стал богат, но держал это в тайне от Ала ад-дина. «Его [Хасана] одежды были из шерстяной или грубой льняной ткани, большей частью старой и рваной, подобной той, которую носил его зловредный хозяин Ала ад-дин, так как ему должно было жить подобно Ала ад-дину — в пище, одежде и всем остальном — и постоянно с ним пасти овец и лишь изредка пользоваться такой роскошью, как поездка на осле. Если он надевал лучшую одежду или если у Ала ад-дина возникало подозрение о его богатстве, он подвергался свирепым ударам, жестоким мучениям и позорным наказаниям [увечьям]» [20, с. 257]. Поэтому Хасан ненавидел Ала ад-дина. Кроме того, Хасан «был мусульманином, и, хотя он многие годы прожил с Ала ад-дином, любовь к исламу и ненависть к ереси глубоко укоренились в его мыслях и убеждениях» [20, с. 257].

Хасан установил дружеские связи с теми мусульманами, которые в качестве пленников жили в государстве Ала ад-дина. Сходство судьбы — пребывание на чужбине и приверженность исламу — усиливало дружбу Хасана с ними, и когда он находил удобный случай для разговоров и бесед, то только и говорил что о горе и лишениях своей жизни, пороках и преступлениях Ала ад-дина [20, с. 257].

В этом сообщении историка выявляется следующее. Используя свое положение фаворита, Хасан Мазандерани сумел обогатиться, но свое богатство вынужден был скрывать от Ала ад-дина. Более того, он должен был вести такой же образ жизни, как и Ала ад-дин. Последний поддерживал давние стремления народных масс в своих владениях к имущественному равенству, простоте в быту, обязательности личного труда. Все это было характерно для исмаилитского государства в период его становления, так ярко проявилось в призывах Хасана ала зикри-хи-с-саляма и в середине XIII в. все еще являлось идеалом простых исмаилитов. Ала ад-дин стремился быть примером для своего народа, с которым он никогда не порывал связи. Отсюда его простота в одежде и образе жизни. Он носил старую и рваную шерстяную или льняную одежду в те времена, когда экономически процветающее исмаилитское государство снабжало шелковыми тканями

многие соседние феодальные владения. Постоянная его занятость пастьбой скота должна была показать, что глава государства — имам — живет такой же трудовой жизнью, как и его народ.

Вместе с тем Ала ад-дин не мог не видеть, что исмаилитская верхушка, даже близкие ему люди, подобные Хасану Мазандерани, а также проникшие в его государство чужаки-мусульмане скопили значительные богатства и по своему имущественному положению резко отличаются от простых исмаилитов.

221

Против этих феодальных элементов у Ала ад-дина не было других средств принуждения, кроме пыток, побоев и т. д. Поэтому он обрушивал их даже на самого ему близкого человека — Хасана Мазандерани. Но не только Хасан платился за свое богатство. Ала ад-дин подвергал жестоким преследованиям многих, а быть может, и всех богатых и знатных исмаилитских владетелей. Поэтому «большая часть столпов державы („аркан-и доулат" и знатных [„айан"] государства Ала ад-дина от него находилась в страхе, так как никто не был уверен за свою жизнь» (20, с. 254).

Несмотря на борьбу, которую вел Ала ад-дин, измена, предательство, глубоко скрываемаемая ненависть со стороны феодальных сил все теснее смыкались вокруг него. Во главе врагов стал его родной сын — Рукн ад-дин Хуршах *.

Рукн ад-дин Хуршах был старшим сыном Ала ад-дина. Между ними было не более 17 лет разницы. Еще в детские годы Рукн ад-дина Хуршаха отец объявил его своим наследником и будущим имамом. Источники сообщают о том, что возникшая между отцом и сыном ненависть была вызвана личным соперничеством, тем, что, когда Рукн ад-дин вырос, исмаилиты между ним и отцом не делали разницы в ранге или оказании почестей; приказы Хуршаха, как и приказы его отца, были обязательны. Это вызывало гнев и плохое отношение Ала ад-дина к Рукн ад-дину Хуршаху, усугубляемое якобы сумасшествием первого. В качестве меры самозащиты Рукн ад-дин замыслил восстание против отца, захват ряда крепостей и в конце концов организовал убийство отца.

Соперничество отца и сына, если оно имело место, осложнялось и усугублялось различием в политической и социальной ориентации. Ала ад-дин, видя в сыне политического противника, сделал попытку отстранить его от престола и имамата. Однако его заявление о том, что «моим наследником будет другой сын», встретило возражения среди исмаилитов. «Народ согласия не дал, послушания [не проявил] и сказал: „Первое назначение правильно"» (61, с. 182).

[Напомним, что согласно исмаилитской (низаритской) теории, наследником и будущим имамом может быть только старший сын имама-отца.]

Ала ад-дин не рискнул пойти против своего народа и был вынужден подчиниться его требованию. Это является ярким примером приверженности исмаилизму народных масс и значительной политической роли последних.

Продолжая борьбу с сыном, Ала ад-дин подверг его домашнему аресту. «Ала ад-дин постоянно на Рукн ад-дина гневался и всегда его мучил, упрекал и наказывал. Рукн ад-дин должен

³ Существуют три написания его имени: Рукн ад-дин, Хуршах и Рукн ад-дин Хуршах.

222

был находиться в жилище для женщин, [расположенном] около жилища его отца, и не смел днем выходить наружу. Когда его отец уходил на пастьбу баранов или был занят другим делом, Рукн ад-дин ночью выходил из жилища, чтобы пить вино, или шел куда хотел» [61, с. 182].

В 653/1155/56 г. отношения отца и сына обострились до крайности. Рукн ад-дин стал бояться за свою жизнь. Он замыслил мятеж против отца и собирался либо бежать в Сирию и захватить там крепости, расположенные в горах Суммака, либо завладеть Аламутом, Меймундизом и некоторыми крепостями Рудбара, которые обладали сокровищами и запасами продовольствия. Кроме того, Рукн ад-дин заявлял о своем намерении установить контакт с монгольскими войсками и признать свою полную капитуляцию.

Вопрос об отношении к монголам приобретал первостепенное значение. В месяце джумада II 650 г. х. (август 1252) монгольский полководец Китбука-нойон с 12-тысячным войском в качестве авангарда Хулагу-хана был отправлен из Каракорума и поход на запад против исмаилитского государства. В начале мухаррама 651 г. (март 1253) он

переправился через Амударью и начал военные действия в Кухистане. Завоевав часть этой области, он с пятью тысячами конных и пеших подступил к Гирд-куху — одной из важных исмаилитских крепостей около Дамгана. С мая 1253 г. началась его осада. Монголы окружили Гирд-кух двойным кольцом рвов и валов, «дабы войско посредине оставалось в безопасности, а враги не могли бы сообщаться» [64, т. III, с. 26].

Защитники крепости оказали упорное сопротивление. В декабре 1253 г. они произвели ночную вылазку, прорвали кольцо окружения и перебили сто человек монголов. К концу года, когда в крепости уже стал ощущаться недостаток воды и соли, прибавилось новое бедствие — эпидемия холеры. От нее погибло много воинов, и Гирд-куху грозило падение. Неожиданно был найден «препарат» против холеры, им оказалась ханна (хна). Об этом осажденные сумели известить Ала ад-дина, настроенного к монголам столь же непримиримо, как и защитники крепости. Он немедленно послал на помощь Гирд-куху двух своих приближенных — «Мубариз ад-дина Али Турана и Шуджа ад-дина Хасана Астрабади со ста десятью славными ратными борцами за веру и с каждым по два мана ханны и по три ма-на соли, потому что в крепости соли больше не оставалось» [64, т. III, с. 27]. Все они благополучно прорвались в осажденную крепость и помогли ее защитникам. Исмаилиты удерживали Гирд-кух еще в течение двадцати лет, и завоевана она была монголами лишь при Абака-хане (1265—1282).

Пока одна часть войска Китбуки-нойона осаждала Гирд-кух, он сам безуспешно пытался захватить исмаилитские крепости Михрин и Шахдиз, «многих перебил и повернул обрат

223

но». Даже применение манджаников ему не помогло. Третий монгольский отряд, предводительствуемый Меркитаем, отправился в области Тарум и Рудбар, где произвел опустошение, а оттуда подступил к Мансурийе и Улухнишину и 18 дней учинял резню [64, т. III, с. 27]. Китбука-нойон снова сделал набег на Кухистан, угнал стада из Туна, Туршиза и Зиркуха, ограбил жителей, увел пленных. Успех Китбуки-нойона в конце 1253 г. ограничивался захватом кухистанских городов Туна и Туршиза да двух исмаилитских крепостей Диз-и Михрина и Диз-и Кема-ли [62, л. 488].

Год борьбы с монголами явственно показал, что простой народ исмаилитских владений полон стремлений к борьбе с завоевателями; исмаилитские крепости, снабженные продовольствием, выдерживали длительную осаду; монгольские катапульты оказались бессильными против исмаилитских твердынь. В более трудном положении оказались неукрепленные города. Ни простой народ, ни разделявший его ненависть к монголам Ала ад-дин не помышляли о капитуляции перед врагами.

Феодальные элементы полностью поддерживали Рукн ад-дина и его промонгольскую политику. Большая часть знатных (бузурган), столпов (аркан) державы и воинов присягнула в верности Рукн ад-дину, поклялась следовать за ним и защищать его от войск отца и его последователей (20, с. 254; 61, с. 183). Однако до открытого мятежа и междоусобной войны дело не дошло. В последний день месяца шаввала 653 г. (1 декабря 1255) «Ала ад-дин для пастьбы баранов был в месте Шир-кух и спал в хижине из дерева и камыша, смежной со стойлом баранов. В полночь его нашли убитым. Топор ударил по его шее, и от той раны дело его закончилось (т. е. он умер. — Л. С.)» [61, с. 183].

Джувейни дополняет этот рассказ несколькими деталями. «Однажды его (Рукн ад-дина. — Л. С.) отец (Ала ад-дин. — Л. С.) пил вино и в хижине из дерева и камыша, которая была смежной со стойлом для баранов, спал пьяный. Несколько человек из гулямов, пастухов, погонщиков верблюдов и других подобных им подонков [аразил] спали вокруг него. В полночь его нашли убитым; его голова была отсечена одним ударом топора. Индиец и туркмен, которые спали около него, — оба были ранены. Туркмен также умер, а индиец выздоровел. Это событие произошло в последний день месяца шаввала 653 г. (1 декабря 1255) в месте, которое они называют Шир-кух и которое Ала ад-дин часто посещал» (20, с. 255).

Убийца обнаружен не был. Сыновья и семья Ала ад-дина, заподозрив в убийстве двух человек из близких слуг Ала ад-дина, которых в ту ночь видели недалеко от места его гибели, казнили их. Затем распространились слухи, что два-три неизвестных человека, прибывших из Казвина, по наущению «знатных и великих» убили Ала ад-дина и под покровительством

224

тех же вельмож благополучно скрылись. Через неделю обвинение пало на Хасана

Мазандерани; его предательски убили, а труп его сожгли; две его дочери и сын также были сожжены. Однако истинным виновником смерти Ала ад-дина его собственная семья и народ считали Рукн ад-дина Хуршаха, и хотя Джувейни дважды приводит его алиби — в ночь убийства Рукн ад-дин был болен и метался в жару, — но и он не отрицает его причастности к преступлению [20, с. 255]. Физическим убийцей был Хасан Мазандерани, но он действовал по сговору с Рукн ад-дином, с его одобрения и согласия. Как только подозрение пало на Хасана, Рукн ад-дин не только не велел его задержать и допросить, но немедленно отправил на дальнее пастбище, чтобы тот никому ничего не мог рассказать. На это пастбище был послан человек Рукн ад-дина, который топором зарубил Хасана Мазандерани (20, с. 258; 61, с. 184). Через отцеубийство путь к престолу был расчищен. Рукн ад-дин Хуршах (1255—1256) вступил на престол. Феодалная группировка торжествовала победу.

Ала ад-дин был последним правителем Аламута, который в период гибели исмаилитского государства пытался действовать в интересах народных масс. Он восстановил низаризм в качестве официальной религии своего государства и прекратил взаимоотношения с феодалами других государств, установленные его отцом. При нем, хотя и в единичных случаях, имели место убийства феодалов исмаилитами-фидаями. К монголам он был резко враждебен: он не боялся их вторжения в горные районы своих владений, был уверен в смелости своего народа и неприступности исмаилитских крепостей. Он был привержен исмаилитским (низаритским) религиозным традициям, которые не смел нарушать. Он жестоко преследовал богатых людей своих владений, не делая исключения ни для своего ближайшего окружения, ни для своих самых близких друзей. Даже в отношении своего родного сына он был суров, требователен и принципиален. Его борьба с феодалской группировкой явилась причиной того, что в исламской традиции он изображен жестоким деспотом и сумасшедшим.

Ала ад-дин не дожил года до того времени, когда его государство перестало существовать, разгромленное войсками Хулагу-хана. Его историческая трагедия заключается в том, что он жил и действовал в тот период, когда феодалские отношения, против которых в конце XI в. боролись и временами одерживали победу исмаилиты, восторжествовали в самом исмаилитском государстве. Ни личный пример Ала ад-дина, ни его многочисленные репрессии не могли остановить процесс феодализации, происходивший в исмаилитском государстве в XIII в.

Картина останется неполной без рассмотрения экономического положения исмаилитского государства и попытки исследовать

137 Зак 586

довать социально-экономические отношения исмаилитского общества.

Экономическое положение

Исмаилитское государство, не пострадавшее от монгольского нашествия в 20-х годах XIII в., войн Джелаль ад-дина, вторжения Чормагуна и феодалских усобиц, процветало в экономическом отношении. Здесь было высоко развито скотоводство. В то время, когда в Хорасане не только не было скота, но даже были съедены все собаки и кошки [66, с. 83, 87; 143, с. 67—68], в исмаилитском государстве было много коней, мелкого рогатого скота, ослов и верблюдов.

В 1228 г. исмаилиты дали Гийас ад-дину 300—400 лошадей [53, т. I, с. 212]. В 1230 г. Несеви получил в подарок 400 баранов и 6 коней [53, т. I, с. 214]. 700 коней с седлами раздал мухташам Кухистана Шихаб ад-дин ученым и иностранцам [23, т. II, с. 1198]. А лошади стоили очень дорого. Марко Поло сообщает о вывозе лошадей из Кухистана и ценах на них. Перечисляя восемь областей Персии, он называет Тунакан (т. е. Тун и Каин — города, принадлежавшие исмаилитам в Кухистане), расположенный «на краю» и «на востоке Персии»; «много здесь добрых коней; вывозят их в Индию на продажу, и кони эти, знаете, дорогие; иной конь продается за двести торнайзских ливров; на эту цену немало коней» [57, с. 65]. По подсчетам В. В. Бартольда, торнайзский ливр — денежная единица, равнявшаяся 18 фр. (по курсу начала XX в.) (57, с. 260, примеч. 2).

Следовательно, один конь стоил 3600 фр., а 300—400 коней, подаренных Гийас ад-дину, стоили 60—80 тыс. торнайзских ливров, или 1080—1440 тыс. фр.

«Вероятно, здесь самые красивые в свете ослы, — продолжает Марко Поло, — продаются по тридцать марок за штуку и иноходью бегают, и вскачь отлично» [57, с. 65]. В. В. Бартольд делает примечание, что серебряная марка того времени равнялась 44 современным германским маркам (т. е. германским маркам начала XX в.) [57, с. 260,

примеч. 3]. «Этих лошадей, о которых вам рассказываю, здешние люди водят в Кизи (Кейс, остров Киш) и Хурмоз (Ормуз); оба города на берегу Индийского моря; там и скупают их купцы и везут в Индию, где и продают их по дорогой цене, как я вам рассказывал» [57, с. 65].

Каким же большим количеством скота обладали исмаилиты, если они могли его так щедро раздаривать?

Таким образом, одна только продажа коней могла давать исмаилитскому государству значительные доходы. Развитое скотоводство в изобилии обеспечивало его население продуктами питания.

226

Исмаилитское государство вело большую караванную торговлю. Источники сообщают о караванах, которые выступали из Аламута, следовательно, снаряжались в нем и приходили в него из Кухистана, Сирии, Рума. Кроме того, через исмаилитские владения в Кухистане проходили многие неисмаилитские караваны.

Один исмаилитский караван, разграбленный людьми вазира хорезмшаха Желаль ад-дина, состоял из 70 караванщиков. Возвращенная Желаль ад-дином его «крайне незначительная часть» состояла из 30 тыс. динаров и 10 арабских коней. Другой караван, шедший из Кухистана в Аламут и тоже разграбленный, перевозил лишь деньгами 15 тыс. динаров. Несеви упоминает и третий караван, который исмаилиты направили в Сирию [53, т. I, с. 158]. Сведения об этих трех караванах относятся к одному пятилетию— 1225—1230 гг.

Историк Джузджани оставил интересные рассказы о своих трехкратных поездках в исмаилитские города Кухистана. Первая из них состоялась в 621/1224 г. после того, как из Хорасана были эвакуированы монгольские войска. Джузджани ехал по приказу Мелика Тадж ад-дина Хасана Харпуста «по причине недостатка в тканях и других предметах, необходимых небольшому числу лиц, которые избежали бича, наложенного идолопоклонниками [монголами], и находились в самой большой нищете». Путь Джузджани лежал из Тулека на Исфизар — Каин — укрепленные замки Меренджет и Джевашир — Тун и обратно, через те же города.

В 622/1225 г. гуридский правитель послал Джузджани в качестве посла в Кухистан с целью добиться от исмаилитов свободного пропуска караванов. Он ехал из Кайсара в Фаррах — цитадель Ках в Систане — Каин и вновь возвратился в Кайсар. В третью свою поездку в 623/1226 г. Джузджани помимо возложенных на него дипломатических поручений главной своей целью имел закупку для себя лично шелка [23, т. II, с. 2001]. Все это свидетельствует об оживленной караванной торговле, проходившей через исмаилитские города Кухистана. Нет сомнения, что производство той разнообразной ремесленной продукции, которая изготовлялась ремесленниками Кухистана в X— XI вв., не сократилось. В связи с разрухой, вызванной монгольским завоеванием, она получила особенно большой спрос.

Помимо купцов-караванщиков ехали в исмаилитские города различные уполномоченные уцелевших от монгольского разгрома феодальных владетелей (типа историка Джузджани) за шелками, одеждами, тканями и другими необходимыми для знати предметами. Все это можно было купить в исмаилитских владениях.

Среди тех подарков, которые получил в Аламуте историк Несеви, он назвал атласную одежду, колпак, меховую шубу на атласной подкладке и накидку на шелку, 70 отрезов материи

138

227

для различной одежды (все перечисленные вещи в двух экземплярах), два пояса, стоившие 200 динаров, двух лошадей с седлами, уздами и полным конским набором, четырех лошадей с попонами да еще тридцать подарков или **тюков** для его **свиты** [53, т. I, с. 258]. Упомянутый выше мухташам Кухистана Шихаб ад-дин раздал 1700 почетных одежд. Можно думать, что все эти предметы являлись изделиями местных мастеров: ткачей, красильщиков, шорников, седельников, кузнецов.

Ценные сведения о строительном искусстве исмаилитов, заготовленных ими запасах продовольствия и оружия сообщает Джувеини, лично посетивший и осмотревший Аламут после взятия его монголами в 1256 г. От реки Шахруд исмаилиты провели к подножию крепости канал, который затем был пробит в **скале и**, опоясав крепость на половину ее окружности, заполнял «подобный океану» хауз (водоем), в который вода лилась самотеком и потом вытекала из него. В толще скал исмаилиты построили

несколько длинных, высоких и широких галерей и глубоких хаузов, выложенных камнями на известковом растворе. (Это строительство Джувейни назвал дьявольским искусством, созданным руками людей.) Здесь находились склады и хранилища для вина, уксуса, меда и «всевозможного жидкого и твердого». Когда эти запасы были разграблены монголами, один из них чуть было не утонул в хаузе, наполненном медом. Большая часть этих запасов была положена со времен Хасана ибн Саббаха и не портилась в течение 170 лет. Исмаилиты считали, что это происходило из-за святости Хасана. «Орудий войны, оружия и запасов было больше, чем можно перечислить, не вызывая скуки», — заканчивает свой рассказ Джувейни [20, с. 272-2731].

Совершенно очевидно, что вино, уксус и мед за столь долгий срок хранения неминуемо подверглись бы порче. Следовательно, их запасы систематически обновлялись и пополнялись. Ни «трофеями», ни предметами ввоза подобные продукты в таком количестве быть не могли, и это дает основание считать, что они изготовлялись где-то близ Аламута. К перечню того, чем располагали **исмаилиты**, должны быть прибавлены пасеки, **виноградники**, а из строительных материалов — известь.

Запасы оружия и продовольствия имелись не только в Аламуте, но и в других исмаилитских крепостях. Это подтверждается тем, что крепость Ламасар сопротивлялась монголам целый год, а крепость Гирд-кух — в течение двадцати лет.

О больших средствах, которыми в это время располагало исмаилитское государство, свидетельствует факт покупки ими у феодалов крепостей и даже городов. Выше говорилось о покупке исмаилитами крепости Шахиншахи в Систане и согласил платить хорезмшаху по 30 тыс. динаров в год за захваченный исмаилитами город Дамган.

Уже не тайное проникновение в крепость, как на рубеже

XI—XII вв., не захват крепостей, принадлежавших феодалам, как в XII в., а покупка их у феодалов становится характерной для исмаилитов в начале XIII в. Это бесспорно свидетельствует об усилении экономической мощи государства исмаилитов.

У нас нет точных сведений обо всех купленных, захваченных или построенных исмаилитами крепостях в XIII в. Однако для этого времени в источниках упоминаются крепости, не называемые ранее. Это укрепленные замки Меренджет и Джевашир [23, т. I, с. 1198] (судя по контексту источника, в Кухистане, между городами Тун и Каин); Диз-и Михрин и Диз-и Кемали [64, т. III, с. 27], а также Сер-и Тахт в Кухистане [23, т. II, с. 1199]; крепость Шахиншахи (в Систане); Мансурийе и Улук-нишин (в Рудбаре); Шахдиз (точно не локализуется, вероятно, недалеко от Рудбара); Диз-и Шаль (не локализуется) [64, с. 27].

Конечно, этот список далеко не полон, но и он свидетельствует о росте числа подчиненных исмаилитскому государству крепостей и, следовательно, окрестных территорий и их населения. Отметим, что ко времени падения исмаилитского государства, по словам Рашид ад-дина, число крепостей доходило до ста [64, т. III, с. 31].

Таким образом, можно с уверенностью говорить о том, что ко времени своего падения исмаилитское государство в экономическом отношении процветало. Города Кухистана давали обильную ремесленную продукцию, которая не только продавалась на месте изготовления, но и шла на экспорт. Многочисленные караваны проходили через исмаилитские владения, а также, снаряженные в Аламуте, отправлялись в Кухистан, Сирию и Рум.

Высокоразвитое скотоводство снабжало население продуктами питания, а коми шли в большом количестве на продажу. Сельскохозяйственные культуры, характерные для Дейлема и Кухистана, рассмотрены выше. Они включали почти все виды зерновых, садовых, бахчевых и т. д. Кроме них источники свидетельствуют о развитии виноградарства и пчеловодства. Имелись месторождения золота, железа, сурьмы, глины, извести и других полезных ископаемых. Во многих исмаилитских крепостях было сосредоточено столько оружия и продовольствия, что их население могло выдерживать годами вражескую осаду.

Общественные отношения

Каковы были общественные отношения в исмаилитском государстве в последние полстолетия его существования, когда у власти находилась демократическая группировка?

Источники сообщают об этом очень мало. Простые исмаилиты — рафики, как и прежде, трудились в сельском хозяйстве,

скотоводстве и ремесле. Имела ли место и если имела, то в какой форме, их эксплуатация? Какие налоги и подати и кому они платили? Какие повинности обязаны были выполнять? Конечно, как и раньше, работы по ирригации, строительству и благоустройству крепостей и близлежащих к ним территорий падали на народ.

Для всей истории исмаилитского государства и двух веков, прошедших после его гибели, мы располагаем только двумя фактами, касающимися общественных отношений в исмаилитском государстве.

Первый. По словам Исфизари, приведенным Д'Оссоном [282, т. III, с. 202], в XV в. женщины-пряжи отдавали каждый десятый клубок из спряденной ими шерсти в пользу имама (место пребывания последнего был Анджудан). Дает ли это нам основание утверждать, что трудовое население исмаилитского государства обязано было отдавать одну десятую своей продукции или доходов в пользу имама, т. е. государства? Факт этот единичный и для любых утверждений явно недостаточный. Можно только напомнить, что И. П. Петрушевский обнаружил в источниках единственное сообщение об отчислении крестьянами тридцатипроцентного хараджа в пользу государства Сербедаров (XIV в.), возникшего в ходе народного антимонольского восстания. Он подчеркивает, что такой харадж считался очень легким [143, с. 461, 466].

Второй. С приходом к власти демократической группировки стало практиковаться принуждение неисмаилитского населения соседних областей к барщинным работам в пользу исмаилитского государства. Несеви рассказывает, что в 20-х годах XIII в. вазир Ала ад-дина был захвачен в плен тогда, когда, «по ежегодно выполняемому обычаю, он отправился на гору, возвышающуюся над Казвином, чтобы увести на барщину [ал-мусаххирэ] жителей округа, чтобы они накопили травы и сложили ее на зиму в амбары» [53, т. I, с. 197]. Этот «ежегодно выполняемый обычай» и, вероятно, другие притеснения вызывали у жителей Казвина боязнь исмаилитов. По словам Джузджани, «все жители Казвина имели всегда наготове полный па-бор оружия и орудий войны, до такой степени, что все люди базара имели обыкновение приходить в свои лавки полностью вооруженными» [23, т. II, с. 1189].

Рассказ Несеви свидетельствует о том, что исмаилиты систематически заставляли отрабатывать на барщине соседнее неисмаилитское население.

Даже во время пребывания у власти демократической группировки все более важную роль в правящих кругах исмаилитского государства стремились играть феодальные элементы. Все они ненавидели низаризм, считали его ересью и сохраняли приверженность суннитскому толку ислама. Они жаждали гибели исмаилитского государства, были враждебны рядовым исмаили-

там, боялись за собственные жизни и накопленное ими имущество.

После вступления на престол молодого Рукн ад-дина феодальная группировка получила всю полноту власти и выполнила свой план уничтожения исмаилитского государства, капитулировав перед монголами.

Поход Хулагу-хана

В 30—40-х годах XIII в., еще до образования Хулагуидского государства в Иране, монгольские наместники великого хана в Хорасане проводили вполне определенную и последовательную политику. Они стремились к прочному освоению завоеванных территорий путем создания такого аппарата управления, который обеспечил бы систематическое и бесперебойное поступление в общеимперскую казну собираемых с населения налогов. Не имея собственных управленческих кадров, хорасанские наместники сумели найти их среди местных мусульманских таджикских и персидских феодалов и бюрократических кругов, которые охотно шли на службу к монголам, став их добросовестными помощниками. В отношении оседлого населения проводилась политика обложения налогами — высокими, но не разорявшими окончательно, т. е. дававшими возможность хотя бы простого воспроизводства сельского хозяйства. Начали приниматься меры к восстановлению иранских городов, разрушенных в период завоевания, в первую очередь тех, которые стали резиденциями наместников.

Действуя от имени и под контролем монгольских ханов, хорасанские наместники стремились распространить свою политику на все соседние и близлежащие территории,

завоеванные монголами или подвластные им [178, с. 201—203]. Эта политика столкнулась с другой, проводившейся монгольскими военачальниками. Еще в 30-х годах XIII в. монгольские военачальники стали захватывать земли местных феодалов в завоеванных ими государствах. Армянский историк Вардан передает, что монголы «вторглись в пределы грузинского царства и разделили [по жребию] все известные местности в областях и все неприступные крепости между главнейшими своими начальниками, которых называли ноинами. Они немедленно вступили во владение местечками, доставшимися по жребию на долю каждого из них в наказание за грехи наши. Чагата-нойон взял Лори и окрестные участки; Делата-нойон — крепость Каен, откуда был выведен Аваг, владетель той области; великий Чормаган получил Ани, Каре с их окрестностями» [35, с. 5—6].

В захваченных владениях монгольские военачальники держали себя как завоеватели. Их интересовало только получение добычи и налогов с местного населения, с которым они не за-

231

вязывали никаких связей и к которому относились крайне враждебно и недоверчиво. Собранные налоговые суммы не вносились ими в общеимперскую казну, а расходовались на собственные нужды. Даже вопреки монгольской традиции покровительства служителям культа и охраны их имущества монгольские военачальники грабили христианские монастыри и церкви, равно как и мусульманские мечети и медресе.

Действия хорасанских наместников, стремившихся в интересах империи и казны великого хана ограничить произвол военачальников, вызвали острое недовольство, сопротивление и интриги последних. Арбитром в этой борьбе являлся монгольский хан, который в интересах империи неизменно поддерживал линию наместников.

К концу 50-х годов XIII в. существовали два еще не покоренных владения — государство исмаилитов в Иране и Багдадский халифат в Ираке, с которыми не могли справиться монгольские войска. Необходимость освоения уже завоеванных территорий и стремление к дальнейшему расширению границ государства, борьба между монгольскими военачальниками и наместниками — все эти причины поставили перед монгольской империей вопрос о посылке на запад новых военных сил.

На курултае 1251 г., на котором на престол великого хана был возведен Мунке-хан (1251—1260), было принято решение послать на запад 70-тысячную армию под командованием Хулагу — родного брата Мунке (64, с. 22—23).

Этот поход явился общеимперским мероприятием с участием всех ветвей рода Чингисхана (18, с. 75).

Хулагу-хан, с именем которого связано образование самостоятельного монгольского государства в Иране, являлся яркой и своеобразной личностью. Он родился в 613/1216/17 г. и был одним из любимых внуков Чингисхана. Всю жизнь он оставался кочевником; соколиные и облавные охоты и пышные пиры являлись его любимыми развлечениями. Участие в военных походах чередовалось для монгольской знати с пребыванием в столице империи Каракоруме, образно и ярко описанном Рубруком. К этому времени монгольская знать научилась ценить роскошь, которую умели создавать ремесленники завоеванных монголами стран. Вкус к роскоши приобрел и Хулагу-хан. Он усвоил не только школу военного искусства Чингисхана, но и его умение сочетать военные действия с использованием в своих интересах политической борьбы в стане врага.

По словам Рашид ад-дина, Хулагу-хан очень любил науки и содержал при своем дворе ученых и мудрецов, знания которых он мог использовать.

Хулагу-хан отличался храбростью, суровостью, жестокостью, но лесть, даже самая грубая, была ему приятна. Суеверия не мешали ему в нужных случаях действовать смело и решительно, не считаясь с предсказаниями прорицателей. Щедрый к

232

друзьям, коварный с врагами, воин, оценивший роскошь, — такой своеобразной фигурой был Хулагу-хан, глава монгольских поисков, посланных на запад (178, с. 203—204).

Уже на своем пути из Шабургана в Тус Хулагу-хан предпринял активные действия против исмаилитов. Применяя тактику Чингисхана — щадить покоряющихся и уничтожать сопротивляющихся, Хулагу-хан послал Шамс ад-дина Курта в крепость исмаилитов Сери Тахт к мухташаму Насир ад-дину. Последний был стар и немощен. Он сдался по собственной инициативе, чтобы спасти себя и свою семью. Население же крепости последовать за ним не пожелало. Он выполнил приказ Хулагу-хана о явке к нему. «В

сопровождении мелика Шамс ад-дина 17-го числа месяца джумада I 654 г. х. (12 апреля 1256 г.— Л. С.) с разного рода дарами и подношениями явился на служение к его высочеству и был осчастливлен честью поцеловать прах.

Хулагу-хан спросил: „Раз ты, сжалившись над женами и детьми, сдался, то отчего же ты не вывел жителей крепости?“ Он ответил: „У них государем Хуршах, они его слушаются“. Хулагу-хан дал ему ярлык и пайзу и послал на должность ха-кима города Тун» (64, т. III, с. 27], но в 1257 г. Насир ад-дин скончался.

Тогда Хулагу-хан послал Кутбуку-нойона вместе с Коке-Эль-кэйем и другими эмирами на завоевание исмаилитских владений. Когда монголы достигли границ Кухистана, они встретили упорное сопротивление, которое задержало их продвижение на целую неделю. Рашид ад-дин отмечает, что сопротивление оказывали бродяги (рунуд), подразумевая простой народ исмаилитских владений.

В течение 13 дней — с 7-го по 19-е число месяца раби II 654 г. (4—16 мая 1256)— монголы, установив камнеметы, осаждали Тун; они захватили шахристан и перебили всех, кроме ремесленников.

Перед Хулагу-ханом возникла необходимость в кратчайший срок и любыми методами уничтожить исмаилитское государство. Неизвестно, каких результатов достигли бы монголы в дальнейшем, если бы острая политическая борьба в исмаилитском государстве не изменила бы всю обстановку в их пользу.

Капитуляция Рукн ад-дина

Как только Рукн ад-дин Хуршах вступил на престол [в последний день месяца шаввала 653 г. х. (1 декабря 1255)], он стал неуклонно проводить политику, диктуемую ему феодальной группировкой. «Он послал людей в Гилян и другие соседние области с извещением о смерти Ала'ад-дина. Действуя противоположно поведению отца, он заложил основание дружбы с

этим народом. Он послал также людей во все свои вилайеты, приказывая пароду [исмаилитам] идти путем мусульманства [стать мусульманами] и держать дороги в безопасности» (20, с. 260; 61, с. 185). (Напомним, что в начале XIII в. подобную политику проводил его дед Джелаль ад-дин Хасан.)

Самым главным во внешней политике Рукн ад-дина, настойчиво диктуемым ему его окружением, была капитуляция перед монголами.

Как известно, вся феодальная знать Ирана, Маверан-нахра, Закавказья и Малой Азии с целью сохранения своего положения и имущества торопилась явиться на поклон к Хулагу-хану. Рашид ад-дин ярко обрисовал близких к Рукн ад-дину тайных сторонников монголов и их сокровенные цели. Среди них он называет ходжу Насир ад-дина Туси, великих лекарей Раис ад-доуле и Муваффик ад-доуле (дед Рашид ад-дина), их сыновей и др. «Сердца их преисполнились огорчением и отвращением к службе еретикам, а склонность к приверженности к Хулагу-хану [становилась у них] все сильнее, да и раньше они об этом мечтали. Они постоянно тайно совещались друг с другом о том, как то царство наилучшим образом и наилегчайшим путем могло бы быть им [Хулагу-ханом] завоевано. Очень многие из чужаков и мусульман примкнули к ним, и в этом деле все были единомышленны. По этой причине они старались побудить Хуршаха к покорности и послушанию и устрашали (его)» [64, т. III, с. 28—29].

Все эти лица сыграли крайне отрицательную роль в период военных действий исмаилитов с монголами.

Рукн ад-дин немедленно начал переговоры с монголами. Он послал гонца в Хамадан к Ясавур-нойону, сообщая о том, что-теперь, когда пришла его очередь царствовать, он хочет вступить на путь подчинения и повиновения монголам. Ясавур-нойон ответил, что скоро в Иран прибудет кортеж Хулагу-хана и Рукн ад-дину следует явиться к нему лично для изъявления покорности. Ясавур-нойон настойчиво рекомендовал сделать это поскорее [20, с. 260; 61, с. 186].

Для Рукн ад-дина необходимость предстать перед Хулагу-ханом явилась неприятной неожиданностью и очень напугала его.. Это видно из того, что в течение многих месяцев он то посылал вместо себя заложников к Хулагу-хану, то вымаливал отсрочки для личной явки.

В ответном послании Ясавур-нойону Рукн ад-дин пообещал послать сперва «своего младшего брата Шаханшаха и ходжу Асиль ад-дина Зузани с толпою сановников

своего царства» [64, т. III, с. 29]. В первый день месяца джумада I 654 г. (27 мая 1256) около Казвина Ясавур-нойон встретил Шаханшаха и, дав ему в сопровождающие своего сына Мурука, отправил к Хулагу-хану [61, с. 186]. За изъявление покорности Хулагу-хан повелел оказать им почести и уважение. Обмен гонцами не при

234

остановил военных действий, которые начал Ясавур-нойон. Уже 10 джумада I (5 июня) во главе монгольских и таджикских войск Ясавур-нойон вступил в Рудбар, район Аламута. Здесь произошла первая битва, закончившаяся поражением монголов. «Воины и фидай Хуршаха собрались на горе Сийалан-кух, расположенной выше крепости Аламут. Монгольские войска наступали снизу. Завязалась жестокая битва. Так как вершина горы была хорошо укреплена, а людей на ней было много, монгольские воины, потерпев поражение, отступили. Они уничтожили все посева хлебов, разорили страну, перебили людей» (61, с. 186).

Из этих сообщений источников становится совершенно очевидным, что, в то время как Рукн ад-дин и поддерживающая его феодальная группировка думали только о капитуляции перед монголами и уже вели с ними переговоры о ее осуществлении, простой народ исмаилитского государства и не помышлял о сдаче своих крепостей врагам, боролся с ними упорно, мужественно, героически и мог побеждать в этой борьбе. Такое различное отношение к завоевателям со стороны феодальной знати и народа сохранялось на протяжении всей борьбы с монголами. События последующих шести месяцев, в течение которых знать и богачи предавали, а народ отстаивал независимость исмаилитского государства, можно проследить во всех подробностях.

После операций в Кухистане монгольская армия возвратилась в лагерь Хулагу-хана. Хулагу-хан решил направиться в Дейлем, где находились важнейшие крепости исмаилитов. До подхода основных монгольских войск Хулагу-хан начал переговоры с Рукн ад-дином, который находился в Меймундизе. Нет сомнения, что Хулагу-хан был осведомлен о промонгольских симпатиях его ближайшего окружения. В конце месяца джумада II (вторая половина июля) к Рукн ад-дину в Меймундиз гонец доставил ярлык Хулагу-хана. В нем сообщалось, что так как Рукн ад-дин прислал своего брата и выразил покорность, то Хулагу-хан предаст забвению преступления, совершенные Ала ад-дином и его народом (имелось в виду упорное сопротивление войскам Китбуки-нойона); на Руки ад-дине же вины никакой нет. Пусть Рукн ад-дин разрушит свои крепости и явится к Хулагу-хану с выражением покорности, тогда монгольские армии не станут разрушать его государства [20, с. 262; 61, с. 186—187].

Рукн ад-дин ответил: «Ежели отец мой оказывал неповиновение, то я повинуюсь» [64, т. III, с. 29] — и частично выполнил первое требование. Он разрушил «пять крепостей, не имевших запасов и значительных укреплений» [21, с. 107], однако в Аламуте, Меймундизе и Ламасаре он только разрушил ворота и разобрал несколько зубцов башен.

Ясавур-нойон и монгольские войска покинули исмаилитские

235

владения. Это можно объяснить как неудачей Ясавур-пойона под Сийалан-кухом, так и желанием Хулагу-хана подтянуть все монгольские поенные силы для разгрома исмаилитских крепостей в Дейлеме. Хотя еще ни одна из исмаилитских крепостей в Дейлеме не была взята монголами, полная капитуляция перед ними была предрешена стоящей у власти феодальной группировкой. В начале месяца шабана 654 г. х. (конец августа — начало сентября 1256) из Меймундиза к Хулагу-хану был послан Садр ад-дин, чтобы просить годичной отсрочки для личной яп-ки Рукн ад-дина. Он возвратился и привез от Хулагу-хана ярлык, который и ободрял Рукн ад-дина, и приневоливал. Вместе с Садр ад-дином приехал монгольский баскак Тюкель-Бахадур. По мысли Хулагу-хана, он должен заменить Рукн ад-дина в управлении его владением, когда последний явится в ставку хана [20, с. 263]. 1 шабана 654 г. (24 августа 1256) Тюкель-Бахадур прибыл в Меймундиз [61, с. 187].

Ведя дипломатические переговоры с Рукн ад-дином, Хулагу-хан 10 шабана 654 г. (2 сентября 1256) выступил из Биста-ма, стал подтягивать к Дейлему монгольские войска и готовиться к военным действиям. Был дан приказ, чтобы монгольские войска, которые были в Ираке и других местах, приготовились к походу. Тремя колоннами они шли к Меймундизу. «На правом крыле из Мазендерана двинулись Бука-Тимур и Коке-Элькэй, на

левом крыле из Хара (Хувара) и Семнана — Негу-дар-огул и Китбука-нойон, а в средней рати, которую монголы называют кул, — Хулагу-хан с одним туманом славных богатырей» [64, т. III, с. 29]. Вместе с ним шли царевицы Багатай и Тутар, а также войска из Ирака.

Хотя монгольские войска все ближе подходили к границам исмаилитских владений, Хулагу-хан продолжал настойчиво требовать явки Рукн ад-дина. Рукн ад-дин отчаянно боялся явиться к нему и всячески затягивал переговоры.

Когда Хулагу-хан миновал Фируз-кух, его гонцы вернулись в сопровождении вазира Рукн ад-дина — Кей-Кубада. «Он с готовностью согласился [от лица Хуршаха] на разрушение крепостей, умолял, чтобы выход Хуршаха отложили на год, чтобы оставили в целости Аламут и Люмбесер, которые являлись старинными жилищами (исмаилитов), а прочие крепости были бы сданы, и [обещал], что всему, что будет поведено, он будет послушен и покорен» [64, т. III, с. 29].

17 шабана (9 сентября) Рукн ад-дин послал к Хулагу-хану своего вазира Шамс ад-дина Гилаки и племянника Сейф ад-дина Султана Малика ибн Кийа Бу Мансура с извинениями и новой просьбой об отсрочке своей явки. В то же время он послал приказы своим мухташамам в Гирд-кух и Кухистан, чтобы они явились к Хулагу-хану и выразили свое подчинение. Хулагу-хан не замедлил воспользоваться прибытием посланцев Рукн ад-дина, чтобы провести в жизнь его приказ. Он напра-

236

вил в Гирд-кух вазира Шамс ад-дина Гилаки, в Кухистан — одного из его спутников с повелением доставить к нему обоих мухташамов. А Сейф ад-дин Султан Малик был послан назад к Рукн ад-дину с извещением о том, что Хулагу-хан остановился в Демавенде и Рукн ад-дин должен явиться туда лично; если в связи с приготовлениями он задержится на пять дней, пусть вперед вышлет своего сына

17 рамазана 654 г. (8 октября 1256) сын Руки ад-дина Ша-ханшах был доставлен в ханскую ставку. Хулагу-хан его обласкал, но, сославшись на то, что он еще ребенок, через два дня отправил обратно и велел прислать другого сына Рукн ад-дина на смену Шаханшаху [61, с. 188]. Этот эпизод Джувеини дополняет интересными подробностями. Рукн ад-дин решил послать сына. «Это он делал по наущению [внушению] своих советников и советчиков, которые начали делать приготовления [к отъезду]. Но втайне по совету женщин и людей недальновидных он хотел прибегнуть к обману и искажению. Был [один] ребенок того же возраста, что и его сын, рожденный курдской женщиной, которая была служанкой в доме его отца и которую, когда ее беременность стала заметна. Ала ад-дин отослал в дом ее отца. Когда ребенок родился, никто не смел сказать, что он от Ала ад-дина, и па него не обращали внимания. Теперь Руки ад-дин использовал его как приманку [ловушку]» [20, с. 284]. Хотя Хулагу-хан догадался об обмане, он хорошо обошелся с ребенком и отправил его обратно. 22 рамазана (13 октября) мальчик был доставлен к Рукн ад-дину. Одновременно Хулагу-хан, выполняя просьбу Рукн ад-дина, согласился, чтобы Ша-ханшах, уже давно находящийся в его ставке, был заменен другим братом.

Так как расстояние между Рудбаром и ставкой Хулагу-хана все больше сокращалось, ильчи хана-непрерывно ездили туда и обратно. 5 шаввала (26 октября) Рукн ад-дин послал к Хулагу-хану другого брата, по имени Шираншах. Через два дня он прибыл в ставку Хулагу-хана, расположенную близ Рейя. В то же время вазир Рукн ад-дина, Шамс ад-дин Гилаки, возвратился из Гирд-куха и привез к Хулагу-хану мухташама этой крепости кади Тадж ад-дина Мердан-шаха (20, с. 265). И в этом случае мухташам Гирд-куха поторопился сдать монголам.

9 шаввала (30 октября) от Хулагу-хана возвратился Шаханшах с приказом Руки ад-дину: если он разрушит крепость Меймундиз и явится к Хулагу-хану, то будет принят с любезностью и почетом, если же он этого не сделает, то один бог знает, что с ним будет (20, с. 265; 61, с. 189). Тем временем монгольские войска все ближе подходили к Меймундизу. Сам Хулагу-хан повел войско в области Лар и Демавенд, дошел до Касрана, расположенного близ Рейя.

Крепость Шахдиз, лежавшая на их пути, была обложена отрядом под командованием Китбука-нойона. «Они окружили

237

ос [крепость] со всех сторон и взяли это укрепление штурмом через день или два. Они взяли еще две или три крепости[^] [расположенные] поблизости» [21, с. 109].

Отметим, что защитники Шахдиза не капитулировали перед монголами. Если крепость пала только через один-два дня штурма, то это свидетельствует об упорстве и

силе осажденных. Одновременно Бука-Тимур и Коке-Элкей с большой армией, идя от побережья Каспия, т. е. зайдя с тыла государства Рукн ад-дина, приближались к исмаилитским крепостям и окружили их [20, с. 266].

Рукн ад-дин прислал им известие: «Раз-де мы покорились и заняты разрушением крепостей, то какова же причина вашего прихода?» Они ответили: «Поскольку между обеими сторонами проторен путь единодушия, то мы пришли на пастбища» [64, т. III, с. 29].

Хулагу-хан, решив, что дипломатические переговоры слишком затянулись, приказал своим войскам начать наступление на Меймундиз. 10 шаввала 654 г. х. (31 октября 1256) он вышел из Пушкиль-дарре⁵, дав распоряжение убить 300 человек заложников, прибывших с Шираншахом и находившихся в Джалалаба-де, около Казвина. От Пушкиль-дарре, идя на Талекан, Хулагу-хан через горный проход Хазар-Шан, «столь узкий, что даже серна с трудом могла найти опору для ноги», 17 шаввала 654 г. (7 ноября 1256) подошел к Меймундизу [21, с. 119]. Его лагерь был разбит на одной из горных вершин, расположенных к северу от этой крепости.

Хулагу-хан отлично понимал, какие огромные трудности представляло завоевание исмаилитских твердынь. Прежде всего нужно было обеспечить всем необходимым монгольские войска, находившиеся в Дейлеме. С этой целью во все стороны были направлены гонцы, чтобы доставить армии продовольствие, скот на убой и верховых лошадей. Так как скота не хватало, был дан приказ забирать любых животных, кому бы они ни принадлежали: богатым или бедным, тюркам или таджикам. Продовольствие доставлялось из Армении, Курдистана и других отдаленных районов [21, с. 117].

Меймундиз был построен по приказу Ала ад-дина на высокой скале и хорошо укреплен. На ее вершине был источник воды, и три других — на склонах. Кроме того, канал, проведенный на расстоянии 5—6 км, давал воду в крепость.

Нет сомнения, что, как и все исмаилитские крепости, Меймундиз имел большой запас продовольствия. Из-за высоты и страшного холода жизнь здесь с начала осени и до середины весны была невозможна [21, с. 123]. Рукн ад-дин имел все основания считать Меймундиз совершенно неприступным.

⁵ Пушкиль-дарре находится к юго-западу от Талекана и к востоку от Казвина.

238

Хулагу-хан для наблюдения и ознакомления с полем битвы объехал вокруг крепости и убедился, что взять ее нет возможности. Хулагу-хан собрал военный совет: осаждать ли крепость немедленно или отложить осаду до следующего года. На военном совете выявились разногласия. Одни военачальники, ссылаясь на зимнее время, худобу коней, скудость продовольствия, предлагали отступить и возобновить осаду весной. Другие же, такие, как Бука-Тимур, Сейф ад-дин битикчи и эмир Китбука-нойон, стояли за немедленную осаду [64, т. III, с. 30]. Хулагу-хан поддержал последнее предложение. Он разослал приказы войскам готовиться к осаде и сражению. Все монгольские силы стали стягиваться к Меймундизу. «Со стороны Ма-зендерана и от Истундара, который лежит справа, шли Бука-Тимур и Коке-Элкей; от Аламута, который лежит слева, подходили царевичи Багатай и Тутар... за ними — Китбука-нойон. Казалось, горы и долины колышутся от несметного количества людей» [21, с. 120—121].

Все эти армии, соединившиеся с войсками Хулагу-хана, окружили Меймундиз. «Защитники крепости увидели, что народ, многочисленный, как муравьи, свил, как змея, семь колец вокруг крепости и быстро нашел себе укрытие среди скал и утесов. Как в танце „панджа“, они [монголы] соединили ряд с рядом и сплели руку с рукой. Днем, насколько охватывал глаз, защитники Меймундиза видели лишь людей и знамена, а ночью из-за бесчисленности огней принимали землю за небо, полное звезд» [21, с. 123—124]. Несмотря на многочисленность монгольских войск, столь красочно описанных, осторожный Хулагу-хан, не желая нести напрасные потери, сделал еще одну попытку уговорить Рукн ад-дина сдаться. В Меймундиз был послан гонец с извещением о прибытии самого Хулагу-хана под стены крепости и с приказом Рукн ад-дину явиться к нему.

В послании Хулагу-хана говорилось: «Ежели Хуршах сдастся, то это будет поводом (к сохранению) жизни многим немощным и бедным, а ежели он через пять дней не явится на служение, то пусть укрепляет крепости и готовится к войне» [64, т. III, с. 29]. Рукн ад-дин попытался схитрить. Из крепости прислали ответ, что Рукн ад-дин отсутствует, а без его согласия Меймундиз не может быть сдан.

В течение двух-трех дней те войска Хулагу-хана, которые были близ крепости, сражались с жителями гор (исмаилитами), и воины Рукн ад-дина одержали несколько

побед и некоторое время не поддавались страху перед силами ханских войск.

25 шаввала (15 ноября) битва была особенно страшной. Кольцо монгольских войск все теснее сжимало Меймундиз. На следующий день монголы начали подготовку к штурму. «Они срубили и надтесали для манджаник деревья, (которые так тщательно выращивали исмаилиты). Они расставили богатырей на расстоянии одного амаджа (около 150 *мл'*.— Л. С.) [друг от

239

друга], чтобы перенести тяжелые бревна и столбы манджаник на вершину холма и установить их там. Наутро Хулагу-хан велел разбить свой лагерь на самом высоком утесе.

Тем временем гарнизон крепости, который за ночь подготовился к сражению, вверив башни своей упирающейся в небо крепости безумным головорезам, начал бой. Они установили свои манджаники и в середине шаввала (ноябрь 1256) начали яростно обстреливать камнями (противников). Со стороны монголов молодые люди стреляли своими пикообразными стрелами столь метко, что расщепляли волос, а сами не уклонялись ни перед камнями, ни перед стрелами. Стрелы [монголов] летели на этих несчастных [исмаилитов], проходя, как град через ситообразные облака. Бой затухал только с наступлением темноты. На четвертый день, на рассвете, раздались крики и возгласы, и обе стороны поставили ногу на путь битвы [сражение возобновилось]. С исмаилитских башен посылали вниз оперенные стрелы. Тогда монголы, „если никакое лекарство не помогало“, привезли каман-и тав [баллисты], стрелявшие копьями, построенные китайскими мастерами и имевшими радиус действия в 2500 шагов. Из числа еретиков много воинов было сожжено этими подобными метеорам стрелами. С крепости сыпалась вниз лавина камней, но только один человек получил увечья. Испытав в этот день силу монгольской армии, они [исмаилиты] прекратили сражение и „после жара битвы постучали в дверь мира"» (21, с. 126—127).

Исход борьбы решен не был. Монголы не только не овладели крепостью, но даже не пробили бреши в ее стенах. Сила сопротивления исмаилитов не была сломлена; их моральный дух был крепок. О капитуляции они и не думали. Рукн ад-дин же был полностью деморализован. Он стал советоваться со своими приближенными и сановниками. Все они настаивали на скорейшей капитуляции. Стояла необыкновенно теплая погода, необычная для зимы в этих местах. Погибали надежды Рукн ад-дина на то, что зима, с ее дождем и снегом, будет его союзницей. От своего народа, героически защищавшего Меймундиз и готового к дальнейшей борьбе, Рукн ад-дин был далек. Со времени появления монголов у границ его царства он думал только о том, как избежать личной явки к Хулагу-хану, как сохранить собственную жизнь. Он понимал всю безнадежность своего положения.

Рукн ад-дин послал известие Хулагу-хану, что до сего времени он не был уверен в личном присутствии Хулагу-хана у стен Меймундиза. Теперь он сдается и явится в ставку Хулагу-хана в тот же день или на следующий [21, с. 129]. Но на другой день он снова послал гонца, прося у Хулагу-хана ярлык, гарантирующий его личную безопасность. Этот документ был написан самим историком Джутейии, отослан в Меймундиз и прочтен публично (21, с. 129).

240

Если все окружение Рукн ад-дина настаивало на скорейшей капитуляции и он сам уже не видел никакого выхода, кроме явки на поклон к Хулагу-хану, то совсем иного мнения были защитники Меймундиза. Наутро, когда Рукн ад-дин хотел покинуть крепость, «несколько наиболее фанатичных фидаев дошли до крайности в своем сопротивлении и не позволили ему спуститься вниз. Они грозили уничтожить тех, кто поощрял его [Рукн ад-дина] принять такое решение» [21, с. 130]. Рукн ад-дин оказался между двух огней: ужасала необходимость явки к Хулагу-хану, которая могла стоить ему жизни; за капитуляцию грозили смертью свои собственные подданные — рядовые защитники Меймундиза. Они казались Рукн ад-дину более опасными. Последней его надеждой становился Хулагу-хан. Рукн ад-дин направил к нему гонца, велел передать: «Прежде чем поторопиться явиться лично, я хотел приготовить приношение; но большинство моих подданных разгневалось и решило уничтожить меня прежде, чем этот план будет выполнен. Это сорвало мои намерения» [21, с. 130]. Хулагу-хан не показал своего недовольства и велел передать, что Рукн ад-дину лучше побереечь себя.

Пока шли эти переговоры, военные действия против Меймундиза продолжались. «Монголами были найдены подходящие места для установления манджаник, и части их,

[заранее заготовленные], легко соединили вместе. На следующий день был приказ, чтобы вокруг крепости каждый человек нашел [себе] врага и всякий, кто бы он ни был, продвинулся вперед и завязал бой с противником. И на всем пространстве вокруг крепости, на расстоянии фарсаха и более, эхо отражало воинственные крики. От падения бросаемых сверху [из крепости] валунов сотрясались горы, а валуны раскалывались и обращались в прах. [Монголы] стреляли из манджаник чурбаками, сделанными из сосны тысячелетнего возраста, и [их] первым же снарядом вражеская манджаника была разбита, и много людей раздавлено ею [погибло под ее обломками]. Самострелы вызывали у них [исмаилитов] такой страх, что они совершенно обезумели, и каждый укрылся за камнем, чтобы не быть видным; те же, кто стоял на башне, забились от страха, как мыши, в нору или заползли, как ящерицы, в трещины. Одни были ранены, другие убиты; весь этот день они сражались, но слабо и шевелились, как больная женщина [еле шевелились]. Утром они прекратили сражение» (21, с. 131—133). Оттягивать свою сдачу Рукн ад-дин больше не мог. Он выслал вперед большую часть своих знатных лиц и вазиров вместе со своим сыном и на следующий день вышел сам. «Этот благоприятный день был последним днем шаввала этого года (29 шаввала 654 г.— 19 ноября 1256) и последним днем процветания народа гор» (21, с. 131 — 1331).

Рашид ад-дин добавляет ценные подробности и указывает
16 Зак. 586

241

другую дату капитуляции: «Когда он (Рукн ад-дин) понял, что у него нет силы сопротивляться, он сначала послал с дарами и несметными сокровищами другого брата, Иран-шаха, со своим сыном, по имени Таркия [или Туран-шах], в сопровождении ходжи Насир ад-дина Туси, и хаджи Асиль ад-дина Зузани с множеством вазиров, сановников, должностных лиц и войсковых старшин. В пятницу 27-го числа месяца шаввала они прибыли на служение. Их расположили отдельно и расспросили» [64, т. III, с. 30].

«В воскресенье 1-го числа месяца зу-л-када 654 г. (20 ноября 1256) Хуршах по совету сановников царства самолично в сопровождении ходжи мира Насир ад-дина Туси, хаджи Асиль ад-дина Зузани, вазира Муаййид ад-дина и сыновей Раис ад-доуле и Муваффик ад-доуле вышел из крепости, распростился с двухсотлетним жилищем и удостоился чести лобызания (праха) ног его высочества» [64, т. III, с. 30].

1 зу-л-када 654 г. (20 ноября 1256) Рукн ад-дин вышел из крепости. Когда Хулагу-хан увидел его, он понял, что тот молод, неопытен, неразумен. Хулагу-хан обласкал его и обнадежил посулами. Рукн ад-дин был еще нужен. Его приказы о сдаче крепостей избавили бы монгольские войска от необходимости брать их штурмом или долгой осадой. Кроме небольшого числа второстепенных крепостей, взятых монголами, важнейшие исмаилитские твердыни еще предстояло покорить.

Рукн ад-дин вывел из Меймундиза всех своих приверженцев и представил все унаследованные и приобретенные ценности и сокровища, хотя они сравнительно и не были так велики, как о них говорили. «Кроме того, что хранилось в сокровищницах Меймундиза, у Рукн ад-дина не было ничего ценного, чтобы преподнести Хулагу-хану, так как во время передвижений армий (и обмена гонцами.— Л. С.) все его имущество было роздано» [21, с. 135—136].

Даже после выхода из Меймундиза Рукн ад-дина и его окружения оставленные на произвол судьбы рядовые защитники крепости продолжали борьбу с монголами. Они еще имели манджаники, и дух их не был сломлен. «Некоторые из наиболее фанатичных фидаев сопротивлялись упорно. Они собрались около дворца правителей и здесь сосредоточили свое оружие для борьбы. Монголы обстреливали их из манджаник камнями и стрелами. Три дня и три ночи сопротивлялись исмаилиты. На четвертый день отряды монголов взобрались на вершину холма и зарубили защитников крепости» [21, с. 135]. Сопротивление защитников Меймундиза было сломлено. Но они до последнего часа не просили пощады у монголов.

Выполняя требование Хулагу-хана, Рукн ад-дин разослал гонцов с приказом о сдаче и уничтожении крепостей во все части своего государства. Далекое не везде и не сразу эти приказы были выполнены. Рукн ад-дин «отправил Садр ад-дина,

242

чтобы тот сдал все полное оружием и запасами замки и крепости, которыми отцы и деды завладели в беге времени в Кухистане, Рудбаре и Кумисе. Число их доходило до ста» [64, л. III, с. 31].

По словам Джувейни, Рукн ад-дин послал своих доверенных лиц и хулагуидских ильчи разрушить и разорить крепости. Они снесли около 40 крепостей, а жители их согласно приказу спустились вниз. Исключение составили Аламут и Ламасар, обитатели которых хитрили и просили разрешения покинуть крепость, когда армия Хулагу-хана подойдет к Аламуту.

Аламут, защитники которого так успешно отбили первое нападение, еще стоял. Хулагу-хан направился к нему через Шах-рак, бывшую резиденцию правителей Дейлема, где в течение девяти дней он праздновал свою победу.

Войска Хулагу-хана подошли к Аламуту, подождали день, послали Рукн ад-дина уговорить защитников крепости сдаться. Это не дало результатов. «Комендант крепости Мукаддам ад-дин был упрям и отказался спуститься вниз» [20, с. 269]. Хулагу-хан оставил царевича Багата с большими силами, поручив ему окружить и осадить Аламут, а сам двинулся к Лама-сару. «Три дня они нападали и притворно отступали» (64, т. III, с. 31). Этими краткими словами исчерпывается описание военных действий монголов. Взять Аламут силой они не смогли. Вскоре гарнизон запросил о сдаче.

Защитники Аламута обратились к Рукн ад-дину с просьбой ходатайствовать за них перед Хулагу-ханом. Последний послал им ярлык о пощаде. После этого «26-го числа месяца зу-л-када 654 г. Мукаддам ад-дин вышел и сдал крепость» [64, т. III, с. 31]. Жителям дали три дня на вывоз их имущества. Это можно считать почетной капитуляцией. 30 зу-л-када 654 г. (19 декабря 1256) монгольские войска вошли в Аламут. Они разбили манджаники, снесли ворота, разграбили и сожгли дотла все постройки. Когда Хулагу-хан поднялся в Аламут, то при виде высот этого утеса «прикусил зубами палец изумления». Рукн ад-дину разрешили также подняться в крепость. В ней хранилось огромное количество продовольствия, собранного, как говорили, еще со времен Хасана ибн Саббаха [20, с. 272].

Джувейни посоветовал Хулагу-хану сохранить ценные труды, собранные в библиотеке Аламута, и получил распоряжение лично ознакомиться с этим книгохранилищем. Джувейни приказал сохранить астрономические инструменты, Кораны и другие ценные рукописи и велел сжечь все произведения, посвященные исмаилитским догмам. Однако ряд исмаилитских сочинений он включил в свой собственный труд.

Так пал Аламут, бывший с 1090 по 1256 г. центром исмаилитского государства. В течение той же недели к Хулагу-хану явились кутвалы исмаилитских крепостей из Дейлемана, Аска-

16*

вара, Тарума и Каркама⁶. Все они были внесены в списки покорных слуг Хулагу-хана и, получив ярлыки {о прощении}, разрушили свои крепости [21, с. 139].

Явился на поклон к Хулагу также и Шамс ад-дин, мухташам Кухистана. Он отправился выполнять приказ Рукн ад-дина, чтобы исмаилиты разрушили все крепости в районе Кухистана, более 50, которые «подняли свои руки к небесным сферам и штурмовали созвездия», т. е. были совершенно неприступны.

Исмаилиты Гирд-куха не подчинились приказу. Эта крепость устояла и держалась еще в течение 20 лет. Лишь при Абака-хане (1265—1284) она сдалась, жители были перебиты, крепость разрушена.

Хулагу-хан проследовал в район Ламасара, где была зимняя стоянка монголов. Он оставил Даир-Букая с армией монголов и таджиков осаждать Ламасар. Исмаилиты сопротивлялись в течение целого года. Вспыхнувшая в осажденной крепости эпидемия холеры и смерть большинства защитников крепости явились причиной ее сдачи [64, т. III, с. 31].

16-го числа месяца зу-л-хиджжа 654 г. х. (4 января 1257) Хулагу-хан покинул Дейлем и 25-го числа того же месяца (13 января) остановился недалеко от Казвина. Здесь монголы встречали Новый год и праздновали целую неделю. Хулагу-хан щедро одарил царевичей, эмиров и воинов.

Так к началу 1257 г. государство исмаилитов перестало существовать. Исмаилитские крепости были разрушены. Рукн ад-дин, последний имам и правитель исмаилитского государства, содержался в почетном плену в ставке Хулагу-хана в Казвине. Он был еще нужен Хулагу-хану. По его настоянию Рукн ад-дин послал в сирийские крепости гонцов с приказом кутвалам составить списки (перечень) сокровищ и беречь крепости как собственность Хулагу-хана до его прихода в те области [20, с. 274].

Во время своего пребывания у Хулагу-хана Руки ад-дин влюбился в монгольскую девушку низкого происхождения и, «влюбленный, подобно Меджуну, предложил свое царство за ее любовь». Ему ее отдали в жены.

До этого времени Хулагу-хан хорошо обращался со своим пленником, так как по распоряжению Рукн ад-дина исмаилитские крепости сдавались без борьбы. Но когда прекратилась борьба с исмаилитами в Иране и сирийские крепости получили приказ о сдаче, Рукн ад-дин стал не нужен монголам. Хулагу-хан стал подумывать о том, как от него избавиться. Просто убить его после многократных обещаний пощады и письменных гарантий Хулагу-хану было неудобно. Рукн ад-дин сам вывел

⁶ Рабино [284, с. 124] упоминает деревню Каркам — в округе Хазар-Джариб.

Хулагу-хана из затруднения, выразив желание явиться ко двору Мунке-хана в Каракорум.

1 раби I 655 г. х. (9 марта 1257) его отправили с девятью людьми из его свиты под конвоем монгольских военачальников. Когда Рукн ад-дин прибыл в Каракорум, Мунке-хан даже не захотел его увидеть и сказал, что ради его путешествия не стоило понапрасну утомлять коней. Он приказал спросить Рукн ад-дина, почему тот не разрушил Гирд-кух и Ламасар; он велел ему возвратиться обратно и явиться на служение только после уничтожения этих крепостей [20, с. 277].

На обратном пути из Каракорума Рукн ад-дин был убит. Так погиб последний глава исмаилитов Аламута.

Таким образом, непосредственной причиной гибели исмаилитского государства явилась капитуляция перед монголами его феодальной группировки. Именно феодальные элементы, которые привели к власти Рукн ад-дина, принуждали его к сдаче государства завоевателям. О своем государстве и народе Хуршах и не думал. Для спасения своей жизни он отдавал приказания о сдаче и уничтожении исмаилитских крепостей. Он был чужд своему народу и, боясь его, искал от него защиты у монгольского хана.

Источники дают возможность выявить часть феодальной группировки, которая жаждала скорейшей капитуляции перед монголами. Это непосредственное окружение Хуршаха, а также кутвалы Дейлема, Аскавара, Тарума и Кухистана, которые поторопились сдать монголам вверенные им крепости.

Простой народ был преисполнен решимости бороться с монгольскими завоевателями. Даже Джувеини, столь враждебный исмаилитам, в своем изложении событий не отрицает упорного и порой успешного сопротивления монголам рядовых исмаилитов. ***Защитники Меймундиза продолжали борьбу даже после того, как Хуршах и его приближенные покинули крепость. После трех суток героического сопротивления защитники Меймундиза были истреблены. Но они не сдались и пощады не просили.***

Взять Аламут штурмом монголы так и не смогли.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исмаилитское движение было рассмотрено нами на широком историческом фоне развитого феодального общества, каким был Иран в период государства Сельджуков. Необыкновенно быстрое развитие феодальных отношений в 70—90-х годах XI в. обострило до крайности внутренние противоречия в этом государстве. Повсеместное распространение икта привело к усилению феодальной эксплуатации иранского крестьянства. Класс феодалов вырос численно, главным образом за счет тюркских элементов. Эксплуатация иранских крестьян тюркскими феодалами сопровождалась грабежами, оскорблениями, насилиями. В городах Ирана те же тюркские феодалы творили безнаказанно любые бесчинства в отношении трудового населения: ремесленников, рабочих людей, мелких торговцев и их семей. Одна часть иранской знати, приспособившаяся к завоевателям-сельджукам, принимала активное участие в эксплуатации своих соплеменников. Другая, потерявшая ведущие должности и свои

земельные владения, была в тайной оппозиции к Сельджукам. Ненависть к феодалам, тюркским и иранским, зрела в сердцах людей. Нужна была искра, чтобы поджечь пламя восстания.

В Иране давно велась пропаганда исмаилизма — одного из течений шиизма, который являлся официальным вероучением в Фатимидском халифате. Однако пропаганда, которую вели фатимидские даи, не имела боевого, политического направления и адресовалась лишь феодалам и людям науки.

Исмаилитская пропаганда качественно изменилась при появлении Хасана ибн Саббаха. Он выдвинул конкретные лозунги для антисельджукской и антифеодальной борьбы, явился вождем и организатором народного восстания. Его пропагандистская и организационная деятельность протекала в центрах народной антифеодальной оппозиции, районах, где ранее выступали хариджиты и шииты, где велась упорная борьба крестьян-общинников против феодалов, наступавших на права свободной крестьянской общины. Восстание, возглавленное исмаилитами Ирана, получило широкий размах. Оно охватило провинции, города и сельские районы. **Исмаилиты** временами одерживали победы в борьбе с тюркскими феодалами и правительственными войсками, а порой терпели поражения.

Первой победой восставших исмаилитов в Иране был за-

246

хват Аламута, ставшего центром освобожденных от власти Сельджуков районов и столицей независимого исмаилитского государства. В то же время исмаилитам удалось завладеть большей частью провинции Кухистан и рядом находившихся в ней городов.

В течение жизни одного поколения шла не на жизнь, а на смерть борьба исмаилитов Аламута с государством Сельджуков. Одновременно происходил процесс создания исмаилитского государства. Для него характерны отказ от наследственной монархии (единственной формы государственной власти, практиковавшейся в феодальных владениях); уничтожение предположительно института икта и связанной с ним совокупности феодальных налогов, поборов и повинностей, существовавших в сельджукском государстве; черты аскетизма и стремление к общему равенству; обязательная для всех суровая дисциплина.

В исмаилитском государстве наблюдался относительно высокий уровень развития производительных сил. Удаленные друг от друга владения и отдельные крепости, составлявшие исмаилитское государство, включали сельскохозяйственные районы, пригодные для разведения всех видов сельскохозяйственных культур, пастбища, обеспечивавшие кормами многочисленный скот; города с развитым ремеслом, продукция которого шла на местное потребление и на экспорт. Принадлежавшие исмаилитам крепости, располагавшиеся на важнейших торговых путях, обеспечивали денежные доходы от сбора торговых пошлин, от охраны и грабежей караванов.

С 20-х годов XII в. феодальным правителям пришлось примириться с фактом существования исмаилитского государства, что изменило и упрочило положение последнего. Внешняя политика исмаилитского государства включала: расширение территории путем захвата и строительства новых крепостей; не очень активные и не частые военные столкновения с феодальными войсками; индивидуальный террор, практиковавшийся исмаилитами против своих политических, классовых и религиозных врагов. Анализ впервые опубликованных сведений источников о жертвах исмаилитов дает основание утверждать, что количество убитых ими лиц было относительно невелико; жертвами являлись исключительно крупнейшие представители царствовавших домов, тюркская и персидская знать, высшее мусульманское духовенство. Неизменным оставался и классовый состав фидаев, добровольно жертвовавших собой убийц, которые были выходцами из крестьян или ремесленников.

Внутреннее положение исмаилитского государства было до крайности обострено ростом имущественного неравенства, проникновением в правящие круги исмаилитов феодальных элементов соседних владений. Эти феодалы, учитывая стабилизацию исмаилитского государства, искали с ним мира, заключали искренние или чаще лживые союзы. Протест демократических

247

сил исмаилитского государства против этих явлений нашел яркое проявление в провозглашении Хасаном ала зикри-хи-с-салям «Дня Кийамата».

Провозглашение Кийамата рассматривалось исследователями только как

религиозная реформа исмаилизма. Однако провозглашение Кийамата являлось в плане социально-политическом требованием социального и имущественного равенства для исмаилитов; призывом к убийствам, побиванию камнями, непримиримой борьбе со «своими» феодалами; стремлением к проведению в жизнь раздела материальных благ. В плане религиозном провозглашение Кийамата означало отмену шариата и появление отличного от исмаилизма вероучения — низаризма.

С провозглашением Кийамата тесно связан вопрос о генеалогии Хасана ала зикри-хи-с-салям. Для современных низаритов Индии и Пакистана и нынешнего имама, считающего себя прямым потомком Хасана ала зикри-хи-с-салям, очень важным является утверждение о том, что последний был прямым потомком Али — ближайшего родственника пророка Мухаммеда. Анализ источников разоблачает легендарный характер генеалогии Хасана ала зикри-хи-с-салям, который в действительности не является потомком фатимидских имамов.

Временная победа феодальной группировки в начале XIII в. привела к тому, что правитель Аламута Джелаль ад-дин Хасан Ноу-Мусульман отрекся от исмаилизма, возвратился в лоно ислама, сжег часть книг аламутской библиотеки. В своей внешней политике он, не отличаясь от других феодальных правителей своего времени, принимал активное участие в их усобице. Но демократические стремления рядовых исмаилитов были еще сильны. Им удалось, приведя к власти Ала ад-дина, изменить на диаметрально противоположный политический курс его предшественника. Снова был восстановлен низаризм; во внутренней политике усилились репрессии против «своих» феодалов; всеобщее одобрение получили простота в быту и трудовая деятельность главы исмаилитского государства.

Вторжение монголов не затронуло исмаилитских владений, которые в экономическом отношении процветали. Демократические правители Аламутского государства стремились поддержать последнего хорезмшаха в его борьбе с монголами. Их контакты выражали своеобразную форму антимонгольской борьбы в Иране.

В 50-х годах XIII в., при вступлении в Иран монгольских войск Хулагу-хана, над владениями исмаилитов нависла грозная опасность. К этому времени в правящих кругах исмаилитов ведущую роль сумела занять феодальная группировка, ненавидевшая низаризм как ересь и жаждавшая капитуляции перед монголами. Героическое сопротивление рядовых исмаилитов монголам оказалось бессильным вследствие предательства исмаилитских вождей. Они сдали Меймундиз. После недолгой

248

борьбы жители Аламута получили право выхода из крепости.

Один год сопротивлялся Ламасар и 20 лет — **Гирд-кух**.

Причинами гибели исмаилитского государства явились не только предательская политика его правящих кругов, не только численное превосходство монгольских войск и их лучшая техническая оснащенность. Главная причина заключается в другом. В период феодализма социальные идеалы народных восстаний были обращены к невозвратному прошлому, эти идеалы являлись нереальными мечтами о возвращении к "обществу до-классовому с его имущественным равенством и отсутствием эксплуатации человека человеком. Если в первые десятилетия истории исмаилитского общества для него характерны черты аскетизма, всеобщей простоты в быту, некоторого равенства в разделе добычи и т. д., то такие его черты не могли сохраниться долго. Исмаилитское общество и государство возникли и укреплялись в окружении развитого феодального общества, и их собственное развитие не имело другого пути, кроме пути феодального. В этом их историческая трагедия и историческая обреченность.

249

БИБЛИОГРАФИЯ

Труды классиков марксизма-ленинизма *

1. Ленин В. И. Государство и революция. *Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции*. Т. 33.
2. Ленин В. И. О государстве. *Лекция в Свердловском университете 11 июля 1919 г.* Т. 39.

3. Л е н и н В. И. Материализм и эмпириокритицизм. *Критические заметки об одной реакционной философии*. Т. 18.
4. Л е н и н В. И. Развитие капитализма в России. *Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности*. Т. 3
5. К. Маркс и Ф. Энгельс. Капитал- Т- III- Кн- III. К. Маркс и Ф. Энгельс. Т. 25. Ч. II.
6. М а р к с К. К критике политической экономии. Т. 13.
7. Маркс К. Манифест Коммунистической партии. Т. 4.
8. Маркс К- Хронологические выписки. Архив Маркса и Энгельса. Под ред. В. Адоратского. Т. V. М., 1938.
- 9- М а р к с К. Формы, предшествующие капиталистическому производству.
10. Энгельс Ф. К истории первоначального христианства. Т. 22. И. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Т. 21.
12. Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии. Т. 21.
13. Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии. Т. 7.

ИСТОЧНИКИ

14. Абу л-Феда.—Abou 'l-Feda. Recueil des Historiens des croisades. Historiens orientaux. Т. I. P., 1872.
15. А л - Б у н д а р и.—Bodari. Histoire des Seldjoucides des l'Iraq par al-Bodari d'apres Imad ad-din al-Katib al-Isfahanl. Texte arabe publie d'apres les MSS d'Oxford et de Paris par M. Th. Houtsma. Т. II. Leide, 1889.
16. Вениамин Тудельский. — Benjamin of Tudela. The Itinerary of Rabbi Benjamin of Tudela. Transl. and ed. by A. Asher. Vol. 1—2. L.—B., 1841.
17. Вильгельм (Вильям) Т и р с к и ft. A History of Deeds Done Beyond the Sea. Transl. by Badcock and Krey. Vol. I. N. Y., 1943.
18. Гусейнов Р. Сирийские источники XII—XIII вв. об Азербайджане. Баку, 1960.
19. Д а _ у л е т ш а х.—D a w l a t s h a h. The Tadkiratu' sh-Shu'ara of Dawla-tshah bin Ala u'd-Dawla Bakhtishah al-Ghazi of Samarra and. Ed. in the Original Persian with Prefaces and Indices by E. G. Browne. London—Leiden, 1901.
- * Труды К. Маркса и Ф. Энгельса приводятся по Сочинениям, изд. 2; труды В. И. Ленина — по Полному собранию сочинений.

- 20 Джувейни.—J u w a y n i. The Ta'rikh-i Jahan-gusha of Ala ud-Din Ata ' Malik-i Juwayni (composed in A.M. 685 A.D. 1260). Ed. with an Introduction. Notes and Indices from Several Old MSS by Mirza Muhammed ibn 'Abdu l-Wahhab-i Qazwini. P. I, Containing the History of Chingiz Khan and His Successors. Leyden—London, 1912; p. II, Containing the History of the Khwarazmshah Dynasty, Leiden—London, 1916; p. III. Containing the History of Mangu Qak'an Hulagu and the Isma'ilis. Leiden—London. 1937 (GMS. T. XVI. P. 1—3).
21. Джувейни.—J u w a y n i. The Ta'rikh-i—Jahan—gushay of Juwayny. Being a Facsimile of a Manuscript Dated A. H. 690, Belonging to Wahid-ul-Mulk. Т. III. With an Introduction by Sir E. Denison Ross. L.. 1937.
22. Джувейни.—Ala-ad-Din Ata Malik Juvaini. The History of the World—Conqueror. Transl. from the Text of Mirza Muhammad Qaz-vini by J. A. Boyle. Vol. I—II. Manchester, 1958.
23. Джузджани —Juzjani. Tabakat-i-Nasiri. A General History of the Muhammadan Dynasties of Asia, Including Hindustan, from A.H. 194/810 A.D./to A.H. 658/1260 A.D./, and the Irruption of the Infidel Mughals into Islam, By the Maulana Minhaj-ud-Din, Abii-'Umar-i-'Usman. Transl. from Original Persian Manuscripts by H. G. Raverty. Т. I—II. L., 1881.
24. Ибн ал-Асир. Ibn al-Athiri. Chronicon quod perfectissimum inscribitur. Ed. C. J. Tornberg. Т. I—XIV. Lugduni Batavorum, 1851— 1876.
25. И б и а л - Б а л х и.—Ibn a l - B a l h i. Description of the Province of Fars in Persia at the Beginning of the Fourteenth Century A.D. L., 1912.
26. И б и а л - Б а л х и.—Ibn a l - B a l h i. The Fars nama... Ed. by G. Le Strange and R. A. Nicholson. L.. 1921 (GMS NS I.)
27. Ибн Баттута.—Ibn Batoutah. Voyages d'Ibn Batoutah. Texte arabe. accompagne d'une traduction francaise par C. Defremery et B. R. San-guineti. Т. III. P., 1885.
28. Ибн ал-Джаузи.—Ibn e l - D j e u z i. Recueil des Historiens des croisades. Historiens orientaux. Т. III. Extraits du Mirat ez-Zeman par Ibn el-Djeuzi. P., 1884.
29. И б н И с ф а н д и к а р.—Ibn Isfandiyar. Ibn Isfandiyar's History of Tabaristan. Ed. by Ed. Browne. Leyden—London, 1905 (GMS, II).
30. Ибн ал-Каланиси.—Ibn al-Kalanisi. Continuation of the Chronicle of Damascus. Full Arabic Text. Ed.

by H. F. Amedroz. Leyden, 1908.

31. Ибн а л - Ф а к и х. Compendium libri Kitab al Boldan auctore Ibn al Fa-kih al-Hamadhani. Ed. 2. Indicibus et glossario instruxit M. J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1885. (BGA, V).

32. И б и Ф а д л а и. Путешествие Ибн Фадлана на Волгу. Пер. и коммент. под ред. акад. И. Ю. Крачковского. М.—Л., 1939.

33. Ибн Х а укал.— Ibn H a u k a 1. Viae et Regna. Descriptio ditionis moslemicae auctore Abu'l Kasim. Ibn Naukal. Lugduni Batavorum, 1873 (BGA, II).

34. Истахри.— Al-Istakhri. Viae Regnorum. Descriptio ditionis moslemicae auctor Abu Ishak al-Istakhri. Lugduni Batavorum, 1870 (BGA, I).

35. История монголов по армянским источникам. Пер. и объяснения К. П. Патканова. Вып. I. Извлечения из трудов Вардана, Стефана Орбе-лиана и Конетабля Смбата. СПб., 1873.

36. История монголов по армянским источникам. Пер. и объяснения К. П. Патканова. Вып. 2. Извлечения по истории Киракоса Гандзакецн. СПб., 1874.

36а. Иакут. см. Якут.

37. Коран. Пер. и коммент. И. Ю. Крачковского. М., 1963.

38. Кабус-наме.— The Nasihat-nama known as Oabus-nama of Kai Ka'bus b. Iskandar b. Qabus b. Washwmgir. Ed. with Critical Notes by Reuben Levy. L., 1951.

39. Каб\с-намс. Пеп., ст. и примеч. чл.-кор. АН СССР Е. Э. Бертельса. М., 1953.

40. К а з и м Мухаммед. Поход Надир-шаха в Индию (Извлечения из

251

Та'рих-и-аламара-йи Надири). Пер., прсдисл. и примеч. П. И. Петрова. М., 1961.

41. Калам-и Пир.— K a l a m i P i r . A Treatise on Ismaili Doctrine Also (Wrongly) Called Haft-Babi Shah Sayyid Nasir. Ed. in Original Persian and Transl. into English by W. Ivanow. Bombay, 1935.

42. К е м а л сд-ди н.— Kemal ed-din. Recueil des Historiens des croisades. Historiens orientaux. T. III. Extraits de la chronique d'Alep. P., 1883.

43. Кухистани Абу И с х а к.—Q u h i s t a n i Abu Ishaq. Haft Bab or «Seven Chapters» by Abu Ishaq Quhistani (Wrote in the Beginning of the .With c). Ed. in the Original Persian and Transl. into English by W. Ivanow. Bombay, 1959.

44. Ма К дне и — е 1 - М о к а д д а с и. Descriptio Imperii Moslcnici auctore. Schamso'd din Abfl Abdollah ibn Mohammed ibn Ahmed ibn abi Bekr al-Banna al-Bassharl el-Mokaddasi. Ed. by M. J. Goeie. Lueduni-Batavo-rum, 1872; ed. 2. 1906 (BGA, III).

45. Ма суди.— Macoudi. Les Prairies d'or. Textc et traduction par C. Bar-bier dc Meynard et Pavet de Courteille. T. I—IX. P., 1861—1877.

46. Матвей Эдесский.— Matthieu D'Edessc. Rccit de la premiere croisadc. Extrait de la chronique de Matthieu d'Edcsse, ct traduit de Гар-menien par M. Edouard Dulaurier. P., 1850.

47. Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. I. VII—XV вв. Арабские и персидские источники. Под ред. С. Л. Волина, А. А. Ромаскевича, А. Ю. Якубовского.—ТИВАН. XXIX. М.—Л., 1939.

48. М с й х е н и.— Мухаммед ибн а я - М у н а в в ар Мейхени. Тайны единения с богом в подвигах старца Абу-Саида (перс, текст). Изд. В. А. Жуковского. СПб., 1899.

49. Михаил С и р и с ц.—Mi s h e 1 le Syrien. Chronique de Michel le Syrien, patriarchc Jacobite d'Antioche (1166—1199). Editce pour la premiere fois et traduite en francais par J.-B. Chabot. T. III. P., 1905.

50. Муджмал ат-та'варнх. Изд. Малек аш-уйара Бехара. Тегеран, 1939 (на перс. яз.).

51. Sefer Nameh. Relation du voyage de Nassiri Khosrau en Syrie, en Palestine, en Egypte, en Arabie et en Perse, pendant les annees de l'hegire 437— 442 (1035—1042). Publie, traduit et annote par Charles Shefer. P., 1861.

52. Н а с и р - и - Х у с р а у. Сафар-намэ. Книга путешествия. Пер. и вступит, ст. Е. Э. Бсртельса. М.—Л., 1933.

53. Н е с с в н.— Mohammed en-Nesawi. Histoire de Sultan Djelal-ed-din Mankobirti, prince du Kharezrn. Texte arabe ct traduction franchise, publies par O. Houdas. T. I—II. P., 1891—1895.

54. А и л - Н а с а в и Ш и х а б - а д - д и н Мухаммед. Жизнеописание султана Джалал ад-дина Манкбуриы. Пер. с араб., прсдисл., коммент., примеч. и указ. З. М. Буниятова. Баку, 1973.

55. Н и з а м а л - М у л ь к.— Nizam oul-Moulk. Siasset Nameh. Traite de Gouvernement. Compose pour le sultan Mclik-Chah par le visir Nisam oul-Moulk. Texte persan edite par Ch. Schcfer. P., 1891 (PELOV. Ser. 3. T. VII. 4. 1).

56. Низам ал-Мульк. Сиасет-намэ. Книга о правлении вазира XI столетия Низам ал-Мулька. Пер., введ. в изучение памятника и примеч. проф. Б. Н. Заходера. М.— Л., 1949.

57. Поло Марко. Книга Марко Поло. Пер. старофранцузского текста И. П. Минаева. Ред. и вступит, ст. И. П. Магидовича. М., 1956.

58. Пять философских трактатов на тему «Афак ва анфус» (о соотношении между человеком и вселенной). — «Афак-нама», «Мират ал-мухакикин», «Зубдат ал-хакаик», «Умм ал-китаб», «Усул-и адаб». Критич. текст, указ. и введ. в изучение памятника А. Е. Бертельса. Под ред. и с предисл. Б. Г. Гафурова и А. М. Мирзоева. М., 1970.
59. Рабин о, — Rabi no И. L. Mazanderan and Astrabad. L.. 1928 (GMS. NS. Vol. VII).
- 60. Равенди. — Rawandi. The Rahat-us Sudiir wa Ayat-us-Suriir, Being

- a History of the Saljuqs by Muhammad ibn Ali ibn Sulayman ar-Ra.vandi. bil with Notes. Glossary and Indices by Muhammad Iqbal. Leyden—London, 1921 (GMS. NS. II).
- 61 рашид ад-дип. — Rashid ad-Din Fadl Allah. Jami al-Tawa'ijh (Part of the Ismaili's History). Persian Text of the VIHth Century
д. Н. With Critical Notes and Commentary. Ed. by M. T. Danesh-Pajuh and до. Modarresy. Tehran, 1960 (на перс. яз.).
- 62 Рашид ад-дин. Джамий' ат-таварих. Стамбульская рукопись 717 г.х.-1317 г. п. э. библиотеки Реван-кешку, № 1518, "фотокопия ИВАН СССР.
63. Рашид ад-дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 2. Пер. с перс. О П. Смирновой. Примеч. Б. И. Панкратова и О. И. Смирновой. Ред. А. А. Семенова. М.—Л., 1952.
64. Рашид ад-дин. Сборник летописей. Т. III. Пер. с перс. А. К. Арэнд-га. Под ред. А. А. Ромаскевича, Е. Э. Бертельса и А. 10. Якубовского. М.—Л., 1946.
65. Рубрук Вильгельм, де. Путешествие в восточные страны. Введ., пер. и примеч. А. И. Малажа. СПб., 1911.
66. Сейф и ал-Хасреви — а 1 - Нага wi Sa y f ibn Muhammad ibn Ya'qub. The Ta'rikh Nama-i Ilarat. Eel. with fntrod. by Mohammad Zubayr as-Siddiqi. Calcutta, 1944.
67. Трактаты исмаилитские. Two Early Ismaili Treatises: Haft Babi Baba-Sayyid-na and Matlubu'l-mu'minin by Tusi Persian Text, with Introductory Note by W. Ivanow. Bombay, 1933.
68. Туси И а с и р ад-дин. — Tusi N a s i r u' d - d i n. Rawdatu't Taslim Commonly Called Tasawwurat by Nasiru'd-din Tusi. Persian Text. Ed. and Transl. into English by W. Ivanow. Leyden, 1950.
69. Усама ибн М у н к ы з. Книга назидания. Пер. М. А. Сальс. Под ред. и с примеч. И. Ю. Крачковского. Вступит, ст. И. Ю. Крачковского и Е. А. Беляева. М., 1958.
70. У с а м а и б н М у н к ы з. — U s a m a h I b n M u n q i d h. Usamah's Memoirs Entitled Kitab al Itibar by Usamah ibn Munqidh. Ed. by Philip K. Hitti. Princeton, 1930.
71. Х а м л а л л а х Казвин и. — Hamd -Allah Mustawfi of Q a z w i n. The Geographical Part of the Nuzhat-al-Qulub Compozcd by Hamd-Allah Mustawfi of Qazwin in 740(1340). Ed. and transl. by Le Strange. Leyden—London, 1919 (GMS, XXII, 1—2).
72. Хамдаллах Казвин и. — H a m d u' l l a h M u s t a w f i - i Q a z w i - n i. The Ta'rikh-i-Guzida or «Slect History» of Hamdu'llah Mustawfi-i Qazwini. Compiled in A.H. 730 (A.D. 1330) and Now Reproduced in Facsimile from a Manuscript Dated A.H.857 (A.D. 1453) With an Introd. by E. G. Browne. Vol. I, Containing the Text. Leyden—London (GMS, XIV, 1).
73. Х а м д а л л а х Казвин и. — Qazwini H a m d u' l l a h M u s t a w f i. The Ta'rikh-i-Guzida or «Select History» Compiled in A.H. 730 (A.D. 1330) and Now Abridged in English from a manuscript Dated A.H.857 (A.D. 1453) by E. G. Browne, with Indices of the Facsimile Text by R. A. Nicholson. P. II. Containing the Abridged Translation and Indices. Leyden— London, 1913 (GMS, XIV, 2).
74. Худуд ал-алсм. Рукопись Туманского, с введ. и указ. В. Бартольда. Л., 1930.
75. Худуд ал-алем. — Hudud al-"Alam cThc Regions of the World*. A Persian Geography. 372 A.I I.—982 A.D. Transl. and expl. by V. Minorsky. With Preface by V. V. Barthold, ум. 1930). Transl. from Russian. L., 1937 (GMS, NS XI).
76. Шахрастани. — A 1 - S h a h r a s t a n i Muhammed. Book of Religions and Philosophical Sects. First Ed. from the Collection of Several MSS by Cureton. Repr. of the London ed., 1846. Lpz., 1923 (coll. editionum ra-riorum orientalium. Noviter impressarum I).
- П. Якут. — Jacut. Jacut's Geographischcs Worterbuch. Hrsg. von F. Wu-stenfeld. Bd I—VI. Lpz., 1866—1870.

Исследования и справочные издания

78. Л г а К а р р ы е в, В. Г. М о ш к о в а, А. Н. Насонов, А. Ю. Якубовский. Очерки из истории туркменского народа и Туркменистана в VIII—XIX вв. Под ред. чл.-кор. АН СССР А. Ю. Якубовского. Аш., 1954.
79. А л и - з а д е А. А. К вопросу об институте «икта» в Азербайджане при ильханах в XIII—XIV вв.—ССИА. Вып. 1. Баку, 1949.

80. Али-заде А. А. К вопросу об институте «нджу» в Азербайджане в XII—XIV вв.— ССИА. Вып. Г. Баку, 1949.
81. Али-заде А. А. К истории рудников и монетного обращения в Азербайджане в XII—XIV вв.— ССИА. Вып. I. Баку, 1949.
82. Али-заде А. А. Социально-экономическая и политическая история Азербайджана XIII—XV вв. Баку, 1956.
83. Ахундов М. Ф. Философские и публицистические произведения. Баку, 1940.
84. Ашурбейли С. Б. Очерк истории средневекового Баку (VIII — начало XIX в.). Баку, 1964.
85. Бабаян Л. О. Социально-экономическая и политическая история Армении в XIII—XIV вв. М., 1969.
86. Бартольд В. В. Иран. Исторический обзор. Таш., 1926.
87. Бартольд В. В. Ислам. Пг. 1918.
88. Бартольд В. В. Историко-географический обзор Ирана. СПб., 1903.
89. Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана. Сочинения. Т. П. Ч. I. Ат, 1963.
90. Бартольд В. В. К вопросу о феодализме в Иране.— «Новый Восток». 1930. № 28.
91. Бартольд В. В. К истории крестьянских движений в Персии.—Из далекого и близкого прошлого. Сборник этюдов из всеобщей истории в честь 50-летия научной жизни Н. И. Кареева. Пг.— М., 1923.
92. Бартольд В. В. К истории Мерва.—ЗВОРАО. Т. XIX. 1910.
93. Бартольд В. В. К истории орошения Туркестана. СПб., 1914.
94. Бартольд В. В. К истории персидского эпоса.— ЗВОРАО. Т. XXII. СПб., 1915.
95. Бартольд В. В. Место Прикаспийских областей в истории мусульманского мира. Баку, 1925.
96. Бартольд В. В. Народное движение в Самарканде в 1365 г.— ЗВОРАО. Т. XVII. 1906.
97. Бартольд В. В. Очерки истории туркменского народа.— Туркмения. Т. I. Л., 1929.
98. Бартольд В. В. Рыцарство и городская жизнь в Персии при Сасапидах и при исламе.— ЗВОРАО. Т. XXI. СПб., 1913.
99. Бартольд В. В. Султан Снджар и гузы (по поводу статьи К- А. Ино-странства).—ЗВОРАО. Т. XX. 1912.
100. Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия.— Соч. Т. I. М., 1963.
101. Бартольд В. В. Хафиз-н-Абру и его сочинения.— Ал-Музаффариня. Сб. статей учеников проф. В. Р. Розена. СПб., 1897.
102. Беленицкий А. М. К вопросу о социальных отношениях в Иране в хулагуидскую эпоху.— СВ. Т. V. 1948.
103. Беляев В. И. Арабские источники по истории туркмен и Туркмении IX—XIII вв.— Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. I. VII — XV вв. Арабские и персидские источники. Под ред. С. Л. Волина, А. А. Ромаскевича и А. Ю. Якубовского. ТИВАН. XXIX. М.—Л., 1939.
104. Беляев Е. А. Арабы, ислам и арабский халифат в раннее средневековье. М., 1965.
105. Беляев Е. А. Мусульманское сектанство (исторические очерки). М, 1957.
106. Березин И. Н. Восточные реформаторы-асассипы.— «Современник». Т. LXV. СПб., 1852.
107. Бертельс А. Е. Насир-и Хосров и исмаилизм. М., 1959.

254

108. Бертельс А. Е., Бакоев М. Алфавитный каталог рукописей, обнаруженных в Горно-Бадахшанской автономной области экспедицией 1959— 1963 гг. Под ред. и с предисл. Б. Г. Гафурова и А. М. Мирзоева. М., 1967. то Бертельс А. Е. История персидско-таджикской литературы. М. 1960. 110 Бертельс А. Е. Низами. М., 1948.
111. Бодянский В. Л. Бахрейн (К истории стран Персидского залива). М., 1962.
112. Корова А. К.—К истории братства «ахи» и Грчнри. Гл nvaiv-- В. А. Гордлевскому к его семидесятилетию М, 1953.
113. Борюков А. К. Упоминание «ахи» у Алишера Навои.— КСИНА. М., 1964. --1--
114. Буныатов З. М. Азербайджан в VII—IX вв. Баку, 1965.
115. Вильчевский О. Л. Новый источник для характеристики мировоззрения юродского населения Ирана в X—XI веках.— СВ. 1955, № 1.
116. Вятки и В. Л. Материалы к исторической географии Самаркандского вилаята. Справочная книжка Самаркандской области. Вып. VII. 1902.
117. Гафуров Б. Г. История таджикского народа в кратком изложении. Т. 1. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. 1917 г. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1952.
118. Гольдциср И. Лекции об исламе. СПб., 1912.
119. Гордлевский В. А. Государство Сельджукидов в Малой Азии. М.— Л., 1941.
120. Гусейнов Р. Сельджукская военная организация.— ПС. Вып. 17(80). Л., 1967.
121. Гусейнов Р. II. Сельджуки в Закавказье. Авторсф. дис. на соискание ученой степени д-ра ист. наук. Баку, 1969.
122. Давидович Е. А. Город, ремесло и денежное обращение в Средней Азии в период так

- называемого «серебряного кризиса» (XI—XIII вв.).— Материалы совещания археологов и этнографов Средней Азии. М.—Л., 1959.
123. Жуковский В. А. Древности Закаспийского края. Развалины старого Мерва.— МАР. Вып. 16. СПб., 1894.
124. Закуев А. К. Философия «Братьев чистоты». Баку. 1961.
125. Заходер Б. Н. История Восточного средневековья (халифат и Ближний Восток). М., 1944.
126. Заходер Б. Н. Мухаммед Нахшеби. К истории карматского движения в Средней Азии в X веке.— «Ученые записки МГУ». Вып. 41. 1940.
127. Заходер Б. Н. Хорасан и образование государства Сельджуков.— ВИ. 1945, № 5—6.
128. Иванов В. А. Исмаилитские рукописи Азиатского музея (Собрание И. И. Зарубина, 1916). Пг., 1917.
129. Клима Отакар. Маздакитское движение. Автореф. кн.: Otakar K 1 i m a. Mazdak. Geschichte einer sozialen Bewegung im sassanidischen Persien. Praha, 1957.— «Зарубежное востоковедение». Вып. I. Сообщения чехословацких ориенталистов. М., 1960.
130. Крачковская В. А. Кайрак 514 года хиджры из Амуля.— «Вестник ЛГУ». 1957, Кя 8.
131. Крачковский И. Ю. Избранные сочинения. Т. IV. Арабская географическая литература. М.—Л., 1957.
132. Крымский А. История Турции и ее литературы. Т. II. Вып. 2. Киев, ⁴—¹1927 (на укр. яз.).
133. Кубель Л. Е. О некоторых чертах военной системы халифата при Омейядах.— ПС. Вып. 4(67). М., 1959.
134. Левин С. Ф. Реформаторское движение в индийской торговой общине ходжа в 1825—1866 гг.—КСИВ. Вып. 51. М., 1962.
135. Левин С. Ф. Организация исмаилитской буржуазии в Пакистане.— КСИВ. Вып. 71. М., 1964.
136. Масад А. Ислам (очерки истории). М., 1961.
137. Мейс Адам. Мусульманский ренессанс. М., 1966.
- 255
138. Мюллер А. История ислама с основания до новейших времен. Пер. с нем. Под ред. И. А. Медникова. Т. I—II. СПб., 1895.
139. Петрушевский И. П. Вазир Шараф ал-Мульк.— Ближний и Средний Восток. М., 1962.
140. Петрушевский И. П. Восстание ремесленников и городской бедноты в Тавризе в 1571—1573 гг.— СИА, вып. I. Баку, 1949.
141. Петрушевский И. П. Городская знать в государстве хулагуидов.— СВ. Т. V. М.—Л., 1948.
142. Петрушевский И. П. Движение сербедаров в Хорасане.— УЗИВАН. Т. XIV. М., 1956.
143. Петрушевский И. П. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV веков. М.—Л., 1960.
144. Петрушевский И. П. Из героического прошлого азербайджанского народа в XIII—XIV вв. Баку, 1941.
145. Петрушевский И. П. Ислам в Иране в VII—XV веках (курс лекций). Л., 1966.
146. Петрушевский И. П. К истории маздакитов в эпоху господства ислама.— НАД. М., 1970, № 5.
147. Петрушевский И. И. Комментарии географический и исторический.— Хождение за три моря Афанасия Никитина 1466—1472 гг. Под ред. акад. Б. Д. Грекова и чл.-кор. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1948.
148. Петрушевский И. П. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI — начале XIX в. Л., 1949.
149. Петрушевский И. П. Применение рабского труда в Иране и сопредельных странах в позднее средневековье (к проблеме рабовладельческого уклада в феодальных обществах Передней и Средней Азии). М., 1960.
150. Петрушевский И. П. Рашид-ад-дин и его исторический труд.— Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. I. Пер. с перс. Л. А. Хетагурова. Ред. и примеч. А. А. Семенова. М.—Л., 1952.
151. Петрушевский И. П. Труд Сейфи, как источник по истории Восточного Хорасана.— ТЮТАКЭ. Т. V. Ашхабад, 1955.
152. Петрушевский И. П. Феодальные государства в Иране, Малой Азии и арабских странах в X — начале XIII в.— Всемирная история. Т. III. Под ред. И. А. Сидоровой, Н. И. Конрада, И. П. Петрушевского и Л. В. Черепнина. М., 1957.
153. Петрушевский И. П. Феодальные институты идрар п мукассэ в Иране в XIII—XIX вв.— Памяти академика Игнатия Юлиановича Крачковского. Л., 1958.
154. Петрушевский И. П. Феодальное хозяйство Рашнд-ад-дина.— ВИ. 1951, Ш 4.
155. Петрушевский И. П. Хамдуллах Казвини как источник по социально-экономической истории Восточного Закавказья.— ИАН СССР. Отд. обществ. наук. 1937, № 4.
156. Петрушевский И. П. К истории рабства в халифате VII—X вв.— НАА. 1971, № 3.
157. Пигулевская И. В. Византия и Иран на рубеже VI и VII веков. М.—Л., 1946.
158. Пигулевская И. В. Города Ирана в раннем средневековье. М.—Л., 1956.
159. Пигулевская И. В. К вопросу о разложении рабовладельческой формации на Ближнем

Востоке. ВИ, 1950. № 4.

160. П и г у л е в с к а я Н. В. Аздакнтское движение.— ИАН СССР. 1944, № 4 (отд. отт.).

161. Пигулевская Н. В. Переходные формы рабовладения в Иране по сирийскому сборнику пехлевийского права (Доклады советской делегации на XXIII Международном конгрессе востоковедов). М., 1954.

162. Пигулевская Н. В. Проблема кризиса рабовладельческого строя и генезиса феодализма.— ВИ. 1956, № 9.

163. Пигулевская Н. В. Проблемы распада рабовладельческого общест

256

ва и формирования феодальных отношений на Ближнем Востоке.— ВН.

1953, № 3.

164 Пигулевская Н. В. Учение о докапиталистических формациях на ' Ближнем Востоке в трудах ленинградских востоковедов.—УЗИВАН. Т. XXV. М., 1960.

165. Пигулевская Н. В., Якубовский А. Ю., Петрушевский И. П., Строева Л. В., Беленицкий А. М. История Ирана с древнейших времен до конца XVIII в. Л., 1958.

166. Прозоров С. А1 Филиация шиитских сект по «Фирак аш-ши'а» ал-Ха-сана б. Мусы ан-Наубахти (конец IX — начало X в. н. э.).— Ближний и Средний Восток (история, культура, источниковедение). Сб. статей в честь 70-летия проф. И. П. Петрушевского. М., 1968.

167. Р о м а с к е в и ч А. А. Персидские источники по истории туркмен и Туркмении X—XV вв.— Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. I. VII—XV вв. Арабские и персидские источники. Под ред. СЛ. Волина, А. А. Ромаскевича и А. Ю. Якубовского.— ТИВАН. XXIX. А1.— Л., 1939.

168. Семенов А. А. Из области религиозных верований шугнанских исмаилитов. [Б. м.], 1912.

169. Семенов А. А. К догматике памирских исмаилитов. Таш., 1926.

170. Семенов А. А. Описание исмаилитских рукописей, собранных А. А. Семеновым. Пг., 1919.

171. Семенов А. А. Противоречия в учении о переселении душ у памирских исмаилитов и у Насыр-и-Хосрова. Таш., 1925.

172. Семенов А. А. Рассказ шугнанских исмаилитов о бухарском шейхе Беха-уд-дине. Пг., 1915.

173. Семенов А. А. Шугнанско-исмаилитская редакция «Книги света» На-сир-и-Хосрова.— ЗКВ'. Т. V. 1930.

174. Семенова Л. А. Салах ад-дин и мамлюки Египта. М., 1966.

175. С м и р н о в а О. И. Из истории арабского завоевания в Средней Азии.— СВ. 1957, № 2.

176. Современный Иран. М., 1957.

177. Список трудов А. А. Семенова.— Сб. статей по истории и филологии народов Средней Азии, посвященный 80-летию со дня рождения А. А. Семенова,— ТАН ТаджССР. Т. XVII. Душанбе, 1957.

178. Строева Л. В. Уничтожение монголами государства исмаилитов в Иране.— УЗ ЛГУ. Вып. 4, .\o 179. Д., 1954,

179. С т р о е в а Л. В. Иран под владычеством монгольских хапов.— Н. В. П и-гулевская, А. Ю. Якубовский, И. П. Петрушевский, Л. В. Строева, А. М. Беленицкий. История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века. Л., 1958.

180. Строева Л. В. Последний хорезмшах и исмаилиты Аламута. Исследования по истории культуры народов Востока,— Сб. в честь акад. И. А. Ор-бели. М.—Л., 1960."

181. Строева Л. В. День «Воскресения из мертвых» и его социальная сущность.—КСИВ. Т. XXXVIII. М., 1960.

182. Строева Л. В. Движение исмаилитов в Исфахане в 1101—1107 гг.— «Вестник ЛГУ». 1962, № 14.

183. Строева Л. В. Исмаилиты Ирана и Сирии в зарубежной и советской литературе. Тезисы научной конференции. Л., 1963.

184. Строева Л. В. К вопросу о социальной природе исмаилитского движения в Иране XI—XIII вв.— «Вестник ЛГУ». 1963, № 20.

185. Строева Л. В. Базпасин-ит хорезмшах ва исмаилийап-и Аламут (Последний хорезмшах и исмаилиты Аламута)—«Рахнема-йе кетаб». Т. VI, № 12. Тегеран, 1964 (Пер. на перс. яз. К. Кешаварза).

186. Строева Л. В. Восстание исмаилитов в Иране в конце XII — начале XIII в.— Исследования по истории стран Востока. Л., 1964.

187. Строева Л. В. Исмаилитов государство.— Советская историческая энциклопедия. Т. 6.

188. Строева Л. В. Исмаилиты Ирана и Сирии в зарубежной и советской

7 Зак. Б86

257

историографии.— Историография и источниковедение истории стран Азии. Л, 1965.

189. Строева Л. В. Внутреннее положение исмаилитского государства в 20—50-х гг. XII в.— Филология и история стран зарубежной Азии и Африки. Тезисы научной конференции восточного факультета ЛГУ. Л., 1965.

190. Строева Л. В. Выступления исмаилитов в Сирии на грани XI—XII вв.— КСИНА, № 86. М., 1965.
191. Строева Л. В. Рашид ад-дин как источник по истории исмаилитов Аламута (издание неопубликованной части «Джами ат-таварих»).— Вопросы истории стран Азии. Л., 1965.
192. Строева Л. В. Шахдиз — крепость исмаилитов.— Иранская филология. Краткое изложение докладов научной конференции, посвященной 60-летию проф. А. Н. Болдырева. М., 1969.
193. Строева Л. В. Политическая история Ирана (X — начало XIII в.).— История стран зарубежной Азии в средние века. М., 1970.
194. Строева Л. В. «Новый призыв» исмаилитов как идеология народного движения в Иране в XI—XII вв.— ПС. Вып. 21/84. Ближний Восток и Иран. Л., 1970.
195. Строева Л. В. Изучение истории исмаилизма на Памире и в Иране в советской историографии за 50 лет.— Филология и история стран Азии и Африки. Краткие тезисы научной конференции восточного факультета ЛГУ. 11—18 декабря 1972 г. Л., 1972.
196. Строева Л. В. Провозглашение «Дня Воскресения» (Из истории государства исмаилитов в Иране в XI—XII вв.).— Иран. М., 1973.
197. Сухарева О. А. Бухара XIX — начала XX в. (позднефеодальный город и его население). М., 1966.
198. Толстое С. П. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М., 1948.
199. Толстой С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.—Л., 1948.
200. Томара М. Бабек.— «Жизнь замечательных людей». Вып. 15/87. М., 1936.
201. Ту майский А. Г. Новооткрытый персидский географ X-го столетия и известия его о славянах и руссах.— ЗВО, № X, 1897.
202. Тревер К. В. К вопросу о ремесленных корпорациях в сасанидеком Иране. Эллинистический Ближний Восток, Византия и Иран. История и филология.— Сб. в честь семидесятилетия чл.-кор. АН СССР Н. В. Пи-гулевской. М., 1967.
203. Тревер К. В., Якубовский А. Ю., Воронец М. Э. История народов Узбекистана. Т. I. С древнейших времен до начала XVI в. Под ред. С. П. Толстова, В. Ю. Захидова, Я. Г. Гулямова и Р. Н. Набиева. Таш., 1950.
204. Федоров М. Н. Клад сельджукских серебряных динаров—шекасте из южного Узбекистана.— ЭВ. № XVIII. Л., 1967.
205. Якубовский А. Ю. Главные вопросы изучения истории развития городов Средней Азии.—ТАН ТаджССР. Т. XXJX. 1951.
206. Якубовский А. Ю. Городище Миздахкан.—ЗКВ. Т. V. 1930.
207. Якубовский А. Ю. Восстание Муканны— движение людей в «белых одеждах».—СВ. Т. V, 1948.
208. Якубовский А. Ю. Ирак на грани VIII—IX вв.—«Труды первой сессии арабистов», 14—17 июня 1935 г.— ТИВАН. Вып. XXIV. Л., 1937.
209. Якубовский А. Ю. Махмуд Газневи. К вопросу о происхождении и характере Газневидского государства.— Фердовси. 934—1934. Л., 1934.
210. Якубовский А. Ю. Развалины Сыгнака (Сугнака).— «Известия ГАИМК». Т. II. 1929.
211. Якубовский А. Ю. Развалины Ургенча.— «Известия ГАИМК». Т. VI. Вып. 2. Л., 1930.
212. Якубовский А. Ю. Сельджукское движение и туркмены в XI в.— ИАН СССР. Отд. обществ, наук. 1937. № 4.
213. Якубовский А. Ю. Феодалное общество Средней Азии и его тор

258

- говля с Восточной Европой в X—XV вв.— Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Ч. I. Л., 1932.
214. Barthold W. Djuwaini.— EI, T. II.
  215. Bartholomae, de. Lettre adressee par M. Le General de Bartholomae a M. Soret sur des monnaies koufique inedites rapportee de Perse.— «Re-vue de la Numismalique Beige*. Ser. 3. T. III. Bruxelles, 1859.
  216. Becker C. H. Islamstudien. Von Werden und Wesen der islamischen Welt. Bd. I. Lpz., 1924.
  217. «Bombey Chronicle*. March 11, 1958.
  218. Bosworth C. E. The Political and Dinastic History of the Iranian World. (AD. 1000—1217).—The Cambridge History of Iran. Vol. 5. The Saljuq and Mongol Periods. Ed. by J. A. Boyle. L. 1968.
  219. Brockelmann G. Al Nasawi.— EI, T. II.
  220. Browne E. G. A Literary History of Persia. Vol. II. From Firdawsi to S'adi. L. 1906.
  221. Cahen Cl. L'evolution de l'iqta du IX-e au XIII-c siecle. Annales (economies, societes, civilisations). T. 8, № 1, P., 1953.
  222. Cahen Cl. Mouvements populates et autonomisme urbain dans l'Asie Musulmane au Moyen Age. Leiden, 1959.
  223. The Cambridge History of Iran. Vol. 5. The Saljuq and Mongol Periods. Ed. by J. A. Boyle. L. 1968.
  224. Carra de Vaux. Al-Shahrastani.—EI. T. IV.
  225. Casanova (M.). Monnaie des Assassins de Perse.— «Rcvue Numismalique*. Ser. 3. T. XI. 1893.

226. Defremery M. C. Essai sur l'histoire des Ismaéliens ou Bathiniens de la Perse plus connus sous le nom d'Assassins.— JA. Ser. 5. T. XV. P., 1860.
227. Defremery M. C. Nouvelles recherches sur les Ismaéliens ou Bathiniens de Syrie plus connus sous le nom d'Assassins et principalement sur leur rapports avec les états chrétiens d'Orient.—JA. 1859. Ser. 5. T. III.
228. Defremery M. C. Recherches sur le règne du sultan seldjoukide Bar-kiarok.—JA. Ser. 5. T. II, P. 1853.
229. Dietrich A. Die Philosophie der Araber. Bd. 16. Leipzig—Leiden, 1858—1895.
230. Garbct L. La cité musulmane, vie sociale et politique. P., 1954.
231. Gibb H. Musfali Billah.— EI. T. III.
232. Guyard St. Un grand maître des Assassins au temps de Saladin.— JA. Ser. 7. T. IX. P., 1877.
233. Guyard St. Fragments relatifs à la doctrine des Ismaélites. P., 1874.
234. Haunskij E. On Alleged Attempts at Converting the Assassins to Christianity in the Light of William of Tyre's Account.—«Folia orientalia». T. XV, 1974.
235. Al-Hamadani Husain. History of the Isma'ili Dawat and Its Literature During the Last Phase of the Fatimide Empire.— JRAS. Vol. 1. 1932.
236. Hammer Ion Joseph. Die Geschichte der Assassinen aus morgen-landischen Quellen. Stuttgart—Tubingen, 1818.
237. Hilli Ph. K. History of the Arabs. L., 1946.
238. Hitti Ph. K. History of Syria. L., 1951.
239. Hodgson M. G. S. The Order of Assassins. The Struggle of the Early Nizari Ismailis against the Islamic World. The Hague. 1955.
240. Hodgson, M. G. S. The Ismaili State.— The Cambridge History of Iran. Vol. 5. The Saljuq and Mongol Periods. Ed. by J. A. Boyle. L., 1968.
241. Huart M. Cl. La forteresse d'Alamut. Extrait des Mémoires de la Société de Linguistique de Paris. T. XV. 1908.
242. Ibn al-Djawzi.— EI. T. II.
243. Ivanow W. Alamut.— «The Geographical Journal». January 1931. Vol. LXXVII, № 1.
244. Ivanow W. Alamut and Lamasar. Two Mediaeval Ismaili Strongholds in Iran. An archaeological study by W. Ivanov. C—2. Tehran. 1960.
245. Ivanow W. The Alleged Founder of Ismailism. Bombay—Leiden, 1946.

17*

259

246. Ivanow W. Brief Survey of the Evolution of Ismailism, B—7. Leiden, 1952.
247. Ivanow W. Concise Descriptive Catalogue of the Persian Manuscripts in the Collection of the Asiatic Society of Bengal. Calcutta, 1924.
248. Ivanow W. A Creed of the Fatimids (A Summary of the Taju'l 'aqaid. by Sayyid-na AH b. Muhammad b. al Walid. (about 612/1215). Bombay,
249. Ivanow W. Studies in Early Persian Ismailism. Cairo, 1948, Bombay, 1955.
250. Ivanow W. A Guide to Isma'ili Literature. L., 1933.
251. Ivanow W. Isma'ilism. Reprinted from the Encyclopaedic of Islam. Suppl. 2. Leiden, 1936.
252. Ivanow W. Ismaili Literature. A Bibliographical Survey.—A Guide to Ismail Literature. Ed. 2. A—15 ser. Tehran, 1963.
253. Ivanow W. Nasir-i Khusraw and Ismailism. Bombay—Leiden, 1948.
254. Ivanow W. The Organization of the Fatimid Propaganda.— Journal of the Bombay Branch of the Royal Asiatic Society*. Bombay, 1939, Vol. 15.
255. Ivanow W. The Rise of the Fatimids. L., 1942.
256. Ivanow W. Some Ismaili Strongholds in Persia.—«Ismaili Culture». 1938.
257. Kamal al-Din.—EI. T. II.
258. Кешаварз Керим. Hasan-e Sabbah. Tehran, 1966 (на перс. яз.).
259. Lambton A. K. S. Islamic Society in Persia. L., 1954.
260. Lambton A. K. S. Landlord and Peasant in Persia. L., 1953.
261. Lambton A. K. S. The Internal Structure of the Saljuq Empire.—Cambridge History of Iran, Vol. 5. The Saljuq and Mongol Periods. Ed. by J. A. Boyle. L., 1968.
262. Le Strange G. The Lands of the Eastern Caliphate. Cambridge, 1930.
263. Levy Reuben. The Social Structure of Islam. Cambridge, 1957.
264. Lewis B. The Isma'ilites and the Assassins.— A History of the Crusades. Vol. 1. Ed. by Marchall W. Baldwin. Philadelphia, 1958.
265. Lewis B. The Origins of Isma'ilism. A Study of the Historical Background of the Fatimid Caliphate. Cambridge, 1940. Lewis B. The Sources for the History of the Syrian Assassins.—«Speculum». 1952, Vol. XXVII, № 4.
267. Lewis B. The Assassins. A Radical Sect in Islam. L., 1967.
268. Lockhart L. Some Notes on Alamut.— «Geographical Journal». January 1931. Vol. LXXVII, № 1.

269. Lokkegaard Fr. Islamic Taxation in the Classic Period. Copenhagen, 1950.
 270. Macdonald B. Ithna' ashariya.— EI. Vol. II, c. 28.
 271. Marquart J. Eranschahr nach der Geographie des Ps. Moses Ilorenaci. B., 1901.
 272. Massignon L. Les corps des Metiers.— Louis Massignon. Opera Minor. Textes recueillis, classes et presentes avec une bibliographie par J. Moubarac. T. 1, Dar al-Maarat. Liban, [б/г.].
 273. Massignon L. La «Futuwa» ou pacte d'honneur artisanal entre les tra-vailleurs musulmans au moyen age.— Opera Minor. T. 1.
 274. Massignon L. Ikhvan as-Safa.— EI. T. II.
 275. Mehrсyаr, M. Shahdez kodja ast? Isfahan, 1965 (на перс. яз.).
 276. Minorский V. Daylam.— EI. Vol. I.
 277. Minorский V. La domination des Dailamites. Section des Etudes Iran-nienne. 1932, № III.
 278. Month. Journal of a Tour through Azeedbijan and the Shores of the Caspian.—JRAS. 1833, Vol. 3.
 279. Mustansir Billah —EI. Vol. III.
 280. Noldeke Th. Ein Sklavenkrieg im Orient.— «Orientalische Skizzen*. B., 1892.
 281. Nowcll Ch. The Old Man of the Montaña— «Speculum». 1947. Vol. XXV, №4.
 282. Ohsson C. Histoire des Mongols, depuis Tchinguiz khan jusqu'a Timour Bey ou TaMerlan. I. 111. La Haye — Amsterdam, 1835.
 283. Poliak A. N. Le fodalite islamique.— «Revue des etudes islamiques*. T. X. P., 1936.
 284. Rabino H. L. Mazandcran and Astrabad.—L., 1928 (GMS, NS. Vol. VII).
 285. Rabino H. L. Les dynasties locales de Gilan et de Daylam.— JA. Vol. CCXXXV11. P., 1949.
 286. Runciman St. A History of the Crussades. Vol. I. The First Crussade and the Foundation of the Kingdom of Jerusalem. Cambridge, 1953,
 287. Sacy de S. Memoirc sur la dynastic des assassins et sur l'etymologie de leur nom.—«Histoire et Mcmoircs de l'Institut Royal de France*. T. IV. P., 1818.
 288. Sacy de S. Recherches sur l'Initiation a la secte des Ismaeliens.—JA. T. 4. P., 1824.
 289. Sacy de S. Expose dc la religion des Druzes. T. 1—2. P., 1838.
 290. Sauvaget. Alep. P., 1941.
 291. Шамэ-йи дар बारे-йе джанбеш-е исмаилие.— «Донья», № 2 (на перс. яз.). [Б. м.],[б. г.].
 292. Shiel J. Itinerary from Tehran to Alamut and Khurremabad in May 1837.— «Journal of the Royal Geographical Society». 1838. Vol. 8.
 293. Stark Fr. The Assassins Valley and the Salambar Pass.— «The Geographical Journal*. January 1931. Vol. LXXVII, MI 1.
 294. Stark Fr. The Valley of the Assassins. L., 1934.
 295. Stern S. M. Epistle of the Fatimid Caliph Amir.—JRAS. 1950.
 296. Stern S. M. Cairo as the Centre of the Isma'ili Movement. Berlin-Leipzig, 1973.
 297. Van Berchem. Epigraphie des assassins de Syrie.— JA. Ser. 9.T. IX. № 1. P., 1897.
 298. Vasmеr R. Zur Chronologie der Gastaniden. Vienna, 1927.
 299. Withof J. P. L. Das mcuchelmorderische Reich der Assassinen. Clcve, 1765.
 300. Zambauer E. Manuel de genealogie et dc chronologie pour l'histoirc de ITslam. Hanovre, 1927.

СПИСОК СОКРАЩЕНИИ

ВИ
 ГАИМК
 ЗВО
 ЗВОРАО
 ЗКВ
 ИАН СССР ИВАН СССР КСИБ
 КСПНА
 МАР НАА
 ПС СВ
 ССИА
 ТАН ТаджССР
 ТИВАН
 ТЮТАКЕ
 УЗИВАН
 УЗ ЛГУ
 ЭВ
 BGA EI
 GMS GMS NS JA
 JRAS PELOV

- «Вопросы истории». М.
- Государственная Академия истории материальной культуры.
- «Записки Восточного отделения».
- «Записки Восточного отделения (Имп.) Русского археологического общества». СПб., Пг.
- «Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее Российской Академии наук (Академии наук СССР)». Л.
- «Известия Академии наук СССР». М.— Л.
- Институт востоковедения АН СССР.
- «Краткие сообщения Института востоковедения АН СССР». М.—Л., М.
- «Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР». М.
- Материалы по археологии России.
- «Народы Азии и Африки. История, экономика, культура». М.
- «Палестинский сборник». М.— Л.
- «Советское востоковедение». I—VI. М.— Л. (1940—1949) -М. (1956—1959).
- Сборник статей по истории Азербайджана. Баку.
- «Труды АН Таджикской ССР».
- Труды Института востоковедения АН СССР.
- «Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции».
- «Ученые записки Института востоковедения АН СССР». М.— Л., М.
- «Ученые записки Ленинградского государственного университета». Л.
- «Эпиграфика Востока». М.— Л.
- Bibliotheca geographorum arabicorum. Edidit M. J. de Goeje. Pars I— VIII. Lugduni Batavorum.
- Enzyklopaedic des Islam (Encyclopedie de l'Islam, The Encyclopaedia of Islam). 1—4. Leiden (Leyden) — Lpz., P., L., (1908), 1913—1934.
- «E.J.W.Gibb Memorial* Series.
- «E.J.W.Gibb Memorial* Series. New Series.
- «Journal asiatique*. P.
- «Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland*. L.
- «Publications de l'Ecole des langues orientales vivantes*. P.

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Абдулабад 129 Абиверд 26, 28 Абхар 104, 206 Аджам 143
 Азербайджан 8, 40, 63, 114, 115, 135,
 205, 206, 213 Азия 191, 199 Азия Передняя 211 Ал-Азхар 48 Акка 40 Ал-Акса 90
 Аламут, крепость 7, 34, 35, 42, 49, 53, 54, 57—59, 61—70, 72—75, 84, 85, 87—89, 91, 100—109, 112,
 114, 116, 117, 120—122, 124, 125, 127, 128, 132—135, 139—144, 150, 153, 154, 156, 157, 159—163,
 165, 167—172, 175—180, 182, 185, 187—189, 192, 193, 198, 201, 202, 204—206, 208— 210, 212—
 219, 223, 225, 227, 228, 235, 236, 245, 247, 249
 Аламут, р. 64, 140
 Аламут, обл. 61
 Аламутское государство 79, 88, 115, 164, 166, 167, 171, 172, 175, 182, 183, 187, 188, 191, 193, 197,
 198, 205, 248
 Алеппо (Халеб) 89, 92, 97
 Алжир 47
 Алика 141, 144
 Амид (Диярбекир) 218
 Амударья 223
 Амуль 152, 156
 Андеж 163
 Андиг-руд 61, 63, 65, 101 Анджудан 230 Ани 231
 Антиохия 89, 90, 92
 Апамя 93—98, 101, 107, 133—135
 Аравия 16
 Ардахан 104
 Ардистан 67
 Армения 238
 Арнаган 77
 Арнагэ 143, 144
 Арраджан 104, 132
 Арран 205, 206
 Аскавар 63, 243—245
 Астрабад 61, 63, 134

Африка 171, 191, 199
Ахваз 16 Ахлат 215
Ашкавар 63, 140, 144
Багдад 33, 47, 80, 84, 85, 101, 131.
137, 150, 152, 157, 203, 205, 214 Багдадский халифат 232 Бадусбан 127 Базз 187
Байлакан 205, 213
Балх 21, 26, 28, 33, 44, 71, 77
Балэ 91
Басра 44
Бейрут 40, 91
Бейхак 61, 135, 138, 149
Бердаа 214
Бехбахан 84, 86, 132
Бийар 131
Бирак (Каср ал-Бурдейи) 142, 144
Бирджан 69, 130
Бирма 171
Бистам 236
Бисутун 143
Бишак (Заве) 129
Ближний Восток, 3, 15, 26, 28, 112, 121
Бохарз 130
Бухара 37
Бушт (Пушт) 129
Верхняя Месопотамия 89 Византия 167 Восточная Европа 16 Восточный Мазендеран 61
Газни 21
Ганджа 157, 212, 124 Ганджак 212 Гарм-руд 140 Герат '(Херат) 130, 148 Гиль 101
Гнлян 64, 101, 102, 109-111, 127, 150, 205 233
Гирд-кух 65, 73, 74, 101, 104, 107, 120 124, 131, 132, 136, 139, 143, 144, 223, 228, 236, 237, 244, 245, 249
Горган 15, 109 Г-рджистаи 140 Гута Дамасская 40
263
Дамаск 40, 77, 89, 91—93, 148, 149 Дамган 8, 15, 61, 63, 65, 66, 73—75, 104, 131, 133, 136, 149, 152, 213—216, 223, 229 Дальний Восток 89 Дамиетта (Димийат) 45, 46 Дара 69
Дарбанд 141, 144
Деж Аржанг 141, 144
Деж-н Бире 102, 103
Деж-кух (Шахдиз) 19, 76, 82
Деж Мансурабад 141, 144
Деж Майсуре 140, 143, 144, 169, 170
Деж Рей 141
Деж Хврус 144, 145
Дейлем 7, 11, 15, 27, 45, 58, 63—65, 69, 76, 101, 102, 106, 109—111, 123, 127, 128, 132, 134, 140, 141, 145, 152, 164—168, 190, 192, 229, 235, 236, 238, 244, 245
Дейлеман 62, 63, 111, 243
Дехестан 148, 149, 152
Деште Гур 76
Деште Дейлеман 140, 141, 143, 144 Деште-Кевир 131, 229, 235 Джабиле 47
Демавенд 62, 63, 106, 127, 132, 152, 167, 237 ал-Джазфра 137 Джаколь 140, 144 Джам (Зам) 130 Джеваншир 227, 229 Джелалабад 238
Джефандиз 104 Джибаль 127, 137 Джибаль Фадусбан 127 Диз-и Кемали 224, 229 Диз-и Михран 223, 224, 229 Диз-и Шаль 229 Диярбекр 137 Дунбаванд 62, 63, 135 Дуру панский проход 72
Египет (Миср) 37, 39, 40, 41, 44, 45, 47, 48, 58, 61, 70, 91, 133, 149, 192, 193, 196
Заджа-руд (креп.) 140, 144 Закавказье 3, 16, 211, 212, 234 Згнзибар 28, 171 Западная Европа 19, 20
Западный Иран 137 Заузан 69, 130 Зенджан 128, 206 Зир-кух 224 Зувара 67
Иерусалим 89—91
Индия 16, 21, 89, 118, 171, 191, 196, 211, 217, 226, 248
Ирак 3, 8, 33, 39, 41, 73, 97, 145, 203, 204, 206
Ирак Арабский 137
Иран (Персия) 3, 7, 9, 11, 12, 14—20, 25—29, 31—34, 36, 37, 43, 45, 47, 57—63, 66, 68, 71, 73, 88—93, 96, 97, 100, 105, 106, 112, 118, 121, 122, 127, 131, 133, 134, 136, 137, 139, 141, 145, 146, 149, 150, 152, 162, 172, 178, 179, 187, 191, 207, 211, 214, 218, 219, 226, 229, 231, 232, 234, 244, 246, 248

Иранский Азербайджан 8, 25
Искандерия (Александрия) 47
Испания 201
Истундар 239
Исфahan 8, 14, 16, 17, 19—21, 28, 34, 39, 40, 47, 48, 58, 61, 63, 70, 71, 73, 75—83, 85-87, 101, 103, 104, 106, 121, 133—135, 145, 147, 150, 152, 169. 214
Исфизар 227
Иезд 61, 63, 134 Йемен 35, 36, 196
Кабул 211 Каен 231 Кадмус 201
Казвин 62, 63, 65, 67, 68, 72. 102, 104, 106, 118, 133, 141, 142, 145, 150, 152, 160, 161, 169, 175, 204, 215, 216, 224, 230, 234, 238, 244
Казерун 16, 17
Канн 69, 106, 128, 208, 209, 212, 226, 227, 229
Каир (Кахира) 33. 40, 43—47, 77, 121. 150, 152, 165 Кайсар 227 Калар ПО Калэ-йе Див 87 Калэ-йе Джукух 143 Калэ-йе Ях 91
Каракорум 223. 232. 245 Карим-дсж 141, 144 Каркам 241 Каре 231
Касанабад (Хасанабад) 140, 144 Каспийское море (Каспий) 29, 64, 238 Касран 237 Ках 227 Кахр 201 Кашан 17 Ксисария 40
Ксредж Казвинский 149
Керман 7, 61. 63, 130, 134, 152, 215
Киевская Русь 162
Кизи (Кейс. о. Киш) 226
Китай 16. 171, 207
264
Крым 162
Кум 16. 35, 36
Кумис 8, 15, 41, 73, 104. 131. 243
Кундур 128, 129
Курп (Курин) 130
Куфа 35
Кухзар 61, 131
Кух-и Бара 67, 68, 133, 161
Кух-и Карин 111
Кух-и Касегяр 163
Кух-н Соффе 87
Кухистан 5, 7, 23, 42, 67—70, 75, 85. 86. 104, 106. 108. 109, 123, 127—130, 132, 134, 135, 138. 139, 149. 152. 163, 164, 179, 180, 182, 190, 208-210. 212. 213. 217, 223, 224, 226—229, 233, 236—238, 243—245, 247
Кухсар 61
Ламасар (Ламбасар, Лу.мбссар, Ла-миасар, Ламьясар) 71, 72, 87. 102—104. 106, 108, 143. 159—163. 169. 194, 199, 228, 235. 243—245, 249
Лар 141, 144, 172, 237 Лахилжан 144 Лашкэ 144 Лирэ 141 Лори 2Э1
Ал-Маара 95
Мааррат Несрин 98, 134
Мааррат ан-Нумап 98, 101. 134
Мавераннахр 8, 14, 18. 137, 206, 211, 216, 234 Магриб 44. 45, 47
Маземдсран 8. 33, 61, 63. 72, 73, 104,
! It-. 236. 239 Малая Азия 3, 29, 234 Малин 130 Мансур-Баг 72
рнйе 224. 229 -Марата 148, 152 Чар Келим 140, 144 Маеьяф 201 Мсй.м\н-деж 101, 149 Меймундиз 124. 140. 144. 169, 223.
235—242, 245. 249 Медина 118. 137
Мекка 44. 137, 156, 157, 185, 205, 206
Мемфис 40 Менджнль 67
-Мерв 16. 17, 23, 26. 28, 36. 71. 152 М'рвский оазис 137 'Меренджет 227, 229 Месопотамия 89. 132
"«"чфарнкин 40 Мина 40 Мпхрнн 223
Мор-**Кvх** (Муборак-кух) 140. 141, 144. 169
Мосу.т 40. 89. 133, 137, 152 Мум'ипабад 69, 130, 179, 180. 182. 185, 187 Мурад (креп.) 143
Навнзар-шах 140
Надир (крен.) 84, 86, 88. 104
Нсса 28

Ннмруз (Систан) 213 Нин-руд 71. 160, 163 Нихавснд 70
Нишапур 3, 16—18, 22, 26—28. 33. 71, 130, 138, 150, 152, 209
Оропт 97
Пакистан 171, 191, 248 Палестина 47, 89 Париж 164 Пенджхнр 77 Первапская степь 211 Передняя
Азия 12, 89, 162 Персидское нагорье 64 Пиррим 15. ПО Поволжье 131
Прикаспийские обл. 61, 110 Пушкиль-дарре 127, 128, 238
Ракка 91 Рахаба 40
Рей 16. 17, 28. 33—37. 45, 47. 62. 63. 67. 71. 106. 127. 133. 134. 142—
145. 149. 150, 152, 157, 161, 172. 175, 237
Рудбар, р. 71
Рудбар 67. 68, 72. 75, 101. 102, 104, 113, 115—117, 128. 134, 144, 145. 160. 162. 163. 178. 223, 224,
229, 235. 237. 243
Рум 114, 227, 229
Руян (Руяндж) 127
Саадат-кух 140, 141. 143. 144. 169. 170
Савэ 70
Сайда (Сур) 40 Салумак 130
Саман-кух (Шаман-кух) 104 Самар 143
Самарканд 25, 28, 77, 134 Самнраа (Шамиран) 128 Сарбашам Квхвр 141. 144 Сари 61—63. 127,
134 Сархад 61. 63 Сафид-руд 67 Сафнр-дар 140 Саудийа 47 Себзевар 71
265
Ссмнан 131, 236 Серахс 26, 71. 152 Сер-и Тахт 229, 233 Сермнн 92—95, 101, 1*3, 134 Сехмар 127,
132 Сиджан 140 Сидои 91 Снйагиль-руд 143 Снйалан-ку'х 235, 236 Синд, р. 217
Сирия 3, 7, 14, 34, 40. 41. 47, 48, 58, 77, 88, 91, 93—95. 97, 99—101, 105—107, 127, 133, 134, 136.
137, 139, 146, 152, 156, 164, 201, 205, 223, 229
Сицилия 47
Средиземное море 16, 48, 90
Средиземноморье 29
Средний Восток 112
Средняя Азия 3, 12, 15, 16, 29, 57,
89, 219 Сук ал-Ахваз 164 Сум мак 95, 101, 134, 223
Табаристан 7, И, 15, 64, 101, 109—
111, 127. 134, 137, 152 Табас 69, 84, 86. 88, 104, 128, 130 Такамаджан 140
Талекан 67, 68, 102, 104, 106, 127,
128, 133, 134, 140, 141, 144, 145, 161, 228
Танбурак 104, 132 Тарз 61, 63. 138
Таром, (Тарим, Тарум. ат-Тарумейн) 118, 127, 128, 142, 144, 244, 245 Тахт-и Рустам 87 Тебриз 149.
152, 215 Тиннис 40 Тир 91, 156 Тифлис 149, 152 Торбетс-Хейдерие 129 Тулек 227
Тун 69, 128, 129, 210, 212, 224 226
227, 229. 233 Тунакан (Тун и Канн) 266 Тунис 47
Турайсис (Турсис, Туршиз) 69, 128,
129, 138. 150. 224 Туе 7. 16, 36. 233 Тустер 17
Улхунишин 224, 229 Уставанд 101
Устунаван (Уступ Абад) 127 Very навар 104
Фарим 61, 63, 127, 134
Фаррах 227
Фарс 7, 9, 17, 104, 114, 132, 133, 137 Фирузабад 129 Фируз-кух 217, 236
Хабушан (Кучан) 152 Хазар-Джериб 61, 244 Хазар-Шан 238 Хама 97
Хамадан 16, 70, 71, 149, 152, 234
Хан-Ланджан (Халанджан, Хулан-джан, Хан-Ладжан, Хан ан-Над-жан 75, 76, 83, 84, 86, 104, 106
Хар (Хувар) 236
Хаф (Хаваф) 130
Хнмат 77
Химс 77, 92, 93, 101 Хой 212
Хомс 89, 93, 156
Хорасан 8, 14, 17, 18, 27, 37, 41, 42, 69, 73, 124, 128, 130, 137, 138. 149, 150, 152, 178, 190, 204, 208,
209, 212, 226, 227, 229
Хорезм 7. 71, 137, 152, 157
Хувар-и Рей 62, 63, 135
Хузестан 14, 17, 47, 61, 63, 84, 104, 132. 134, 137, 164, 214
Хур 69, 128, 130
Хусп 69, 128, 130
Хутталян 33

Центральный Иран 214 Центральный остан 64

Чалус ПО Чннашк 61, 63

Шабурган 233

Шпхдиз (креи. ок. Исфахана) 19, 75,

77, 80—88, 107. 134, 138 Шахдиз (креи. в Рудбаре) 223, 229, 237, 238

Шахиншахи (креп.) 213, 228, 229 Шахрак 243 Шахрастан 26, 27, 71 Шахрияр-кух 61. 63, 135 Шах-руд 64, 67, 72, 160, 228 Шейзар (в Сирии) 58, 59, 93. 97—

101. 133. 134 Шейзар (близ Рейя) 143, 170 Шираз 16, 17

Шпрвнн (Ибн Карена) 127 Шир-кух 224

Эльбурс 131 Энифанья 97

Юго-Восточная Азия 89

266

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абака-хан 223. 244

Аббас (дядя пророка) 62, 113

Аббас (валн Рейя) 150

Аббасиды 9, 15, 29, 68, 113, 114

Абда.тлах Исфахани 150

Абд ал-Латиф Худженди 150

Абд ал-Мелик ибн Атташ 33—35,

38—40. 45, 65, 73—75, 106, 181 Абд ал-Мелик Рази 152 Абд ал-Мелик [ибн Али] Фашанди 140, 169

Абу Ала (Бу Ала) 112. 114—117 Абу Али Ардистани 67, 106, 160, 161 Абу Али Симджури 37 Абу Амид 149

Абу Исхак Кухистани 125, 172. 178.

" 180, 181. "185, 191 Алу Пусуф Иакуб 118 Абу Калнджар 33 Абу л-Аббас Арджанн 53 Абу л-Ала

Муфазаль 81. 82 Абу л-Ала Сайд ибн Иахия 83 Абу л-Касим Исфизарп 149 Абу **Муслим** 113, 114

Абу **Муслим** (раис Рейя) 149 Абу [Бу] .Муслим Рази 62 Абу Наср 54, 55

Абу Наср Ахмед ибн ал-Фадл 138 Абу Наср ибн Имран (Муаййал

' фн-д-дин) 33, 43, 44 Абу Сайд Мейхенейскнй 4 Абу Саййид Хереви (Гератскнй) 149 Абу Тахир 91,

94—96, 106. 133 Абу Тахир Хатуни 25 Лбу л-Фазл 48 Абу л-Фатх 148. 162 Абу л-Фатх[ас-] Сермпнн 95—97. 107,

' , 135 Абу л-Феда 42. 90 Абу Фирас 77. 201 Абу Хамза 132 Абу Ханифа 26 Абу Харб 96 Абу л-Хасан 149

Абу л-Хасан Али ибн Абд ар-Рах-

ман Самаи-джани 83 Абу л-Хаттаб 115

Абу Хашнм ибн Мухаммед ибн ал-Ханафийа 113

Аваг 231

Ага-хан 171

Азиз аз-Зенджани 25

Айяз 80

Ала ад дин ибн Джелаль ад-дин Хасан ибн Нур ад-дин Мухаммед ибн Хасан ала лнкри-хи-с-саля.м

ибн Кийа Мухаммед ибн Кийа Бузург Умид 140, 154—156, 163. 205, 207, 209—216. 218—222, 224.

225, 230, 233. 235, 237, 238. 248

Алави Мадани 77—79

Алави Махди 63. 65, 66, 73, 74, 106

Али (ибн Аби Талиб) 32. 50, 58. ПО, 113—115, 148, 150. 164—166, 171, 183, 191, 248

Алн-Задс А. А. 5, 12. 28

Али ибн Мухаммед 39

Али Намадгнр Демавенди 62

Али Нуш-Тсгнн Шир-Гир 102—104

Алнд .Махди 74

А лиды 110

Аксонкор 150

Аксонкор Ахмедиль 148

Алван ибн Харрар 98

Алп-Арслан 4. 12

Алп-Арслан ибн Ридван 96, 135 Алп-Тегин 8. 18 Амин ад-дин 217

Амирдад Хабаши ибн Алтунтак 66.

73, 74 Амирэ Зарраб 37—39 Амр ибн ал-Ас 47 Амр ибн Мустали 148 Амр [ибн Нуштетнн] 102 Анар

(сепадар) 149 Анар (эмнр Хорасана) 149 Аргуш 149 Арслан Таш 67 Атабек 148. 149 Атабек

Туктсгнн 92 Афзаль ад-дин 149, 150, 153 Афзаль ад-дин Бамаии 208 ал-Афзаль Шахиншах 40

Ахмед 21
Ахмед Дунбавенди (Демавенди) 123 Ахмед ибн Абд ал-Мелик ибн Атташ
75—77. 80—82, 84—86, 88. 106.
128. 132. 134, 135, 226 Ахмед ибн Низам ал-Мульк 85. 101.
148
267
Ахмед ибн Тулун 47 Ахмедиль Курди 149, 153 Ахмедиль Марагн 102 Ахундов Мирза Фатали 198,
199 Ашурбейли 5, 15, 23
Бабаян Л. О. 211
Бабек 25, 117, 187
Багатай 236, 239, 243
Бадр ад-дин Ахмед 212, 213, 216
Бадр ад-дин Джамали (Амир ал-
Дхуйуш) 40, 44—47 Баркийарук 71, 73—76, 79, 80, 92,
101, 137, 148, 162 Бартоломэ 164, 166 Бартольд В. В. 11, 12, 15, 64, 68, 77,
109, 134 Басасири 33 Бедиль 114—117 Бсккер К. Х. 5 Беленицкий А. М. 5, 12 Беляев Е. А. 26, 61,
118 Бенсаман 104 Березин И. Н. 124, 125 Бертельс А. Е. 9, 34, 44, 61 Бертельс Е. Э. 23, 24
Боровков А. К. 23 Броун Эдв. 36, 70, 125, .147 Бу Дауд 40
Бунды 9, 15, 132, 190, 199, 200
Бука-Тимур 236, 238, 239
Бу л-Касим 72
Бу Наджм Саррадж 38, 39
Буркан 121
Бурсак 149
Бу Тахир Аррани 70
Буниятов З. М. 198, 199
Быков А. А. 166
Ван Берхем 201 Вардан 231 Васил 145
Великие Сельджуки 3, 89, 137 Вениамин Тудельский 201 Вильям Тирский 201
Газнсвиды 3, 5, 29, 44 Гаухар (Мутаххар) 114 Гибб Х. 44, 46
Гийас ад-дин 214—216, 226 Гольдциер И. 32
Гордбазу ибн Али ибн Шахрийар 148^{Н 1}
Гордлевский В. А. 5, 12, 23, 28 Готфррд 90 Гуриды 217 Гуршасф 141, 148 Гюйяр Ст. 91, 92, 165,
201
Даир-Букай 244
Данеш-Пажух М. Т. 147
Дауд 148
Даулет-шах 6
Делата-нойон 231
Дефремери М. 91, 201
Джавали Сакау 75, 107
Джалиль 143
Джафар ас-Садык 32
Джелаль ад-дин Хасан Ноу Мусульман ибн Нур ад дин Мухаммед ибн Хасан ала зикри-хн-с-салам
ибн Мухаммед ибн Кийа Бузург Умид 156, 202—207, 219, 234, 248
Джелаль ад-дин хорезмшах 157, 211—218, 226, 227
Дженах ад-доуле 92, 93, 156
Джувейни 35—37, 40—44, 49—52 57, 65, 66, 68, 73, 107, 108 12J, 134, 136, 138—140, 147, 157, 160,
161, 170—172, 174, 176, 181, 182, 184, 187, 190, 192—195, 197—200, 203, 206, 211, 218—220, 224,
225, 228, 237, 240, 243, 245
Джузджани 208—210, 227, 230
Джустаниды 10, 128
Дукак 89, 92
Жуковский В. А. 15
Закария ал-Казвиии 42, 156 Заходер Б. Н. 5, 10, 12, 14, 18, 20 Зейд Хусейни 123
Ибрахим 91
Ибрахим ибн Мухаммед 114
Ибн ал-Асир 12, 34, 35, 41, 70, 75, 79, 80, 82, 83—88, 94—97, 99, 121, 132, 133, 138, 139, 156, 204
Ибн Бади 95, 96, 135
Ибн ал-Балхи 9, 17, 132
Ибн Баттута 23, 87, 187
Иби ал-Джаузи 36, 42, 79, 80, 91, 94, 95, 97, 99, 133
Ибн Димладж 91

Ибн Исмаил Мухаммед 32, 38
Ибн Исфандийар 110, 138
Ибн ал-Каланиси 92
Ибн Карей 127
Ибн Фадлан 131
Ибн Хаукал 128
Иванов В. А. 35, 36, 39, 40, 46 47 50, 63, 64, 71, 125, 140, 159, 160, 163, 171, 180, 181, 183, 187, 191-195, 197
Игалмыш 156
Илькшифат 102
Иран-шах 242
Исмаил 91, 97
Исмаил Самани ПО
Искандер Суфн Казвини 149
268
Истахрн 132 Исфизари 10з, 2ои Исхак. эмир 102 Ихван ас-Сафа 16
Иаги Сийан 89, 92
Пакуб ибн Лйс 21
Пакут 69, 127—130
Иамин ад-дин Бахрамшах 156, 213
Иамин ад-доуле Хорезмшах 150, 156
Парнакаш Баздар 145, 162
Иусуф 112, 114—117
Кавад 115 Кавурд 6
Казанова М. 164, 165
Казн Абу л-Хасан Саиди 192
Кальдждадха 72
Камал ад-дин 91, 94—96, 133, 134, 137
Камиль 81, 82 Караханиды 137 Карен ибн Шахрийар 101 Карим-хан (Ага-хан IV) 191 Каснм ад-доуле Аксонкор Борсаки 133
ал-Кахир би Кувват Аллах 192, 193,
196 Казн Кл. 5 Ксй-Кав\х 29, 30 Кей-Кубад 236 Кен-Хосров 112, 114 ал-Кемаль 212
Кемаль ад-дин ал-Мустауфн 216 Кешаварз К- 36, 122 Кзыл Саруг 69, 106, 108 Кийа Али ибн Кийа Бузург Умид 168
Кийа Бу Али 72
Кийа Бу Джафар 72, 161, 168, 169 Кийа Бу л-Касим Ларджани 62 Кийа Исмаил 169 Кийа Каршасф 72
Кийа Мухаммед Бузург Умид 54,
55, 72, 106, 108, 120, 140, 143, 145.
151, 159—163, 166, 168, 169, 172,
181, 191, 195—197 Кийа Мухаммед ибн Али Хосров
Фирузкухи 140, 141. 169 Кийа Мухаммед ибн Кийа Бузург
Умид 141, 148, 151, 156, 172—
175, 178, 179, 181, 189, 191 Кийа Мухаммед ибн Хасан 157, 158,
191, 200, 202. 203 Кийа Нушад 140. 169 Кийа Хасан ибн Али Бу Джафар
168
Крымский А. Г. 23 Куббель Л. Е. 118 Куджомиш 149
Кутлуг Абе 141, 145, 168 Леви Р. 5, 24
Лембтон А. К. С. 5, 12, 124
Ленин В. И. 122
Ле Стрендж 15, 129, 131
Локкегаарт Ф. 5
Локхарт Л. 64
Лембтон А. К. С. 5, 12, 124
Льюис Б. 201
Маперди 118 Маздак 112, 115 Макдиси 17, 18, 26, 129, 130 Малек-и Джихан (Туркан-хатун) 209
Маркварт 'И. 109 Марко Поло 154, 155, 207, 226 Маркс К. 90 Массипьон Л. 15, 16, 22 Масуд 139,
145 Масуд Газневи 3 Матвей Эдесский 90 Маулана 176, 181 Мэулана Каим ал-Кийамат 178
Махамшад , 150, 153 Махди 178 Махмуд 139, 145 Махмуд Газневи 21, 36, 37 Махмуд ибн Мухаммед
ибн Мелик-шах 139, 164 Медик 143
Мслик Тадж ад-дин Хасан Харпуст 227
Мелик-шах 4. 6—8, 12, 14, 15, 19, 21, 48, 63. 65, 66, 68—71, 73, 75, 86, 108. 123. 135, 137, 148. 149
Мелик-шах Вахсудануванд 142. 168

Меркитай 224
Мехреяр М. 87. 88
Мец А. 15
Мннорский В. Ф, 109. 128
Мирхонд 36
Модарреси М. 147
Муайад ад-дин 242
Муайад ал-Мульк ибн Низам ал-
мульк 75 Мубариз ад-дин Али Туран 223 Муваффик ад-доуле 234. 242 Музаффар 179, 180. 183.
187 Музаффар ад-дин Узбек 205. 206 Музаффар Мустоуфи 8, 65, 66. 73,
74, 107, 120, '136 Мукаддам ад-дин 243 ал-Муктади 177. 181. 192, 193, 196 Мумин 34. 38. 39 Мунке-
хан 232, 245 Мункизилы 89, 97, 99, 100. 135 Мурок 234 Мусафирид 128
269
Мустали [би-л-лах] 40, 41, 44—47,
57—59. 93. 187, 188 Мустансир [бн-л-лах] 39—47, 57, 67,
107, 150, 179, 183. 187, 192 Мустаршид [би-л-лах] 148, 151, 153 Мустафа 164, 165, 166 Муттанаби
177
Мухаммед 32, 50, 52, 58, 83. 114, 115. 118, 154, 155. 165, 166, 185, 193, 198, 248
Мухаммед, хорезмшах 156, 203, 205.
206, 209. 217 Мухаммед Бусти 178 Мухаммед Джамал Рази 62 Мухаммед Икбаль 79 Мухаммед
Казим 119 Мухаммед Сайяд 152 Мухаммед ибн Абд ар-Рах.чан 69 Мухаммед ибн Зейд ПО
Мухаммед ибн Исмаил 32 Мухаммед ибн Мелик-шах 53, 54,
74—76, 79—82. 84—86, 88. 92, 93,
96, 97, 101. 103, 104. 133, 135,
137, 138, 149, 153 Мухаммед ибн Хакан 179, 182 Мухаммед ибн ал-Хана фийа 113.
114
Мухаммед ибн Хасан ибн Саббах 120
Мухаммед-шах ибн Махмуд 145 Мухтаскаши 150 Мюллер А. 28, 61
Наджм ад-дин Рудбарн 198
Наджм ад-дин Ссрбари Руми 210
Надир-шах 119
Надирадзе Л. И. 12
Памавар ибн Кей-Кавус 143, 170
ан-Насир 156, 157, 203, 205, 206
Насир ад-дин 233
Насир ад-дин Мангли 205, 206
Насир ад-дин Туси 234, 242
Насир-и Хосров 37, 43, 44, 47 122
128-130 Наср ибн Ахмед Самани 37 ан-Наубахти 113
Несеви 211, 212, 214, 216—219 226— 228
Низам ал-Мульк 4. 7, 8, 11 14 26
61. 62. 67, 69, 70, 135, 148, 153 Низами 29
Низар 40—42, 44—47, 57, 93, 116.
149, 150, 165, 166, 171, 174, 179.
180, 182, 191-193, 196-198 Новелл М. 201 Нольдеке Т. 28, 61 Нумейр ал-Алярузи 98 Нуш-Тегин 72
Нэгудар-огул 236
Оксыз 40 Омар 118 Омейяды 29 Осман 213 д'Оссон 153, 230
Петрушевский П. П. 5, 9—13, 18, 28, 36, 61. 77, 109. 111—113, 125. 134, 153, 162, 185. 211, 214, 230
Пигулевская П. В. 22, 28
Подшо Алави Рази 62
Поляк А. 5
Прозоров С. М. 13
Рабино 109, 244
Равенди б. 14, 27, 34, 75—77, 79—82, 84—87, 92, 135
Раис ад-доуле 234, 242
Расамудж 72
ар-Рашид 148. 153
Рашид ад-дин 30. 35—37, 39. 40. 42— 44 , 48—50, 53. 57, 61. 63. 67, 69, 73, 82. 84—86, 88. 104, 112.
114, 116, 119. 132. 133, 136, 140. 145, 147. 152, 153, 155—157, 168, 169, 171—174. 177. 180—182.
186, 193, 200, 203, 205, 219, 220, 229, 232— 234, 241
Рашид ад-дин Синан 156. 201
Ридван ибн ТУТВИН [ибн Алп-Арслан] 89—96, 100, "136
Рубрук В. де 232

Румский султанат 137
Рукн ад-дин Хуршах [ибн Ала ад-дин] ибн Джелаль ад-дин Хасан [Ноу Мусульман] ибн [Нур ад-дин]
Мухаммед ибн Хасан [ала зикри-хи-с-салам] ибн Мухаммед ибн Кийа Бузург Умид
Румский султанат 137
Сад ал-Мульк Аби 80, 81. 85, 135 Сад ал-Мульк Абу л-Махасин 85 Садике 80
Садр ад-дин 236, 242
Садр ад-дин Худжанди (Шараф ал-
Ислам) 80—82 Салар Джуй 143, 170 Сайф ад-дин Оглымыш 206 Салаи-йи Джамшид 150 Салах ад-
дин 214 Салах ад-дин (султан) 77. 156 Сальман ал-Фариси 114, 115 Саманиды 27, 29, 410. 132
Санджар 11. 25, 131, 137—139. 148—
151, 157. 167. 200 Санкардже 149 Салебари Фармати 150 Сарзан 149
Сасаниды 9. 10, 15, 22, 114
270
Саси С. дс 124, 125
Саффаридаы 21, 68, 121
Себак-и Джурджаии 150, 152
Ссийид Абу Хашим Зейдн 150
Сеййид Даулетшах Алави 149
Сеййид Хасан ибн Зейд ПО
Сеййиды ПО, 117
Сейф ад-дин битикчи 239
Сейф ад-дин Султан Малик ибн
Кийа Бу-Мансур 236, 237 Сельджук 4, 118, 119, 137 Сельджуки 3—8, 13, 18, 21. 26, 29.
.34. '37. 44, 47, 48, 53, 57, 58, 59.
62, 66, 68, 69, 71, 72, 74. 81. 92,
93, 101, 103, 105, 109, 118. 121.
135, 136, 146, 151, 162, 167, 174,
196, 246, 247 Семирами 148 Сербсдары 230 Сийавуш 143
Сниан ад-доуле Шабиб ибн Хамид
ибн Хумейд (Мункизид) 98 Смирнова О. И. 29 Соваже 92
Строева Л. В. 113, 211 Сухарева О. А. 15, 129
Табари Э. 110
Тадж ад-дии Мердан-шах 237
Тапкред 92, 95. 135
Тарасф ибн Мелик-шах Гурджапи
141, 170 Таркия (Тураи-шах) 242 Тахир 70 Тахириды Ф1, 110 Тимур Тугаи 145 Тогрул-бек 3, 4, 6,
137 Тогрул Махали 149 Толстое С. П. 15 Тренер К- В. 92 Туктегин 92
Туран-шах (Таркия) 242 Тутар 236, 239 Тюкель-Бахадур 236
Убейд Абдаллах Хатиби 80 Убейдулла 80 Урхан 157, 212. 213 Усама ибн Мункиз 97—99, 133, 135
Устад Хусейн ибн Хасан ибн Саббах 123
Фанума 98 Фасмр Р. 109
Фатимиды 29, 32. 33. 42, 46, 56—58,
75, 89, 91, 149, 181 Фатимидский халифат 32, 33, 47 Фахр ад-доуле 36 Фахр ад-дин Рази 157, 158,
200 Фахр ал-Мульк ибн Низам ал-Мульк
148
Хаджа Али Аднб Газневи 142. 169 Хаджа Али Халдан Казвини 62 Хаджа Асиль ад-дин Зузани 234,
241 Хаджа Исмаил Казвини 62 Хаджа Махмуд Насхи Шахрестанн 145, 169
Хаджсон М. 36, 37, 43, 46, 92, 146.
199, 201 ал-Хади 192
Хади Кийаии Алави 150 Хайам Омар 70 Хаким 47, 115, 165 Хаким-мунаджим 92, 94—96 Халаф ибн
Мулаиб 94, 95, 107 Халиль [Мелик] 143 Хамадани 59
Хамдаллах Казвини 117. 128—130. 183
Хаммам ал-Хаджж 98 Ханадж 140
Хасан ибн Али 113, 114
Хасан ибн Али ал-Утруш ПО
Хасан ибн Ахмед 69
Хасан ад-дин ибн Димладж 91
Хасан ибн Намавар 190, 198, 200
Хасан [ибн] Адам Касрани 160. 161
Хасан ибн Зейд 11, ПО
ал-Хасан ибн Семин 138
Хасан Каини 106, 122
Хасан Мазендерани 220—222. 225

Хасан Салах **Мунши** 169
 Хасан Сафрадж" 133, 152. 163
 Хаска Касрани 62
 Хасудануванд 143
 Хаузинский И. 201
 Хашхаш 96
 Хиттн Ф. 201
 Хулагу-хан 223. 225, 231-241. 244.
 245, 248 Хурдак 73. 74
 Хусейн [ибн Али] 113, 114 ъ
 Хусейн Каини (Казн Капни) 65. 69 Хусейн Саррадж 152. 163 Хулагу-хан 223, 225, 231-241, 244,
 245, 248
 Чагата-нойон 231 Чагры-бек 4
 Чингисхан 203. 206, 209, 211, 232, 233
 Чормагун (Чор.маган) 218, 227, 231 Шакин 143
 Шамс ад-дин Гилаки 236, 237
 Шамс ад-дин Курт 233
 Шамс ад-дин Хасан-и Ихтийар 208—
 211, 244 Шамс ад-дин Хосровшах 208 Шамширзан 170 Шараф ад-дин 216
 271
 Шараф ал-Мульк 212—215, 217 Шараф ал-Мульк ал-Хорезми 26 Шарнф Тахир Казвини 40
 Шарфанд 143 Шафия 26 Шаханшах 234, 237 Шахиншах Алави Казвини 143 Шахрастани 49—53,
 56, 58 Шнраншах 237, 238 Шихаб (Муызз ад-дни Мухаммед! Гурн217
 Шихаб ад-лин Майсур Абу л-Фатх
 208—211, 226, 228 Шуджа ад-дин Хасан Астрабадн 223
 Юрюн-Таш 7, 65, 66, 107, 135
 Якубовский А. Ю. 5, 12, 13, 15. 25. 61
 Ясавур-нойон 234—236 Яхья Ксрреbn 187

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Глава I. Общественные отношения в Иране в XI—XII вв.</i>	3
Категории феодального землевладения	5
Положение крестьян	12
Города Ирана.....	15
Положение рабов	28
<i>Глава II. Подготовка восстания</i>	32
.Молодые годы Хасана ибн Саббаха.....	34
Учение Хасана ибн Саббаха «Дават-и джадид».....	48
<i>Глава III. Восстание исмаилитов. Образование исмаилитского государства (1090 г.—20-е годы XII в.)</i>	61
Захват Аламута	65
Борьба за Кухистан	68
Захват исмаилитами крепости Ламасар и долины реки Рудбар.....	71
Укрепление исмаилитов в Кумисе.....	73
Выступления исмаилитов в Исфахане в 1101—1107 гг.....	75
Политическая обстановка в Сирин на рубеже XI—XII вв.....	88
Выступления исмаилитов в Сирин (конец XI в.— 1113 г.).....	91
Борьба исмаилитов в Апамее.....	94
Разгром исмаилитов в Халебе	96
Попытка исмаилитов захватить Шейзар.....	97
Борьба исмаилитов с Сельджуками в Рудбаре	101
Социально-экономические отношения в исмаилитском государстве	104
Экономическая характеристика исмаилитского государства	127
Социальная характеристика исмаилитского движения в Иране	133
<i>Глава IV. Развитие исмаилитского государства (20-е годы XII в.—</i> <i>10-е годы XIII в.)</i>	137
Султан Санджар и исмаилиты	138
Захват крепостей.....	139
Борьба исмаилитского государства с феодалами Дейлема	144
Индивидуальный террор в борьбе против классовых, политических и религиозных врагов исмаилитского государства	146

Внутриполитическое положение исмаилитского государства . . . 159> Экономическое положение исмаилитского государства	162
Обострение внутренних противоречий в 60-х годах XII в.	167
Провозглашение «Дня Кийамата» в Аламуте 17 рамазана 559 г. (8 августа 1164)	171
Провозглашение «Дня Кийамата» в Муминабаде 28 зу-л-када 559 г. (18 октября 1164)	179
Исмаилитское государство с 60-х годов XII в. до 10-х годов XIII в.	199
<i>Глава V. Гибель исмаилитского государства (10-е годы XIII в.— 1256 г.)</i>	202
Политическая борьба	202
Исмаилиты и хорезмшах Джелаль ад-дин (1221 —1231)	211
Исмаилитское государство при Ала ад-дине (1221—1225)	218
Экономическое положение.	227

273

Общественные отношения.	229
Поход Хулагу-хана	231
Капитуляция Рукн ад-дина	233
Заключение	246
Библиография	250